

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1 • 2018

ISSN: 2310-8681

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мащевич И.М., Орлов В.Н., Антонян Е.А., Зайцев О.А., «Издательство Проспект»

Издатель: «Издательство Проспект»

Главный редактор:

Игорь Михайлович Мащевич, президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Александр Григорьевич Звягинцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Виктор Викторович Аганин, вице-президент Российской криминологической ассоциации, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виктор Владимирович Блажев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Владимир Петрович Буянов, д.э.н., профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Владимир Васильевич Гордиенко, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Андрей Павлович Клемешев, ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, доктор политических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Талгат Есиналиевич Сарсенбаев, заместитель Руководителя канцелярии Премьер-Министра Республики Казахстан, представитель Правительства в Парламенте Республики Казахстан, д.ю.н., профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Георгий Валерьянович Абшилава, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, д.ю.н., профессор, почетный адвокат России (Россия, г. Екатеринбург)

Сергей Сергеевич Аветисян, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения, Уголовная палата кассационного суда Республики Армения, д.ю.н., профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения, г. Ереван)

Елена Александровна Антонян, д.ю.н., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Владимир Михайлович Баранов, профессор Нижегородской академии МВД РФ, д.ю.н., заслуженный деятель науки РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Алексей Владимирович Барков, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Николай Филиппович Болдов, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал-оглы Велиев, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Александр Яковлевич Гришко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу, д.ю.н., профессор (Россия, г. Рязань)

Омрали Шакарарпулы Жалаири, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, д.ю.н., профессор, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана (Республика Казахстан, г. Алматы)

Алексей Николаевич Ильяшенко, председатель Отделения Союза крими-

налистов и криминологов по Южному федеральному округу, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КБГУ»), д.ю.н., профессор (Россия, г. Краснодар)

Николай Григорьевич Кадников, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Бронислав Брониславович Казак, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, д.ю.н., профессор (Россия, г. Псков)

Владимир Викторович Лукьянов, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу, начальник Главного управления по использованию и защите интеллектуальной собственности СПбГУ, к.ю.н., доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

Рубен Валерьевич Маркарян, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Виталий Анатольевич Номоконов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)

Алексей Владимирович Петрянин, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ, д.ю.н., доцент Нижегородской академии МВД (Россия, г. Нижний Новгород)

Алексей Иванович Рарог, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Татьяна Владимировна Редникова, к.ю.н., научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Елена Рафаиловна Россинская, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Светлана Яковлевна Саламова, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Вячеслав Иванович Селиверстов, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.ю.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Рафик Нуруллоевич Халилов, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, доцент кафедры уголовного права КФУ, к.ю.н., почетный работник МВД РФ (Россия, г. Казань)

Уве Хельманн, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. jur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Светлана Викторовна Шевелева, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в г. Курск, декан юридического факультета Юго-Западного университета, д.ю.н. (Россия, г. Курск)

Андрей Викторович Шидловский, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь, к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Ирина Викторовна Шишко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, директор Юридического института Сибирского федерального университета, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Татьяна Владимировна Редникова

Помощник выпускающего редактора:

Елена Вадимовна Бочкарева, ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Почта журнала

crimescience.pro@yandex.ru

Перевод:

Елена Бочкарева, Татьяна Редникова, Рудаковская Елена, Джессика Сторей, Диана Штаге

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2018. — № 1.

М.: Издательство Проспект, 2018. — 192 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в 20.07.2018 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 24 п. л. Тираж 400. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 0.31085/2310-8681-2018-1-192

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1 • 2018

ISSN: 2310-8681

Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevich I. M., Orlov V. N., Antonjan E. A., Zaytsev O.A., "Verlag Prospekt"

Verleger: "Verlag Prospekt"

Der Chefredakteur:

Igor Michailowich Mazkewich, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowich Owchinsky, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wladimir Evgeniewich Eminow, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Oleg Aleksandrowich Zaytsev, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der hohen Berufsbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Aleksandr Grigorjewich Zwyagintsew, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Wiktor Wiktorowich Astanin, Vizepräsident der Russischen Kriminologischen Vereinigung, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Wiktor Wladimirowich Blazheev, Rektor der Moskauer Staatlichen Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften (MSAL), Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Wladimir Petrowich Buyanov, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Wladimir Wasiljewich Gordienko, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Andrej Pawlowich Klemeshev, Rektor der Baltischen Föderalen Universität Immanuel Kant, Doktor der Politikwissenschaften, Verdienter Arbeiter der Hochschule der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Kaliningrad, Russland)

Talgat Esinaliewich Sarsenbaev, stellvertretender Leiter des Büros des Ministerpräsidenten der Republik Kasachstan, Regierungsvertreter in der Republik Kasachstan Parlamentarier, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Georgij Walerianowich Abshilawa, Rechtsanwalt, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vereidigter Rechtsanwalt Russlands (Jekaterinburg, Russland)

Sergik Sergejewich Awetisian, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Armenien, der Strafkammer des Kassationsgerichts der Republik Armenien, Professor der Russisch-armenischen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Erevan, Armenien)

Elena Aleksandrowna Antonjan, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wladimir Mikhailowich Baranov, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Aleksey Wladimirowich Barkov, Professor der Abteilung für gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität unter der Regierung der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Nikolai Fillipowich Bodrov, Dozent am Lehrstuhl für forensische Untersuchung an der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Isakhan Weysale-ogly Weliev, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Baku, Republik Aserbaidschan)

Aleksandr Jakowlewich Grishko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Zentral Föderalen Bezirk Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Rjasan, Russland)

Omrli Shakarapuly Jalairi, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kasachstan, Rektor der Eurasische Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademienmitglied der kasachischen Oberschule, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Uwe Hellmann, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Deutschland)

Aleksey Nikolajewich Iljaschenko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im südlichen Föderalen Bezirk Russlands, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kuban Staatlichen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Krasnodar, Russland)

Nikolai Grigorjewich Kadnikov, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Bronislav Bronislawowich Kazak, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechte Aktivitäten Vorsitzender der Pskov State University, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Pskow, Russland)

Wladimir Wiktorowich Lukyanov, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Sankt Petersburg, Leiter der Hauptverwaltung für die Nutzung und den Schutz des geistigen Eigentums der Staatlichen Universität Sankt Petersburg, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent (Sankt Petersburg, Russland)

Ruben Walerjewich Markarjan, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Moskau, Professor der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Witalij Analoljewich Nomokonov, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Wladiwostok, Russland)

Aleksey Wladimirowich Petryanin, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Nyzhny Novgorod, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent (Nyzhny Novgorod, Russland)

Aleksey Iwanowich Rarog, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Tatjana Wladimirowna Rednikowa, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Elena Rafailowna Rossinskaya, Leiter des Lehrstuhls für forensische Untersuchung der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin (Moskau, Russland)

Sebila Jakubowna Salamowa, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wyacheslaw Iwanowich Seliverstov, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rafik Nurulowich Khalilov, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Privolzhskij Föderalen Bezirk Russlands, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Kazan Federal University, Kandidat der Rechtswissenschaften, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Swetlana Wiktorowna Shewelewa, Leiterin der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kursk, Dekanin der Juristische Fakultät der Süd-West-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften (Kursk, Russland)

Andrei Wiktorowich Shidlowy, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Belarus, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität (Minsk, Republik Weißrussland)

Irina Wictorowna Shishko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Direktor des Instituts für Rechtswissenschaften des Sibirischen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Tatjana Wladimirowna Rednikowa

Redakteur Assistent:

Elena Wadimovna Bochkarewa, Der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)

E-mail: criminsciencence.pro@yandex.ru

Übersetzung:

Elena Bochkarewa, Tatiana Rednikowa, Elena Rudakowskaya, Jessica Storey, Diana Stage

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimscience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2018. – Nr. 1. Moskau: Verlag Prospekt, 2018. – 192 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadzor)

registriert. Eintragungsbeseinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 20.07.2018 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8, Offsetdruck Papier. Druckliste 24. Auflage 400 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 0.31085/2310-8681-2018-1-192

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1 • 2018

ISSN: 2310-8681

Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.A., "Publisher Prospekt"

Publisher: "Publisher Prospekt"

The Editor-in-Chief:

Igor Mikhailovich Matskevich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Oleg Aleksandrovich Zaytsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alexander Grigorievich Zvyagintsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Viktor Viktorovich Astanin, Vice-President of the Russian Criminological Association, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Viktor Vladimirovich Blazheev, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Vladimir Petrovich Buyanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored, Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Vladimir Vasilievich Gordienko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Andrey Pavlovich Klemeshev, Rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Political Sciences, Honored Worker of High School of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Kaliningrad, Russia)

Talgat Esinalievich Sarsenbaev, Vice Head of the Prime Minister's Office the Republic of Kazakhstan, Government Representative in the Republic of Kazakhstan Parliament, Doctor of Law, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Georgiy Valerianovich Abshilava, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Ural Federal District of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Sergiy Sergeevich Avetisian, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Armenia, The Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (Erevan, Armenia)

Elena Aleksandrovna Antonyan, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Mikhailovich Baranov, Professor of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Honored scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Aleksey Vladimirovich Barkov, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Nikolai Fillipovich Bodrov, Assistant Professor of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Isakhan Veysale-ogly Veliev, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Aleksandr Jakovlevich Grishko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Central Federal District of Russia, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia)

Omrali Shakarapuly Jalairi, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Kazakhstan, Rector of the Kunaev Eurasian Law Academy, Doctor of Law, Professor, Academician of the Higher School of Kazakhstan,

Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Uwe Hellmann, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Law Faculty of the Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)
Aleksey Nikolaevich Ilyashenko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Southern Federal District of Russia, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kuban State University, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Nikolai Grigorievich Kadnikov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Bronislav Bronislavovich Kazak, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the North-Western Federal District of Russia, Head of the Organization of law enforcement and human rights activities Chair of the Pskov State University, Doctor of Law, Professor (Pskov, Russia)

Vladimir Viktorovich Lukyanov, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Sankt Petersburg, Head of the Main Directorate for the Use and Protection of Intellectual Property of the Saint Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor (Sankt Petersburg, Russia)

Ruben Valerievich Markarjan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Moscow, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Vitaly Anatolievich Nomokonov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Far-Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor (Vladivostok, Russia)

Alexey Vladimirovich Petryanin, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Nizhny Novgorod, Professor of the Criminal and Criminal-Executive Law Chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Alexey Ivanovich Rarog, Research supervisor of Criminal Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatiana Vladimirovna Rednikova, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, (Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya, Head of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Sebila Jakubovna Salamova, Senior Lecturer of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Vyacheslav Ivanovich Seliverstov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rafik Nurulovich Khalilov, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Assistant Professor of the Criminal Law Chair of Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Svetlana Viktorovna Sheveleva, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Kursk, Dean of the Law Faculty of the South-Western University, Doctor of Law (Kursk, Russia).

Andrei Viktorovich Shidlovsky, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Belorussia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice Dean of the Law Faculty of the Belorussian State University (Minsk, Republic of Belorussia)

Irina Victorovna Shishko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Siberian Federal District of Russia, Director of the Siberian Federal University Law Institute, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of High Professional Education (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Tatiana Vladimirovna Rednikova

Editor's assistant:

Elena Vadimovna Bochkareva, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Translation:

Elena Bochkareva, Tatiana Rednikova, Elena Rudakowskaya, Jessica Storey, Diana Stage

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok 12/50, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2018. – No. 1. – Moscow: Publisher Prospekt, 2018. – 192 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 20.07.2018. Format 60x90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 24. Circulation 400. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 0.31085/2310-8681-2018-1-192

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

*Мацкевич Игорь Михайлович,
Мацкевич Оксана Валерьевна*
Особенности подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы 7

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

Головненков Павел Валерьевич
Превентивные и репрессивные меры по противодействию коррупции в Федеративной Республике Германия..... 29

Деаноска-Трендафилова Александра
Правовые основания для применения анализа ДНК в системе уголовного правосудия..... 49

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

*Захаров Владимир Сергеевич,
Семенов Александр Николаевич*
Мошенничество с использованием банковских карт.....57

*Козодой Анастасия Александровна,
Орлова Анастасия Владимировна*
Практическое применение мер противодействия киберпреступности..... 64

*Речкалова Ольга Олеговна,
Шелихов Дмитрий Игоревич*
Хакеры – герои нашего времени?..... 70

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Степанов Павел Павлович
Становление отечественного законодательства об уголовной ответственности за совершение военных преступлений 77

Шевелева Светлана Викторовна
Уголовно-правовые средства борьбы с сексуальной эксплуатацией 101

КРИМИНОЛОГИЯ

Петровский Антон Владимирович
Преступность и ее предупреждение на курортах Краснодарского края.....106

Петрянин Алексей Владимирович
Направления и особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности: современное состояние и перспективы развития...115

Шестаков Дмитрий Анатольевич
Криминология закона о нравственности и праве противодействия преступности.....124

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Александров Андрей Станиславович
Некоторые проблемы взаимодействия исправительных учреждений с общественными формированиями 133

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Халиуллин Адель Ильфатович
Контроль движения средств на счетах клиентов электронных платежных систем при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий 136

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Россинская Елена Рафаиловна
Судебная экспертология как методологическая основа новых родов и видов судебных экспертиз 140

КРИМИНАЛИСТИКА

Милованова Марина Михайловна
Установление криминалистически значимой информации при расследовании массовых беспорядков 148

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Звягинцев Александр Григорьевич
Жорж де Латур и криминалисты.....154

ИНТЕРВЬЮ

Интервью Николая Павловича Яблокова для криминологического кабинета.....158

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 169

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 171

ABOUT THE AUTHORS 173

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ».....174

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 176

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....185

INHALT

KOLUMNE VON CHEFREDAKTEUR

Matskevich I.M., Matskevich O.V.
Besonderheiten der Vorbereitung der wissenschaftlich-pädagogischen Fachkräfte der höchsten wissenschaftlichen Qualifikation in den Ausbildungs- und Forschungseinrichtungen des Strafverfolgungssystems..... 7

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGEN VERBANDES

Golovnenkov P.V.
Präventive und repressive Maßnahmen zur Bekämpfung der Korruption in der Bundesrepublik Deutschland..... 29

Deanoska-Trendafilova A.
Die Rechtlichen Grundlagen über die Nutzung der DNA-Analyse im System des Strafverfahrens 49

DIE MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE RAUM

Zacharow W.S., Semjonow A.N.
«Kreditkartenbetrug» 57

Kozodoy A.A., Orlova A.W.
Praktische Anwendung von Abwehrmaßnahmen gegen Cyberkriminalität..... 64

Retschkalowa O.O., Shelikhow D.I.
Sind Hacker die Helden unserer Zeit? 70

STRAFRECHT

Stepanow P.P.
Die Geschichte der Entwicklung der russischen Gesetzgebung über die Strafbarkeit wegen der Begehung von Kriegsverbrechen 77

Sheveleva S.W.
Strafrechtliche legale Mittel gegen sexuelle Ausbeutung..... 101

KRIMINOLOGIE

Petrowski A.W.
Kriminalität und ihre Vorbeugung in den Ferienorten der Region Krasnodar 106

Petryanin A.W.
Richtungen und Besonderheiten der Prävention von extremistischen Straftaten: Der aktuelle Zustand und die Entwicklungsperspektiven..... 115

Schestakow D.A.
Kriminologie des Gesetzes über Moral und das Recht, Kriminalität zu bekämpfen..... 124

STRAFVOLLZUGSRECHT

Alexandrov A.S.
Einige Probleme der Interaktion zwischen Justizvollzugsanstalten und öffentlichen Organisationen..... 133

OPERATIONSSUCHAKTIVITÄT

Khaliullin A.I.
Überwachung des Geldflusses auf den Konten der Kunden des elektronischen Zahlungssystems bei der Durchführung von Ermittlungs- und Fahndungsmaßnahmen..... 136

FORENSISCHE GUTACHTERTÄTIGKEIT

Rossinskaya E.R.
Forensische Expertenarbeit als methodische Grundlage für neue Arten und Typen von forensischen Untersuchungen 140

KRIMINALISTIK

Milovanova M.M.
Die Festlegung der forensischen relevanten Informationen bei der Untersuchung der Unruhen..... 148

SCHRIFTSTELLER-PUBLIZIST-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

Zvyagintsev A.G.
Georges de la Tour und Kriminalisten 154

INTERVIEW

Interview von Nikolai Pawlowitsch Jablokow für den kriminologischen Raum..... 158

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 171

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN..... 174

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

<i>Matskevich I.M., Matskevich O.V.</i> Training of scientific and pedagogical personnel in the Universities of the law enforcement system	7
---	---

FOREIGN REPRESENTATIVE OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGIES

<i>Golovnenkov P.V.</i> Preventive and repressive measures to combat corruption in the Federal Republic of Germany.....	29
<i>Deanoska-Trendafilova A.</i> The Legal bases on the use of the DNA analysis in the criminal justice systems	49

MOSCOW CRIMINOLOGY OFFICE

<i>Zakharov V.S., Semenov A.N.</i> Credit card fraud	57
<i>Kozodoy A.A., Orlova A.V.</i> Practical application of responses to cybercrime	64
<i>Rechcalova O.O., Shelikhov D.I.</i> Are hackers heroes of modern times?	70

CRIMINAL LAW

<i>Stepanov P.P.</i> The history of the development of Russian legislation on criminal liability for war crimes.....	77
<i>Sheveleva S.V.</i> Criminally-legal means of struggle against sexual exploitation	101

CRIMINOLOGY

<i>Petrovsky A.V.</i> Crime and its prevention at the resorts of the Krasnodar Region Territory.....	106
<i>Petryanin A.V.</i> Directions and features of extremists crime prevention: the current state and development prospects	115

<i>Shestakov D.A.</i> Criminology of the Law on Morality and the Right to Counteract Crime	124
--	-----

CRIMINAL ENFORCEMENT LAW

<i>Alexandrov A.S.</i> Some problems of interaction between correctional institutions and public organizations.....	133
--	-----

OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

<i>Khaliullin A.I.</i> Monitoring of the funds flow on the accounts of the electronic payment system customers in the implementation of investigation and search operations.....	136
--	-----

FORENSIC EXPERT ACTIVITY

<i>Rossinskaya E.R.</i> Forensic expert activity as a methodological basis for new kinds and types of forensic examinations.....	140
---	-----

CRIMINALISTICS

<i>Milovanova M.M.</i> Detection of forensic information in the investigation of riots	148
--	-----

WRITER-PUBLICIST-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

<i>Zvyagintsev A.G.</i> Georges de la Tour and Criminalists	154
--	-----

INTERVIEW

Interview of Nikolai Pavlovich Yablokov for the criminological room.....	158
---	-----

ABOUT THE AUTHORS	173
--------------------------------	-----

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"	174
--	-----

ANNOTATIONS AND KEYWORDS	185
---------------------------------------	-----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ НАУЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Мацкевич Игорь Михайлович
Мацкевич Оксана Валерьевна

***Цель.** Исследовать особенности российской системы подготовки кадров высшей научной квалификации, особенностью которой является двухуровневая структура ученых степеней. Ученые степени кандидата и доктора наук присуждаются на основании публичной защиты диссертации. Как правило, ученая степень кандидата наук является необходимой предпосылкой для получения докторской степени. По данным Высшей аттестационной комиссии, до получения ученой степени доктора наук проходит в среднем 16 лет после получения ученой степени кандидата наук. Наличие ученой степени является необходимым условием для получения ученого звания. Система ученых званий включает звания доцентов и профессоров, которые присваиваются в соответствии со стандартами ВАК. Указанная система ученых степеней и званий действует также в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительных органов.*

***Методология:** диалектический метод, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Научные исследования в правоохранительной системе должны быть связаны с вероятными вариантами развития науки в правоохранительной системе в условиях развивающегося и усложняющегося гражданского общества. Результаты этих исследований должны быть направлены на реальное ограничение преступности и криминальных правонарушений. Такие исследования должны носить концептуальный характер, иметь в своей основе межведомственные и мультинаучные аспекты. Полученные результаты могут быть использованы для защиты докторской диссертации.*

Научные исследования регионального характера должны быть связаны с отдельно взятой научной проблемой, имеющей прикладной аспект, необходимый для повышения качества в работе какой-либо службы в правоохранительной системе. В этом случае полученные результаты могут стать основой для подготовки кандидатской диссертации.

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает теорию подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации применительно к правоохранительной системе. Выводы, предложенные авторами, могут быть использованы как начальниками образовательных и научно-исследовательских организаций правоохранительной системы, так и учеными широкого профиля, а также при совершенствовании законодательства о научно-педагогических кадрах.*

***Ключевые слова:** аспирант, адъюнкт, преподаватель, ученая степень, ученое звание, диссертация, диссертационный совет, юридическая наука, научно-педагогические кадры, программа, тематика, научное образование.*

Особенности подготовки научно-педагогических кадров в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы обусловлены спецификой их деятельности, а также достаточно широким спектром специалистов, в том числе научно-педагогических кадров

высшей квалификации, которые в этой системе проходят подготовку.

Многие связанные с этим вопросы схожи с теми, которые возникают при подготовке научно-педагогических кадров в образовательных и научно-исследовательских организациях общего профиля. В то же время по отдельным аспектам подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации в правоохранительной системе необходимо учитывать положения федеральных законов, (к примеру, *Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 200*), директивных нормативных правовых документов различных правоохранительных органов, в том числе документов, направленных на исполнение в течение определенного длительного времени (к примеру, *«Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» и др.*).

Новые условия, указывает Н.Г. Кадников, высокие технологии требуют постоянного повышения квалификации педагогов. Среди насущных требований можно выделить следующие направления: усиление работы с курсантами и слушателями в рамках новых технологий; проведение защиты курсовых, дипломных работ публично, с применением презентаций, мультимедиа-программ и т.п. (беда наших курсантов и слушателей, что они не умеют говорить, надо их к этому даже принуждать); проведение постоянных проверок представленных письменных работ на предмет недобросовестного заимствования по всем видам (курсовые, рефераты, конкурсные работы, дипломы, диссертации и т.д.); расширение работы по внедрению в практическую деятельность и учебный процесс самостоятельно разработанных предложений и получение соответствующих актов; участие курсантов и слушателей в различных научных мероприятиях, конкурсных программах, грантах; выявление наиболее талантливых курсантов и слушателей и оказание им помощи в дальнейшем поступлении в адъюнктуру; расширение форм занятий, приближенных к практической деятельности правоохранительных органов, деловых игр, дискуссионных круглых столов» [1, с. 4–5].

Как и для всех иных сфер, базовым законом для подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации в правоохранительной системе является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2002. № 53 (ч. 1) Ст. 7598, далее – Закон об образовании*), в котором регламентированы особенности разработки примерных программ подготовки научно-педаго-

гических кадров в адъюнктуре образовательных и научных организациях правоохранительной системы (ч. 13 ст. 12). Согласно указанной статье, разработку примерных программ подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре обеспечивают органы исполнительной власти и федеральные государственные органы, в которых законодательством РФ предусмотрены военная или иная приравненная к ней служба, служба в органах внутренних дел, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» (*СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2071*) Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков упразднена. Впрочем, как и Федеральная миграционная служба. Функции, выполняемые этими службами, переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации.

Основные профессиональные образовательные программы, реализуемые в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении федеральных государственных органов, разрабатываются на основе требований, предусмотренных Законом об образовании, а также квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников образовательных организаций правоохранительной системы. Указанные квалификационные требования устанавливаются федеральным государственным органом, в ведении которого находятся соответствующие образовательные организации. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по данным образовательным программам устанавливается соответствующим федеральным государственным органом.

Примерные основные программы профессионального обучения, примерные дополнительные профессиональные программы в области обеспечения законности и правопорядка разрабатываются и утверждаются федеральным государственным органом, в интересах которого осуществляется профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование, например, Министерством внутренних дел РФ или Федеральной службой безопасности.

Реализация профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения, предусматривающих в период

их освоения доведение до обучающихся сведений, составляющих государственную тайну, и (или) использование в учебных целях секретных образцов вооружения, военной и специальной техники, комплектующих изделий, специальных материалов и веществ, допускается при создании условий и соблюдении требований законодательства РФ о государственной тайне и нормативных правовых актов федеральных государственных органов, в ведении которых находятся образовательные организации, реализующие соответствующие образовательные программы.

Управление федеральной государственной образовательной организацией, находящейся в ведении федеральных государственных правоохранительных органов, осуществляется в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами федерального государственного органа, в ведении которого находится соответствующая образовательная организация.

В федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении федеральных государственных правоохранительных органов, к числу обучающихся относятся адъюнкты, аспиранты, слушатели, курсанты и студенты.

Федеральные государственные образовательные организации, находящиеся в ведении федеральных государственных правоохранительных органов, предусматривают в части, не противоречащей Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137, далее – Закон о науке, а также Закону об образовании, особенности организации и осуществления образовательной, методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки научно-педагогических кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка.

Однако следует отметить, что до настоящего времени не приняты соответствующие отраслевые законы, уточняющие особенности образовательного процесса в образовательных организациях правоохранительной системы. В связи с этим деятельность образовательных и научно-исследовательских организаций правоохранительных органов в недостаточной мере урегулирована отраслевыми федеральными законами в области аттестации и подготовки научно-педагогических кадров. Об этом свидетельствует крайне низкий удельный вес профильных законодательных, нормативных правовых и ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы подготовки научно-педагогических кадров высшей

научной квалификации для правоохранительной системы.

Следует заметить, что локальный уровень нормативно-правового регулирования подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации для правоохранительных органов, в том числе в системе самих правоохранительных образовательных организаций, представляет собой завершающий этап процесса правового управления ведомственной подготовки таких специалистов. Немаловажно, что при осуществлении данного процесса происходит непосредственная реализация задачи в области аттестации научно-педагогических кадров в системе образовательных и научных организаций правоохранительных органов, что обуславливает значимость нормативно-правового регулирования оценки качества диссертационных исследований и связанных с этим многочисленных вопросов и проблем.

В то же время во многих ведомственных нормативных правовых актах регламентируется подготовка и защита диссертационных исследований. Например, в ст. 34.1 «Подготовка научно-педагогических кадров в системе Следственного комитета» Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ред. от 29 июля 2017 г., СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15), в ст. 43.5 «Подготовка кадров для системы прокуратуры» Федерального закона от 27 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 31 декабря 2017 г., СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 447), в Положении о подготовке научно-педагогических и научных кадров в образовательных учреждениях высшего профессионального образования и научно-исследовательских учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (Утв. приказом Министерства внутренних дел РФ от 7 августа 2003 г. № 610, в ред. от 15 ноября 2005 г., Российская газета, 2003 № 192, 26 сентября), в Положении о подготовке научно-педагогических и научных кадров в таможенных органах Российской Федерации (Утв. приказом Государственного таможенного комитета РФ (Федеральная Таможенная служба) от 18 мая 2001 г. № 464 // СПС «КонсультантПлюс»).

Расформированной в 2016 г. Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков также был подготовлен проект приказа «Об утверждении особенностей организации и осуществления образовательной, методической и научно-исследовательской деятельности в области подготовки кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности

и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, находящихся в ведении ФСКН России» (СПС «Консультант-Плюс»).

Хотя в указанных выше нормативных правовых актах говорится в принципе об одном и том же, закреплено это, как представляется, не системно, из-за чего возможно разное толкование содержащихся в них положений об образовательной и иной связанной с ней деятельностью. Подобная законодательная техника регламентирования присуждения ученых степеней представляется сомнительной.

Исходя из изложенного, можно говорить о в целом завершенной системе нормативных правовых актов, посвященных регламентации аттестации и подготовки научно-педагогических кадров в правоохранительной системе. Таким образом, как минимум, складывается, а возможно, сложилось ведомственное законодательство о порядке присуждения ученых степеней и званий в правоохранительной системе.

Что касается качественной подготовки диссертационных исследований в системе образовательных и научно-исследовательских организаций правоохранительной системы, то они во многих случаях страдают излишней теоретизированностью и оторваны от практических повседневных нужд правоохранительных органов. «Проблема здесь состоит в том, что сфера научного поиска, хотя, быть может, и лучше методически проработана по сравнению с другими видами творчества, но все же поиск остается до сих пор скорее интуитивным, нежели регламентированной профессиональной деятельностью. Регламентируются, в большей степени, ее результаты, овладение же технологиями научной деятельности как бы отдается на откуп самим соискателям — специально этому их почти никто не учит» [2, с. 87].

Отдельного внимания заслуживает вопрос внедрения результатов диссертационных исследований в деятельность правоохранительных органов.

В настоящее время у исполнителей научно-исследовательских работ и проектов различного уровня нет возможности официально направлять законченные научные разработки в печатном виде во все территориальные правоохранительные органы России. В связи с этим представляется целесообразным создание электронных баз данных или библиотек научных исследований в правоохранительной системе.

Еще одна проблема заключается в том, что некоторые руководители органов правоохранитель-

ной системы не рассматривают внедрение и использование научных разработок в деятельности подчиненных служб и подразделений в качестве одной из задач повышения эффективности их функционирования. Такая практика не отвечает реалиям времени и потребностям правоохранительных органов. Направление научных материалов в территориальные правоохранительные органы должно сопровождаться рекомендациями разработчика по их практическому использованию. Необходимо осуществлять авторское сопровождение внедрения научной продукции (проведение занятий с личным составом в системе профессиональной служебной подготовки, консультирование сотрудников по тематике внедряемой научной разработки, анализ результатов ее внедрения, устранение выявленных недостатков проведенного исследования, а также совершенствование созданного научного продукта). Тем самым автор конкретной разработки будет заранее знать, что лично он, и никто другой, отвечает за вопросы ее внедрения.

Иногда приходится слышать, что практические работники правоохранительных органов не очень заинтересованы в тех научных разработках, которые к ним поступают из образовательных и научно-исследовательских организаций правоохранительной системы. Возникает вопрос: может быть, присылаемые научные предложения, что называется, оторваны от действительности, либо носят поверхностный, неглубокий характер и в силу этого не могут быть применены на практике или либо практические работники не хотят никаких нововведений и предпочитают работать по сложившимся схемам, рассматривая высказываемые научные предложения как трудно претворяемые в практическую деятельность? Во всяком случае, приходится признать, что анализ реализации разрабатываемых в правоохранительной науке диссертаций, очевидно, не проводится. Из-за этого правоохранительные образовательные и научно-исследовательские организации часто создают никому не нужные диссертационные исследования.

Говоря о более конкретных моментах аттестации и подготовки научно-педагогических кадров, следует остановиться на проблеме обсуждения диссертаций на кафедральном уровне (на уровне отделов). Кафедры в образовательных организациях правоохранительных органов в последние годы существенно снизили свой научный потенциал. На некоторых из них работают один-два доктора наук, не всегда являющиеся специалистами по теме обсуждения диссертации. Ситуа-

ция при оценке докторских диссертаций, соответственно, еще более сложная.

В законодательстве данный вопрос не урегулирован. Представляется, что было бы правильным закрепить в ведомственных нормативных правовых документах правила, предусматривающие наличие при оценке (обсуждении) на кафедре (на уровне отделов), например, кандидатских диссертаций – не менее трех докторов наук, из которых не менее двух по специальности, по которой подготовлена диссертация, а докторских диссертаций – не менее пяти докторов наук, из которых не менее трех по специальности. Они должны работать на данной кафедре или, в исключительных случаях, быть приглашенными на такое обсуждение.

Таким образом, анализ нормативных правовых актов, принятых в правоохранительных органах, свидетельствует, что этими актами регулируются, главным образом, общие вопросы организации научно-исследовательской работы. Меры же, обеспечивающие организационное качество проведения диссертационных исследований, их соответствующую оценку, отсутствуют или в лучшем случае носят рекомендательный характер. В то же время некоторые авторы полагают, что существует необходимость в нормативном регламентировании качественного проведения диссертационных исследований в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы.

Специфика работы в правоохранительной системе во многом обусловлена директивными предписаниями, что (хорошо это или плохо - вопрос спорный) касается, в том числе образовательной и научно-исследовательской деятельности. Ученые и научные сотрудники образовательных и научно-исследовательских организаций правоохранительной системы привыкли выполнять приказания и оформлять результаты своей работы в виде определенным образом структурированных отчетов, в которых довольно жестко прописаны максимально возможные показатели, включая показатели о качестве проводимых научных исследований.

Например, С.В. Маркелов считает, что в этом направлении требуют совершенствования следующие организационные механизмы проведения научных исследований в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы: а) структура образовательной подготовки адъюнктов, в которую необходимо включить дополнительные дисциплины по выбору, в том числе практикум по научному менеджменту,

научно-практические курсы по написанию научных статей и представлению научных результатов, а также наполнить более глубоким содержанием теоретические курсы по статистической обработке результатов исследований и постоянно совершенствовать программу изучения современных информационных технологий; б) система научного руководства адъюнктами и соискателями ученых степеней, которая должна стать более современной и гибкой; в) работа по организации постоянно действующих методологических семинаров по обсуждению диссертационных исследований докторантов и адъюнктов [3, с. 10].

В настоящее время в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы действует система диссертационных советов и специальных диссертационных советов. Их общее число, очевидно, связано с потребностью правоохранительных органов и правоохранительной практики в научных изысканиях и научно-педагогических кадрах. При этом наблюдается парадоксальная ситуация, когда в условиях многократного роста числа лиц с ученой степенью кандидата и доктора наук некоторые образовательные и научно-исследовательские организации правоохранительной системы испытывают острую нехватку квалифицированных кадров. Такое положение дел вызывает удивление.

Решение о необходимом и достаточном числе диссертационных советов в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы, как представляется, должно согласовываться с руководителями соответствующих ведомств путем прямых контактов с руководством Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ и окончательно определяться экспертным светом соответствующей отрасли науки с последующим утверждением Президиумом ВАК на определенный период времени.

Ответственность за качество работы диссертационных советов, включая качество подготовки научно-педагогических кадров, а также вопросы аттестации ученых, целесообразно возложить на головные ведущие образовательные и научно-исследовательские организации правоохранительной системы. Роль и значение этих научных и научно-исследовательских организаций сложно переоценить. Очевидно, что головных вузов не может быть много. Их перечень определяется номенклатурой специальностей, но именно этим организациям следует поручить утверждение, например, тем диссертаций, находящихся в разработке, а также осуществлять заказ новых, востре-

бованных практикой и наукой тем для будущих научных изысканий. В этих организациях должен находиться информационный банк данных обо всех диссертациях, защищенных по тем или иным закрепленным за ними направлениям.

Кроме того, головные ведущие образовательные и научно-исследовательские организации правоохранительной системы должны разрабатывать с экспертными советами ВАК предложения о внесении новых кандидатур в число лиц, которые могут быть официальными оппонентами, заниматься мониторингом образовательных и научно-исследовательских организаций, которые могут выступать в качестве ведущих при оценке качества завершенных диссертационных исследований, причем не только из числа образовательных организаций правоохранительной системы.

Таким образом, головные ведущие образовательные и научно-исследовательские организации правоохранительной системы должны стать активными помощниками и советниками экспертных советов ВАК по соответствующей отрасли науки. Бремя отнесения образовательных и научных организаций к головным ведущим следует возложить на Президиум ВАК [4, с. 32; 5, с. 125].

Следует поддержать позицию ученых, по мнению которых, тенденцией последних лет стало усиление позиций образовательных организаций как основных поставщиков научной продукции [6, с. 99].

Нередко деятельность по координации и взаимодействию научных исследований и изысканий на практике сводится к учету тем диссертационных исследований и фактов защиты кандидатских диссертаций, с точки зрения логики научного развития поставленных на «конвейер». С этим необходимо бороться всеми возможными и допустимыми средствами.

В современных условиях развития общества, одной из важнейших составляющих которых являются различные криминологические проявления, предстоит максимально полно выявлять преступления и обеспечивать эффективное реагирование на них, в том числе на причины их совершения, со стороны системы правоохранительных органов с момента получения данных о совершенном преступлении до применения установленных законом мер к лицу, его совершившему. Нельзя отрицать сложность этой деятельности, необходимость решения не только собственно правовых, но и организационно-управленческих задач оптимизации структуры и всей системы правоохранительных органов, а если смотреть более широко – системы уголовной юстиции.

Вместе с тем, следует постоянно акцентировать внимание на необходимости осуществления повседневной деятельности правоохранительных органов государства по борьбе с преступностью. В криминологии считается общепризнанным, что преступность – это, прежде всего, социальное явление, и противодействовать ей можно только при надлежащем взаимодействии всех представителей гражданского общества. В этот процесс противодействия преступности, естественно, включено и государство в виде функционирования системы правоохранительных органов. Нет необходимости убеждать в увеличивающейся опасности преступности, причем не только для России, но и для всего мира. В этих условиях речь идет не только и не столько о ее предотвращении и пресечении, а в устранении причин возникновения преступных проявлений. Преступность «отомрет» там и тогда, где и когда перестанут совершаться новые преступления и в криминальную орбиту перестанут вовлекаться новые люди. Составной частью работы в указанном направлении является постоянное совершенствование аттестации и подготовки научно-педагогических кадров правоохранительных органов.

В связи с этим требуется решение ряда проблем, сложных не только для научного исследования, но и для реализации получаемых выводов. Учитывая это, необходимо прежде всего уточнить основную парадигму в научной и практической сферах деятельности правоохранительных органов: фактическая преступность – не просто нарушения уголовного закона, а часть огромного феномена социальных отклонений [7, с. 77; 8, с. 91], из которых в соответствии с нормами права выделяется определенная видимая часть, но правоохранительные органы в то же время должны реагировать на всю преступность, в том числе и латентную.

Преступность и криминальные правонарушения в контексте социального контроля всегда были важной частью правоохранительной науки. На основе анализа реальных механизмов изменения количественных и качественных характеристик преступности и криминальных правонарушений будут разрабатываться как крупномасштабные, вплоть до общенациональных, программы ограничения преступности и криминальных правонарушений, так и региональные.

Таким образом, на основании изложенного можно предложить общую классификацию научной деятельности в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы.

1. Научные исследования, связанные с вероятными вариантами развития науки в правоохранительной системе в условиях развивающегося и усложняющегося гражданского общества.

Важной составляющей этих процессов должно стать реальное ограничение преступности и криминальных правонарушений на основе научно-прикладных исследований и разработки программ социального контроля за ними. Эти исследования, как представляется, должны носить концептуальный характер, а их основу составлять межведомственное и мульти научное взаимодействие, а потенциальные результаты – иметь выход на общетеоретический уровень.

Условно назовем такие исследования фундаментальными – их сложно претворить в жизнь, но они имеют важное значение для развития науки.

2. Научные исследования регионального характера или отдельно взятой научной проблемы, имеющей, в том числе, прикладной аспект, необходимый для повышения качества в работе какой-либо службы в правоохранительной системе.

Условно назовем такие исследования теоретико-прикладными, которые могут быть важны как для продолжения теоретических изысканий, так и для решения практических задач либо в определенной области правоприменения, либо на определенной территории (в том или ином регионе).

3. Научные исследования прикладного характера.

Такие исследования направлены на решение конкретной, значимой для правоохранительной деятельности задачи.

Исследования первой группы могут быть как уровня докторской, так и уровня кандидатской диссертации. Второй группы могут быть как уровня докторской, так и кандидатской диссертации. В третьем случае достаточно проведения исследований на уровне кандидатской диссертации.

Разумеется, представленная классификация, как и любая другая, является условной, но с ее помощью можно ориентировать исследователей и соискателей ученых степеней на внутреннюю оценку планируемых научных изысканий.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости совершенствования оценки качества диссертационных исследований по правоохранительной тематике, а также более четкого нормативного регулирования вопросов обеспечения и организации диссертационных исследований.

Особенность отечественной системы подготовки научно-педагогических кадров или кадров высшей научной квалификации заключается в наличии двухуровневой структуры ученых

степеней – кандидата и доктора наук, которые присуждаются на основании публичной защиты диссертации, подготовленной соискателем. Как правило, ученая степень кандидата наук является необходимой предпосылкой для получения докторской степени. При этом далеко не каждый кандидат наук становится доктором наук. Согласно результатам анализа статистической информации ВАК, в среднем между получением ученой степени кандидата наук и защитой докторской диссертацией проходит 16 лет. Если же говорить о том, сколько кандидатов наук в дальнейшем становятся докторами наук, то их число, по самым приблизительным оценкам, составляет не более 3%.

Конечно, пройдя трудный путь к получению ученой степени кандидата наук, не всякий захочет повторить этот научный подвиг на более высоком теоретическом уровне. Впрочем, и не каждый на это способен.

Поэтому двухступенчатая система присуждения ученых степеней выполняет, помимо прочего, важную роль общественного социального научного фильтра. Отказ от нее, во всяком случае на современном этапе, неизбежно приведет к огромному количеству псевдодокторских диссертаций и к общему падению качества диссертационных исследований.

Наибольшее количество защит диссертаций в правоохранительной системе происходит по техническим наукам, что, как представляется, отражает специфику современной инновационной науки и соответствует велению времени. Очевидно, что потребности общества сегодня зависят от решения технических задач. Стремительное развитие индустриализации, компьютеризации, робототехники требует должного научного сопровождения. Гуманитарные исследования на этом этапе, видимо, на какое-то время должны отойти назад. Впрочем, это не означает, что исследования в этой области знаний следует прекратить.

Примечательно, что наибольшее число диссертационных работ по гуманитарным наукам пишется и защищается в гражданских образовательных организациях. И эти знания сегодня, как было сказано выше, безусловно, определяют общее приращение научных знаний в мире.

На наш взгляд, количественное и качественное соотношение защит диссертационных исследований по различным направлениям отраслей научных знаний в диссертационных советах в правоохранительной системе более объективно отражает потребности современной науки.

Представляется, что не только для правоохранительной науки, но и для науки в целом

было бы полезно провести мониторинг того, как формируются заказы на закрытые темы научно-исследовательской работы в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы и учитывать это в деятельности других образовательных и научно-образовательных организаций, необходимым образом приспособивая их к нуждам современной действительности в области подготовки кадров высшей квалификации. Заказ на научные разработки – слабое место отечественной науки. Нередко диссертации пишутся на неактуальные темы, а вызовы времени остаются без необходимого научного сопровождения.

Ученые степени являются должными предпосылками для получения ученых званий, система которых функционирует параллельно, но не автономно. Система ученых званий состоит из званий доцентов и профессоров, присваиваемых в соответствии со стандартами ВАК. Существуют также такие звания, как ассистент, преподаватель и старший преподаватель, которые в современных условиях фактически приравнены к преподавательским должностям. Интересно, что на эти должности назначаются преподаватели, как имеющие ученые степени (чаще всего), так и не имеющие таковых.

Кроме того, в научных организациях существует еще система должностей научных работников (сотрудников). Данная классификация сохранилась еще с советских времен и, к сожалению, не соответствует сегодняшним требованиям. На наш взгляд, следует поставить вопрос о формировании новой универсальной системы ученых званий: от аспиранта до профессора. При этом если ученый фактически занимается и преподавательской, и научной деятельностью, он может одновременно быть, скажем, и преподавателем, и научным сотрудником. Это лишь подчеркнет его профессиональную значимость.

Высшим и преподавательским, и научным званием должно являться звание профессора. Не вступая в полемику о важности и значимости звания академика, заметим, что следует, по нашему мнению, обратить внимание на принципиально неверное и опасное решение о невключении понятия «профессор» в проект закона о науке.

С точки зрения ряда исследователей, необходимость наличия ученой степени для ученого в качестве обязательного условия его профессиональной деятельности не бесспорна. В качестве аргумента они ссылаются на то, что защита диссертаций представителями технических наук, чьи исследования и разработки, как правило, связа-

ны с решением практических задач, не такое уж частое явление по сравнению с представителями гуманитарных наук в силу нехватки времени на ее подготовку, а также по причине отсутствия каких-либо привилегий, преимуществ и важных дополнительных мер социальной поддержки, обусловленных наличием ученой степени.

Нельзя сбрасывать со счетов и возможность кражи (хищения) интеллектуального продукта, который автор диссертации вынужден публиковать в своей работе. Получая ученую степень, он, как это ни парадоксально звучит, лишается серьезных материальных благ.

Примечательно, что несколько лет назад в США практически все высшие учебные заведения отказались от присуждения ученых степеней ученым-правоведам. Объясняется это отсутствием в диссертационных исследованиях юристов новых прорывных идей и большим количеством компиляций в работах, выносимых на защиту.

Первая ученая степень – кандидат наук, может быть присуждена по итогам защиты диссертационного исследования, подготовленного в результате: а) прохождения послевузовской программы подготовки (аспирантуры/адъюнктуры); б) проведения независимого послевузовского исследования (соискательство). Примечательно, что 38,9% всех защитивших кандидатскую диссертацию использовали именно форму соискательства.

Попутно заметим, что в настоящее время институт соискательства фактически подменен правилами прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, в соответствии с которыми не требуется даже формального назначения научного руководителя, – достаточно лишь написать соответствующее заявление и сдать кандидатские экзамены (*приказ Минобрнауки России от 28 марта 2014 г. № 247 «Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня», зарегистрирован в Минюсте России 05 июня 2014 г. № 32577*). Но, как можно должным образом подготовиться к кандидатским экзаменам – главным экзаменам в научной жизни молодого ученого, не имея при этом наставника из числа опытных профессоров?

Обе формы присуждения ученой степени кандидата наук предполагают подготовку и защиту диссертации.

Подготовка к получению ученой степени доктора наук, также требует: а) прохождения послевузовской программы подготовки (докторантура) (*постановление Правительства РФ от 4 апреля 2014 г. № 267 «Об утверждении Положения о докторантуре» // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1759*);

б) подготовки независимого докторского исследования (соискательство). Эту форму предпочли 54,5% лиц, защитивших докторскую диссертацию.

Следует отметить, что популярность соискательства по сравнению с традиционными формами подготовки кадров высшей квалификации в России растет. Наибольшее число соискателей – в технических, экономических и педагогических отраслях знаний, где высока доля прикладных исследований и исследований, ориентированных на практическое применение.

При этом понятие «научное образование» до настоящего времени надлежащим образом не разработано. Между тем подготовка кадров высшей квалификации не может быть достигнута путем простого обучения. Это должно быть особое, научное обучение, при котором основатель и руководитель той или иной научной школы имеет возможность приобщить своего ученика к нюансам собственного научного мышления и образа действий, которые не могут быть ни формализованы, ни признаны неким ноу-хау. Это научное образование возникает только при идейном слиянии научного учителя и ученика.

В то же время институт соискательства как форма подготовки диссертационных исследований должен применяться очень аккуратно, если речь идет об общественно-гуманитарных областях знаний. Руководителям различного уровня, в том числе в правоохранительной системе, бывает трудно удержаться от соблазна использовать так называемый административный ресурс и труд находящихся в их подчинении сотрудников для подготовки своей диссертации и выхода, минуя, соответственно, аспирантуру (адъюнктуру) или докторантуру.

Что касается одной из наиболее распространенных специальностей в правоохранительной системе – юриспруденции, то необходимо признать, что за последнее двадцатилетие наметился ряд негативных тенденций: во-первых, снижение качественного уровня защищаемых кандидатских и докторских диссертаций; во-вторых, сокращение числа ученых-юристов, а также – и это главное – изменение структуры их возрастного состава: средний возраст доктора наук, профессора составляет более 60 лет. Одновременно соотношение защищаемых докторских диссертаций к кандидатским составляет 1:9,6, а число защищенных диссертаций по специальности 12.00.03 по отношению к остальным 12 специальностям составляет 29% [9, с. 23].

При этом ученых уровня В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой,

Б.В. Здравомыслова становится все меньше. В данном случае мы говорим только об ученых, занимавшихся уголовно-правовой наукой. Но были среди юристов и выдающиеся ученые в области государственного, гражданского, семейного, трудового права – О.Е. Кутафин, В.А. Рясенцев, А.Д. Зайкин, К.Н. Гусов и многие-многие другие. Всех их перечислить невозможно. Главное, что сегодня система преемственности подготовки кадров высшей квалификации, увы, если и не прервалась, то, во всяком случае, пробуксовывает. Не случайно из 29 900 профессоров в Российской Федерации по всем научным отраслям знаний, более половины – в возрасте старше 60 лет. Это, на наш взгляд, тревожный сигнал. В самое ближайшее время мы рискуем оказаться в ситуации «профессорского кризиса». В свое время страна с большим трудом пережила катастрофу, связанную с законодательной ликвидацией званий профессоров в 1917 г. (*Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11(24) ноября 1917 г. // Декреты советской власти: Сборник документов, М., 1957. Т. 1. С. 71–72.*), вследствие чего предпринимались «пожарные» меры по формированию так называемой «красной профессуры».

Примечательно, что в процессе реализации Болонской декларации (напомним, что в 2003 г. Россия присоединилась к так называемому Болонскому процессу, целью которого является, в частности принятие системы сопоставимых степеней, а также содействие европейским воззрениям о высшем образовании в области развития учебных планов, научная мобильность и т.п.) мы пока «добились» лишь снижения качества подготовки кадров высшей квалификации. При этом многие кандидатские диссертации, по своему качеству нередко приближаются к студенческим выпускным дипломным работам, а докторские соответствуют уровню кандидатских.

Если говорить о подготовке юристов, то значительное число дипломных работ выпускников юридических образовательных организаций носит явно компилятивный характер. Только 5–7% из них могут быть признаны действительно самостоятельными, творческими, с элементами научной основы. Во многом такая ситуация обусловлена не только общим снижением уровня подготовленности абитуриентов, но и снижением качественного и количественного состава руководителей дипломных работ. Как это ни удивительно, но чем больше возрастает педагогическая нагрузка на доцента и профессора, тем меньшее количество часов за нее дают. В итоге на одного доцента или профессора все чаще приходится руководство

10 и более дипломными работами, а не менее 10% руководителей таких работ вообще не имеют ученой степени и звания [10, с. 11] и нет оснований полагать, что в ближайшее время ситуация изменится в позитивную сторону.

Первостепенной задачей, с нашей точки зрения, является создание и обеспечение эффективного функционирования комплексной системы подготовки высококвалифицированных специалистов на всех уровнях. Решение этой непростой задачи связано с укреплением следующих основных блоков (составляющих, элементов) предлагаемой нами системы качественной подготовки студентов, курсантов и слушателей, а также соискателей, аспирантов, адъюнктов и докторантов как представителей элиты правоохранительной системы и элиты общества в целом, и предполагает следующие поэтапные шаги.

1. Формирование в образовательных и научных исследовательских организациях в правоохранительной системе высококвалифицированного научного (профессорского) и преподавательского коллектива.

Важно подчеркнуть, что должен быть сформирован коллектив, но аналогичный понимаемому традиционно неправильно профессорско-преподавательскому составу. Это должен быть коллектив единомышленников, сочетающий ядро зрелых опытных профессоров, доцентов, старших и младших научных работников (сотрудников), формирующий под их прямым и непосредственным руководством молодую смену преподавателей, старших преподавателей, ассистентов и научных работников (сотрудников) посредством работы с аспирантами/адъюнктами и перспективными докторантами.

2. Обеспечение на практике, а не на бумаге действенной подсистемы повышения квалификации всего профессорского коллектива на регулярной основе на федеральном или, по крайней мере, межрегиональном уровнях, но обязательно на базе ведущих университетов и научных исследовательских организаций страны. Часть такой многоступенчатой подсистемы с разной степенью эффективности действует сегодня, часть должна быть создана. Главное, что эта подсистема повышения квалификации должна эффективно функционировать.

В ее рамках будет формироваться база для пополнения резерва ведущих преподавателей, научных работников (сотрудников), руководителей кафедр, факультетов, научных и образовательных организаций.

3. Все большее значение, особенно в настоящее время и на ближайшую перспективу, приобретают

вопросы материального обеспечения и морально-стимулирования как отдельных преподавателей и ученых всех уровней, так и профессорского коллективов в целом.

В советское время существовала практика награждения за научные и производственные заслуги того или иного коллектива, с вручением наград, специального знамени и премий, что тоже очень важно. Естественно, осуществляться это должно в строгом соответствии с реальным вкладом каждого ученого в общее дело. Результатом такой работы должны стать достойные и адекватные заработная плата и доплаты к ней, премии и социальные кредиты, обеспечение жильем, предоставление иных мер социальной поддержки, например, полноценного отдыха, причем не только в виде ежегодного отпуска, но и после окончания обычного рабочего дня. На одной из конференций от одного из руководителей правоохранительной системы пришлось услышать, что «настоящему профессору вообще ничего не нужно, кроме свечи и ручки». Не удивительно, что при таком отношении к профессорам их уровень из года в год падает.

Выше уже называлось общее число профессоров в стране – 29 900. Это очень мало, особенно если учитывать, какие задачи время, общество и государство перед ними ставит. Неужели для этих людей нет средств для предоставления им нормальных условий для работы? Особенно остро этот вопрос стоит, если вспомнить, сколько получают управленцы средней руки в государственных корпорациях топливно-газовой системы.

4. Особое значение приобретает и создание максимально эффективной, а главное, объективной системы оценки работы ученых. Осознавая, что в современных условиях вряд ли возможно предложить целостную и сверхобъективную систему оценки как научной, так и педагогической деятельности профессора, можно сначала поэтапно внедрять отдельные ее элементы, например: а) четкую фиксацию личного (включая видео фиксацию, интернет-конференции) участия в работе конференций, конгрессов, семинаров, круглых столов; б) учет различных индексов цитирования; в) международные публикации в известных журналах; г) международное признание со стороны зарубежных коллег; д) рейтинг признания со стороны аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей.

Так, для претендентов на присуждение ученой степени кандидата юридических наук таких подтвержденных выступлений с научными сообщениями на межрегиональных, республиканских

или международных конференциях должно быть не менее двух-трех, а докладов для соискателей ученой степени доктора юридических наук — не менее 10–12. Подобный формальный подход необходим, исходя из известной максимы «старой» профессорской школы: «заговори, чтобы тебя увидели». Выступления на научных конференциях обязательно должны указываться в автореферате в перечне публикаций как апробация результатов научного исследования. Нередко бывает, что соискателя ученой степени кандидата юридических наук, а иногда даже соискателя ученой степени доктора юридических наук, научная общественность не знает «в лицо». Как бы критически не относиться к советской аттестации научных и педагогических кадров, но такого в то время просто не могло быть. Скорее наоборот, всех тех, кто «стоял в очереди и ждал своего часа», чтобы попытаться защитить диссертацию (особенно докторскую), знали поименно.

В этой связи предлагается в соответствующих сборниках научных статей делать отметку о непосредственном (а не формальном) участии того или иного автора в работе конференции. Было бы полезно, кроме того, широко использовать современные возможности интернет-телевидения (интернет-пространства в целом).

В то же время для ученого, и особенно, как ни странно это может прозвучать, молодого ученого, важно доверие. Поэтому в основу оценки его достижений должны быть положены не только критерии, но и принцип, который условно можно сформулировать как — «доверяю всему, до первого обмана». Как только ученый (любого уровня) допустил небрежность в оформлении своих достижений, а тем более обман и фальсификацию, он должен быть подвергнут самому суровому ostracismu со стороны всего научного сообщества.

5. Параллельно необходимо продолжать совершенствовать складывающуюся систему, стимулирующую постоянный научный рост ученого, в том числе и после того, как он защитил диссертацию. Полученные ученая степень и ученое звание не должны позволять получившему их лицу пожизненно «почивать на лаврах» (что нередко имеет место до настоящего времени). Если в течение трех (максимум пяти) лет ученая степень не будет подтверждена проводимыми научными исследованиями, соответствующими публикациями и выступлениями на конференциях различного уровня (межрегиональных, республиканских и международных) и индекс цитирования автора не увеличится, а, возможно, даже упадет, то такой ученый не может соответствовать определенной

педагогической или научной должности и получать соответствующую зарплату. Это может прозвучать излишне радикально, но не пришло ли время использовать институт аттестации научных и педагогических кадров не только для присвоения ученых званий, но и для рассмотрения вопроса об отстранении от должности профессора или доцента или о понижении его в должности? Может быть, настало, наконец, время правомерности присвоения ученого звания на основании проведения дополнительной процедуры оценки (в том числе и экспертной) результатов его научной деятельности, а не автоматического признания соответствия его занимаемой должности на основании формальных критериев? Может быть, стоит подумать о введении специального реестра действующих ученых? И начинать можно было бы с образовательных и научных исследовательских организаций правоохранительной системы.

В то же время нельзя отказываться от опыта старой (в прямом смысле этого слова) профессуры. Для таких лиц следует придумать формы эффективной передачи их опыта, создать некий ареопаг профессоров, причем на федеральном уровне.

Состоявшийся в 1 февраля 2018 г. в Москве (в Российском университете дружбы народов) Первый профессорский форум вполне мог бы заняться постановкой и обсуждением и этого вопроса.

6. Отбор по точным, прозрачным и максимально определенным критериям качественного состава студентов, курсантов, аспирантов, адъюнктов и докторантов. Несоблюдение на практике такого подхода привело к тому, что хотя число юристов год от года и неуклонно росло, качество их подготовки в основе своей неуклонно падало, причем вследствие как низкого уровня преподавания, так и слабой мотивированности обучающихся.

Общая интеллектуальная подготовка курсантов в целом настолько низкая, что повысить ее уровень за время обучения в образовательной организации правоохранительной системы не представляется возможным.

Следует с сожалением констатировать, что появились и продолжают появляться люди, в том числе в юридической науке, которых объединяет одно общее качество — невежество, причем, как правило, невежество воинствующее. В результате мы все чаще сталкиваемся со случаями откровенной недобросовестности и не порядочности со стороны как части студентов, курсантов, а также преподавателей, их обучающихся, так и молодых специалистов и даже ученых. Нередко последние

не гнушаются с помощью примитивной компиляции или грубого заимствования, что, с точки зрения формального подхода, должно считаться плагиатом, т.е. уголовно наказуемым деянием (ст. 146 УК РФ), а также путем иных неблагоприятных способов и технологи, «достичь» ученых степеней, званий, должностей и получить якобы научное признание.

Увы, сложившейся ситуации мы во многом обязаны непродуманному использованию Единого государственного экзамена. Монополия учета данных ЕГЭ при поступлении в образовательную организацию привела к тому, что детей в школах просто перестали учить. Их начинают «натаскивать» на тесты по ЕГЭ едва ли не с первого класса.

К чему это приведет в дальнейшем, хорошо видно на примере США. Когда несколько лет назад там провели школьную реформу и стандарты школьного образования были существенным образом переработаны, оказалось, что в стране нет школьных преподавателей, которые в состоянии обучать детей в соответствии с новыми требованиями. Выяснилось, что школьные учителя сами плохо образованы.

7. Необходимо продолжить интенсификацию научной исследовательской работы научных работников, аспирантов, адъюнктов, преподавателей, студентов, а также ученых, что невозможно без соответствующего уровня организации их труда. В свою очередь, это невозможно без подготовки высококвалифицированных, всесторонне развитых специалистов.

Особую значимость сказанное выше приобретает по отношению к подготовке будущих юристов, так как их качественное обучение нельзя осуществить без развития навыков самостоятельной творческой работы. При этом большая часть профессоров не обращает внимания на формальное соблюдение типового набора компетенций, предусмотренных учебными планами. Однако их соблюдение еще ни разу не привело к росту качества знаний.

Важно, чтобы курсанты принимали активное участие в действительно самостоятельной работе кружков. Кроме того, их следует привлекать к работе в проблемных и тематических группах, научных лабораториях, криминологических кабинетах, во временных творческих научных коллективах, призванных, в первую очередь способствовать развитию системы качественной подготовки будущих юристов в целом, а также научных и педагогических кадров высшей квалификации в частности.

8. ВАК не должна оставаться в стороне от решения этих, а также других вопросов. Обеспечение государственной научной аттестации (ст. 6.1 Закона о науке) предполагает: а) выработку соответствующих рекомендаций; б) анализ защищенных диссертаций; в) проведение научных экспертиз. Кроме того, ВАК вносит в Министерство образования и науки РФ предложения о проведении мероприятий, связанных с государственной научной аттестацией.

Самостоятельное значение, в свете вышесказанного, имеет аспирантура. Большой ошибкой было отнесение Законом об образовании аспирантуры к уровню образования (в соответствии со ст. 108 данного Закона аспирантура – шестой уровень высшего образования), что на практике привело к фактическому отказу ВАК от какого бы то ни было влияния на принятие программ обучения в аспирантуре, а также от дискуссии о том, чем должно завершаться обучение в аспирантуре и, в том числе, о роли и месте диссертационного исследования в системе обучения в аспирантуре.

Кстати, в Закон об образовании более 30 раз вносились изменения в различные статьи, что свидетельствует о низком качестве его подготовки и ранее допущенных системных ошибках при его принятии.

Аспирантура – не обучение. Во всяком случае, не обучение подобно студенческому и даже магистерскому. Это научная подготовка будущего исследователя, даже если в дальнейшем это человек не посвятит себя науке. Прививаемые в аспирантуре умения и навыки исследовательской работы оказывают неоценимую помощь в расследовании преступлений, в профилактике преступности, в создании рабочих групп по предложениям о совершенствовании правоохранительной системы страны.

Наивысшей стадией работы системы по подготовке специалиста в правоохранительной системе должно стать безусловное умение и стремление к постоянному самосовершенствованию. Очевидно, что такое стремление также требует морального и материального стимулирования. Но, помимо прочих достоинств, формирует великий навык вовремя «уходить», предоставляя освободившееся место молодым последователям. Как сказал когда-то известный певец Л. Утесов: «Лучше уйти на три года раньше, чем на год позже».

Внедрение рассмотренной комплексной системы будет не только способствовать повышению уровня знаний, получаемых обучаемыми, но и обеспечивать их более сознательный подход к профессиональной ориентации, выбору специа-

лизации и, в конечном итоге, к определению своего места как в системе юриспруденции в целом, так и в правоохранительных органах страны или в научных и исследовательских и иных структурах.

Организации, которые занимаются образовательной и научной деятельностью, в том числе в правоохранительной сфере, осуществляют ее по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и адъюнктуре на основании лицензии и свидетельств о государственной аккредитации (ст. 59, 90, 91, 92 Закона об образовании, в ред. от 29 декабря 2017 г.).

Обучение лиц, зачисленных в аспирантуру и адъюнктуру образовательных или научных организаций, производится в соответствии с федеральными государственными требованиями к структуре основной профессиональной образовательной программы послевузовского профессионального образования для обучения в аспирантуре и адъюнктуре (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 16 марта 2011 г. № 1365 // *Российская газета*. 2011. 17 мая. — Документ утратил силу), и Положением о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в Российской Федерации (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 27 марта 1998 г. № 814).

Данное Положение с 1 сентября 2013 г. применяется постольку, поскольку не противоречит Закону об образовании или издаваемым в соответствии с ним иным нормативными правовыми актам (например, постановление Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 «Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней» // *СЗ РФ*. 2002. № 6. Ст. 580; постановление Правительства РФ от 29 марта 2002 г. № 194 «Об утверждении Положения о порядке присвоения ученых званий» // *СЗ РФ*. 2002. № 146. Ст. 1302).

Лицам, завершившим обучение в аспирантуре или адъюнктуре и защитившим диссертацию присуждается ученая степень и выдается соответствующий документ государственного образца об ученой степени (диплом кандидата наук). Не защитившим кандидатскую диссертацию выдается удостоверение о сданных кандидатских экзаменах установленной формы.

После того, как аспирантура (адъюнктура) стала уровнем образования, не утихают споры о том, чем должно завершиться обучение. Предпринимались даже попытки оспаривания соответствующего положения приказа Министерства образования и науки РФ от 13 февраля 2014 г. № 112 «Об

утверждении Порядка заполнения, учета и выдачи документов о высшем образовании и о квалификации и их дубликатов», согласно которому юридически значимым фактом, свидетельствующим об окончании аспирантуры, является итоговый документ о сдаче итоговой аттестации, а не защита диссертации (*апелляционное определение Верховного Суда от 20 сентября 2016 г. об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 14 июня 2016 г., которым было отказано в удовлетворении заявления о признании данного приказа частично недействующим*).

Сданные кандидатские экзамены имеют непосредственное отношение к будущей защите диссертации (без них невозможно выходить на защиту, документ о том, что они сданы, должен иметься в аттестационном деле, которое в дальнейшем будет направлено в ВАК), и в меньшей степени к обучению в аспирантуре (адъюнктуре), в которой они являются только промежуточным этапом для сдачи предстоящих итоговых выпускных экзаменов. Строго говоря, кандидатские экзамены нужны для защиты диссертации, но не для обучения в аспирантуре. Более того, сдав кандидатские экзамены, соискатель может выходить на защиту, не имея итогового выпускного документа об окончании аспирантуры или адъюнктуры. Зачем нужен лишний итоговой экзамен, который можно заменить кандидатскими экзаменами, непонятно.

Обилие таких экзаменов и искусственно увеличенный объем учебной нагрузки на аспирантов и адъюнктов приводят к уменьшению времени на подготовку к кандидатским экзаменам (особенно к экзамену по специальности) и падению качества их сдачи и приема. Если раньше считалось правилом принимать кандидатский экзамен по специальности не менее часа, то сегодня во многих образовательных и научных организациях на это уходит от 15 до 20 минут.

Все это подчеркивает сомнительность отнесения аспирантуры и адъюнктуры к уровню образования.

С 1998 г. число аспирантов (адъюнктов) и докторантов в образовательных и научных организациях увеличилось в 1,5 и 1,2 раза соответственно. При этом завершённые диссертационные исследования представляют не более 30% выпускников аспирантуры (адъюнктуры) и докторантуры. В последние годы это показатель еще более сократился.

Согласно данным социологических исследований, среди поступающих в аспирантуру и адъюнктуру велика доля молодых людей, не готовых

заниматься научной и педагогической работой. В аспирантуру они поступают по инерции, по воле родителей, которые считают, что иметь ученую степень престижно, а также в целях легального уклонения от службы в Вооруженных Силах РФ. Большинство молодых ученых, причем нередко лучшая их часть, после защиты диссертации если и продолжают заниматься наукой, то только, как правило, на 0,5 ставки и к тому же не в штате образовательной или научной организации. К сожалению, заработная плата научно-педагогического работника даже со всеми дополнительными выплатами за счет так называемых платных образовательных услуг, грантовых заработков ни в какое сравнение не идет с тем, что готовы платить наиболее талантливым представителям молодежи иные работодатели.

Не способствуют развитию юридической науки в правоохранительной системе в частности и науки в целом существующие очевидные противоречия в действующем законодательстве. Их можно разделить на две группы.

К первой группе следует отнести системные противоречия, связанные с ненадлежащим закреплением в законе места и роли главной научной экспертной организации страны – ВАК. Во вторую группу входят противоречия, связанные с отсутствием корреляции федеральных законов об образовании и науке и ведомственных нормативных правовых актов, касающихся подготовки научных кадров высшей квалификации в правоохранительной системе.

Действующим законодательством образовательная и научная деятельность часто рассматривается как одно и то же. Безусловно, полностью разграничить эти понятия невозможно, да и не нужно. Однако игнорирование их особенностей привело к тому, что аспирантура и адъюнктура, как уже говорилось, считается образованием, а это в принципе неверно. Аспирантура и адъюнктура призваны подготовить в первую очередь научного работника, а подготовка преподавателя высшей школы – задача образовательного процесса. Между собой эти процессы юридически оказались совершенно не связаны, что довольно странно. Совсем необязательно (и это вытекает из законодательных положений) образовательной организации, открывающей аспирантуру, иметь диссертационный совет. Но где в этом случае будет защищаться аспирант и адъюнкт? Формально он вправе сделать это в любом диссертационном совете, однако руководители образовательных и научных организаций, которые сегодня несут персональную ответственность за работу диссер-

тационных советов, стараются подготовленные не у них диссертационные работы не брать.

Подготовка аспирантов является одним из главных аккредитационных показателей. При этом защита диссертации не входит в перечень документов и материалов, необходимых для проведения аккредитационной экспертизы по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и адъюнктуре (*Перечень документов, необходимых для проведения аккредитационной экспертизы с выездом (без выезда) в организацию, осуществляющую образовательную деятельность по основным образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 9 ноября 2016 г. № 1385*).

Защита диссертации в сроки обучения аспиранта и адъюнкта (т.е. до момента его отчисления из аспирантуры или адъюнктуры из-за окончания сроков пребывания) была и остается одним из важнейших показателей оценки эффективности деятельности образовательной и научной организации. Нередко это приводит к «гонке» за количеством защит, естественно, при неизбежном снижении их качества.

Прямым следствием сложившейся ситуации стало присвоение ученых степеней лицам, представляющим очевидно слабые диссертационные работы. Строго говоря, учеными в полном смысле этого слова их назвать вряд ли можно. В результате, с начала 2000-х годов наблюдается деградация ученой степени как своего рода символа «знака качества». К сожалению, ученая степень стала неким штрихом социально-правового статуса, строчкой в визитной карточке некоторых чиновников, предпринимателей, политиков и даже общественных деятелей, которые, к слову сказать, больше всех якобы заботятся о «чистоте» науки.

Косвенная причина такой деградации – вполне искреннее желание максимально демократизировать процесс присуждения ученых степеней. Из-за этого были снижены требования к диссертационным советам и организациям, в которых они создавались. Часто диссертационные советы организовывались в образовательных организациях (в том числе в негосударственных), которые не имели ни опыта подобной работы, ни сложившихся научных школ, ни необходимых традиций.

В этой связи хотелось бы предостеречь от принятия поспешных решений некоторыми чиновниками от образования и науки, а также ученых (в основном, кстати, из числа руководителей об-

разовательных и научных организаций), которые, с одной стороны, предпринимают, к сожалению, не безуспешные попытки жестко регламентировать научную деятельность, а с другой стороны, возможно, сами того не желая, разрушают систему защит диссертационных работ, поспешно предоставляя право образовательным и научным организациям самостоятельного принятия решений по всем вопросам аттестации научно-педагогических работников.

В частности, имеется в виду разработка административного регламента по присуждению ученых степеней, в котором излишнее внимание уделяется процедурным вопросам. Например, предлагается установить не подлежащие продлению сроки рассмотрения аттестационных дел соискателей. Но, во-первых, такие ограничения не будут способствовать улучшению качества научных работ, а, во-вторых, это может привести к настоящей борьбе за соблюдение процедур вместо поиска научной истины. В суды выстроится очередь из соискателей, которые под теми или иными предлогами будут оспаривать решения, принятые не в их пользу. Все это может закончиться тем, что ученые степени будут присуждать судьи. (Ответ на вопрос «хорошо это или плохо?» оставим за скобками.) И прецедент присуждения ученой степени на основании решения суда уже имеется [11, с. 2–10].

Предоставление некоторым образовательным и научным организациям права самостоятельно присуждать ученые степени видится нам необоснованно поспешным. И хотя споры по этому поводу ведутся на протяжении уже более 10 лет, не решен главный вопрос, касающийся механизма согласования ученых степеней, присужденных по разным правилам. В итоге решение о предоставлении отдельным организациям права самостоятельно присуждать ученые степени было принято при сомнительном условии, что практика сама все «расставит по своим местам». Подобный псевдолиберальный принцип в свое время привел к массовым нарушениям закона во время проведения первой масштабной приватизации в Российской Федерации, что, если кто забыл, стало главной причиной небывалого роста преступности (в первую очередь, насильственной) в стране, а также массового снижения уровня жизни населения, многократного увеличения числа самоубийств и катастрофического падения рождаемости, с чем до сих пор не удается справиться.

Вероятно, негативные последствия от отсутствия четко регламентированного механизма реализации права самостоятельного присуждения

ученых степеней образовательными и научными организациями (в первую очередь, отсутствие механизма взаимодействия с ВАКовской системой и постановка под сомнение самой сути государственной системы аттестации научно-педагогических кадров) не окажутся такими разрушительными, как приватизация, но для качества подготовки научных диссертационных исследований, а также для сложившейся системы защит диссертаций могут быть крайне негативными. Причем это аукнется не сразу — подобные последствия проявятся со временем.

Вероятность такого прогноза подтверждается тем, что все последние изменения, вносимые в нормативные правовые акты, посвященные проблемам аттестации и подготовки научно-педагогических кадров, касаются в большинстве своем процедурных вопросов. В настоящее время реализация их положений порождает огромное число жалоб, которые вынуждены разбирать как чиновники Министерства образования и науки РФ, так и эксперты ВАК.

Вместе с тем справедливости ради следует сказать, что предпринимаемые меры по совершенствованию законодательства в области аттестации научных и научно-педагогических кадров в определенной степени способствовали улучшению ситуации в части прозрачности принимаемых решений и неизбежного наказания лиц, не борющихся за качество диссертационных исследований и уличенных в служебной нечистоплотности (в основном речь идет о научных руководителях аспирантов и адъюнктов). Но, увы, проблем пока меньше не становится.

В данной сфере существует ряд вопросов, требующих принятия соответствующих решений:

1. Следует ли сохранять двухуровневую систему ученых степеней (кандидат и доктор наук) или назрели предпосылки к отказу от нее в пользу единой ученой степени доктора наук?

2. В каком виде должна быть представлена система аттестации научных и научно-педагогических кадров? Возможно несколько вариантов:

а) сохранение действующей системы аттестации научных и научно-педагогических кадров в части присуждения ученых степеней с дальнейшим повышением роли и ответственности диссертационных советов за качество принимаемых ими решений;

б) создание системы присуждения ученых степеней, аналогичной существующим в других государствах мира, где единой системы аттестации нет, а университеты в рамках собственной компетенции сами определяют процедуры защиты;

в) возврат к ранее существовавшей в России системе, согласно которой ученая степень будет присуждаться решением не специализированного (ныне диссертационного) совета, а ученым (научно-техническим) советом образовательной или научной организации, с дальнейшим утверждением этого решения ВАК;

г) создание смешанной системы, предполагающей, что наряду с самостоятельным присуждением ученых степеней некоторыми образовательными или научными организациями будет действовать так называемая ВАКовская система;

д) формирование совершенно новой системы, о которой пока никто не говорит, — например, стимулирование защит молодыми учеными своих исследований в ведущих иностранных университетах (от ученых, защитившихся за рубежом, приходилось слышать, что именно они настоящие ученые в отличие от всех тех, кто защитился в России).

3. Следует ли сохранять систему, фактически дублирующую систему ученых званий? С одной стороны, учитывая отсутствие функционального наполнения этой системы, а также практически «автоматическое» присвоение ученого звания, очевидным представляется отказ от такой системы с одновременным предоставлением научным и образовательным организациям права самим назначать работника на соответствующую его квалификации должность профессора, доцента и т.п. С другой стороны, в должной мере повысив строгость оценки претендентов на ученое звание в рамках государственного признания их научной состоятельности и вернув экспертам ВАК полномочия по качественной оценке заслуг этих претендентов, можно сохранить присвоение звания профессора и доцента на уровне соответствующего аттестата Министерства образования и науки РФ, установив тем самым необходимое для личностного профессионального развития и для развития науки многообразие форм ученых званий.

4. Каким должно быть развитие институтов аспирантуры, докторантуры и соискательства? В настоящее время концептуальные основы этих институтов не определены. И в первую очередь не определено их место в системе либо образования, либо подготовки научных и научно-педагогических кадров. Характерно, что в проект закона о науке и научно-технической деятельности включена аспирантура в качестве необходимого элемента подготовки диссертации. При этом, как уже говорилось, в Законе об образовании аспирантура позиционируется лишь как уровень выс-

шего образования. На наш взгляд, это не решение проблемы, а ее усугубление.

5. Какой в новых условиях должна быть Высшая аттестационная комиссия? В последнее время наметилась тенденция неуклонного снижения ее авторитета и статуса. В частности, согласно Положению о порядке присуждения ученых степеней, а также Положению о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ ВАК обладает исключительно рекомендательными функциями.

В дополнение к обозначенным проблемам следует сказать о необходимости внесения изменений в отраслевое законодательство. Представляется, что таких изменений должно быть много, в том числе потому, что действующее законодательство, касающееся подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров, внутренне противоречиво и непоследовательно. Существует также необходимость пересмотра всей системы законодательства об образовании и науке. Представляется, что пришло время преодолеть «разрыв» между неправильно понимаемым самостоятельным процессом образования и научной деятельностью. Это, хотя и самостоятельные процессы, но настолько тесно взаимосвязанные, что любое их искусственное разъединение неизбежно приводит к искажениям и перекосам.

Искусственное и необдуманное отделение науки от образования привело к тому, что: а) процесс подготовки научно-педагогических кадров стал частью образовательного процесса, что в корне неверно; б) ВАК оказалась низведена до совещательного общественного органа без каких-либо серьезных полномочий, причем дело дошло до того, что в течение нескольких последних лет аттестационные дела кандидатов наук и диссертации на соискание ученой степени кандидата наук оказались фактически вне поля контроля научной общественности (до того момента, пока не было принято решение о размещении диссертаций на сайте образовательных организаций, они в ВАК не поступали и эксперты оценивали их качество только по авторефератам); в) из-за установления в Положении о порядке присуждения ученых степеней жестких сроков рассмотрения аттестационных дел некоторые диссертационные советы стремились неоправданно увеличить число защищаемых диссертаций (особенно в гуманитарных отраслях знаний) в надежде на то, что из-за нехватки времени ВАК будет не в состоянии надлежащим образом экспертировать каждое аттестационное дело.

Подтверждением того, что система законодательства об образовании и науке не отвечает со-

временным требованиям, служит и то, что Положение о порядке присуждения ученых степеней только за последние несколько лет изменялось, причем весьма существенно образом пять раз с момента принятия, т.е. каждый год после принятия.

При этом не лишним будет напомнить, что ранее принимавшиеся аналогичные положения «продержались» не больше 10 лет (*постановление Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней», СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 580; постановление Правительства РФ от 29 марта 2002 г. № 194 «Об утверждении Положения о порядке присвоения ученых званий», СЗ РФ. 2002. № 146. Ст. 1302*). Что такое для научной деятельности 10 лет? Для некоторых научных разработок это даже не полный цикл. Получается, что исследователь, ученый вынужден постоянно приспосабливаться под новые правила оформления результатов его научной деятельности. Спрашивается: когда ему заниматься при этом наукой? Кстати, в предыдущие положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий вносилось несравнимо меньше изменений, чем в действующие нормативные правовые документы.

В действующем Положении о порядке присуждения ученых степеней преувеличенное значение придается контрольно-измерительным процедурам, которые в действительности никакого значения не имеют. В частности, речь идет об обязательной видеозаписи. Во время защиты диссертации практически невозможно сделать перерыв (как прописано в Положении, допустим только один технический перерыв в строго определенный момент). Вместе с тем не разработан правовой механизм взаимодействия с образовательными и научными организациями, имеющими право самостоятельно присуждать ученые степени, о чем говорилось выше, что имеет действительно важное значение для аттестации научно-педагогических работников.

Детальная правовая регламентация для работы диссертационного совета, скорее всего, не нужна. Наоборот, ему следовало бы предоставить больше самостоятельности, одновременно повысив персональную ответственность не только председателя диссертационного совета, но и каждого его члена за качество защит диссертаций. Например, ввести правило его роспуска при выявлении списанной диссертации, которая успешно была защищена в этом диссертационном совете?

Было бы небезынтересно вернуться к историческому российскому опыту, когда на защиту диссертаций распространялись билеты, подобно билетам на важнейшие театральные премьеры.

Что касается многообразия форм деятельности диссертационных советов и научной деятельности в целом, то, исходя из того, что экспертные советы выполняют необходимую роль буферов на пути недобросовестных исследователей и некачественных диссертаций, с нашей точки зрения, положение об экспертных советах не должно быть единым – его следует адаптировать применительно к специфике научной области знаний, которая оценивается научной общественностью (положения об экспертных советах в гуманитарной области знаний, в области естественных наук и т.д.)

Завершая рассмотрение затронутых вопросов и проблем, следует еще раз отметить, что введение в уровень профессионального образования высшего образования подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре и адъюнктуре и реализация их образовательных программ привели к тому, что среди критериев оценки ее качества отсутствует самый основной показатель – защита кандидатской диссертации. Именно завершенная и должным образом защищенная диссертация позволяет отличить образовательные программы бакалавриата, программы специалитета, программы магистратуры от программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и адъюнктуре.

Действующие нормативные акты в рассматриваемой области позволяют заниматься преподавательской деятельностью лицам как, имеющим высшее образование, полученное через специалитет, магистратуру, так и получившим образование в аспирантуре и адъюнктуре. В советский и постсоветский периоды при обучении в аспирантуре и адъюнктуре акцент традиционно делался на подготовке и защите кандидатских диссертаций, что позволяло обладателям ученых степеней заниматься не только научно-педагогической, но и научно-исследовательской деятельностью. Причем приоритетом была именно научно-исследовательская деятельность. Сейчас же, во всяком случае судя по образовательным программам аспирантов и адъюнктов, акцент смещен в сторону сферы преподавательской деятельности. Между тем, хотя преподаватели в образовательных организациях, в том числе в правоохранительной системе, бывают разными, вряд ли кто оспорит тот очевидный факт, что лидерами в их среде являются преподаватели, которые совмещают непосредственно педагогическую работу с научной деятельностью.

Остается дискуссионным вопрос о том, чем должно завершиться обучение в аспирантуре или адъюнктуре. По нашему мнению, учитывая современные тенденции – защитой диссертационного исследования. Если же его подготовить не удалось, то за обучающимся остается право когда-либо подготовить диссертацию, а также вести профессиональную образовательно-педагогическую деятельность. Существует немало научных и педагогических специальностей и званий, не предусматривающих в качестве обязательного условия работы наличие ученой степени, в то время как в научно-исследовательской или образовательной организации правоохранительной системы зачастую невозможно осуществлять полноценную деятельность, не имея научной степени.

Не менее дискуссионным является вопрос о количественной оценке защищенных диссертаций и их процентном соотношении с количеством обучающихся в аспирантуре или адъюнктуре. Для правоохранительной системы это довольно болезненный вопрос, поскольку адъюнкты учатся за счет средств федерального бюджета, и если диссертация не защищена, можно говорить об их неэффективном и даже нецелевом использовании. Ситуация действительно деликатная. Ведь нередко о том, соответствует ли диссертационная работа предъявляемым к ней требованиям и можно ли выходить с ней на защиту, выясняется только в самом конце обучения аспиранта или адъюнкта, когда он приносит научному руководителю готовый текст. В то же время нет никаких оправданий бессмысленной (искусственной) помощи такому адъюнкту только для того, чтобы не портить общие показатели образовательной и научно-исследовательской организации правоохранительной системы. Наверное, без количественного критерия обойтись не удастся, но главная оценка деятельности образовательной и научно-исследовательской организации правоохранительной системы будет зависеть от мудрости ее руководителя и руководства соответствующего ведомства. В конечном итоге качество научно-исследовательской работы должно оцениваться по совокупности множества показателей, а не только по количеству аспирантов и адъюнктов, окончивших обучение в аспирантуре (адъюнктуре) и защитивших диссертацию. Бывает, что одна кандидатская диссертация по своему значению «перекрывает» огромное количество других работ. Но такая диссертация, возможно, не состоялась бы, если перед этим несколько

аспирантов и соискателей не потратили бы свои усилия в попытках (пусть порой и тщетных) решить ту же самую проблему.

В настоящее время образовательные программы аспирантуры (адъюнктуры) предусматривают подготовку выпускных квалификационных работ, которые по своему содержанию, во всяком случае, с точки зрения нормативного закрепления предъявляемых к ним требований, принципиально мало чем отличаются от диссертации. Более того, во многих образовательных и научных организациях стало правилом считать эти выпускные квалификационные работы, так сказать, «черновым» вариантом диссертации. Отличие состоит только в процедуре прохождения, утверждения и оформления решения о присуждении ученой степени кандидата наук, которое считается вступившим в силу только после соответствующего приказа Министерства образования и науки РФ.

Применительно к правоохранительной деятельности ситуация усугубляется еще и тем, что разработка примерных программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и адъюнктуре обеспечивается правоохранительными структурами самостоятельно (ч. 13 ст. 12 Закона об образовании). Без согласования с Министерством образования и науки РФ такие действия (формально правильные и обоснованные) могут привести к тому, что программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) не будут предусматривать необходимых критериев оценки качества подготовки специалистов с высшим образованием при прохождении ими обучения в аспирантуре (адъюнктуре).

Необходимо подчеркнуть, что один из авторов настоящей статьи был в числе тех немногих, кто категорически выступал против признания за аспирантурой статуса «уровня образования» [12, с. 3–7]. Аспирантура, если и является образованием, то особым, научным. Очевидно, что аспирантура (адъюнктура) должна найти свое место в Законе о науке, как, кстати, и соискательство, и докторантура. В Законе об образовании аспирантура (адъюнктура) должна быть указана только как форма подготовки педагогических кадров, а ее научная составляющая – регламентирована законом о науке.

Ведомственные нормативные акты, регулирующие эти вопросы, как уже говорилось выше, нередко дублируют друг друга. Например, Методические рекомендации об особенностях организации и осуществления научной и научно-техни-

ческой деятельности в уголовно-исполнительной системе от 27 июня 2015 г. № 08-47258 полностью дублируют Методические указания об особенностях организации и осуществления научной и (или) научно-технической деятельности в уголовно-исполнительной системе, утвержденные распоряжением директора ФСИН России от 14 июля 2014 г. № 146-р. Оба этих ведомственных акта предусматривают только учет диссертационных исследований, и не более того.

Подобный узковедомственный подход к вопросам подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации посредством аспирантуры (адъюнктуры) приводит к потере интереса к данной форме подготовки, что, в свою очередь, обуславливает производные издержки организационного характера. Например, решением директора ФСИН России от 10 февраля 2016 г. и указанием ФСИН России от 9 марта 2016 г. № 7-11896 было предусмотрено внесение изменений в штатные расписания подразделений действующих адъюнктур ФСИН России, непосредственно осуществляющих подготовку научно-педагогических кадров в образовательных организациях высшего образования ФСИН России. В итоге под сокращение попали как штатные единицы обучающихся в адъюнктуре, так и ряд научных должностей. Не оспаривая такое решение по существу, следовало бы быть крайне осторожным в вопросах сокращения действующих научно-педагогических кадров. Оно чревато уходом из правоохранительной системы не просто известного ученого, но и выдающегося учителя, человека, который готовит новые научно-педагогические кадры и обеспечивает их преемственность. Уход такого ученого может привести к разрыву связей и потере преемственности в вопросах обеспечения подготовки кадрового научного резерва. Такие потери в дальнейшем, конечно, могут быть восполнены, но для этого потребуются значительное время и невероятные усилия.

Можно привести и противоположный пример, когда Министерство внутренних дел РФ обеспечило должную ведомственную регламентацию подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации для органов внутренних дел РФ. Так, в соответствии с приказом МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 23 марта 2018 г.) в системе МВД России применяется комплекс нормативно-методических документов, направленных на

эффективное решение задач, непосредственно связанных с формированием научно-педагогических кадров высшей квалификации:

1) Положение об основах организации научно-обеспечения в системе МВД России;

2) Типовое положение о научно-практической секции;

3) Инструкция о порядке внедрения научной и научно-технической продукции в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации и ее авторском сопровождении (следует напомнить, что соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» (СЗ РФ. № 15. Ст. 2072), в результате реорганизации внутренних войск МВД России образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, деятельность которой регламентируется соответствующим федеральным законом);

4) Инструкция о порядке регистрации и учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и диссертационных исследований в системе МВД России;

5) Перечень образовательных и научных организаций системы МВД России по направлениям научной деятельности (головных научно-технических организаций);

6) Требования по оформлению плано-отчетной документации научной деятельности образовательных и научных организаций системы МВД России.

Кроме того, в рамках этого нормативного правового сопровождения утвержден План-календарь плано-отчетных мероприятий по организации научного обеспечения и применению положительного опыта в системе МВД России.

Выше названным приказом руководителям и начальникам подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, а также иных организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России, предписано: 1) назначить ответственных за организационно-научную деятельность в подразделении из числа наиболее подготовленных сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих, работников системы МВД России; 2) возложить на одного из своих заместителей функции по организации научного обеспечения и применения соответствующего положительного опыта в деятельности подразделения, поддержанию взаимодействия

с образовательными учреждениями и научно-исследовательскими организациями системы МВД России по вопросам, требующим научной разработки, а также по контролю за внедрением научной продукции.

Начальникам образовательных организаций и научных организаций системы МВД России предписано предусмотреть участие ведущих ученых и специалистов в деятельности научно-практических секций.

Важно, чтобы эти направления деятельности не были потеряны в традиционных бюрократических (формальных) подходах.

В завершение необходимо вернуться к создаваемой довольно часто неверно называемой параллельной системе присуждения ученых степеней и званий в некоторых образовательных организациях в соответствии с п. 3.1 ст. 4 Закона о науке и государственной научно-технической политике». В частности, с этим пунктом постановлением Правительства РФ от 11 мая 2017 г. № 553 (*СЗ РФ. 2017. № 21. Ст. 3006*) было утверждено Положение о формировании перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которые будут самостоятельно присуждать ученые степени, а в дальнейшем видимо и ученые звания.

На момент подготовки настоящей статьи в перечень организаций, получивших право на самостоятельно присуждать ученые степени, уже вошли 23 образовательные и научно-исследовательские организации (распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2017 г. № 1792-р (*СЗ РФ. 2017. № 35. Ст. 5392*)).

Поспешность предпринимаемых шагов влечет за собой известную разбалансировку функционирующих систем, что наглядно демонстрирует ситуация с ВАК, складывающаяся в последние 10–20 лет, и современное состояние системы аттестации научно-педагогических

кадров высшей квалификации. Например, как быть обладателю ученой степени, скажем, одной образовательной организации, если при переходе на работу в другую образовательную или научно-исследовательскую организацию эта степень не будет признана? (Во всяком случае, такого ученого формально могут не принять на работу по тем или иным надуманным, но правовым основаниям, хотя в действительности очевидно, что не трудоустроят его именно из-за непризнания имеющейся у него ученой степени, присужденной «не в той» организации. Может ли обладатель ученой степени кандидата наук МГУ имени М.В. Ломоносова защищать ту же самую работу в другой организации и получить повторно степень кандидата наук по результатам защиты одной и той же работы? И сколько раз в таком случае можно защищать свою диссертацию? А в случае, если работа, уже защищенная ранее в какой-либо организации, в другой провалилась, каковыми будут юридические последствия для предыдущих ее защит?

И сколько еще подобных вопросов возникнет, когда начнутся споры и разбирательства как по существу защищаемых диссертаций, так и по процедуре защит? Раньше эти вопросы рассматривала ВАК, а кто сейчас?

Представляется, что в складывающихся условиях перспективно определяющими являются две позиции. Во-первых, система аттестации должна быть государственно-общественной и оставаться единой (пусть и с многообразными формами). Во-вторых, ВАК должна официально позиционироваться как главное системообразующее и связующее звено этой системы, с соответствующим расширением ее полномочий, носящих скорее дискретный, нежели императивный характер.

Литература

1. Кадников Н.Г. О некоторых задачах, стоящих перед профессорско-преподавательским составом кафедры уголовного права, осуществляющим подготовку кадров ОВД для противодействия преступности // Подготовка кадров для противодействия преступности на современном этапе / под ред. Н.Г. Кадникова и М.Г. Жилкина. М., 2015. – 216 с.
2. Резник С.Д., Чемезов И.С. О методической готовности исследователя к работе над докторской диссертацией // Вестник высшей школы. 2015. № 5. С. 86–91.
3. Маркелов С.М. Управление инновационной деятельностью вузов в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 9–12.
4. Сибиряков С.Л. О повышении качества подготовки научных и научно-педагогических кадров юристов в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3. С. 31–33.

5. Перфилов Ю.С., Суржикова О.А., Плотникова И.В. Особенности послевузовской подготовки отечественного и западного ученого к международному сотрудничеству в период «академического капитализма» // *Фундаментальные проблемы радиоэлектронного приборостроения*.

Материалы Международной научно-технической конференции «INTERMATIC – 2011», 14–17 ноября 2011 г. / под ред. А.С. Сигова. Ч. 4. М.: ИРЭ РАН, 2011. С. 123–128.

6. Мошкова Д.М. Образовательные и научные организации как субъекты финансового права / отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: Проспект, 2014. – 144 с.

7. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., 1993. – 167 с.

8. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гишинский. СПб., 2000. – 384 с.

9. Гагин В.В. Некоторые аспекты работы докторских диссертационных советов по юридическим наукам в 2006 г. // *Юридическое образование и наука*. 2007. № 3. С. 21–24.

10. Сибиряков С.Л. Об актуальных проблемах юридического образования и науки в условиях современной России // *Юридическое образование и наука*. 2007. № 3. С. 9–12.

11. Мацкевич И.М. Концепция подготовки научно-педагогических кадров (кадров высшей квалификации) // *Юридическое образование и наука*. 2012. № 4. С. 2–10.

12. Мацкевич И.М. Еще раз об аспирантуре и об аспирантах: научное эссе на заданную тему // *Юридическое образование и наука* 2015. № 3. С. 3–7.

References

1. Kadnikov N.G. O nekotorykh zadachakh, stoyashchikh pered professorsko–prepodavatel’skim sostavom kafedry ugolovnoho prava, osushchestvlyayushchim podgotovku kadrov OVD dlya protivodeistviya prestupnosti [On Some Tasks and Problems of Professors and Teachers of the Department of Criminal Law that train personnel for counteracting crime]. In: Kadnikov N.G., Zhilkin M.G. (ed.), *Podgotovka kadrov dlya protivodeistviya prestupnosti na sovremennom etape [Training of Personnel for Counteracting Crime at the Present Stage]*. Moscow, 2015. 216 p. (In Russian)

2. Reznik S.D., Chemezov I.S. O metodicheskoi gotovnosti issledovatelya k rabote nad doktorskoj dissertatsiei [On the investigator’s readiness to work on his doctoral dissertation] *Vestnik vysshei shkoly [High School Herald]*, 2015, no. 5, pp. 86–91. (In Russian; abstract in English)

3. Markelov S.M. Upravlenie innovatsionnoi deyatel’nost’yu vuzov v usloviyakh reformirovaniya ugolovno – ispolnitel’noi sistemy Rossii [Management of Innovation Activity of Higher Educational Institutions in the Conditions of Reforming the Penitentiary System of Russia]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: Crime and Punishment]*, 2012, no. 3, pp. 9–12. (In Russian; abstract in English)

4. Sibiriyakov S.L. O povyshenii kachestva podgotovki nauchnykh i nauchno–pedagogicheskikh kadrov yuristov v sovremennoi Rossii [On improving the quality of training of scientific and pedagogical cadres of lawyers in modern Russia] *Gosudarstvennaya vlast’ i mestnoe samoupravlenie [State power and local self-government]*, 2010, no. 3, pp. 31–33 (In Russian; abstract in English)

5. Perfilov Yu.S., Surzhikova O.A., Plotnikova I.V. Osobennosti poslevuzovskoi podgotovki otechestvennogo i zapadnogo ucheniyu k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu v period «akademicheskogo kapitalizma» [Features of postgraduate preparation of domestic and Western teaching to international cooperation in the period of “academic capitalism”]. *Fundamental’nye problemy radioelektronnogo priborostroeniya / Materialy Mezhdunarodnoi nauchno–tekhnicheskoi konferentsii «INTERMATIC–2011», (14–17 noyabrya 2011 g., Moscow) [Fundamental problems of Radioengineering and device construction / Proceedings of the International Scientific and Technical Conference «INTERMATIC–2011» (November 14–17, 2011, Moscow)]*, Moscow, MGTU MIREA – IRE RAN Publ., 2011, Vol. 11, no. 4, pp. 123–128. (In Russian)

6. Moshkova D.M. *Obrazovatel’nye i nauchnye organizatsii kak sub’ekty finansovogo prava [Educational and scientific organizations as subjects of financial law]*. Ed. Gracheva E. Yu. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 144 p. (In Russian)

7. Gilinskii Ya.I., Afanas’ev V.S. *Sotsiologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya [Sociology of Deviant (Deviant) Behavior]*. St. Petersburg, 1993. 167 p. (In Russian)

8. *Deviantnost’ i sotsial’nyi kontrol’ v Rossii (XIX – XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie [Deviance and Social Control in Russia (19–20 cc.): Trends and Social Comprehension]*. Ed. Gilinskii Ya.I. St. Petersburg, 2000. 384 p. (In Russian)

9. Gagin V.V. Nekotorye aspekty raboty doktorskikh dissertatsionnykh sovetov po yuridicheskim naukam v 2006 g. [Some Aspects of the Work of Doctoral Dissertation Councils in Legal Sciences in 2006]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]*, 2007, no 3, pp. 21–24. (In Russian; abstract in English)

10. Sibiryakov S.L. Ob aktual'nykh problemakh yuridicheskogo obrazovaniya i nauki v usloviyakh sovremennoi Rossii [On the actual problems of legal education and science in the conditions of modern Russia]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]*, 2007, no 3, pp. 9–12. (In Russian; abstract in English)

11. Matskevich I.M. Kontsepsiya podgotovki nauchno – pedagogicheskikh kadrov (kadrov vysshei kvalifikatsii) [The concept of training of scientific and pedagogical personnel (personnel of higher qualification)] *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]*, 2012, no 4, pp. 2–10. (In Russian; abstract in English)

12. Matskevich I.M. Eshche raz ob aspiranture i ob aspirantakh: nauchnoe esse na zadannuyu temu [Once again about graduate school and postgraduate students: a scientific essay on the given topic] *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]*, 2015, no 3, pp. 3–7. (In Russian; abstract in English)

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

ПРЕВЕНТИВНЫЕ И РЕПРЕССИВНЫЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

Головненков Павел Валерьевич

***Цель.** Исследовать правовые меры по противодействию коррупции в Германии. В данной связи исследуются доктринальные и практические проблемы в соответствующих составах, а также подвергаются критическому анализу запланированные и проведенные реформы.*

***Методология:** системный анализ уголовного законодательства Германии *de lege lata* и *de lege ferenda*, синтез, индукция, научный анализ законодательных упущений в реформированных нормах.*

***Выводы.** Борьба с коррупцией и прежде всего предотвращение коррупции (т.е. дачи и получения взятки или неправомерной выгоды) в публичном секторе и в сфере экономической деятельности представляют собой одну из наиболее сложных задач, стоящих перед современным обществом. Это касается как проблем восприятия в обществе отдельных коррупционных проявлений и отношения граждан к ним, а также создания правовых рамок для предупреждения коррупции (превенция), так и правовой реакции государства на заложенные в этих коррупционных проявлениях правонарушения (репрессия).*

***Научная и практическая значимость.** Сложность решения этой задачи заключается в многосторонности проблемы, поскольку коррупция с одинаковой степенью опасности может проявляться в любой сфере общественной жизни, затрагивать как экономику, так и государственное управление и общество в целом. В публичном секторе, т.е. в законодательных (парламентских) органах и в отношениях государства с гражданином, следствием коррупции является колоссальная потеря доверия в безупречную работоспособность и, в первую очередь, в справедливую организацию работы народного представительства и государственного управления. В сфере экономической деятельности коррупция фальсифицирует и подрывает свободную конкуренцию и причиняет, таким образом, значительный ущерб национальной экономике. Автором исследуются недостатки в реформированных и вновь создаваемых составах преступного деяния в области противодействия коррупции. В статье обозначены доктринальные проблемы и законодательные упущения в соответствующих составах, а также указаны возможные пути их устранения и надлежащего толкования особо проблемных терминов. С практической точки зрения устранение указанных недостатков должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующих норм уголовного права.*

***Ключевые слова:** коррупция, взяточничество, мздоимство, противодействие коррупции, Конвенция ООН против коррупции, Закон о контроле и прозрачности в области предпринимательской деятельности, немецкий кодекс этики корпоративного управления, комплаенс-контроль, антикоррупционная мониторинговая система.*

I. Введение

Борьба с коррупцией и, прежде всего, предотвращение коррупции (т.е. дачи и получения

взятки или неправомерной выгоды) в публичном секторе и в сфере экономической деятельности представляют собой одну из наиболее сложных

задач, стоящих перед современным обществом, а также создания правовых рамок для предупреждения коррупции (превенция), так и правовой реакции государства на заложенные в этих коррупционных проявлениях правонарушения (репрессия). Так, в рамках опроса „*Navigating today's complex business risks*“, проведенного аудиторской и консалтинговой компанией „Ernst & Young“, в котором участвовало 3.500 служащих из 36 стран мира, выяснилось, что 57% респондентов считают, что коррупция и подкуп являются абсолютно нормальными и повседневными явлениями в их странах. [Электронный ресурс] URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Navigating_todays_complex_business_risks/\\$FILE/Navigating_todays_complex_business_risks.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Navigating_todays_complex_business_risks/$FILE/Navigating_todays_complex_business_risks.pdf) (дата обращения: 24.08.2017). Это касается как проблем восприятия в обществе отдельных коррупционных проявлений и отношения граждан к ним (В отношении восприятия коррупции в общественном мнении см.: напр., 8-е издание «Всемирного барометра коррупции» от 09 июля 2013 г. (<https://transparency.org.ru/research/barometr-mirovoy-korrupsii/>). В ходе этого исследования, проведенного по поручению Трансперенси Интернешнл (Transparency International) было опрошено более 114 тыс. человек из 107 стран мира. Им задавали вопрос о том, какие, по их мнению, организации наиболее подвержены коррупции и как они оценивают эффективность деятельности правительств в борьбе против коррупции. Результаты показали, что практически во всем мире коррупция остается серьезной проблемой. Так, более половины опрошенных считают, что за последние два года коррупционная деятельность приняла более широкие масштабы, особенно в политических партиях, а в Германии — и в сфере частной экономики. Усилия правительства по преодолению коррупции оценены 54% респондентов как неэффективные (подробно см.: Newsletter III/2013 URL: <http://www.business-keeper.com/de/wissen/bk-newsletter.html> (дата обращения: 24.08.2017). Сложность решения задачи заключается в многосторонности проблемы, поскольку коррупция с одинаковой степенью опасности может проявляться в любой сфере общественной жизни, т.е. затрагивать как экономику, так и сферу государственного управления и общество в целом. В публичном секторе, т.е. в законодательных (парламентских) органах и в отношениях государства с гражданином, следствием коррупции является потеря веры в безупречную работоспособность и, в первую очередь, в справедливую организацию работы народного представительства и государственного управления. В сфере экономической деятельности

коррупция фальсифицирует и подрывает свободную конкуренцию и причиняет, таким образом, значительный ущерб национальной экономике (URL: http://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/Lagebilder/Korruption/korruption_node.html (дата обращения: 24.08.2017). По данным аудиторской и консалтинговой компании „PricewaterhouseCoopers (PwC)“, которая провела исследование «Экономическая преступность: транспорт и логистика», только на предприятиях в сфере транспорта и логистики в период с 2009 г. по 2011 г. коррупционной деятельностью и соглашениями, нарушающими законодательство о свободной конкуренции, был причинен материальный ущерб в среднем на сумму около 1 млн евро в расчете на одно предприятие (подробно см.: URL: <http://www.pwc.de/de/transport-und-logistik/wirtschaftskriminalitaet-korruption-und-kartelle-machen-der-transport-und-logistikbranche-zu-schaffen.jhtml> (дата обращения: 24.08.2017).

Однако действенная борьба с проявлениями коррупции в публичном и экономическом секторе и, что наиболее важно, разработка эффективных стратегий, направленных на предупреждение коррупционной деятельности, не могут быть сориентированы «исключительно» на внутрисударственный, национальный уровень и концентрироваться лишь на нем. Необратимые процессы глобализации в экономической сфере ведут к тому, что и значимое в уголовно-правовом смысле, делинквентное поведение не ограничено на государственными границами, угрожает при этом не только вере международной общественности в прозрачность работы публичных структур, но и наносит ощутимый ущерб мировой экономике и международно-экономическим отношениям.

Для эффективной борьбы с транснациональной коррупцией необходимо, наряду с действующими *ultima ratio* репрессивными инструментами уголовного права [14, с. 8 ff], принятие супранациональной стратегии, служащей превентивным целям, обеспечивающей тесное международное сотрудничество всех национальных государственных антикоррупционных органов и структур, а также по форме и содержанию имеющей обязательный императивный характер.

Превентивные стратегии по предотвращению коррупции

1. Супранациональные стратегии по предупреждению коррупции

В последние десятилетия на уровне Совета Европы, Европейского Союза и Организации Объединенных Наций было принято несколько

ко международных соглашений, касающихся противодействия и предупреждения коррупции. В частности, Конвенция Европейского Союза о противодействии взяточничеству, в котором задействованы должностные лица Европейских Сообществ или Европейского Союза от 26 мая 1997 г. (ABl. 1997, C 195), ратифицированная в Германии в соответствии с *EU Best Bekämpfung ÜbkG* от 21 октября 2002 г. (BGBl. 2002 II S. 2727), *EU-Bestechungsgesetz* от 10 сентября 1998 г. (EU-BestG; BGBl. 1998 II S. 2340), Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 17 декабря 1997 г., ратифицированная в Германии в соответствии с Законом о противодействии международному взяточничеству от 10 сентября 1998 г. (IntBestG; BGBl. 1998 II S. 2327); Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 2 Января 1999 г. (ETS Nr. 173) и Дополнительный протокол к этой Конвенции от 15 мая 2003 г. (ETS Nr. 191); Рамочное постановление Совета 2003/568/JI от 22 июля 2003 г. о противодействии подкупу в частном секторе (ABl. L 192 C. 54)). В отношении предупредительных международных антикоррупционных действий особенно важным документом представляется Конвенция ООН против коррупции (*United Nations Convention against Corruption – UNCAC, General Assembly resolution 58/4 of 31 October 2003.* (URL: http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Convention/08-50026_E.pdf). Текст Конвенции ООН против коррупции на немецком языке см.: *Übereinkommen der Vereinten Nationen gegen Korruption* URL: <http://www.un.org/depts/german/uebereinkommen/ar58004-uebgb1.pdf> (дата обращения: 24.08.2017). Основными целями и задачами этой Конвенции являются:

содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;

поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятия мер по возвращению активов;

поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом.

В качестве конкретных предупредительных антикоррупционных мер во всех государствах-участниках Конвенция предусматривает (кроме прочего) необходимость создания кодексов поведения публичных должностных лиц (См. напр.: *Международный кодекс поведения государ-*

ственных должностных лиц, содержащийся в приложении к резолюции 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.), принятие мер, обеспечивающих независимость органов юстиции, разработку объективных критериев для приема на работу и продвижения по службе публичных должностных лиц и для процедуры организации публичных закупок, а также поощрение прозрачности и публичной отчетности в отношении управления публичными финансами и усилению стандартов бухгалтерского учета и аудита в частном секторе. Особенно важным в данной связи представляется выраженное в Конвенции требование о непрременном привлечении гражданского общества к осуществлению контроля за проведением предупредительных антикоррупционных мер. Кроме того, существенное внимание в Конвенции уделено необходимости создания нормативной базы для сотрудничества национальных государственных антикоррупционных органов между собой и в отношении с частным сектором, а также системы международного сотрудничества правоохранительных органов для оказания друг другу содействия в расследовании и производстве по гражданско-правовым и административным вопросам, связанным с коррупцией.

Федеративная Республика Германия подписала Конвенцию ООН против коррупции 9 декабря 2003 г., однако долгое время ее ратификация откладывалась и соответственно необходимые шаги в проведении реформ в области уголовно-правового регулирования ответственности за подкуп депутатов, а также в области регулирования нормативной базы, касающейся пожертвований политическим партиям и партийного спонсоринга, не предпринимались. Причиной отказа от ратификации являлось отсутствие политического консенсуса в этом вопросе, хотя за последние годы в Бундестаге был представлен ряд законопроектов, предусматривающих изменения к § 108e Уголовного уложения ФРГ [1], соответствующие требованиям Конвенции ООН против коррупции (См.: *BT-Drs. 16/6558* от 04 октября 2007 г.; *16/8979* от 25 апреля 2008 г.; *17/1412* от 21 апреля 2010 г.; *17/5933* от 25 мая 2011 г., *17/8613* от 08 февраля 2012 г.). Лишь 12 ноября 2014 года Конвенция была ратифицирована и вступила в действие в Германии с 12 декабря 2014 г. (BGBl. 2015 II S. 140).

2. Профилактические меры и стратегии по предотвращению коррупции в области гражданского (корпоративного) права

В последние десятилетия в Германии был принят ряд норм гражданского (корпоративного) пра-

ва, призванных обеспечить усиление борьбы на предприятиях с экономическими преступными деяниями в целом и с коррупцией в частности. В первую очередь следует упомянуть «Закон о контроле и прозрачности в области предпринимательской деятельности» от 27 апреля 1998 г. (*Gesetz zur Kontrolle und Transparenz im Unternehmensbereich (KonTraG)*, BGBl. 1998 I S. 786), представляющий собой реакцию немецкого законодателя на увеличение числа банкротств предприятий, а также случаев мошенничества и коррупции на крупных предприятиях. В обществе все чаще стали звучать требования о создании прозрачных и надежных управленческих и контрольных структур, а также действенной системы раннего распознавания риска на немецких предприятиях. Исполнению этой корпоративно-правовой обязанности служит так называемый менеджмент риска (*Risikomanagement*), который должен, в частности, позволить распознавать и предотвращать коррупцию и прочие экономические преступные деяния на предприятии, а также смягчать их последствия.

Предупреждению коррупции служат также законы, касающиеся прозрачности оплаты труда руководящих работников на предприятии и бонификации их деятельности. Так, «Закон об открытии информации о размерах доходов правления» от 3 августа 2005 г. (*Gesetz über die Offenlegung der Vorstandsvergütung (Vorstandsvergütungs-Offenlegungsgesetz – VorstOG)*, BGBl 2005 I S. 2267) предусматривает принципиальную обязанность детального отражения размеров дохода членов правления акционерного общества, хотя общее собрание акционеров вправе своим решением отказаться от индивидуализации этих данных. В качестве реакции на нарушения, приведшие к финансовому кризису, «Законом о соразмерности оплаты правления» от 31 июля 2009 г. (*Gesetz zur Angemessenheit der Vorstandsvergütung (VorstAG)*, BGBl 2009 I S. 2509) введены правила, касающиеся выплаты вознаграждений членам правления акционерного общества, в частности, касающиеся соразмерности бонификации и ориентации на долгосрочный экономический успех предприятия.

В 2002 г. вступил в силу (на сегодняшний день претерпевший многократные изменения и дополнения) Немецкий кодекс этики корпоративного управления (*Deutscher Corporate Governance Kodex*), который также служит обеспечению прозрачности в экономических структурах и содержит правила, призванные противостоять криминальным экономическим тенденциям на предприятии. Основной целью Кодекса является улучшение качества корпоративного управления на немецких

предприятиях. В глобальном плане он призван способствовать укреплению прозрачности и доступности для общественности системы корпоративного управления, что должно способствовать укреплению веры вкладчиков, сотрудников предприятия и общественности в целом в добросовестное управление и действенный контроль на немецких предприятиях. Хотя Кодекс не является законом, содержащим императивные положения, он содержит комплекс правил (рекомендаций (*Empfehlungen*) и предложений (*Anregungen*)), предусматривающих добровольное подчинение. При этом несоблюдение определенных рекомендаций может быть обосновано интересами самого предприятия или спецификой отрасли, в которой данное предприятие осуществляет свою деятельность. На этот случай в Кодексе закреплена обязанность ежегодно представлять отчет о том, какие рекомендации не были приняты во внимание („*Comply or explain*“, см. *Präambel DCGK*). В отношении предложений, закрепленных в Кодексе, такого отчета не требуется.

Таким образом, возможность обоснованного несоблюдения определенных рекомендаций обеспечивает гибкость и действенность устава предприятия, основанного на принципе самоуправления. При этом следует учитывать, что несмотря на рекомендательный характер, система регулирования Кодекса и обязанность представления указанного отчета оказывают весьма ощутимое влияние на руководство предприятия в осознании необходимости добровольно подчиняться этическим корпоративным принципам, поскольку участники рынка капиталовложений крайне заинтересованы в открытости и добросовестности экономических отношений, а высокие стандарты прозрачности являются одним из наиважнейших факторов для привлечения новых инвесторов или получения кредитов.

В силу экономической и правовой необходимости следовать предписаниям Кодекса этики корпоративного управления, а также во избежание уголовной и административной ответственности руководства предприятия за нарушение контрольных обязанностей на большинстве крупных немецких предприятий созданы отделы *Compliance* (на мелких и средних предприятиях действуют сотрудники по надзору за соблюдением законодательства – *Compliance Officer*) [4, с. 161–169], призванные контролировать соблюдение правил этики корпоративного управления, директив и законов (*Законодательно предусмотрена обязанность введения функции Compliance только на предприятиях, оказывающих услуги на рынке ценных бумаг*

(§ 33 абз. 1 предл. 2 № 1 Закона о торговле ценными бумагами – *Gesetz über den Wertpapierhandel – WpHG, BGBl 1998 I S. 2708*). В соответствии с § 12 (абз. 4 предл. 1) Положения о конкретизации правил поведения и организационных требований в области оказания услуг на рынке ценных бумаг от 20.07.2007 (*Verordnung zur Konkretisierung der Verhaltensregeln und Organisationsanforderungen für Wertpapierdienstleistungsunternehmen, WpDVerOV, BGBl. 2007 I S. 1432, последнее изменение внесено ст. 16 абз. 4 Закона от 30.06.2016 г., BGBl. 2016 I S. 1514*) обязанность исполнения данного предписания возлагается на уполномоченного представителя *Compliance*). Тем не менее представляется сомнительным, насколько сам факт создания на предприятии отдела *Compliance* свидетельствует о желании руководства предприятия следовать установленным правилам прозрачности и добросовестности. Так, несколько лет назад крупное немецкое предприятие «Сименс» (*Siemens*) публично гарантировало этически корректное поведение на предприятии и всесторонне поддерживало Трансперенси Интернешнл в его борьбе против коррупции (См.: URL: <http://www.transparency.de/Trennung-von-Siemens.1012.0.html> (дата обращения: 29.08.2017)). Однако это не помешало менеджерам предприятия создавать и содержать целую систему тайных счетов (См.: URL: <http://www.welt.de/wirtschaft/article2035729/Der-Herr-der-schwarzen-Kassen-packt-aus.html> (дата обращения: 29.08.2017)), средства на которых были предназначены и отчасти использованы для дачи взяток и коммерческого подкупа за получение заказов, особенно за границей (*BGHSt 52, 323 ff. mwN.; [23, с. 203 ff]; Подробно об уголовной ответственности за создание «тайный счет» см. [22, с. 345–351]*).

В заключении следует упомянуть инициативы частного-экономического сектора, направленные на предотвращение экономических преступлений, что в особенности касается коррупции в экономической и публичной сферах. Так, берлинским акционерным обществом «Бизнес Кипер» („*Business Keeper AG*“) была создана уникальная в своем роде электронная мониторинговая система – специальная коммуникационная платформа в Интернете, служащая приему сигналов от экономических структур, администрации или граждан для передачи их в соответствующие отделы *Compliance*, уполномоченным антикоррупционным или ревизионным отделам и т.д. с целью как можно более раннего распознавания правонарушений и связанных с ними рисков на конкретном предприятии. При этом речь может идти о любом экономическом делинквентном поведении или поступке (в том числе о корруп-

ции), своевременное сообщение о котором посредством разъяснения и принятия необходимых реорганизационных мер может уберечь предприятие или орган государственного управления от непомерного ущерба. В 2013 г. эта система фирмы прошла проверку и сертификацию в органах Европейского союза. В ходе проверки было установлено, что мониторинговая система не только удовлетворяет все (весьма жесткие) европейские требования, но и соответствует немецким положениям о защите личных данных. Поэтому она была сертифицирована Европейским знаком конфиденциальности (*Мониторинг и повторная сертификация 13 августа 2015 г. URL: http://www.european-privacy-seal.eu/EPS-en/Business-Keeper (дата обращения: 29.08.2017)*).

Антикоррупционное уголовное законодательство

В немецком уголовном праве само понятие коррупции не является «*terminus technicus*» [13, с. 759], и представляет собой криминологический феномен, проявляющийся в злоупотреблении служебным положением в государственных, публичных или экономических структурах с целью получения неправомерной выгоды за оказание другому лицу определенных услуг, связанных с профессиональной деятельностью коррупционера (например, неправомерное оказание преимущества другому лицу перед конкурентами, нарушение своих служебных обязанностей или просто их выполнение) (*В обосновании к Закону о противодействии коррупции от 13 августа 1997 г. (BGBl. 1997 I S. 2038) данное понятие определяется как «противоправное взаимодействие должностных лиц и ответственных представителей экономических структур, обоснованное предосудительным стремлением к получению неправомерной выгоды», BT-Drs. 13/3353, S. 8*). Подобные действия не только наносят ощутимый ущерб экономике, но и подрывают доверие граждан в справедливое функционирование государственных, публичных и экономических структур. Поэтому противодействие коррупции является одной из важнейших общественно-политических задач современности.

Уголовное уложение ФРГ содержит несколько составов, призванных противодействовать коррупции средствами уголовного права. Речь идет о должностных коррупционных преступлениях (*Amtsbestechung*, § 331–335a), подкупе депутата (*Bestechlichkeit und Bestechung von Mandatsträgern*, § 108e StGB), коммерческом подкупе (*Bestechlichkeit und Bestechung im geschäftlichen Verkehr*, § 299), а также о получении и даче взятки в сфере здравоохранения (*Bestechlichkeit und Bestechung im Gesundheitswesen*, § 299a и след.).

1. Должностные коррупционные преступления

Уголовное право Германии предусматривает ответственность за мздоимство (получение (нем. *Vorteilsannahme*) и предоставление (нем.: *Vorteilsgewährung*) выгоды, § 331, 333 Уголовного уложения ФРГ) и взяточничество (получение нем.: *Bestechlichkeit*) и дача (нем.: *Bestechung*) взятки, § 332, 334). Все эти деликты являются специальными, поскольку они в случае § 331, 332 Уголовного уложения ФРГ адресованы специальному субъекту преступления, а в § 333, 334 — предусматривают специальный объект [13, с. 781].

В соответствии с § 331, 332 уголовной ответственности за определенные коррупционные действия подлежит должностное лицо (нем.: *Amtsträger*) (§ 11 абз. 1 № 2), европейское должностное лицо (нем.: *Europäischer Amtsträger*) (§ 11 абз. 1 № 2а) (Данное расширение круга специального субъекта § 331, 332 (специального объекта в § 333, 334) введено Законом о борьбе с коррупцией от 26 ноября 2015 г. (*BGBl. 2015 I S. 2025*)), а также лицо, принявшее на себя специальные обязанности, связанные с государственной службой (*Für den öffentlichen Dienst besonders Verpflichteter*) (§ 11 абз. 1 № 4 Уголовного уложения ФРГ). Имплементируя в национальное уголовное право европейские и международные требования (*BT-Drs. 18/4350, S. 12 f.*) [7, с. 203–206], § 335а Уголовного уложения ФРГ (*Введен Законом о борьбе с коррупцией, вступившим в силу 26 ноября 2015 г. (BGBl. 2015 I S. 2025)*) расширил круг субъектов (объектов) коррупционных деликтов, приравняв к должностному лицу служащих иностранного государства или международной организации, а также лиц, уполномоченных выполнять публичные обязанности в пользу иностранного государства или международной организации. Соответствующие положения действуют также в отношении иностранных (международных) судей и военнослужащих.

Инкриминированным действием взяточничества является требование получения выгоды для себя или третьего лица, получение соответствующего обещания или принятие этой выгоды в качестве встречного обязательства за то, что должностное лицо (или приравненный к нему субъект) совершил или совершит в будущем служебное действие и тем самым нарушил или нарушит свои служебные обязанности. Зеркально сформулированный состав дачи взятки предусматривает уголовную ответственность соответственно за предложение, обещание или предоставление должностному лицу этой выгоды. Решающим для состава взяточничества является так называемый

неправомерный сговор (*Unrechtsvereinbarung*) (Подробно с дальнейшими ссылками см.: *Dannecker, in: NK StGB, § 299 Rn. 42 mwN*) о конкретном, нарушающем служебные обязанности действии должностного лица [13, с. 796].

В соответствии с § 332 (абз. 3) Уголовного уложения ФРГ неправомерный сговор о конкретном, нарушающем должностные обязанности действии должностного лица имеет место уже в том случае, что должностное лицо по отношению к взяткодателю выявило свою готовность при совершении деяния нарушить свои обязанности. Поскольку, таким образом, деяние окончено по заключении неправомерного сговора (*BGHSt 15, 239, 249*), для выполнения состава не имеет значения, если должностное лицо не выполнило (не могло выполнить или в тайне вообще не собиралось выполнять) неправомерное действие, являвшееся предметом сговора (*BGH NStZ-RR 2008, 13, 14*).

Предметом мздоимства (§ 331 Уголовного уложения ФРГ) является требование должностным лицом получения выгоды, получение соответствующего обещания или принятие выгоды за исполнение своих служебных обязанностей. Зеркально сформулированный состав предоставления выгоды (§ 333 УУ ФРГ) предусматривает уголовную ответственность соответственно за предложение, обещание или предоставление должностному лицу этой выгоды. В отличие от взяточничества состав мздоимства не требует, чтобы исполнитель получал выгоду в качестве встречного обязательства за совершение конкретного служебного действия (*BGH wistra 1999, 224*). Поэтому достаточной (но и обязательной) является лишь связь между выгодой и исполнением служебных обязанностей (*BGH NJW 2004, 3507 ff*) Так, если презент преподносится для поддержки добрых отношений с должностным лицом, для обеспечения хорошего климата в деловых отношениях с ним и т.д. — налицо требуемая связь и нет необходимости в конкретизации определенного служебного действия (*BGH NJW 2004, 3573, 3575, wistra 2000, 97, LG Wuppertal, NJW 2003, 1405, Heine, in: Schönke/Schröder, StGB 29. Aufl. 2014, § 331 Rn. 7 mwN*).

2. Подкуп депутата

Состав подкупа депутата в положениях § 108е Уголовного уложения ФРГ был кардинально реформирован в 2014 г. с целью исключения значительных пробелов наказуемости, подвергшихся критике в литературе [10, с. 220, 222 ff]; [5, с. 5–13] и правоприменительной практике (См.: *BGHSt. 51, 44, 45 ff. В данном решении Федеральный Верховный суд ФРГ постановил, что депутат не является должностным лицом в контексте § 11 (абз. 1 № 2 Lit. b или*

с) УУ ФРГ. Таким образом, в отношении депутата применение должностных коррупционных деликтов (§ 331 и след. Уголовного уложения ФРГ), а также с целью приведения антикоррупционного уголовного законодательства по преодолению коррупции в сфере народного представительства в соответствии с требованиями международных соглашений против коррупции, о которых шла речь выше (BT-Drs. 18/476 vom 11.02.2014 idF. der Beschlussempfehlung BT-Drs. 18/607 vom 19 февраля 2014 г.; BGBl. 2014 I S. 410). Технически наименование деликта было изменено на «Получение и дачу взятки в отношении обладателя депутатских полномочий» (*Bestechlichkeit und Bestechung von Mandatsträgern*), что, по сути, несколько казуистически описывает подкуп депутата в широком понимании коррупционных действий в данной области. Защищенным правовым благом в § 108e является публичная заинтересованность в безукоризненном функционировании парламентских процессов и независимости обладателей депутатских полномочий, а также в объективности принимаемых парламентом решений (BT-Drs. 18/476, S. 6) [10, с. 220, 225]. По мнению законодателя состав призван защищать свободу становления и изъявления воли парламентариев от недопустимого постороннего влияния (BT-Drs. 18/476, S. 6). Основной сложностью при формулировке новой редакции нормы являлось установление баланса между необходимостью охватить подлежащие уголовной ответственности коррупционные действия в сфере народного представительства и правом депутата на свободное исполнение депутатских полномочий (BT-Drs. 18/476, S. 5). Необходимо было учесть особенности становления и изъявления воли при принятии парламентских решений, т.е. исключить опасность уголовной ответственности за общепринятые и допустимые действия в области парламентской деятельности.

В отличие от старой редакции § 108e Уголовного уложения ФРГ, предусматривавшей уголовную ответственность лишь за продажу (покупку) голоса на выборах или голосовании в соответствующих органах народного представительства, в новой редакции состава дачи взятки депутату («пассивный подкуп», § 108e абз. 1) инкриминировано требование получения неправомерной выгоды для себя или третьего лица, получение соответствующего обещания или принятие этой выгоды в качестве встречного обязательства за то, что член народного представительства Федерации или земель (или субъект, приравненный к нему в соответствии с § 108e абз. 3) при исполнении своих депутатских полномочий совершит или не совершит определенное действие в соответствии с данным ему по-

ручением или указанием. Зеркально сформулированный состав дачи взятки депутату («активный подкуп», § 108e абз. 2) предусматривает уголовную ответственность соответственно за предложение, обещание или предоставление члену народного представительства этой выгоды. Итак, специальным субъектом пассивного подкупа (специальным объектом активного подкупа) является член народного представительства Федерации или земель; в соответствии с § 108e абз. 3 состав подкупа депутата распространяется также на членов муниципального народного представительства, избранных членов территориального административного органа, членов Федерального Собрания, Европейского парламента, парламентского собрания иностранной организации или иностранного законодательного органа. Неправомерной считается выгода, если она представляет собой материальное или идеальное улучшение экономического, правового или личного положения получателя, на которое он не имеет юридически обоснованного права (BT-Drs. 18/476, S. 7). При этом в § 108e (абз. 4) разъясняется, что признак неправомерности отсутствует, если получение выгоды не противоречит предписаниям, регулирующим правовое положение обладателя депутатских полномочий (например, Закон о правовом положении депутатов (*Abgeordnetengesetz*, BGBl 1996 I S. 326), Правила поведения членов немецкого Бундестага в Приложении 1 к Внутреннему распорядку немецкого Бундестага (*Verhaltensregeln für Mitglieder des Deutschen Bundestages, Anlage 1 der Geschäftsordnung des Deutschen Bundestages*, BGBl 1980 I S. 1237), Инструкции Президента Бундестага к этим Правилам (*Ausführungsbestimmungen*), а так же соответствующие земельные предписания. Подробно см.: BT-Drs. 18/476, S. 9 ff). Расширение депутатских полномочий, политические посты, а также допускаемые Законом о политических партиях (*Gesetz über die politischen Parteien – Parteiengesetz*, BGBl 1994 I S. 149) пожертвования не считаются неправомерной выгодой. Решающим для состава подкупа депутата является неправомерный сговор о конкретном действии депутата по поручению или указанию взяткодателя в качестве ответного обязательства за получение выгоды. Необходимо наличие каузальной взаимосвязи между неправомерной выгодой и действиями депутата при исполнении его депутатских полномочий (BT-Drs. 18/476, S. 7 f). Таким образом, новый состав подкупа депутата криминализует лишь «коммерциализацию депутатских полномочий», а не любую выгоду, которую он может получить за добросовестное исполнение депутатских полно-

мочий и принятие решений, соответствующих его убеждениям. Лишь в случае, если депутат ставит свои действия (или бездействие) в зависимость от выгоды и подчиняет свои убеждения интересам взяткодателя, имеет место уголовно-наказуемая коммерциализация его полномочий (*BT-Drs. 18/476, S. 7*).

Наконец, в соответствии с § 2 Закона о противодействии международной коррупции (*IntBestG от 10.09.1998, BGBl 1998 II S. 2327*) уголовной ответственности подлежит тот, кто, имея намерение получить заказ или неправомерное преимущество, предлагает, обещает или предоставляет члену иностранного законодательного органа или члену парламентского собрания иностранной организации выгоду для него или третьего лица в качестве встречного обязательства за то, что это лицо совершит в будущем действие или бездействие, связанное с его депутатским положением или обязанностями.

Подобное «двойное» уголовно-правовое регулирование в отношении членов иностранного законодательного органа или членов парламентского собрания иностранной организации объясняется законодателем требованиями Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (*См. в особенности: Конвенция Европейского Союза о противодействии взяточничеству, в котором задействованы должностные лица Европейских Сообществ или Европейского Союза от 26 мая 1997 г. (ABl. 1997, С. 195), ратифицированная в Германии в соответствии с EU Best Bekämpfung Übk G от 21 октября 2002 г. (BGBl. 2002 II S. 2727), см. также EU-Bestechungsgesetz от 10 сентября 1998 г. (EU-BestG; BGBl. 1998 II S. 2340), Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 17 декабря 1997 г., ратифицированная в Германии в соответствии с Законом о противодействии международному взяточничеству от 10.09.1998 (IntBestG; BGBl. 1998 II S. 2327); Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (ETS Nr. 173) и Дополнительный протокол к этой Конвенции от 15 мая 2003 г. (ETS Nr. 191); Рамочное постановление Совета 2003/568/JI от 22 июля 2003 г. о противодействии подкупу в частном секторе (ABl. L 192 С. 54)) и особенностями взяточничества в международном деловом обороте, которым ограничивается сфера действия*

Закона о противодействии международной коррупции [10, с. 220, 229].

3. Коммерческий подкуп

В отличие от должностных коррупционных преступлений коммерческий подкуп не связан с защитой доверия общественности в безупречность представителей государственной власти и в объективность принимаемых ими решений (*что является охраняемыми правовыми благами § 331 и след. Уголовного уложения ФРГ. См.: BGHSt 14, 123, 131; 15, 88, 96; 43, 370, 377*), а направлен исключительно на защиту добросовестной конкуренции в частном секторе, интересов конкурентов и работодателя [13, с. 760].

§ 299 Уголовного уложения ФРГ также является специальным деликтом, поскольку может быть воплощен лишь служащим или уполномоченным лицом делового предпринимательства [1, с. 238].

В соответствии с § 299 (абз. 1 № 1) уголовной ответственности подлежит служащий или уполномоченное лицо делового предпринимательства, который/которое в деловом обороте требует получения выгоды для себя или третьего лица, получает соответствующее обещание или принимает эту выгоду в качестве встречного обязательства за то, что недобросовестно окажет предпочтение другому лицу при приобретении конкурирующих товаров или профессиональных услуг на национальном или международном рынке. Зеркальное регулирование в отношении наказуемости взяткодателя предусмотрено в § 299 (абз. 2 № 1).

Вторая альтернатива данной нормы (§ 299 абз. 1 № 2) предусматривает уголовную ответственность служащего или уполномоченного лица делового предпринимательства, который/которое в деловом обороте без согласия работодателя требует получения выгоды для себя или третьего лица, получает соответствующее обещание или принимает эту выгоду в качестве встречного обязательства за то, что при приобретении товаров или профессиональных услуг совершит действие или бездействие и тем самым нарушит свои обязанности по отношению к работодателю.

В ходе упоминавшейся выше реформы антикоррупционного уголовного законодательства Германии § 299 Уголовного уложения ФРГ претерпел серьезные изменения. Если раньше в качестве инкриминированного деяния требовался неправомерный сговор, направленный на предоставление выгоды в качестве встречного обязательства за недобросовестное оказание предпочтения при приобретении конкурирующих товаров или профессиональных услуг, то в новой редакции данной нормы охвачены также ситуа-

ции вне рынка конкуренции [7, с. 203, 204]. Решающим здесь является не опасность нарушения добросовестности конкуренции [15, с. 553, 556], а возможность нарушения лояльности работника по отношению к работодателю, т.е. опасность нарушения интересов работодателя в исполнении обязанностей сотрудников без неправомерного постороннего вмешательства [7, с. 203, 204].

4. Получение и дача взятки в сфере здравоохранения

Наиболее зримо последствия коррупции проявляются в «системообразующих» областях экономики, к которым относится, в частности, здравоохранение. Здесь коррупционные действия не только причиняют значительный экономический ущерб, но и приводят к осязаемому росту цен на лекарства и медицинские услуги. Более того, они подрывают веру граждан в справедливую и социальную систему медицинского обеспечения, не обремененную финансовыми махинациями со стороны медицинского персонала и фармакологической промышленности (*BR-Drs. 451/13, S. 4; 360/15, S. 6*). Кроме того, системообразующая область обеспечения медицинского обслуживания населения системно связана с национально и глобально действующими экономическими структурами с многомиллиардным годовым оборотом. Речь идет о фармакологической промышленности, медицинском машиностроении, содержании клиник и медицинских центров, логистике и т.д. Так, в 2015 г. в Германии оборот денежных средств в сфере здравоохранения составил 344,2 млрд евро (*Statistisches Bundesamt (Destatis), Fachserie 12 Reihe 7.1.1, 2015 (Gesundheit. Ausgaben). Wiesbaden 2017*), – на 4,5% больше по сравнению с 2014 г. Это 11,3 % внутреннего валового продукта страны (*Данные предоставлены в соответствии с официальным заявлением для прессы Федерального статистического ведомства ФРГ от 21 февраля 2017 г. № 61/17 (URL: http://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2017/02/PD17_061_23611.html (дата обращения: 28.09.2017))*). На медицинское обслуживание государственные страховые медицинские организации затратили в общей сложности 200 млрд евро, а частные страховые медицинские компании – 30,5 млрд (*Statistisches Bundesamt (Destatis), Fachserie 12 Reihe 7.1.1, 2015 (Gesundheit. Ausgaben). Wiesbaden 2017*).

Понятно, что столь высокотирированная сфера представляет собой весьма благоприятную почву для коррупционной деятельности. К тому же опасность распространения коррупции в сфере здравоохранения связана с тем, что полномочия

по принятию окончательного решения о распространении того или иного препарата или медицинского материала, а также приобретении того или иного медицинского оборудования сконцентрировано в руках представителей определенной медицинской профессии. При этом ключевая позиция врачей и аптекарских работников в принятии подобных решений обоснована законодательно установленной обязательностью врачебного назначения лекарственных средств и их распространению только через аптеки (§ 43, 48 Закона об обороте лекарственных средств (*Gesetz über den Verkehr mit den Arzneimitteln (Arzneimittelgesetz – AMG), BGBl 2005 I S. 3394; BGBl 2016 I S. 1666*)), а также исключительным правом врачей на назначение лекарственных препаратов (§ 48 указанного закона, § 2 (абз. 1 № 1) Положения об обязательном рецептурном отпуске лекарственных препаратов (*Verordnung über die Verschreibungspflicht von Arzneimitteln (Arzneimittelverschreibungsverordnung – AMVV), BGBl 2005 I S. 3632; BGBl 2016 I S. 237*)). Это отражается на деятельности прочих участников рынка и создает стимул для оказания неправомерного влияния на принятие соответствующего решения при назначении или отпуске лекарственных препаратов или медицинских материалов (*Geiger, Zeitschrift Neue Kriminalpolitik 2013, 136, 144; Scholz, in Spickhoff, Medizinrecht, § 32 MBO Rn. 1*). Фармакологические предприятия при сбыте своей продукции полностью зависят от решений, которые принимают врачи при назначении и аптекари при отпуске лекарственных препаратов. Но и представители не врачебных медицинских профессий, а также изготовители медицинского оборудования заинтересованы в том, чтобы врачи в процессе лечения прибегали именно к их услугам и приобретали именно их продукцию. Для оказания влияния на принятие желаемого решения создаются комплексные коррупционные схемы. Так, речь может идти о сговоре частнопрактикующего врача с определенной клиникой или определенным санаторием, в результате которого врач (за плату) рекомендует своим пациентам за счет своей медицинской страховки воспользоваться услугами именно этих медицинских учреждений [24, с. 133 ff; 17, с. 129; 18, с. 195, 197 ff]. Широко распространены также случаи так называемого фармакологического маркетинга [12; 20, с. 392 ff]. Здесь речь идет о сговоре врача или аптекаря с представителем определенного фармакологического предприятия о назначении или отпуске лекарственных препаратов именно этого производителя. За это врач (аптекарь) получает от него определенную

выгоду, которая может заключаться в презентях [21, с. 2811], приглашениях на конгрессы с оплатой всех издержек или выплате процентов от стоимости препарата, предоставлении скидок на продукцию и т.д. [6, с. 193; 28, с. 539, 546; 30, с. 622].

Разумеется, важную роль в противодействии коррупции в сфере здравоохранения играют антимонопольное, социальное и дисциплинарное законодательство. Однако именно необходимое (BGH, GSSSt 2/11, Rn. 21) уголовно-правовое антикоррупционное регулирование не может не вызывать некоторого беспокойства, поскольку его действенность в борьбе с подобными коррупционными схемами и структурами (во всяком случае до сих пор) весьма ограничена (BT-Drs. 18/6446, S. 12; 18/8106, S. 1).

Во-первых, это касается проблем применения норм, предусматривающих ответственность за совершение должностных коррупционных преступлений (§ 331, 332 Уголовного уложения ФРГ) и коммерческого подкупа (§ 299), в отношении противодействия коррупции в сфере здравоохранения. Поскольку, как уже говорилось, все антикоррупционные составы в Уголовном уложении ФРГ предполагают наличие специального субъекта (объекта) [13, с. 762, 781], в юридической литературе и судебной практике долгое время дискуссионным оставался вопрос о том, насколько частнопрактикующий врач, допущенный к медицинскому обслуживанию клиентов по расчету с государственными страховыми медицинскими организациями, является должностным лицом в контексте § 11 (абз. 1 № 2с) Уголовного уложения ФРГ и может, таким образом, подвергаться уголовной ответственности за мздоимство или взяточничество в соответствии с § 331, 332. Кроме того, велись научные дискуссии по поводу того, может ли врач, обслуживающий застрахованного в государственной страховой медицинской организации пациента, рассматриваться в качестве уполномоченного лица этой компании. От ответа на данный вопрос зависела уголовная ответственность врача за коммерческий подкуп по § 299 (абз. 1) УУ ФРГ [9, с. 10]. В итоге третья и пятая Судебные коллегии по уголовным делам Федерального верховного суда ФРГ (*Bundesgerichtshof* – BGH) (BGH, NSStZ 2012, 35 ff. (3 StR 458/10); BGH, NSStZ-RR 2011, 303 ff. (5 StR 115/11)) не смогли прийти к единому мнению и передали вопрос на рассмотрение расширенной Судебной коллегии по уголовным делам Федерального верховного суда ФРГ (*Großer Senat für Strafsachen des BGH*). В данной связи свое прецедентное решение от 29 марта 2012 г. (BGH, GSSSt 2/11 (BGH, NJW 2012, 2530 ff)) расширенная

Судебная коллегия вынесла по запросу пятой Судебной коллегии по уголовным делам ФВС ФРГ в рамках кассационного обжалования вердикта Земельного суда г. Гамбурга от 2 декабря 2010 г. (*LG Hamburg, GesR 2011, 164 ff*), приговорившего референта одного крупного фармакологического предприятия за 16-тикратный коммерческий подкуп к уголовному наказанию в виде денежного штрафа (*Схема, которой пользовалась подсудимая, заключалась в менеджменте по назначению лекарственных препаратов. Врач, который назначал своим пациентам лекарственные препараты данного фармакологического предприятия, получал в качестве вознаграждения 5% от их цены, назначенной изготовителем. Данные средства проводились референтом как гонорар врача за его фиктивные научные доклады*). Рассмотрев поставленный вопрос, расширенная Судебная коллегия по уголовным делам ФВС ФРГ пришла к выводу, что частнопрактикующий врач, допущенный к медицинскому обслуживанию клиентов по расчету с государственными страховыми медицинскими организациями, не является ни должностным лицом в контексте § 11 (абз. 1 № 2с) Уголовного уложения ФРГ, ни уполномоченным лицом государственной страховой организации. В обосновании решения указано, что государственные страховые компании хотя и являются «иными организациями» [13, с. 785] административного управления в контексте § 11 (абз. 1 № 2с), врач не привлечен к исполнению публично-правовой обязанности, назначая определенные лекарственные препараты или выполняя иные медицинские действия в процессе лечения пациента (BGH, GSSSt 2/11, Rn. 11 ff., 14 ff.). Напротив, в отношениях между врачом и пациентом преобладает частноправовой элемент, а отношения между ними построены на обоюдном доверии и принципе свободного выбора, на обоснование, и государственные страховые медицинские организации влияния на это не оказывают (См.: BGH, GSSSt 2/11, Rn. 20). Следовательно, наказуемость врача за мздоимство или взяточничество по § 331, 332 не наступает. Даже если рассмотреть иную ситуацию, например, если врач, работающий в клинике, организованной в публично-правовой форме, и на этом основании квалифицируемый как должностное лицо в соответствии с § 11 (абз. 1 № 2), получает со стороны выгоду за выбор определенного лекарства в терапевтическом процессе, он не может быть привлечен к уголовной ответственности за мздоимство или взяточничество по § 331, 332, поскольку подобные действия (т.е. терапевтические решения) не относятся к сфере административного управления

и поэтому не связаны ни с исполнением, ни с нарушением его служебных обязанностей [27, с. 11 ff].

Также была отклонена уголовная ответственность частнопрактикующего врача (аптекаря или иного представителя медицинской профессии) за коммерческий подкуп по § 299 Уголовного уложения ФРГ, поскольку сама концепция их отношений с государственными страховыми медицинскими организациями, предусмотренная в § 72 Книги V Социального уложения ФРГ (*Sozialgesetzbuch V, BGBl 1998 I S. 2477, 2482*), основывается на принципе равноправного сотрудничества, а не подчинения (*BGH, GSSSt 2/11, Rn. 32*). Если же вернуться к примеру работающего в клинике врача, то на основании трудового договора он, в принципе может рассматриваться как служащий или уполномоченное лицо делового предпринимательства в контексте § 299 (абз. 1) (*что является, по нашему мнению, спорным, см.: BT-Drs. 18/6446, S. 12*), однако уголовная ответственность за коммерческий подкуп может наступать только при наличии связи между неправомерной выгодой врача и решениями, принимаемыми работодателем (т.е. клиникой) при приобретении конкурирующих товаров или профессиональных услуг. В случаях, когда пациент сам приобретает выписанные ему врачом лекарства (как это чаще всего бывает), подобная связь с деловым предпринимательством врача при приобретении указанных товаров или услуг отсутствует. Следовательно, уголовная ответственность врача по § 299 (абз. 1) не наступает [27, с. 42].

Во-вторых, имущественные деликты Уголовного уложения ФРГ (например, злоупотребление доверием в контексте § 266 или мошенничество в соответствии с § 263), защищающие исключительно имущественные правовые блага [19, с. 491, 791], уже в силу отсутствия в них антикоррупционной направленности (*BT-Drs. 18/6446, S. 1, 12*) не в состоянии в полной мере противодействовать коррупционной деятельности в сфере здравоохранения [27, с. 32 ff.].

Таким образом, расширенная Судебная коллегия по уголовным делам ФВС ФРГ указала на серьезный пробел наказуемости в уголовно-правовом противодействии коррупции в сфере здравоохранения, отметив при этом необходимость решения данной проблемы законодателем (*BGH, GSSSt 2/11, Rn. 46; BR-Drs. 360/15, S. 8*).

За последние несколько лет немецким законодателем было предпринято несколько попыток создания действенных норм, по противодействию коррупции в сфере здравоохранения. В прошедшем законодательном периоде Бундестаг принял

Закон о поддержке превенции (*Gesetz zur Förderung der Prävention, BT-Drs. 17/14184, S. 7*), содержащий изменения Книги V Социального уложения ФРГ в части противодействия коррупции в сфере здравоохранения. Однако данный законопроект был заблокирован в Бундесрате (*Bundesrat*) (*BR-Drs. 636/13. Бундесрат является законодательным органом, обеспечивающим участие Федеральных земель в законодательном процессе на федеральном уровне, см.: www.bundesrat.de*), а вместо него предложено внесение в Уголовное уложение ФРГ нового состава § 299а «Получение и дача взятки в сфере здравоохранения» (*BR-Drs. 451/13*). Но и эта законодательная инициатива в тот момент успехом не увенчалась.

В коалиционном договоре, заключенном между правящими в 18-том законодательном периоде партиями ХДС/ХСС (*CDU/CSU*) и СДПГ (*SPD*), предусмотрена договоренность о стремлении к созданию действенных уголовно-правовых норм, обеспечивающих противодействие коррупции в сфере здравоохранения (*Koalitionsvertrag, URL: http://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/koalitionsvertrag.pdf, S. 55* (дата обращения: 18.09.2017)). В дальнейшем последовало несколько законопроектов, предусматривающих соответствующую уголовную ответственность. Вносились предложения об изменении состава коммерческого подкупа (§ 299 Уголовного уложения ФРГ в действующей редакции) (*BR-Drs. 548/07. Подробно: Schneider, Rechtsgutachten zu dem „Entwurf eines Gesetzes zur Bekämpfung von Korruption im Gesundheitswesen“ des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz, 2015*), создании общего состава § 299а «Получение и дача взятки в сфере здравоохранения», предусматривающего в качестве специального субъекта «лицо, относящееся к медицинской профессии, представители которой объединены в соответствующие профессиональные коллегии» (*Законопроект Баварского Министерства юстиции «Проект закона о преодолении коррупции в сфере здравоохранения» от 25 июля 2014 г. Критические замечания см.: Schneider, Rechtsgutachten zu dem „Entwurf eines Gesetzes zur Bekämpfung von Korruption im Gesundheitswesen“ des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz, 2015, S. 5 ff.*). Однако данный проект был отклонен, поскольку он охватывал медицинские профессии лишь выборочно [25, с. 5].

21 октября 2015 г. Правительством ФРГ на рассмотрение законодателем был внесен законопроект «О противодействии коррупции в сфере здравоохранения» (*BT-Drs. 18/6446, Anlage 1, S. 7 ff.*), в основном базирующийся на

профильном законопроекте Министерства юстиции и защиты прав потребителей ФРГ от 4 февраля 2015 г. (*BR-Drs. 360/15* от 14 августа 2015 г.; *BR-Drs. 360/1/15* от 14.09.2015; *BR-Drs. 360/15* (*Beschluss*) от 25 сентября 2015 г.). Однако Бундестаг направил его на согласование в профильный комитет по праву и защите прав потребителей (*Протокол пленарного заседания Бундестага 18/137* от 13 ноября 2015 г., С. 13485С (*URL: http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/18/18137.pdf#P.13485* (дата обращения: 18.09.2017)), где законопроект, претерпел столь существенные изменения, что от изначально заложенной в нем двухсторонней направленности уголовно-правового противодействия злоупотреблениям в сфере здравоохранения (от антикоррупционной составляющей, специально сформулированной для сферы здравоохранения) практически не осталось и следа. Внеся соответствующие поправки, профильный комитет вернул законопроект в Бундестаг с рекомендацией о его принятии (*Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Recht und Verbraucherschutz* (6. Ausschuss) v. 13.04.2016, *BT-Drs. 18/8106*, С. 3).

Закон о противодействии коррупции в сфере здравоохранения (*Gesetz zur Bekämpfung von Korruption im Gesundheitswesen vom 30.05.2016*, *BGBl.*

2016 I S. 1254. Подробно об этапах законодательного процесса см.: *URL: http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP18/685/68571.html* (дата обращения: 18.09.2017)) был принят Бундестагом в третьем чтении (См.: *Протокол пленарного заседания Бундестага 18/164* от 14.04.2016, С. 16164А (*URL: http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/18/18164.pdf#P.16164* (дата обращения: 18.09.2017)) в редакции, предложенной профильным комитетом (*BT-Drs. 18/6446*, *18/8106*; *BR-Drs. 181/16*), и вступил в законную силу 4 июня 2016 года (*постановлением Бундесрата от 13 мая 2016 г. было принято решение воздержаться от созыва согласительного комитета обеих палат немецкого Парламента для совместного рассмотрения законопроекта* (абз. 2 ст. 77 *Основного закона ФРГ. BR-Drs. 181/16* (*Beschluss*))).

Сравним изменения антикоррупционного уголовного законодательства, предусмотренные в правительственном законопроекте от 21 октября 2015 г., и изменения, внесенные в Уголовное уложение ФРГ Законом о противодействии коррупции в сфере здравоохранения в редакции парламентского профильного комитета от 30 мая 2016 г. Курсивом выделены фрагменты, и не вошедшие в Закон, жирным шрифтом – редакционные изменения, а подчеркнутым жирным шрифтом – нововведения).

<p><i>Изменения Уголовного уложения ФРГ, предусмотренные правительственным законопроектом о противодействии коррупции в сфере здравоохранения в редакции от 21 октября 2015 г.</i></p>	<p><i>Изменения Уголовного уложения ФРГ, внесенные в уголовное законодательство на основании Закона о противодействии коррупции в сфере здравоохранения в редакции парламентского профильного комитета от 30 мая 2016 г.</i></p>
<p>§ 299а. Получение взятки в сфере здравоохранения</p>	
<p>(1) Тот, кто, являясь представителем медицинской профессии, для занятия которой или для использования в правовом обороте профессионального обозначения которой необходимо приобретение подлежащего государственному регулированию образования, в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности требует получения выгоды для себя или третьего лица, получает соответствующее обещание или принимает эту выгоду в качестве встречного обязательства за то, что он при назначении <i>или отпуске</i> лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов или при направлении пациентов или материала для медицинского исследования</p> <p>1. недобросовестно окажет предпочтение другому лицу в условиях национальной или международной конкуренции <i>или</i></p> <p>2. нарушит свои профессиональные обязанности, связанные с соблюдением профессиональной независимости медицинского работника,</p> <p>– наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.</p>	<p>Тот, кто, являясь представителем медицинской профессии, для занятия которой или для использования в правовом обороте профессионального обозначения которой необходимо приобретение подлежащего государственному регулированию образования, в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности требует получения выгоды для себя или третьего лица, получает соответствующее обещание или принимает эту выгоду в качестве встречного обязательства за то, что он</p> <p>1. при назначении лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов,</p> <p>2. при приобретении лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов, соответственно предназначенных для непосредственного применения представителем медицинской профессии или его профессиональным помощником, или</p> <p>3. при направлении пациентов или материала для медицинского исследования</p> <p>недобросовестно окажет предпочтение другому лицу в условиях национальной или международной конкуренции</p> <p>– наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.</p>
<p>(2) Таким же образом наказывается тот, кто, являясь представителем медицинской профессии в контексте абз. 1, требует получения выгоды, получает соответству-</p>	

<p><i>ющее обещание или принимает эту выгоду за то, что он при приобретении предназначенных для отпуска пациентам лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов нарушит свои профессиональные обязанности, связанные с соблюдением профессиональной независимости медицинского работника.</i></p>	
<p>§ 299б. Дача взятки в сфере здравоохранения</p>	
<p><i>(1) Тот, кто предлагает, обещает или предоставляет представителю медицинской профессии в контексте § 299а (абз. 1) в связи с осуществлением его профессиональной деятельности для него или третьего лица выгоду в качестве встречного обязательства за то, что он при назначении или отпуске лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств, или медицинских продуктов или при направлении пациентов или материала для медицинского исследования</i></p> <p>1. недобросовестно окажет предпочтение другому лицу в условиях национальной или международной конкуренции <i>или</i></p> <p>2. <i>нарушит его профессиональные обязанности, связанные с соблюдением профессиональной независимости медицинского работника,</i></p> <p>— наказывае тся лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.</p>	<p>Тот, кто предлагает, обещает или предоставляет представителю медицинской профессии в контексте § 299а в связи с осуществлением его профессиональной деятельности для него или третьего лица выгоду в качестве встречного обязательства за то, что он</p> <p>1. при назначении лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств, или медицинских продуктов, 2. при приобретении лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов, соответственно предназначенных для непосредственного применения представителем медицинской профессии или его профессиональным помощником, или 3. при направлении пациентов или материала для медицинского исследования недобросовестно окажет предпочтение другому лицу в условиях национальной или международной конкуренции</p> <p>— наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.</p>
<p><i>(2) Таким же образом наказывается тот, кто предлагает, обещает или предоставляет представителю медицинской профессии в контексте абз. 1 выгоду для него или для другого лица в качестве встречного обязательства за то, что тот при приобретении предназначенных для отпуска пациентам лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов нарушит его профессиональные обязанности, связанные с соблюдением профессиональной независимости медицинского работника.</i></p>	
<p>§ 300. Особо тяжкие случаи получения и дачи взятки в деловом обороте и в сфере здравоохранения</p>	
<p>В особо тяжких случаях деяние, предусмотренное в § 299, 299а <i>или</i> 299б, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет. Как правило, особо тяжкий случай имеет место, если:</p> <p>1. деяние связано с получением выгоды в крупном размере, или</p> <p>2. исполнитель действует в виде промысла или в качестве члена банды, организованной для продолжительного совершения подобных деяний.</p>	<p>В особо тяжких случаях деяние, предусмотренное в §§ 299, 299а и 299б, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет. Как правило, особо тяжкий случай имеет место, если:</p> <p>1. деяние связано с получением выгоды в крупном размере, или</p> <p>2. исполнитель действует в виде промысла или в качестве члена банды, организованной для продолжительного совершения подобных деяний.</p>
<p>§ 301. Ходатайство об уголовном преследовании</p>	<p>Без изменений</p>
<p>по отношению к редакции, действовавшей до вступления в силу закона от 30 мая 2016 г.</p>	
<p><i>(1) Получение и дача взятки в деловом обороте в соответствии с § 299, а также получение взятки в сфере здравоохранения и дача взятки в сфере здравоохранения в соответствии с §§ 299а, 299б преследуются только по ходатайству, за исключением случаев, в которых по мнению правоохранительных органов в силу особого общественного интереса в уголовном преследовании требуется государственное вмешательство по официальной инициативе.</i></p> <p><i>(2) Право на ходатайство в соответствии с абзацем 1 имеют наравне с потерпевшим:</i></p> <p>1. <i>в случаях, предусмотренных в § 299 (абз. 1 № 1 и абз. 2 № 1), предприниматели, объединения и коллегии, указанные в § 8 (абз. 3 № 2 и 4) Закона о противодействии недобросовестной конкуренции, и</i></p>	

<p>2. в случаях, предусмотренных в § 299а, 299б, а) профессиональная коллегия и профессиональное объединение врачей и врачей-стоматологов, допущенных к медицинскому обслуживанию клиентов по расчету с государственными страховыми медицинскими организациями, членом которой (которого) исполнитель являлся в момент совершения деяния, б) любой правоспособный профессиональный союз, представляющий интересы потерпевших в условиях конкуренции, и с) государственная страховая медицинская и попечительская организация, членом которой является пациент, или частная страховая медицинская и попечительская компания, клиентом которой является пациент.</p>	
<p>§ 302. Расширенная конфискация того, что было приобретено преступным путем</p>	<p>Изменения редакции, действовавшей до вступления в силу закона от 30 мая 2016 г. (Положения § 302 УУ ФРГ исключены из текста уголовного закона в соответствии со вступившим в силу 01 июля 2017 г. Законом о реформе уголовно-правового института конфискации имущества [Gesetz zur Reform der strafrechtlichen Vermögensabschöpfung (VermAbschRÄndG)] от 13 апреля 2017 г. (BGBl 2017 I S. 872). В соответствии с данным законом уголовно-правовой институт конфискации имущества (имущественный штраф, конфискация приобретенного преступным путем, изъятие предметов и средств совершения деяния) претерпел коренные сущностные и структурные изменения. Поскольку в результате этой реформы положения § 73а (ранее § 73d) о расширенной конфискации имущества, приобретенного преступным путем, потеряло отсылочный характер, все отсылки к данной норме в составах Особенной части УУ ФРГ (в частности, в § 302 УУ ФРГ) были упразднены. (BT-Drs. 18/9525, S. 74) [3, с. 324–339].</p>
<p>В случаях, предусмотренных в §§ 299, 299а, 299б, подлежат применению положения, установленные в § 73d, если исполнитель действует в виде промысла или в качестве члена банды, организованной для продолжительного совершения подобных деяний.</p>	<p>В случаях, предусмотренных в § 299, 299а, 299б, подлежат применению положения, установленные в § 73d, если исполнитель действует в виде промысла или в качестве члена банды, организованной для продолжительного совершения подобных деяний.</p>

Итак, в обеих редакциях их текст предусматривает введение в Уголовное уложение ФРГ двух новых составов преступного деяния: § 299а «Получение взятки в сфере здравоохранения» и § 299б «Дача взятки в сфере здравоохранения», а также расширяет сферу применения действующей нормы об особо тяжких случаях получения и дачи взятки в деловом обороте, т.е. при совершении коммерческого подкупа, на коррупционные злоупотребления в сфере здравоохранения (§ 300). Структурно диспозиции новых норм в обеих редакциях предусматривают совершение определенного коррупционного действия (В контексте § 299а: «... требует получения выгоды для себя или третьего лица, получает соответствующее обещание или принимает эту выгоду...». Зеркальное регулирование в § 299б УУ ФРГ: «...предлагает, обещает или предоставляет эту выгоду...») в рамках неправомерного сговора («...в качестве встречного обязательства...») о достижении определенной неправомерной цели (в окончательной редакции – исключительно недобросовестное оказание

предпочтения в условиях конкуренции; в Правительственном законопроекте – также нарушение профессиональных обязанностей). Однако по сути, содержанию и направленности защиты правовых интересов вступившая в законную силу редакция значительно отличается от правительственного законопроекта.

Охраняемым правовым благом уголовно-правовых антикоррупционных норм в сфере здравоохранения (в законодательном процессе в целом бесспорно (BT-Drs. 360/15, S. 8; 18/6446, S. 12f.; 18/8106, S. 17; BR-Drs. 181/16, S. 1f.)) является защита, с одной стороны, свободной конкуренции, с другой стороны – интересов пациентов. Защищая свободную конкуренцию, антикоррупционное законодательство призвано обеспечить конкурентоспособность добросовестных участников рынка, предлагающих свои товары и услуги в сфере здравоохранения, и обеспечивать сохранение баланса между качественным и прогрессивным развитием медицинского обслуживания населения, фармацевтики, медицинской

техники и приемлемой динамикой ценообразования в данной сфере (См.: *BR-Drs. 181/16, S. 1f.*). Наряду с этим, учитывая особую ответственность всех профессиональных групп, задействованных в системе здравоохранения, объявленной целью реформы антикоррупционного уголовного законодательства является необходимость обеспечить обоснованность решений, принимаемых представителями медицинских профессий, исключительно целебной необходимостью без недопустимого постороннего, а тем более противоправного влияния (*BT-Drs. 18/6446, S. 11*). Таким образом, защищая интересы пациентов, антикоррупционное уголовное законодательство призвано поддерживать доверие граждан в прозрачность солидарно финансируемой ими системы здравоохранения и в добросовестность медицинского персонала (*BR-Drs. 181/16, S. 1f.*).

Изначально (в редакции правительственного законопроекта от 21 октября 2015 года) новые составы были в основном ориентированы на положения о коммерческом подкупе (*BT-Drs. 18/6446, S. 17*), учитывая специфику совершения деяния в сфере здравоохранения, т.е., с одной стороны, защищая свободу конкуренции, с другой — учитывая интересы пациента. Представляется крайне сомнительным, насколько в результате принятых изменений эта двойная защита правовых благ нашла воплощение в окончательной редакции новых антикоррупционных уголовно-правовых норм.

В частности, специальным субъектом новых § 299a и 299b Уголовного уложения ФРГ обозначены представители медицинских профессий, «для занятия которыми или для использования соответствующего профессионального обозначения которых необходимо приобретение надлежащего, регулируемого государством, образования». Таким образом, уголовной ответственности за коррупционные действия в сфере здравоохранения в принципе могут подлежать не только врачи, но и представители всех медицинских профессий, требующих академического образования (врачи, дантисты, ветеринары, психотерапевты, аптекари и т.д.) или профессионального обучения (санитары, медсестры, эрготерапевты, логопеды, физиотерапевты и т.д.) (*BT-Drs. 18/6446, S. 17, 20; BR-Drs. 360/15, S. 14*). Однако в окончательной редакции новые составы не предусматривают возможность совершения коррупционных деяний при отпуске лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов, что фактически исключает уголовно-правовое противодействие коррупционным зло-

употреблениям профессиональных групп (например, аптекарей) (*BR-Drs. 181/16, S. 2*).

Далее, диспозиции новых составов охватывают решения о *назначении* соответствующих лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов и о *направлении* пациентов или материала для медицинского исследования. В отношении альтернативы получения неправомерной выгоды при *приобретении* предназначенных для отпуска пациентам лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов изменения коснулись защищенного правового блага. В редакции правительственного законопроекта уголовная ответственность за решения о приобретении соответствующих медицинских средств и материалов была обусловлена неправомерным сговором, направленным на нарушение профессиональных обязанностей, связанных с соблюдением профессиональной независимости медицинского работника (§ 299a абз. 2, 299b абз. 2 законопроекта). Таким образом, в отличие от ситуации совершения деяния при *назначении* лекарственных средств или *направлении* пациентов для дальнейшего медицинского обследования (§ 299a абз. 1 № 1, 299b абз. 1 № 1 законопроекта), цель неправомерного сговора в данной альтернативе не была ориентирована на недобросовестное оказание предпочтения в условиях конкуренции, поскольку «недобросовестность оказания предпочтения может иметь место также в случаях нарушения правил ценообразования и предоставления скидок, не содержащего коррупционного элемента и не нарушающего доверия пациентов в независимость решений, принимаемых медицинскими работниками» (*BT-Drs. 18/6446, S. 22*). В окончательной редакции условия и цель совершения деяния были коренным образом изменены. Принятие решений о *приобретении* соответствующих медицинских средств и материалов были перенесены соответственно в § 299a (абз. 1) и § 299b (абз. 1), ограничены их предназначенностью для непосредственного применения представителем медицинской профессии или его профессиональным помощником и поставлены в зависимость от цели недобросовестного оказания предпочтения в условиях конкуренции (*BT-Drs. 18/8106, S. 14*). Следствием этого изменения в альтернативе инкриминированных коррупционных действий при принятии решения о *приобретении* лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов является ужесточение уголовно-правового регулирования (по сравнению с правительственным законопро-

ектом), поскольку в окончательной редакции уголовно-правовой проверке и, возможно, уголовной ответственности могут подлежать практически любые договоренности между клиниками, практикующими врачами или иными представителями медицинских профессий и производителями (поставщиками) о льготных условиях приобретения лекарственных средств, медицинского оборудования, материалов и т.д.

Наконец, из окончательной редакции § 299a и 299b полностью исключена альтернатива получения (предоставления) и т.д. представителем медицинской профессии неправомерной выгоды за принятие определенных решений *в нарушение профессиональных обязанностей, связанных с соблюдением профессиональной независимости медицинского работника* (§ 299a абз. 1 № 2, абз. 2, § 299b абз. 1 № 2, абз. 2 в ред. законопроекта). Авторами изменений это объясняется необходимостью соблюдения конституционного принципа определенности уголовно-правовых норм, неоправданной выборочностью затронутых профессиональных групп и незначительностью данной альтернативы для сферы здравоохранения (*BT-Drs. 18/8106, S. 15*).

Такая аргументация в отношении нарушения профессиональных обязанностей как цели неправомерного сговора представляется неубедительной. В положениях о коррупционных должностных преступлениях именно направленность неправомерного сговора на нарушение конкретных служебных обязанностей должностного лица отражает коренное отличие взяточничества (§ 332, 334 Уголовного уложения ФРГ) от мздоимства (§ 331, 333 УУ ФРГ) (*Kuhlen, in: NK StGB § 331 Rn. 1 ff.; 75 ff.*). При этом служебные обязанности, которые должностное лицо готово нарушить вследствие неправомерного сговора, установлены правовыми актами, должностными инструкциями или определенными запретами (*BGHSt 48, 44, 46*) [13, S. 796]. В положениях о коммерческом подкупе (§ 299 Уголовного уложения ФРГ) также предусмотрена уголовная ответственность за коррупционные действия вне рынка конкуренции. § 299 (абз. 1 № 2, абз. 2 № 2) предусматривает уголовную ответственность за неправомерный сговор о получении выгоды, направленный на нарушение предусмотренных законом или трудовым договором (*BT-Drs. 18/4350, S. 21*) обязанностей по отношению к работодателю. Подобное регулирование (специально сформулированное для антикоррупционного воздействия вне рынка конкуренции в сфере здравоохранения (*BR-Drs. 451/13, S. 17; 181/16, S. 2*)) было предусмотрено

положениями § 299a (абз. 1 № 2, абз. 2) и § 299b (абз. 1 № 2, абз. 2) в редакции правительственного законопроекта. При этом профессиональные обязанности представителей медицинских профессий, обеспечивающие их независимость, сформулированы в соответствующих профессиональных кодексах, принятых большинством профессиональных коллегий (*См. напр.: Профессиональный кодекс практикующих в Германии врачей. URL: http://www.bundesaerztekammer.de/fileadmin/user_upload/downloads/pdf-Ordner/MBO/MBO_02.07.2015.pdf. (дата обращения: 28.09.2017), BT-Drs. 18/6446, S. 21 f.*). После изъятия данной альтернативы из окончательной редакции § 299a и § 299b сфера защиты правовых благ осталась ограниченной защитой добросовестности конкуренции в сфере здравоохранения (*BR-Drs. 181/16, S. 2*). Интересы пациентов в прозрачности и добросовестности решений, принимаемых представителями медицинских профессий, защищены лишь второстепенно (*Иного мнения: BT-Drs. 18/8106, S. 14 ff., 17*).

Исходя из ориентации вступивших в силу новых антикоррупционных уголовно-правовых норм исключительно на защиту добросовестности конкуренции в сфере здравоохранения (т.е. публичного правового блага), последовательным и верным представляется отказ от внесения изменений в положения § 301 Уголовного уложения ФРГ о порядке уголовного преследования за коммерческий подкуп. В соответствии с правительственным законопроектом сфера действия данной нормы, предусматривающей обязанность возбуждения соответствующего уголовного дела лишь по ходатайству потерпевшего или в силу особого общественного интереса по официальной инициативе, в случае принятия законопроекта распространялась бы также на получение и дачу взятки в сфере здравоохранения. При этом авторами законопроекта было установлено важное различие в порядке возбуждения уголовного производства по делам о коммерческом подкупе и о получении и дачи взятки в сфере здравоохранения. В отличие от коммерческого подкупа (§ 299 Уголовного уложения ФРГ), внесенного в список деликтов § 374 (абз. 1 № 5a) *Уголовно-процессуального кодекса ФРГ* и являющегося, таким образом, деликтом частного обвинения, новые деликты получения и дачи взятки в сфере здравоохранения (§ 299a, 299b Уголовного уложения ФРГ) таковыми не являются, поскольку Правительственным законопроектом не было предусмотрено внесение соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс [2, с. 74–75]. Это означает, что

при наличии ходатайства об уголовном преследовании по подозрению в совершении деяния, предусмотренного § 299a и 299b Уголовного уложения ФРГ, правоохранительные органы были бы обязаны возбуждать соответствующее уголовное дело, не устанавливая при этом наличие или отсутствие особого общественного интереса в уголовном преследовании (см.: § 376 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ) (*BT-Drs. 18/6446, S. 24*). Однако указанные изменения § 301 в окончательную редакцию Уголовного уложения ФРГ не вошли. Следовательно, получение и дача взятки в сфере здравоохранения являются деликтами публично-обвинения, преследуемыми по официальной инициативе (*BT-Drs. 18/8106, S. 17*).

В заключение следует отметить, что введение в Уголовное уложение ФРГ новых норм, проти-

водействующих коррупции в сфере здравоохранения, завершает длительный законодательный процесс и (несомненно) восполняет пробелы наказуемости, на которые было указано расширенной Судебной коллегией по уголовным делам Федеративного верховного суда ФРГ. В какой мере они пробельны в части исключения возможности ее применения в отношении определенных профессиональных групп и ограничения сферы защищенных правовых благ – покажут время и правоприменительная практика. Во всяком случае, в постановлении Бундесрата от 13 мая 2016 г. зафиксировано поручение Правительству ФРГ провести мониторинг применения новых норм и в случае обнаружения пробелов наказуемости возобновить законодательный процесс (*BR-Drs. 181/16, S. 2*).

Литература

1. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М.: Проспект, 2013. – 311 с.
2. Головненков П.В., Спица Н.А. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2012. – 404 с.
3. Головненков П.В., Понятовская Т.Г. Уголовно-правовой институт конфискации имущества в Германии и России: сущность, виды и проблемы применения // Сборник статей о праве Германии. DRJV 2015. С. 324–339.
4. Хелльманн У. Уголовная ответственность сотрудника по надзору за соблюдением законодательства (Compliance Officer) в Германии // Материалы второго совместного российско-германского круглого стола «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт». М., 2011. С. 161–169.
5. Хелльманн У. Составы преступного деяния, направленные против подкупа депутата, в уголовном праве Германии // Материалы пятого совместного российско-германского круглого стола «Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт». М., 2014. С. 5–13.
6. Bernsmann K., Schoß Ch. Vertragsarzt und „kick-back“. Zugleich Anmerkung zu OLG Hamm, Urteil vom. 22.12.2004 // Gesundheitsrecht. 2015. S. 193–196.
7. Dann M. Und immer ein Stück weiter. Die Reform des deutschen Korruptionsstrafrechts // NJW. 2016. S. 203–206.
8. Engelmann K., Voelzke Th. (Hrsg.) Juris PraxisKommentar SGB V. Gesetzliche Krankenversicherung. 3. Aufl. 2016.
9. Fischer Th. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 63. Auflage, 2016. – 12 s.
10. Francuski R. Die Neuregelung der Abgeordnetenbestechung (§ 108e StGB) // HRRS. 2014. S. 220–230.
11. Geiger D. Ärzte-Korruption – Wie viel Strafrecht braucht das Gesundheitswesen? // Zeitschrift Neue Kriminalpolitik. 2013. S. 136–148.
12. Grande D., Frosch D.L., Perkins A.W., Kahn B.E. Effect of exposure to small pharmaceutical promotional items on treatment preferences. Arch Intern Med. 2009.
13. Hellmann U., Beckemper K. Wirtschaftsstrafrecht, 4. Aufl, 2013. – 714 s.
14. Hellmann U. Korruptionsbekämpfung und -prävention in der öffentlichen Verwaltung // Schriftenreihe der Landesakademie für öffentliche Verwaltung Brandenburg, Heft 9. Neu Fahrland. 2005. S. 8 ff.
15. Hoven E. Aktuelle rechtspolitische Entwicklungen im Korruptionsstrafrecht – Bemerkungen zu den neuen Strafvorschriften über Mandatsträgerbestechung und Bestechung im geschäftlichen Verkehr // NStZ. 2015. S. 553–560.
16. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U. (Hrsg.), Strafgesetzbuch (StGB), NomosKommentar, 4. Aufl. 2013.

17. Kölbel R. Die Einweiservergütung – eine neue Form von Unternehmenskriminalität im Gesundheitssystem? // *Wistra*. 2009. S. 129–133.
18. Kölbel R. Strafbarkeitsnahe vertragsärztliche Kooperationsformen // *NStZ*. 2011. S. 195–200.
19. Krey V., Hellmann U., Heinrich M. Strafrecht Besonderer Teil (Vermögensdelikte), 17. Aufl, 2015. – 714 s.
20. Lieb K., Brandtönes S. Eine Befragung niedergelassener Fachärzte zum Umgang mit Pharmavertretern // *Deutsches Ärzteblatt*. 2010. S. 392–398.
21. Neupert M. Risiken und Nebenwirkungen: Sind niedergelassene Vertragsärzte Amtsträger im strafrechtlichen Sinne? // *NJW*. 2006. S. 2811–2813.
22. Saam V. «Schwarze Kassen» und Untreuestrafbarkeit // *HRRS*. 2015. S. 345–351.
23. Schmid S. (Hrsg) Strategien der Internationalisierung, 3.Aufl., 2013
24. Schneider H., Gottschaldt P. Zuweisungspauschale: Lukratives Geschäft oder Straftat? // *Wistra*. 2009. S. 133–137.
25. Schneider H. Rechtsgutachten zu dem „Entwurf eines Gesetzes zur Bekämpfung von Korruption im Gesundheitswesen“ des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz, 2015.
26. Schönke A., Schröder H., Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Auflage, 2014.
27. Schuhr J.C. Funktionale Anforderungen an das Handeln als Amtsträger (§ 331 ff. StGB) oder Beauftragter (§ 299 StGB) // Besprechung des Beschlusses des BGH vom 5.5.2011 – 3 StR 458/10 = *NStZ* 2012, 35 (Vorlegungssache: Vertragsarzt als Amtsträger oder Beauftragter der Krankenkassen). *NStZ*. 2012. S. 11–15.
28. Schütze B. Die Sachwalterstellung der Vertragsärzte // Grenze für Boni, Fangprämien und andere Interessenverquickungen, in: *FS Jaeger*. S. 539–560.
29. Spickhoff A. (Hrsg.) Medizinrecht, 2. Aufl, 2014. – 227 s.
30. Ulsenheimer K. Der Vertragsarzt als Sachwalter der Vermögensinteressen der gesetzlichen Krankenkassen? // *MedR*. 2005. S. 622–628.

References

1. Golovnenkov P.V. Uголовnoye ulozheniye (Uголовnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya [Criminal Code (Criminal Code) of the Federal Republic of Germany]: nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona / 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 311 p. (In Russian)
2. Golovnenkov P.V., Spitsa N.A. Uголовno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya [The Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany]: nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona. Moscow, MSAL Publ., 2012. 404 p. (In Russian)
3. Golovnenkov P.V., Ponyatovskaya T.G. Uголовno-pravovoy institut konfiska-tsii imushchestva v Germanii i Rossii: sushchnost', vidy i problemy primeneniya [The Criminal Law Institute of Confiscation of Property in Germany and Russia: The Nature, Types and Problems of Application]. *Sbornik statey o prave Germanii [Collection of articles on the law of Germany]*. *DRJV*, 2015, pp. 324–339. (In Russian)
4. Hellmann U. Uголовnaya otvetstvennost' sotrudnika po nadzoru za soblyudeniym zakonodatel'stva (Compliance Officer) v Germanii [Criminal Responsibility of the Compliance Officer in Germany]. *Materialy vtorogo sovmejnogo rossiysko-germanskogo kruglogo stola «Prestupleniya v sfere ekonomiki: rossiyskiy i yevropeyskiy opyt» [Proceedings of the Second Joint Russian-German Round Table “Crimes in the Sphere of Economics: Russian and European Experience”]*, Moscow, 2011, pp. 161–169. (In Russian)
5. Hellmann U. Sostavy prestupnogo deyaniya, napravlennyye protiv podkupa deputata, v uголовnom prave Germanii [Compositions of a criminal offense against the bribery of a deputy in the criminal law of Germany] // *Materialy pyatogo sovmejnogo ros-siysko-germanskogo kruglogo stola «Prestupleniya v sfere ekonomiki: ros-siyskiy i yevropeyskiy opyt» [Materials of the fifth joint Russian-German round table “Crimes in the sphere of economy: the Russian and European experience”]*, Moscow, 2014, pp. 5–13. (In Russian)
6. Bernsmann K., Schoß Ch. Vertragsarzt und „kick-back“ [Contract doctor and „kick-back“]. Zugleich Anmerkung zu OLG Hamm, Urteil vom. 22.12.2004. *Gesundheitsrecht [Health Law]*, 2015, pp. 193–196. (In German)
7. Dann M. Und immer ein Stück weiter. Die Reform des deutschen Korruptions-strafrechts [And always a little further. The reform of German anti corruption criminal law]. *NJW*. 2016, pp. 203–206. (In German)

8. Engelmann K., Voelzke Th. (Hrsg.) *Juris PraxisKommentar SGB V. Gesetzliche Krankenversicherung* [Juris PraxisComment SGB V. Statutory health insurance]. 3. Aufl. 2016. (In German)
9. Fischer Th. *Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen* [Penal Code with subsidiary laws]. Auflage, 2016. 12 p. (In German)
10. Francuski R. Die Neuregelung der Abgeordnetenbestechung (§ 108e StGB) [The new regulation of parliamentary bribery], *HRRS*, 2014, pp. 220–230. (In German)
11. Geiger D. Ärzte-Korruption – Wie viel Strafrecht braucht das Gesundheitswesen? [Doctors Corruption – How Much Criminal Law Does the Health Care System Need?]. *Zeitschrift Neue Kriminalpolitik* [Magazine New Criminal Policy], 2013, pp. 136–148. (In German)
12. Grande D., Frosch D.L., Perkins A.W., Kahn B.E. Effect of exposure to small pharmaceutical promotional items on treatment preferences. *Arch Intern Med*. 2009. (In English)
13. Hellmann U., Beckemper K. *Wirtschaftsstrafrecht* [Economic Criminal Law], 4. Aufl, 2013. – 714 p. (In German)
14. Hellmann U. Korruptionsbekämpfung und -prävention in der öffentlichen Verwaltung [Anti-Corruption and Prevention in Public Administration]. *Schriftenreihe der Landesakademie für öffentliche Verwaltung Brandenburg* [Publication Series of the State Academy for Public Administration Brandenburg], Heft 9. Neu Fahrland. 2005, p. 8 ff. (In German)
15. Hoven E. Aktuelle rechtspolitische Entwicklungen im Korruptionsstrafrecht – Bemerkungen zu den neuen Strafvorschriften über Mandatsträgerbestechung und Bestechung im geschäftlichen Verkehr [Recent legal developments in corruption criminal law – comments on the new criminal provisions on bribery of corporate representatives and bribery in business dealings]. *NStZ*, 2015, pp. 553–560. (In German)
16. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U. (Hrsg.), *Strafgesetzbuch* [Criminal Code] (StGB), *NomosKommentar*, 4. Aufl. 2013 (In German)
17. Kölbel R. Die Einweiservergütung – eine neue Form von Unternehmenskriminalität im Gesundheitssystem? [The Referral Remuneration – A New Form of Corporate Crime in the Health Care System?]. *Wistra*, 2009, pp. 129-133. (In German)
18. Kölbel R. Strafbarkeitsnahe vertragsärztliche Kooperationsformen [Criminal liability-related contractual forms of cooperation]. *NStZ*, 2011, pp. 195–200. (In German)
19. Krey V., Hellmann U., Heinrich M. *Strafrecht Besonderer Teil (Vermögensdelikte)* [Special Section (Property Crime)]. Aufl, 2015. 714 p. (In German)
20. Lieb K., Brandtönies S. Eine Befragung niedergelassener Fachärzte zum Umgang mit Pharmavertretern [A Survey of Established Specialists on Dealing with Pharmaceutical Representatives]. *Deutsches Ärzteblatt*, 2010, pp. 392–398. (In German)
21. Neupert M. Risiken und Nebenwirkungen: Sind niedergelassene Vertragsärzte Amtsträger im strafrechtlichen Sinne? [Risks and side effects: Are established contract doctors public officials in the criminal sense?]. *NJW*, 2006, pp. 2811–2813. (In German)
22. Saam V. “Schwarze Kassen” und Untreuestrafbarkeit [“Black coffers” and unfair criminal liability]. *HRRS*. 2015. pp. 345–351. (In German)
23. Schmid S. (Hrsg) *Strategien der Internationalisierung* [Strategies of Internationalization], 3.Aufl., 2013 (In German)
24. Schneider H., Gottschaldt P. Zuweisungspauschale: Lukratives Geschäft oder Straftat? [Assignment lump sum: Lucrative business or offense?], *Wistra*. 2009. pp. 133–137. (In German)
25. Schneider H. Rechtsgutachten zu dem „Entwurf eines Gesetzes zur Bekämpfung von Korruption im Gesundheitswesen“ des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz [Legal opinion on the „Draft Law on Combating Corruption in Health Care“ of the Federal Ministry of Justice and Consumer Protection], 2015 (In German)
26. Schönke A., Schröder H., *Strafgesetzbuch, Kommentar* [Penal Code, Commentary], 29. Auflage, 2014 (In German)
27. Schuhr J.C. Funktionale Anforderungen an das Handeln als Amtsträger [Functional requirements for acting as a public official] (§§ 331 ff. StGB) oder Beauftragter (§ 299 StGB) *Besprechung des Beschlusses des BGH* [Discussion of the decision of the Federal Court of Justice] vom 5.5.2011 – 3 StR 458/10 = NStZ 2012, 35 (Vorlegungssache: Vertragsarzt als Amtsträger oder Beauftragter der Krankenkassen). NStZ. 2012. pp. 11–15. (In German)

28. Schütze B. Die Sachwalterstellung der Vertragsärzte [The guardians of contract doctors]. *Grenze für Boni, Fangprä-mien und andere Interessenverquickungen* [Limit for bonuses, catch premiums and other interests], in: FS Jaeger. pp. 539–560.
29. Spickhoff A. (Hrsg.) *Medizinrecht* [Medical Law], 2. Aufl, 2014. – 227 p. (In German)
30. Ulsenheimer K. Der Vertragsarzt als Sachwalter der Vermögensinteressen der gesetzlichen Krankenkassen? [The contract doctor as trustee of the financial interests of the statutory health insurance companies?]. *MedR*. 2005. pp. 622–628. (In German)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛИЗА ДНК В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Деаноска-Трендафилова Александра

Цель. Детально проанализировать комплекс проблем, связанных с закреплением следов преступлений с помощью новейших разработок с расшифровкой кодов ДНК с учетом проблемы нарушения прав граждан в связи с проникновением в их частную жизнь и приданием гласности их личных данных. Дать краткий обзор всех уголовно-процессуальных и криминалистических проблем создания правовой основы для применения анализов ДНК в системе уголовного правосудия.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, индукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Международные документы и практика Европейского суда по правам человека определяет следующие критерии для допустимости использования анализа ДНК: анализ ДНК может проводиться по всем видам преступлений, когда анализ поможет определению соответствующих фактов; анализ ДНК должен быть выполнен в аккредитованных лабораториях по стандартизированным процедурам; основания профилей ДНК должны быть предоставлены в соответствии с законом при соблюдении четко определенных условий и процедурах для обработки, использования и предоставления данных; анализ ДНК применяется только к лицам, которые подозреваются, обвиняются или осуждаются за уголовные преступления; должен быть налажен обмен информацией, в частности, результаты тестирования ДНК для эффективной борьбы со сложными видами преступности, но этот обмен относится только к неcodируемой части молекулы ДНК.

Анализ ДНК является в настоящее время неотъемлемой частью системы уголовного правосудия, потому что он может прямо и недвусмысленно доказать соответствующие факты, ситуации преступления.

Использование анализа ДНК требует наличия баз данных ДНК. В США первые правила, касающиеся баз данных ДНК, датируются восьмидесятыми годами XX века, а в Европе они появились на уровне Совета Европы и ЕС спустя десять лет.

Македонское законодательство в основном соответствует требованиям, установленным в европейских стандартах, учитывая положения закона “О национальной базе данных уголовной полиции” и закона “Об уголовном судопроизводстве”.

Несмотря на существующий регламент, закон должен идти в ногу с прогрессом и новыми открытиями в области естественных наук для оказания своевременной и эффективной, адекватной правовой защиты прав человека граждан.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование развивает и уточняет теорию межотраслевых связей в различных областях человеческих знаний, применительно к созданию баз данных анализа ДНК, особенно в отношении лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова. Преступление, закон, ДНК, тестирование, биомедицинская наука, критерий, анализ, тестирование, уголовное правосудие, генетический тест, генетический материал.

1. Введение

Выяснение преступного события всегда зависит от комплекса факторов, которые в значительной степени способствуют или препятствуют установ-

лению соответствующих фактов. Они могут быть личного характера, субъективного, объективного, технического и т.д. Сегодня кажется, что научные достижения новых методов и инноваций в кон-

Заседание Союза в Македони

кретной предметной области могут даже компенсировать недостатки субъективного восприятия человека. Примеры многочисленны. Так, новая технология может сделать видимыми следы, в то время как до этого они либо оставались незамеченными, либо их было невозможно обнаружить невооруженным глазом; генетическое тестирование биологических следов может иметь решающее значение для точной юридической квалификации преступления и т.д.

Одной из ключевых отраслей биомедицинской науки в последние десятилетия в системе уголовного правосудия является генетическая часть молекулярной биологии. С помощью анализа ДНК сегодня определяется, например, личность человека, чьи биологические следы найдены на месте преступления, или тело жертвы. Анализ ДНК имеет свое применение в других отраслях права, кроме уголовного, сегодня он является основным методом для определения отцовства, материнства и так далее [1].

Озабоченность специалистов в последние десятилетия вызывают попытки создания базы данных профилей ДНК в целях эффективной борьбы с преступностью. При этом беспокоит проблема нарушения прав граждан в связи с проникновением в частную жизнь, чему способствует создание таких баз данных, особенно неограниченное хранение этих данных и профилей ДНК. В этой статье краткий обзор будет сделан на основании детерминант, связанных с использованием анализа ДНК в системе уголовного правосудия и правовой основы для применения таких анализов.

2. Понятие и виды анализов ДНК

В более широком смысле, анализ ДНК для нужд системы уголовного правосудия на самом деле принадлежат к группе генетических вмешательств, или, более конкретно, генетического

анализа. Анализ генов может быть сделан для медицинских или других немедицинских целей [2].

Анализ генов для медицинских целей вносит выдающийся вклад в области так называемого «Интеллектуального лекарства». На самом деле это представляет собой анализ структуры ДНК или тестируемого продукта, или производного атрибута определенного гена, который приводит к расшифровке некоторых наследственных признаков человека. Генетический тест (ДНК) состоит в идентификации генов, которые вызывают наследственные заболевания или определяют склонность к определенным заболеваниям. Это может помочь оперативно обнаружить большее число прогнозируемых заболеваний, среди которых те, что можно лечить, и, следовательно, большое значение этих анализов имеется в терапевтическом направлении.

Генетические тесты в качестве источника информации могут быть очень полезными в других (немедицинских) областях, некоторые из них могут, а некоторые должны быть строго запрещены из-за потенциальной угрозы человеческому достоинству. Первая группа включает в себя тесты ДНК для целей уголовного судопроизводства в целях определения идентичности преступника, путем сравнения генетического материала подозреваемого или обвиняемого с генетическим материалом найденным на месте преступления. В уголовно-процессуальном законодательстве существуют положения, позволяющие требовать биологический материал от подозреваемых лиц, в том числе и без их согласия [3, стр. 234].

Таким образом, в соответствии с македонским уголовно-процессуальным кодексом, согласно ст. 249, пункт 3, образцы для проведения анализа ДНК могут быть взяты, когда это необходимо для идентификации лиц или для сравнения с другими биологическими следами и другими профилями ДНК (*Закон за кривичната постапка, Сл. весник на РМ, бр. 150/2010*). Отбор биологического материала для ДНК-анализа от подозреваемого предусмотрен ст. 277 уголовно-процессуального кодекса.

Анализ ДНК для медицинских целей, однако, может использоваться в области трудовых отношений, для страховых компаний, которые понимают, что у них есть интерес, чтобы получить их для страхования здоровья и жизни своих клиентов, зная, что у их клиентов есть риск и, таким образом, предотвратить или ограничить круг лиц, которым они будут предоставлять страховые полисы или давать рабочие места и т.д. (*Resolution on the ethical and legal problems of the genetic engineering, European Parliament, Official Journal C 96/1989 //*

URL: <http://www.codex.vr.se/texts/EP-genetic.html> (дата обращения 17.09.2017)).

3. Использование анализа ДНК для нужд системы уголовного правосудия в США, Европе и Республике Македония.

Как только научные разработки и технические — технологические достижения в области генетики и молекулярной биологии стали успешными, немедленно «проснулись» интересы государства для применения таких методов в судебно-медицинских и бытовых случаях в системе уголовного правосудия.

В США с 1980 года начался процесс принятия законов, в которых виновные в сексуальных и других насильственных преступлениях лица должны сдать пробы ДНК. С этого периода до 1994 года по инициативе Федерального бюро расследований была сформирована рабочая группа по разработке руководящих принципов для использования судебно-медицинской экспертизы ДНК в лабораториях, которые позже стали основными для принятия подобных решений, что было закреплено в законодательстве почти всех американских штатов [4]. В 1994 году Конгресс США принял закон, для создания национальной базы данных ДНК. База состоит из профилей ДНК, сделанных в соответствии с образцами, взятыми у лиц, на основании предусмотренных законодательством процедур, собранных с мест различных криминальных событий. В соответствии с принятыми в 2004 году правилами, государство должно сохранить биологическое доказательства, пока решение суда не станет окончательным, даже если человек не настаивает на сохранении таких доказательств [4, стр. 24].

Законодательство США предусматривает строгие, четкие и высокие стандарты для лабораторий, аккредитованных для выполнения такого анализа, которые имеют решающее значение для того, чтобы обеспечить точность проверяемых результатов, основанных на стандартизированных процедурах.

Совет Европы и Европейский Союз также на протяжении более чем двух десятилетий выражал свои взгляды на использование анализа ДНК.

Совет Европы по этому вопросу впервые обратился с Рекомендацией R (92) 1 по использованию ДНК-анализа в рамках системы уголовного правосудия, которая была принята в 1992 г. на 470-м заседании заместителей министров (*CoE, Committee of Ministers, Recommendation R (92)1 on the use of analysis of DNA within the framework of the Criminal Justice System* // URL: <https://wcd.coe.int> (дата обращения 17.09.2017)).

Эта рекомендация непосредственно относится к Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 года и Конвенции о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных о них 1981 года и подтверждает, что анализ ДНК имеет большое значение для эффективности системы уголовного правосудия, особенно в определении, является ли человек виновным или невиновным в совершении уголовного преступления.

Тем не менее документ подчеркивает опасения по поводу возможных нарушений человеческого достоинства и неуважение к телесной неприкосновенности человека, а также права на защиту и принцип пропорциональности в применении уголовного правосудия.

В рекомендации изначально даны определения основных понятий: так «анализ ДНК» означает любую процедуру, которая может быть применена в анализе дезоксирибонуклеиновой кислоты — основного генетического материала человека и всех других живых существ; под «копией» понимается любой материал живого происхождения, который может быть использован для целей анализа ДНК; «файлом ДНК» является любой структурированный набор результатов испытаний анализа ДНК либо в материальной форме, проведенный вручную, либо в компьютерной базе данных и так далее.

Рекомендация R (92) 1 применяется только к сбору и использованию анализа ДНК для идентификации подозреваемого или другого лица в рамках уголовного расследования и судебного преследования. Другие результаты анализа ДНК не должны быть использованы для целей расследования и судебного преследования лиц, совершивших преступления, если нет обстоятельств, прямо предусмотренных национальным законодательством, позволяющим это делать. Пробы, взятые для анализа ДНК, могут быть использованы для научных исследований и статистических целей, но без раскрытия личности человека.

В связи с взятием биологических образцов для анализа ДНК подчеркивается, что условия их отбора должны быть определены в национальном законодательстве. Обращается внимание, что в некоторых странах для этого необходимо решение суда, если внутреннее законодательство позволяет брать образцы для анализа ДНК без согласия подозреваемого, при этом рекомендуется использовать такую процедуру только если это оправдано с учетом обстоятельств дела.

Анализ ДНК не связывается со степенью тяжести преступления и может быть проведен во всех случаях, когда это может быть выгодно.

Совет Европы рекомендовал, чтобы были выполнены высокие стандарты и требования, которым должны удовлетворять лаборатории, где анализ ДНК выполняется, учитывая, что это сложный процесс, который требует соответствующего оборудования и персонала. Следовательно, каждое государство-член Совета Европы должно иметь строгий список аккредитованных лабораторий или учреждений, которые должны обеспечивать высокопрофессиональный уровень своего персонала, процедуры контроля качества, научной целостности, адекватную безопасность исследуемых веществ, гарантировать конфиденциальность и секретность в отношении идентификации личности, в отношении которой осуществляется анализ ДНК. Государства-члены Совета Европы также обязаны проводить регулярные наблюдения за аккредитованными лабораториями.

Что касается защиты данных, Рекомендация отсылает к известной Конвенции о защите данных, а также к соответствующим рекомендациям по защите данных, в частности Рекомендации, которая называется R (87) 15 и касается использования персональных данных в деятельности полиции.

Образцы и другие ткани тела индивидуумов, взятые для анализа ДНК, а также из других мест, имеющих отношение к нему, должны быть сохранены, в том числе после принятия окончательного решения по делу, в котором они были использованы (если это необходимо для целей, для которых они были взяты, а также в специально оговоренных случаях, когда они были предоставлены для другой цели). Однако в случае серьезных преступлений, совершенных против жизни, целостности государства или общественной безопасности, анализ ДНК может храниться и дольше.

В этом случае действующая Рекомендация требует, чтобы национальное законодательство строго определяло сроки хранения таких результатов. Допускается хранение как образцов и тканей тела, так и информации, полученной в результате анализа ДНК. В последнем случае это особенно важно, если необходимо установить происхождение самого человека или если образец не может быть связан с конкретным человеком и был найден на месте совершения преступления. Также сохранение образцов и данных анализа ДНК может быть осуществлено в течение определенного периода времени в соответствии с национальным законодательством каждой страны в том случае, когда предполагаемое лицо, возможно совершившее преступление, не было ни в числе обвиняемых, ни, тем более, в числе

осужденных лиц, но само преступление было связано с вопросами безопасности государства. Каждое государство обязано предусмотреть в национальном законодательстве вопрос о создании и использовании записей баз данных ДНК для целей расследования преступлений и судебного преследования виновных лиц.

Взятые образцы, включая образцы тканей тела соответствующих лиц, для анализа ДНК, не должны храниться после принятия окончательного решения по делу, в котором они были использованы, если это не является необходимым для целей, для которых они были взяты. Но в случаях тяжких преступлений против жизни, неприкосновенности и безопасности людей, они могут храниться дольше. Для этих случаев, Рекомендация R (92) 1 требует, чтобы в национальном законодательстве были строго определены сроки хранения таких результатов. Разрешено хранение образцов и тканей организма, а также информации, полученной в результате их анализа, если это требуется, у самого человека. Хранение образцов и других данных могут быть разрешены в течение определенного периода времени в соответствии с национальным законодательством каждой страны, когда лицо, в отношении которого был проведен анализ, было осуждено, если это касается вопросов национальной безопасности. Каждое государство имеет соответствующую регламентацию в национальном законодательстве для регулирования вопроса о создании и использовании записей ДНК с целью расследования и судебного преследования.

Одним из основных принципов Рекомендации R (92) 1 является принцип равенства сторон, что означает, что образцы ДНК должны быть одинаково доступны в качестве доказательства для защиты, а не только обвинения, либо доступны по решению суда или для использования независимого эксперта.

Кроме того, как правило, устанавливается стандартизация методов анализа ДНК на национальном и международном уровнях, что неизбежно возлагает на международные лаборатории обязанность сотрудничества и унификации аналитических и контрольных процедур. Хотя права интеллектуальной собственности связаны с определенными методами анализа, в случае анализа ДНК строго требуется, чтобы это было не так. Анализ ДНК может быть выполнен в лаборатории или учреждении другой страны, и это будет справедливо для той страны, где непосредственно расследуется дело, если анализ проводится в соответствии со всеми критериям, указанными

в настоящей Рекомендации. Обмен информацией при этом должен быть проведен в соответствии с международными стандартами и документами, предусмотренными для такой процедуры о защите данных по уголовным делам.

В рамках Европейского Союза предприняты конкретные шаги в направлении регулирования этого вопроса на законных основаниях и с помощью международных резолюций, конвенций, решений и т.д. [5]. Еще в 1997 году Совет Европы принял резолюцию об обмене результатами анализов ДНК [6]. Она подчеркнула важность обмена результатами анализов ДНК для успешного расследования уголовных дел. Тем не менее, из-за риска раскрытия чувствительной личной информации, этот обмен должен быть ограничен некодируемой частью молекулы ДНК.

Расследования, проводимые с использованием ДНК имеют технические, правовые, политические и этические аспекты, которые должны быть надлежащим образом рассмотрены в ходе дальнейших мероприятий по сотрудничеству. Разрешения на обмен данными информации ДНК регулируются на основании национальной базы данных ДНК, данных стандартизации ДНК-технологии, правовых гарантий обмена результатами анализа ДНК на европейском уровне и т.д.

В 2001 г. Совет ЕС принял еще один, новый документ разрешения на обмен результатами анализов ДНК (*Official Journal C 187/2001, Council Resolution of 25 June 2001 on the exchange of DNA analysis results* // URL: [http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001G0703\(01\):EN:NOT](http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001G0703(01):EN:NOT) (дата обращения: 17.09.2017)). В 2009 г. этот документ был заменен новым законом с тем же названием, в котором записано, закон регулирует исключительно живые материи, поэтому закон требует постоянных корректировок. В преамбуле закона говорится об актах Совета Европы и Европейского Союза, а также о работе европейской сети судебных институтов с точки зрения гармонизации ДНК-маркеров и ДНК-технологий. Это в нем определены такие термины, как «ДНК-маркер», «результат анализа ДНК» и тому подобное. В заключении подчеркивается, что обмен результатами анализов ДНК страны должны ограничить своими зонами, не содержащими генетическую экспрессию, т.е. предоставлять информацию о конкретных наследственных признаках.

На основании Конвенции в 2008 г. приняты так называемые решения 2008/615 / ПВД и 2008/616 / ПВД Совета ЕС, включающие вопросы об обмене профилей ДНК, который ограничивается неко-

дируемой частью молекулы ДНК и стандартами, установленными в европейском наборе стандартов – и EUS ISSOL Интерпола (*Official Journal of the European Union, council Decision 2008/616/JHA* // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:210:0012:0072:EN:PDF> (дата обращения: 17.09.2017)).

Биологические данные, в частности данные ДНК, попадают в группу специальных категорий персональных данных, которые представляют группу важнейших персональных данных. Из ст. 4, п. 1, пункт 10 македонского закона о защите персональных данных следует, что мы можем узнать не только о личности, но и о здоровье человека, предрасположенного к определенным заболеваниям, а также о других особенностях и даже добраться до интимной информации о других членах семьи исследуемого лица, учитывая, что некоторые гены передаются преимущественно детям определенного пола (*Закон за заштита на личните податоци*, *Сл. весник на Република Македонија*“ бр.7/2005, 103/2008; 124/2008; 124/2010 и 135/2011).

Таким образом, этот вопрос был поставлен в Европейском суде по правам человека в Страсбурге по делу S и M против Соединенного Королевства (*Application No.30562/04 и 30566/04, S and Marper v UK (2008)* // URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 17.09.2017)). Люди S и M, будучи арестованными, подверглись снятию отпечатков пальцев и у них были отобраны образцы ДНК. В дальнейшем они были освобождены и просили уничтожить отобранные у них образцы. Это сделано не было, поскольку в британской полиции заявили, что такая возможность отсутствует в законодательстве. А именно, в британском законе о полиции и доказательствах по уголовным делам предусмотрено неограниченное хранение образцов ДНК и отпечатков пальцев лиц, которые находились под следствием.

Великобритания в течение пяти лет после суда ЕСПЧ так и не уничтожила эти базы данных или, во всяком случае, по разным причинам откладывала этот процесс (*The Marper Case* // URL: <http://www.genewatch.org/sub-563146> (дата обращения: 17.09.2017)).

В Македонии не было специального закона, который регулирует создание и функционирование баз данных профилей ДНК, но этот вопрос решен на уровне национальной базы данных уголовной полиции. В результате закон был принят в 2009 г. и стал применяться с 1 января 2012 г. (*Закон за национална криминалистичко-разузнавачка база на податоци*, *Сл.весник на РМ бр. 120/2009*).

Отдельные положения для принятия биологического материала для ДНК-анализа имеются в уголовно-процессуальном кодексе (*Закон за кривичната постапка, Сл.весник на РМ, бр.150/2010, чл. 249 и чл. 277*).

В соответствии с законом национальная база данных будет создана в Министерстве внутренних дел в качестве интегрированной информационной системы, содержащей данные о: 1) лицах, в отношении которых есть основания для подозрения в совершении преступления, осужденных, а также лиц, ставших жертвами преступлений; 2) о лицах, в отношении которых есть подозрения, что ими готовятся или были совершены преступления, чтобы быстро предоставить информацию и доказательства, необходимые для успешного расследования дела;

3) отдельных лицах, связанных с организованной преступностью.

Сведения о лицах, для которых имеются основания для подозрений в совершении преступления, об осужденных, а также о жертвах преступлений включают в себя только следующие личные данные: 1) имя и девичью фамилию;

2) раскрытие имен (псевдонимы и прозвища) или вымышленные имена; 3) предыдущие имена и фамилии; 4) дата и место рождения; 5) место жительства или место нахождения;

6) гражданство; 7) пол; 8) количество банковских счетов и данные о водительских удостоверениях, идентификационных карт и паспортов и 9) другие данные, которые могут помочь идентифицировать личность, в том числе какие-либо конкретные объективные физические характеристики, не подпадающие под данные об отпечатках пальцев и ДНК.

Как можно заметить, закон позволяет создание базы данных с профилями ДНК, но при этом четко предусматривает тот профиль ДНК, который можно анализировать и хранить, как это предусмотрено в вышеупомянутой резолюции ЕС.

Для того чтобы соответствовать международным и европейским правилам и стандартам, Македонский закон о национальной базе данных обеспечивает ограниченное время хранения данных. А именно, ст. 15 предусматривает, что данные в базе данных хранятся в течение периода, необходимого для достижения целей, для которых данные были собраны, но не более трех лет со дня их поступления в базу данных. Записи в уголовных делах хранятся в базе данных, пока они не достигли цели, для которой они были сформированы, но максимум три года с даты их образования. Перед окончанием указанных сроков

рассматривается необходимость продления срока хранения информации на дополнительный период в три года. Когда становится ясно, что цель, для которой были собраны данные в соответствующую базу, достигнута, или когда будет установлено, что причины, по которым данные, введенные в базу исключены, они сразу же подлежат удалению. Метод обработки и хранения данных регламентируется Правительством Республики Македония.

Закон содержит положения о защите конфиденциальности персональных данных. В частности, персональные данные, введенные в базу данных, могут быть обработаны в соответствии с целями, изложенными законом, и в соответствии с правилами по защите личных данных. Они должны быть удалены в тех случаях, когда будет установлено, что они неверны, или причины или условия, при которых персональные данные были включены в базу данных, не соответствовали закону. В соответствии со ст. 16 закона человек, работающий в компетентных органах, которому предоставлен доступ к базе данных, обязан поддерживать конфиденциальность этих данных как во время своей работы, так и после ухода из компетентных органов.

Несанкционированная обработка данных является уголовным преступлением, за которое предусматривается лишение свободы на срок до 3 лет. В случае квалифицированного преступления, совершенного при приобретении доступа к базе данных преступным путем с причинением имущественного ущерба другому лицу, назначается наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет.

Сегодня ключевым звеном в цепи международного сотрудничества в плане обмена базами данных ДНК является база данных Интерпола, известная как шлюз ДНК, которая была создана в 2002 г. В настоящее время эта база имеет более чем 140 000 анкет ДНК, полученных из 69 стран (*INTERPOL's DNA Database, URL: <http://www.interpol.int/INTERPOL-expertise/Forensics/DNA> (дата обращения: 17.09.2017)*).

4. Заключение

Методы, используемые в области генетики, сегодня имеют широкое применение в областях, которые не подпадают под сферу биомедицины. А именно, анализ ДНК является неотъемлемой частью системы уголовного правосудия, потому что это прямо и недвусмысленно дает возможность доказать факты, которые имеют правовое значение, например, в отказе в возбуждении уголовного дела.

С начала применения тестирования ДНК в первую очередь для медицинских целей, государственные органы, видя их потенциальное применение и преимущества в области права, начали принимать законы и правовые решения по регулированию условий и порядка проведения таких анализов. Правовые основы и правила важны с точки зрения защиты прав и свобод человека, потому что ДНК-тесты могут дать результаты, которые относятся к категории конфиденциальных персональных данных и которые требуют надлежащей защиты конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни.

Использование анализа ДНК предполагает существование информации данных ДНК, что приводит в каждом конкретном случае к возможности сравнения. В семидесятых годах двадцатого века в США были приняты правила, регулирующие использование анализа ДНК и создания таких баз данных, в то время как в Европе эти мероприятия были проведены спустя десять лет.

Анализ, однако, показывает, что европейские стандарты являются более строгими, чем в США с точки зрения обеспечения конфиденциальности, неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных, хотя, возможно, это только так кажется из-за постоянного увеличения регулирования и принимая во внимание различные правовые системы, к которым принадлежат страны ЕС и США.

Международные документы и значительная (хотя и бедная) практика Европейского суда по правам человека определяет следующие критерии для допустимости использования анализа ДНК:

- анализ ДНК может проводиться по всем видам преступлений, когда анализ поможет определению соответствующих фактов;

- анализ ДНК должен быть выполнен в аккредитованных лабораториях по стандартизированным процедурам;

- основания профилей ДНК должны быть предоставлены в соответствии с законом при соблюдении четко определенных условий и процедур для обработки, использования и предоставления данных;

- анализ ДНК применяется только к лицам, которые подозреваются, обвиняются или осуждаются за уголовные преступления;

- должен быть налажен обмен информацией, в частности, результаты тестирования ДНК для эффективной борьбы со сложными видами преступности, но этот обмен относится только к некодирующей части молекулы ДНК.

Македонское законодательство отвечает требованиям, установленным в европейских стандартах, хотя действующие правила, касающиеся баз данных ДНК и ДНК-анализа довольно скромны. В то же время действуют соответствующие правила, предусмотренные уголовно-разведывательной базой данных, предусмотренной законом о национальной базе данных уголовной полиции, а также положения уголовно-процессуального кодекса, касающиеся сбора данных ДНК.

Будущее дальнейшего использования анализа ДНК более чем позитивно, но научно-технический прогресс может привести к разрастанию списка данных, которые перечислены в решениях ЕС как данные, которые содержат информацию о наследственных характеристиках. Следовательно, право должно идти в ногу с прогрессом и учитывать новые находки в области естественных наук для своевременного и эффективного предоставления надлежащей правовой защиты прав человека.

Перевод Н.Г. Кадникова

Литература

1. Тупанчески Н., Деаноска-Трендафилова А., Кипријановска Д. (2012) Медицинско казнено право, Скопје, с. 348–356.
2. Radišić J. (2008), Medicinsko pravo, drugo prerađeno i dopunjeno izdanje, Nomos, Beograd, с. 262–263.
3. Матовски Н., Лажетик-Бужаровска Г., Калајчиев, Г. Казнено процесно право. Скопје: Агенција «Академик», 2009. – 461 с.
4. Nathen, J. (2012), DNA Testing in Criminal Justice: Background, Current Law, Grants and Issues, CRS, Introduction.
5. McCartney C.I., Wilson T.J., Williams R. (2011), Transnational Exchange of Forensic DNA: Viability, Legitimacy and Acceptability, објавено во European Journal of Criminal Policy and Research, Volume 17, no. 4, Kluwer.
6. Nys H., Trouet C. (2000), International Medical Law and Ethics, Hague-London-Boston.

References

1. Tupancheski N., Deanoska-Trendafilova A., Kiprijanovska D. (2012) Medicinsko kazнено право, Skopje, str. 348–356.
2. Radišić J. (2008), Medicinsko право, drugo prerađeno i dopunjeno izdanje, Nomos, Beograd, s. 262–263.
3. Matovski N., Lazhetik-Buzharovska G., Kalajdiev, G. Kazнено procesno право, Skopje: Agencija “Akademik”, 2009. – 461 s.
4. Nathen J. (2012), DNA Testing in Criminal Justice: Background, Current Law, Grants and Issues, CRS, Introduction.
5. McCartney C.I., Wilson T.J., Williams R. (2011), Transnational Exchange of Forensic DNA: Viability, Legitimacy and Acceptability, objaveno vo European Journal of Criminal Policy and Research, Volume 17, no. 4, Kluwer.
6. Nys H., Trouet C. (2000), International Medical Law and Ethics, Hague-London-Boston.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ

Захаров Владимир Сергеевич

Семенов Александр Николаевич

Научный руководитель: кандидат юридических наук Саламова С.Я.

***Цель.** Анализ состава данного вида преступлений и их характеристик, рассмотрение способов совершения мошенничеств в банковской сфере, а также проблем, связанных с расследованием этих преступлений, совершаемых с использованием банковских карт, а также вопросов, касающихся их уголовно-правовой квалификации.*

***Методология:** анализ, формально-юридический метод, сравнительный метод, исторический метод.*

***Выводы.** По мере развития в банковской и кредитно-денежной системы актуализируется вопрос об обеспечении финансовой безопасности личности, общества, государства. Совершенствуются и способы хищений в этой сфере, в связи с этим активное использование банковских карт провоцирует рост числа мошенничеств, связанных с их использованием. Учитывая что, необходимо, помимо прочего, совершенствовать механизмы защиты банкоматов, а самим владельцам пластиковых – соблюдать меры предосторожности, чтобы не стать жертвой мошенников.*

***Научная и практическая обоснованность.** Авторами рассматриваются самые распространенные в настоящее время способы мошенничества в сфере использования пластиковых банковских карт. На основе результатов проведенного исследования сформулированы методы и способы противодействия такому виду преступлений.*

***Ключевые слова:** мошенничество, банковские карты, скимминг, фишинг, денежная политика, банковская система.*

Хищения, совершенные с использованием банковских карт, являются наиболее распространенным видом преступлений в банковской сфере. Эти преступления вошли в понятийный аппарат некоторых ученых-криминалистов, криминологов как «пластиковая преступность» или «пластиковое мошенничество».

Несмотря на устойчивую динамику роста количества возбужденных уголовных дел по фактам хищений с использованием кредитных и расчетных карт, качество предварительного расследования оставляет желать лучшего. Сложности выявления и раскрытия данных преступлений обусловлены многими факторами. Например, трудности возникают при производстве отдельных следственных действий ввиду отсутствия

у следователей опыта расследования этого вида хищений.

Одним из наиболее изощренных и опасных видов хищения в данной сфере является мошенничество с использованием банковских карт. Трудности раскрытия таких преступлений связаны, помимо латентности, с целым рядом особых признаков, объективно препятствующих процессу расследования. Среди них необходимо отметить следующие: масштабное использование современных технических средств подделки карт; высокий профессиональный уровень преступников, часто имеющих техническое образование; географическая распространенность данных преступлений и их последствий (например, причинение ущерба банку, расположенному на территории

других государств или субъектов государства); постоянное совершенствование способов криминальных действий с использованием банковских карт; высокий уровень внутренней организованности преступной группы и др.

В юридической литературе «пластиковое» мошенничество до настоящего времени считается новым и малоизученным видом. Ситуация усугубляется тем, что в нормах уголовного законодательства «противоправное» использование пластиковых карт в чистом виде по-прежнему не предусмотрено: банковские карты, причем только кредитные или расчетные, в системе норм особенной части УК РФ встречаются только в одной статье» [1, с. 17–24].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточном уровне теоретической разработки проблем, связанных с расследованием мошенничеств, совершаемых с использованием банковских карт, включая вопросы ее уголовно-правовой квалификации.

Мошенничество с использованием платежных карт – квалифицированный вид мошенничества. Совершение данного преступного деяния возможно исключительно в сфере товарно-денежного оборота с использованием особого платежного средства – платежной карты. Банковская платежная карта – пластиковая карта, привязанная к банковскому расчетному счету и используемая при оплате товаров и услуг, в том числе через Интернет, а также для снятия денежных средств в наличной форме.

В ст. 159.3 УК РФ предусматривается ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Деяние определено в законе как «хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации».

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, сложившиеся в сфере социального обеспечения населения. Квалифицированное мошенничество с использованием платежных карт всегда связано с хищением чужого имущества или приобретением права на него путем обмана или злоупотребления доверием.

Форма объективной стороны содеянного ограничена законодателем: хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной,

торговой или иной организации. Кроме того, по указанной статье подлежат квалификации «действия виновного, который расплатился поддельной или чужой платежной картой и в сети Интернет» [7, с. 134–140].

Не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, если выдача наличных денежных средств осуществляется посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 158 УК РФ как хищение чужих денежных средств, находящихся на счетах в банках, путем использования похищенной или поддельной кредитной либо расчетной карты. Как мошенничество (по ст. 159.3) такое деяние следует квалифицировать только в тех случаях, когда лицо путем обмана или злоупотребления доверием ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации. Например, если лицо, «используя банковскую карту для оплаты товаров или услуг в торговом или сервисном центре, ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты либо предъявляет поддельный паспорт на его имя» [2, с. 54].

Деяние считается законченным «с момента получения лицом товаров или суммы денег, а равно приобретения им юридического права на распоряжение данными товарами или деньгами» [3, с. 37–40].

Сам факт предоставления лицом поддельной или чужой платежной карты в зависимости от обстоятельств дела толкуется как приготовление к данному виду мошенничества.

Субъект – любое дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона – прямой конкретизированный умысел. О наличии умысла, направленного на мошенничество при получении выплат, свидетельствует, в частности, использование поддельной карты, а равно чужой платежной карты против воли на то ее законного владельца.

Первой платежной картой, пришедшей в Россию, видимо, следует считать карту международной платежной системы Diners Club. Именно эти карты начали приниматься в системе магазинов «Березка» в 1969 г. А спустя два десятилетия в 1988 г. «спортсменам советской олимпийской сборной, отправлявшимся для участия в Олимпийских играх в Сеуле, впервые были выданы карты другой платежной системы – Visa International» [4, с. 3].

Только после начала развития в России системы коммерческих банков (*точкой отсчета этого можно считать принятие Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492*) — у банковских пластиковых карт как платежного инструмента, ориентированного на держателей — частных лиц, появилось в России большое будущее.

По результатам опроса, проведенного Национальным агентством финансовых исследований, к апрелю 2015 г. пластиковые карты имели 51% россиян, а 40% заводить их не планировали. По мнению 27% опрошенных, карты нужны более обеспеченным людям; 23% не умели ею пользоваться, 8% считали, что возникает слишком много проблем с поиском банкоматов. Около 53% респондентов пользовались картами только для снятия наличных. Активнее всего картами пользовались граждане в возрасте до 35 лет, с законченным высшим образованием и доходами выше среднего, проживавшие в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и других крупных городах.

Постепенно количество эмитированных платежных карт, как и количество проводимых с их помощью операций, постепенно растет. Так, по данным Банка России, если в 2014 г. было эмитировано 226 967 тыс. единиц банковских карт, а общий объем операций с их использованием составил 34 649 946 млн руб., то в 2015 г. эти цифры выросли до 242 896 тыс. единиц карт и 39 703 451 млн руб. соответственно.

Мошенничество с банковскими картами шло в ногу с формированием банковской системы и выпуском платежных карт. Совершенствовались приемы и способы, модернизировалось оборудование преступлений. Например, в феврале 2015 г. Заволжский райсуд г. Твери вынес приговор по уголовному делу в отношении двух граждан Болгарии, которые за несколько месяцев с помощью поддельных банковских карт похитили у россиян свыше 4 млн руб. В 2013 г. они установили на уличные банкоматы оборудование для незаконного копирования компьютерной информации, получив реквизиты более 1,8 тыс. банковских карт и пин-коды к ним. Затем с помощью изготовленных за рубежом дубликатов карт они похитили деньги уже в российских городах. Суд приговорил лидера группы к пяти годам, а его соучастника — к двум с половиной годам лишения свободы.

Рост объема электронных платежей привлекает мошенников, стремящихся завладеть персональными данными плательщиков. Одним из самых распространенных методов мошенничества

является фишинг (от англ. fishing — рыбалка), когда мошенники получают доступ к конфиденциальным данным вкладчика от него самого.

Злоумышленники используют несколько основных тактик:

1) телефонный звонок из якобы «отдела банка» с требованием погашения задолженности по кредиту. Абонент отрицает наличие такой задолженности и кредита, и тогда «работники» call-центра просят его уточнить данные своей карты, назвать номер, пин-код и дату выдачи. После этого мошенники обещают больше не беспокоить клиента по этому поводу, и это не удивительно — если он сообщит все свои данные, мошенники без особого труда снимут средства с карты, изготовив ее фальшивый аналог;

2) рассылка письма по электронной почте, в котором от имени одного из известных банков сообщается о якобы последних акциях или изменениях в системе безопасности. Для отвода глаз запрашиваются различные сведения (например, потребительские предпочтения), но самое важное — номер карты и пин-код. К письму прикрепляется ссылка, которая переводит клиента на сайт якобы банка — эмитента карты. Но этот сайт — фишинговая подделка, имитирующая логотип и дизайн сайта банка, которым пользуется выбранный мошенниками клиент. После заполнения содержащейся на нем анкеты все необходимые данные клиента и, следовательно, электронные средства, доступные на его карте, окажутся добычей мошенников.

3) последовательно присылают ссылку, по которой они предлагают перейти для получения доступа, например, к базе ГИБДД. Заинтересовавшись, пользователь переходит по указанной ссылке, но на самом деле это фишинговая программа, скачивающая с его устройства и пересылающая преступникам все файлы cookies, которые отражают маршрут заходов выбранной ими жертвы в различные сервисы, в том числе и пароль к личному кабинету в системе онлайн-банка, которым пользуется этот гражданин.

Еще одним видом мошенничества является *скимминг*. Преступники с помощью подделки особого оборудования для банкоматов извлекают информацию с магнитной полосы банковской карты (в том числе пин-код), а затем изготавливают ее аналог. В России, по статистике компании Visa, *скимминг* достигает 49% от общей доли мошенничества с банковскими картами. При осуществлении данной операции используется комплекс *скимминговых* устройств:

инструмент для считывания магнитной дорожки платежной карты (представляет собой устройство, устанавливаемое в картоприемник. Оно состоит из считывающей магнитной головки, усилителя-преобразователя, памяти и переходника для подключения к компьютеру. Основная задача скимминга – считать необходимые данные (содержимое дорожки/трека) магнитной полосы карты для последующего воспроизведения ее на поддельной. Таким образом, при оформлении операции по поддельной карте авторизационный запрос и списание денежных средств по мошеннической транзакции будут осуществлены со счета оригинальной, «скиммированной» карты); миниатюрная видеокамера, устанавливаемая на банкомат и направляемая на клавиатуру ввода в виде «козырька банкомата либо посторонних накладок, например, рекламных материалов (используется вкупе со скиммером для получения пин-код держателя), что позволяет получать наличные в банкоматах по поддельной карте» [5, с. 40–47].

Данные устройства питаются от автономных источников энергии – миниатюрных батарей электропитания, и для затруднения обнаружения, как правило, изготавливаются и маскируются под цвет и форму банкомата.

Основной целью скимминга является копирование информации с карты и изготовление дубликата карты, после чего, зная пин-код, злоумышленники снимают все деньги в пределах лимита выдачи, как в России, так и за рубежом. Они также могут использовать полученную информацию о банковской карте для совершения покупок в торговых точках.

Уголовная ответственность за совершение данного вида преступления предусмотрена в ст. 159.3 УК РФ, введенной в действие Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (*СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 6752*). В соответствии с ч. 1 данной статьи, за совершение простого мошенничества с использованием банковских карт предусмотрена санкция в виде штрафа в размере до 120 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательных работ на срок до 360 часов, либо исправительных работ на срок до одного года, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо ареста на срок до четырех месяцев. В случае совершения квалифицированного мошенничества, а именно группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину, который в настоящее время

в соответствии с примечанием 2 к ст. 158 УК РФ составляет не менее 5 тыс. руб., добавляется более серьезный вид наказания – лишение свободы на срок до пяти лет. Кроме того, предусмотрено наказание за совершение данного преступления с использованием своего служебного положения, что регламентировано согласно ч. 3 ст. 159.3, деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 этой статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, составляющим в соответствии с примечанием к ст. 159.1 УК РФ более 1,5 млн руб., наказываются штрафом в размере от 100 000 до 500 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового. Самое строгое наказание – лишение свободы сроком до 10 лет, что относит данное преступление к категории тяжких, со штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет с возможным применением ограничения свободы, – предусмотрено за совершение мошенничества с использованием банковских карт организованной группой, либо если оно совершено в особо крупном размере, который в настоящее время составляет 6 млн руб.

Таким образом, в зависимости от наличия квалифицирующих признаков в совершенном преступном деянии, судом может быть назначены как штраф, что является наименее строгим видом наказания в иерархии негативных последствий, предусмотренных уголовным законодательством, так и лишение свободы в случае совершения преступления наиболее изощренным способом, либо если данным преступлением причинен особо крупный ущерб.

Следует отметить, что в связи с тем, что рассматриваемый вид мошенничества продолжает распространяться на другие финансово-денежные правоотношения, поскольку технический прогресс в области выпуска, обслуживания и использовании банковских карт не стоит на месте, в Государственную Думу РФ внесен законопроект от 26 мая 2017 г. № 186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета

или электронных денежных средств)». В нем предлагалось заменить название ст. 159.3 на «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», изменить диспозицию ч. 1, а именно представить мошенничество его как хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельного или принадлежащего другому лицу электронного средства платежа, в том числе кредитной, расчетной или иной платежной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации, а также (что самое главное) заменить самый строгий вид наказания, предусмотренный по ч. 1 — арест, который сегодня в Российской Федерации на практике не применяется ввиду отсутствия арестных домов и иной инфраструктуры, лишением свободы сроком до трех лет. *(На момент публикации статьи указанные изменения были приняты.)*

Активное пользование картами провоцирует рост случаев мошенничества. В группе риска находятся люди, которые часто пользуются ими, в том числе за границей и через Интернет. Способы, которые применяют преступники, становятся все более сложными и технологичными, и попасть в поле зрения мошенников можно, даже соблюдая все требования безопасности при использовании карты.

Чтобы не стать их жертвой, необходимо соблюдать несколько основных правил. Прежде всего нельзя допускать, чтобы идентификационная информация карты попала к любым третьим лицам. Необходимо учитывать, что банки никогда не обращаются к клиентам с просьбой предоставить им персональные данные — доступ к нужной информации у них и так имеется. К тому же, следует соблюдать следующий принцип — «с ходу стирать пришедшие на ваш электронный адрес сообщения, содержащие непонятные вам коды» [6, с. 30–32].

Клиентам также предписывается незамедлительно прекращать любую финансовую операцию в Интернете, если возникли малейшие подозрения о попытке несанкционированного списания денежных средств. О произошедшем рекомендуется сообщить сотрудникам банка. Имеет смысл подключить услугу информирования обо всех операциях со счетом через смс, регулярно проверять статус счета, выписки.

В связи с тем, что граждане порой сами небрежно относятся к данным своих банковских карт и иным ресурсам, используемым в расчетах в различных организациях, Банк России направил в кредитные организации письмо от 7 декабря 2007 г. № 197-Т «О рисках при дистанционном

банковском обслуживании» (*Вестник Банка России. 2007. № 68*), в котором даны рекомендации по безопасному использованию банковских карт. В целях предупреждения мошенничества с использованием банковских карт предлагается:

исключить возможность неправомерного получения персональной информации пользователей систем дистанционного банковского обслуживания (не передавать ее неуполномоченным лицам);

осуществлять операции с использованием банкоматов, установленных в безопасных местах (в государственных учреждениях, подразделениях банков, крупных торговых комплексах, гостиницах, аэропортах и т.п.);

не использовать банковские карты в организациях торговли и обслуживания, не вызывающих доверия;

при совершении операций с банковской картой без использования банкоматов не выпускать ее из поля зрения;

не пользоваться устройствами, которые требуют ввода пин-кода для доступа в помещение, где расположен банкомат;

не использовать пин-код при заказе товаров либо услуг по телефону/факсу или по сети Интернет;

при наличии возможности, предоставляемой кредитной организацией, использовать реквизиты карты одноразового использования (так называемой «виртуальной карты») для осуществления оплаты товаров либо услуг через сеть Интернет;

пользоваться услугой смс-оповещения о проведенных операциях с применением дистанционного банковского обслуживания (в случае возможности получения такой услуги);

осуществлять информационное взаимодействие с кредитной организацией только с использованием средств связи (мобильные и стационарные телефоны, факсы, интерактивные web-сайты/порталы, обычная и электронная почта и проч.), реквизиты которых оговорены в документах, получаемых непосредственно в кредитной организации.

Конечно, банковское оборудование тоже совершенствуется: появляется все больше банкоматов с различными системами антискимминговой защиты. На сегодняшний день уже есть решения, которые позволяют исключить считывание информации с магнитной полосы карты всеми существующими сегодня типами скимминговых устройств. Банкоматы оснащены средствами защиты против такого вида мошенничества, как кард-траппинг (захват карты мошенниками).

К тому же считываемая с карты информация всегда передается в зашифрованном виде, чтобы исключить возможность перехвата данных.

В настоящее время многие банки переходят на технологию выпуска чиповых карт, предусматривающих функцию ввода пин-кода. На случай совершения операции по карте в местах массового скопления людей некоторые банки предоставляют возможность отказаться от его ввода, и в таком случае операция подтверждается только подписью владельца карты на чеке.

Приобретает популярность и технология 3D-Secure в качестве дополнительного фактора защиты онлайн-транзакций. Для подтверждения покупки необходимо «ввести одноразовый пароль, который направляется держателю карты посредством смс-сообщения на номер телефона, указанный ранее в банке» [5, с. 40–47].

Одним из важнейших компонентов экономической безопасности страны является безопасность финансовой системы. Без устойчивого функционирования финансовой системы и финансового рынка невозможно наращивание экономического и научно-технического потенциала, который призван обеспечить достойное место России в мире.

Банковская сфера, являющаяся ключевой частью инфраструктуры, необходимой для нормального функционирования экономики, принимает на себя часть рисков от глобализации

экономики и увеличения иностранного капитала в России, поэтому обеспечение экономической безопасности банковской системы становится стратегической задачей государства. Без ее решения обеспечивать поступательное развитие страны, укреплять ее безопасность невозможно.

Безусловно, с развитием высоких технологий совершенствуются и традиционные формы преступных посягательств, и это необходимо иметь в виду при разработке мер по их предотвращению. Вместе с тем следует учитывать российскую специфику, а именно:

низкую техническую подготовку клиента, граничащую с технической и финансовой безграмотностью;

правовой нигилизм и халатность клиентов.

В России банкоматы широко используются для снятия наличных денег, а также в качестве платежных терминалов, в отличие от европейских стран.

Поэтому банки должны прилагать наибольшие усилия по противодействию использованию мошенниками банкоматов в качестве технических средств получения (дублирования) секретной информации (ее носителя). Важно также совершенствовать механизмы защиты банкоматов: периодически изменять настройки, увеличивать количество штатных видеокамер, устанавливать банкоматы исключительно в людных общественных местах.

Литература

1. Архипов А. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4–10.
2. Атаманов Р.С. Криминалистическая характеристика мошенничества в онлайн-играх // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–35.
3. Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Проблема квалификации хищения с использованием банковских карт // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 82–87.
4. Смолин С. Мошенничество с использованием платежных карт // Законность. 2016. № 1. С. 49–51.
5. Сухаренко А. Скимминг вне закона // ЭЖ-Юрист. 2015. № 37. С. 3.
6. На золотом крыльце сидели: скимминг, фишинг и аккаунт. Советы Центрального банка: как владельцам пластиковых карточек уберечься от финансовых мошенников // Юрист спешит на помощь. 2015. № 6. С. 30–32.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, постатейный. 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. – 1069 с.

References

1. Arkhipov A. Problemy opredeleniya mesta soversheniya moshennichestva v otnoshenii beznalichnykh denezhnykh sredstv [The problem of determining the place of Commission of fraud against non-cash]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*, 2016, no. 3, pp. 4–10. (in Russian, abstract in English)
2. Atamanov R.S. Kriminalisticheskaya kharakteristika moshennichestva v onlayn-igrakh [Criminological characteristics of fraud in online gaming]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2014, no. 21, pp. 30–35. (in Russian, abstract in English)

3. Borovykh L.V., Korepanova E.A. Problema kvalifikatsii khishcheniya s ispol'zovaniyem bankovskikh kart [The problem of qualification of theft with the use of Bank cards]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian juridical journal]*, 2014, no. 2, pp. 82–87. (in Russian, abstract in English)

4. Smolin S. Moshennichestvo s ispol'zovaniyem platezhnykh kart [Fraud using payment cards], *Zakonnost' [Legality]*, 2016, no. 1, pp. 49–51. (in Russian).

5. Sukharenko A. Skimming vne zakona [Skimming outside the law], *EZh-Yurist [Electronic Journal – Jurist]*, 2015, no. 37, pp.3. (In Russian, abstract in English)

6. Na zlatom kryl'tse sideli: skimming, fishing i akkaunt. Sovety Tsentral'nogo banka: kak vladel'tsam plastikovykh kartochek uberech'sya ot finansovykh moshennikov [On the Golden porch sat: skimming, phishing and account. Tips of the Central Bank: as the owners of plastic cards to protect yourself from financial scams]. *Yurist speshit na pomoshch' [Lawyer hurries to help]*, 2015, no. 6, pp. 30–32. (In Russian, abstract in English)

7. Lebedev V.M. (ed.) *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [The comment to the Criminal code of the Russian Federation]*, 13th edition, revised and enlarged. Moscow, Yurayt Publ., 2013. – 1069 p. (in Russian)

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Козодой Анастасия Александровна

Орлова Анастасия Владимировна

Научный руководитель: кандидат юридических наук Саламова С.Я.

Цель. Оценить степень использования защитного потенциала мер противодействия киберпреступности.

Методология: для оценки степени использования защитного потенциала мер противодействия киберпреступности проведен анализ мер, применяемых как на государственном уровне, так и на уровне безопасности пользователя; синтезирована информация по основным рекомендациям предотвращения использования кибермошенниками информации; проанализированы информация и данные компаний и спецслужб, проводивших исследование, направленные на выявление способности реагирования субъектов общества на кибератаки; рассматриваются методы борьбы с киберпреступностью и опыт зарубежных стран в данной области.

Выводы. Опасность киберпреступности усугубляется в силу низкой информационной культуры граждан и отсутствием базовых знаний у сотрудников компаний в области кибернетики и защиты данных. Нередко они нарушают правила внутренней безопасности, самовольно устанавливая нерегламентированное программное обеспечение, используя оборудование и ресурсы в личных целях, что делает рабочие сети более уязвимыми.

Современный мир — это мир в большей степени информационных войн. Поэтому требуется не только подготовка высококвалифицированных специалистов, но и повышение информационной культуры граждан. Меры противодействия не окажут должного эффекта, если они будут применяться с нарушениями, а сами меры не будут совершенствоваться вместе с развитием технологий.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование дает целостное представление о существующих мерах противодействия киберпреступности как для физических лиц, так и для компаний и государств. Авторами обращается внимание на недостатки и проблемы в сфере применения данных мер с учетом возможных путей их решения, отечественного и зарубежного опыта, а также обосновывается необходимость формирования комплекса знаний в IT сфере у граждан и повышения культуры пользования компьютером и работы в Интернете.

Ключевые слова: внешние угрозы, внутренние угрозы, информация, киберпреступность, кибератака, контролирующий орган, меры противодействия киберпреступности, правила безопасности, хакер, шифрование.

Информация в современном мире — один из самых ценных ресурсов. Она окружает нас повсюду, ее настолько много, что некоторую иногда называют «информационным мусором». Среди терабайтов данных имеется множество информации, представляющей интерес для индивидов, организаций, компаний, стран, способной изменить судьбы и жизни. Но как она охраняется? Используются ли все возможные способы ее защиты? Какие минимальные меры необходимо

предпринять для защиты данных? Представляется, что государства, компании и граждане не используют большинство доступных способов защиты данных. Чтобы проанализировать ситуацию, необходимо рассмотреть существующие меры защиты информации и случаи кибератак.

Вопросами поиска оптимальных мер в области предупреждения киберпреступности занимаются как государственные органы, так и международные организации. В последние годы наблюдается

повышение активности в принятии международных и региональных документов, направленных на противодействие киберпреступности, что связано с повышением числа преступлений в данной сфере и развитием кибертерроризма [1, с. 17–18].

На национальном уровне меры предупреждения преступности состоят из стратегий и мероприятий, направленных на снижение риска совершения преступлений и нейтрализацию потенциально вредных последствий для частных лиц и общества [2].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (*утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646. СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074*) особое внимание уделяется тому, что информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства.

Вместе с тем в ней указывается, что «возрастают масштабы компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. При этом методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся все изощреннее».

К числу основных мер противодействия киберпреступности на государственном уровне относятся: совершенствование законодательства, криминализация новых деяний, ужесточение ответственности за совершение компьютерных преступлений.

Но для киберпреступников не существует границ и юрисдикций. Поэтому немаловажным фактором является надлежащее отношение к соответствующей компьютерной информации, которая представляет собой определенный интерес для другого субъекта, ограничение доступа к такой информации, посредством использования лицензированных компьютерных программ и антивирусных софтов для защиты компьютера от незаконного взлома [1, с. 18–20]. Киберпреступники совершают преступления исходя из совершенно различных мотивов и преследуя различные цели. Однако стоит отметить, что киберпреступники, получив доступ к конфиденциальным данным или управлению ИТ-системами, иногда даже не понимают, что делать с полученной информацией [1, с. 17].

Пользователям и компаниям необходимо соблюдать хотя бы базовые правила обеспечения безопасности информации, помня том, что если определенные данные попадут к преступникам, это может причинить серьезный вред.

И. Сачков, президент компании Group-IB, которая занимается расследованием компьютерных преступлений, отмечает необходимость соблюдения правил технической самозащиты в целях обеспечения собственной безопасности (*Сачков И. Неготовность номер один // Русский пионер. 25 октября 2016. [Электронный ресурс] // URL: <http://ruspioner.ru/honest/m/single/5199> (дата обращения: 17.01.2018)*). Его компанией разработаны специальные памятки для предотвращения возможности использования кибермошенниками информации. Данные инструкции включаются в ежегодные отчеты об исследованиях компании, а некоторые способы защиты отражаются в аналитике.

Обобщение самых доступных способов защиты позволило составить список базовых действий пользователей. В частности, рекомендуется:

- 1) использовать только лицензированные компьютерные программы и антивирусные софты;
- 2) использовать электронный почтовый адрес по конкретному назначению: для регистрации на сайтах, оплаты услуг, передачи важной информации (желательно защищенный);
- 3) открывать вложения только от известных отправителей, если имеются основания сомневаться, необходимо связаться с отправителем иным способом;
- 4) проверять вложения на наличие вирусов;
- 5) не указывать в полученных по электронной почте формах и анкетах личные данные, так как их безопасную передачу могут гарантировать только защищенные сайты;
- 6) проверять запросы персональных данных из деловых и финансовых структур путем обращения в эти структуры по контактам, указанным на официальном сайте, а не в электронном письме;
- 7) при общении с клиентами банки, как правило, не осуществляют массовую рассылку. Лучший вариант: связаться с офисом банка по контактному данным на его официальном сайте, чтобы прояснить ситуацию;
- 8) в сомнительных случаях трезво оценивать ситуацию и принимать взвешенное решение. Требования немедленных действий в чрезвычайных ситуациях с высокой степенью вероятности являются мошенничеством. Преступники намеренно стараются вызвать у пользователя чувство тревоги, чтобы заставить его действовать быстро и неосмотрительно;

9) обратиться в банк за выпуском дополнительной карты для оплаты товаров в Интернете;

10) при взломе страницы, если пользователем был скачен какой-либо файл, заходить на сайт для ее восстановления с незараженного устройства. Затем следует выполнить процедуру восстановления пароля, предварительно сменив учетные данные во всех сервисах, где они совпадали со скомпрометированными, для защиты других аккаунтов;

11) никогда не открывать фалы, запрашивающие использование компонентов ActiveX в браузере Internet Explorer, так как они позволяют JavaScript'ам, выполняющимся в контексте браузера IE, осуществлять доступ к объектам операционной системы, в том числе загружать на нее исполняемые файлы, которые с высокой вероятностью могут оказаться вредоносными объектами, и запускать их [3, 4, с. 5–17].

Угрозе незаконного завладения данными подвергаются не только индивидуальные пользователи, но и организации. В исследовании международной консалтинговой компании PwC отмечается, что большинство российских компаний не способно успешно противостоять кибератакам. Многие российские респонденты (44% в мире) отмечают, что в их компаниях нет общей стратегии информационной безопасности. В 48% компаний нет программы обучения, направленной на повышение уровня осведомленности сотрудников в вопросах безопасности. Кроме того, 56% компаний указали, что у них не отработан процесс реагирования на кибератаки. В способности найти хакеров полностью уверены лишь 19% участников исследования в России и 39% респондентов в других странах. *(Большинство российских компаний не устойчивы к кибератакам, заявили в PwC // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/technology/20171109/1508453887.html> (дата обращения: 17.01.2018)).*

По данным Национального отделения ФБР по компьютерным преступлениям, от 85 до 97% нападений на корпоративные сети не то что не блокируются, но и не обнаруживаются. Как показали проведенные в США исследования, в 88% случаев проникновение специальных групп экспертов в военные информационные системы было успешным, в 4,36% случаев атаки были обнаружены, и только в 5% случаев о таких атаках сообщили системные администраторы. Другая группа экспертов обследовала около 8 тыс. компьютеров Министерства обороны США и обнаружила 150 тыс. уязвимых мест. В среднем 80% успешных компьютерных вторжений в федераль-

ные компьютерные системы происходит из-за ошибок в программном обеспечении или из-за его низкого качества [5].

По данным прокуратуры РФ, число киберпреступлений в России с 2013 г. увеличилось в шесть раз, на что Генеральный прокурор Ю. Чайка обратил внимание коллег в августе 2017 г. на встрече генеральных прокуроров стран БРИКС в Бразилии. Аналитики Сбербанка РФ прогнозируют возможные потери России от кибератак в размере около 2 трлн рублей.

Случаи успешных кибератак в 2017 г. свидетельствуют о низком уровне защищенности систем в различных странах. Так, в мае масштабная атака вируса WannaCry затронула более 500 тыс. компьютеров по всему миру. Лидерами по количеству заражений стали Россия, Украина и Индия. Вирусная программа шифровала практически все файлы на компьютере и требовала выкуп за возврат доступа. В июне вирус-вымогатель NotPetya поразил IT-системы компаний в нескольких странах мира, в большей степени затронув Украину. Программа шифровала файлы и данные, необходимые для загрузки системы. Для восстановления доступа вымогатели требовали выкуп в биткойнах. В октябре ряд российских СМИ, а также банки из первой двадцатки атаковал вирус-шифровальщик BadRabbit. За разблокировку одного компьютера необходимо было заплатить 0,05 биткойнов (около 16 тыс. руб.) в течение 48 часов. Вирус также затронул Турцию и Германию *(Большинство российских компаний не устойчивы к кибератакам, заявили в PwC // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/technology/20171109/1508453887.html> (дата обращения: 17.01.2018)).*

Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. По оценкам Интерпола, темпы роста преступности в Интернете, являются самыми быстрыми на планете. Поэтому государства прибегают к самым разнообразным методам борьбы, одним из которых является привлечение хакеров.

В 2013 г. в Японии были созданы условия для привлечения «этичных» хакеров для борьбы с киберпреступностью. Кроме того, японская полиция начала налаживать контакты с учебными заведениями и компаниями, занимающимися IT-технологиями для привлечения к сотрудничеству экспертов по киберпреступности. В свою очередь, Министерство обороны Японии заявило, что в целях создания новых методов киберзащиты хакеры начали заниматься сбором и анализом информа-

ции о компьютерных вирусах, что опять же связано с налаживанием взаимодействия с разработчиками вирусов (*Этические хакеры помогут японской полиции бороться с киберпреступностью // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/436747.php> (дата обращения: 17.01.2018)*).

Сбербанк РФ предложил создать национальный центр кибербезопасности (НЦК), который станет главным органом по обеспечению информационной безопасности в стране. Заместитель председателя правления Сбербанка С. Кузнецов инициировал вопрос о создании НЦК 28 августа 2017 г. на установочном заседании Центра компетенций по направлению «Информационная безопасность» (создан для реализации государственной программы «Цифровая экономика»).

По данным, представленным Сбербанком РФ, НЦК должен стать ключевой структурой по защите страны в информационном пространстве. Планируется, что он будет получать информацию от международных центров безопасности, иностранных центров реагирования на инциденты в сфере информационной безопасности (computer emergency response team, CERT), правоохранительных органов и регуляторов. НЦК должен будет стать куратором всех существующих институтов в сфере информационной безопасности страны. В зону его контроля могут войти RU-CERT (на базе Российского научно-исследовательского института развития общественных сетей), GOV-CERT (на базе ФСБ России), Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА, с 2013 г. создается ФСБ по поручению Президента РФ) и отраслевые CERT, например, существующий при Центробанке России с 2015 г. FinCERT (создан для обмена информацией об атаках на финансовые институты). Согласно предложенной схеме, аналогичные CERT предполагается создать и для обмена информацией среди предприятий энергетики и телекоммуникаций, чтобы они затем передавали данные в НЦК.

Создание такого контролирующего органа обусловлено необходимостью разработки эффективного механизма борьбы с киберпреступлениями. Однако независимый эксперт по информационной безопасности А. Лукацкий, считает, что подобная структура на базе Сбербанка РФ, который не имеет соответствующей компетенции в других отраслях экономики, не оправдывает себя. Действительно, ни в одном крупном государстве не существует подобной централизованной структуры.

Начинать нужно с отдельной отрасли, как в свое время зародился Евросоюз (*Коломыченко М. Киберспецслужба: Сбербанк предложил создать штаб борьбы с хакерами // РБК. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/01/09/2017/59a9799f9a7947375702db15 (дата обращения: 17.01.2018)*).

Пока многие страны только готовятся к преобразованиям, США продолжают совершенствовать свои меры борьбы с киберпреступностью. Об этом свидетельствуют данные исследования Zecurion Analytics, согласно которым финансирование этого направления в США составляет около 7 млрд долл. в год, а численность хакеров, сотрудничающих с государством, – около 9 тыс. человек (*Напеева Д. Аналитики назвали Россию в числе пяти стран с лучшими кибервойсками // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2017/58747b439a7947526d203417?from=main> (дата обращения 17.01.2018)*). Также еще в 2015 г. США решили привлечь для борьбы с киберпреступностью подростков. Необходимо было разработать специальную программу по их привлечению, поскольку в противном случае талантливые молодые люди скорее могли пойти на высокооплачиваемую работу в частном секторе или увлеклись бы наркотиками и не смогли бы пройти отбор на работу в спецслужбу. Поэтому такая программа стартовала весной 2016 г. – ФБР приступило к установлению контактов со школами около Питсбурга, предложив им проводить занятия по компьютерной безопасности для старшеклассников, и с местными университетами, чтобы те могли принять наиболее перспективных студентов (*Сканнелл К. ФБР привлечет тинейджеров к борьбе с киберпреступностью // К. Сканнелл, пер. А. Осипов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/10/06/611541-fbr-privlechit-tineidzherov-borbe-kiberprestupnostyu>. (дата обращения: 17.01.2018)*).

Генеральный директор по кибербезопасности компании ZoneFox Дж. Грейвс высказался по поводу привлечения хакеров весьма недвусмысленно: «В то время, когда киберпреступность продолжает приносить урон компаниям, и более двух третей предприятий не имеют достаточно способностей для защиты своей компании от киберугроз, мы должны задаться вопросом, как мы можем заставить этих талантливых молодых хакеров бороться с преступностью, а не способствовать ей» (*Если вы не можете победить их, вербуйте: привлекайте молодых хакеров к борьбе с киберпреступностью. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.security-news.today/esli-vy-ne-mozhete-pobedit>*

ih-verbujte-privlekajte-molodyh-hakerov-k-borbe-s-kiberprestupnostyu/ (дата обращения: 17.01.2018)). Это был своего рода отклик на исследование национального агентства по борьбе с преступностью (НСА), в рамках которого изучалась личность преступника-подростка. В процессе исследования было установлено, что уважение и популярность среди сверстников – одни из основных мотивирующих факторов для молодых киберпреступников. Правонарушители начинают свою незаконную деятельность с участия в игровых чит-сайтах и форумных играх, и только потом переходят к хакерским форумам.

Киберпреступность представляет опасность высокого уровня в немалой степени вследствие того, что направление в области кибернетики и защиты данных в образовании не является приоритетным, и развивается намного медленнее, чем технологии [6, с. 47–49].

Следует также сказать, что множество внутренних угроз в компаниях возникает из-за нерадивых служащих. Самовольная установка и использование нерегламентированного программного обеспечения (до 78% внутренних происшествий), увеличение случаев использования оборудования и ресурсов в личных целях (на 10%) делает рабочие сети более уязвимыми. Даже в Пентагоне выявлены серьезные нарушения правил информаци-

онной безопасности. Например, распространена практика использования неучтенных программ и программ с просроченными сертификатами, что несет в себе потенциальную угрозу для национальной безопасности и инфраструктуры в целом [7, с. 34–39].

Чтобы избежать случаев несоблюдения информационной безопасности, необходимо прививать культуру работы с компьютерными приборами, интернетом с ранних лет. В школах такие занятия можно проводить на уроках БЖД. По мнению И. Сачкова, «в школе часть уроков ОБЖ должна быть посвящена защите от киберпреступности. Потому что противотанковая граната сегодня более редкий способ вреда, чем киберпреступность» (Ленина М. 11 правил сетевой безопасности: как защититься от кибермошенников 27.01.2016 / М. Ленина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/11-pravil-setevoj-gigieny-kak-zashhititsya-ot-kiberprestupnosti> (дата обращения: 17.01.2018)). Действительно, в современном обществе количество войн, для которых необходимы военные навыки в их традиционном понимании уменьшается, а информационные войны и гонки вооружений предполагают необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов и повышения уровня информационной культуры граждан.

Литература

1. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Проект февраль 2013 год / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (дата обращения: 17.01.2018).
2. Журбин Р. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupnosti-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossiyskogo-obschestva-ponyatie-soderzhanie-printsipy> (дата обращения: 17.01.2018).
3. Исследования: «Hi-Tech Crime Trends 2016», «Hi-Tech Crime Trends 2017» / Group-IB. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.group-ib.ru/resources/threat-research.html>. (дата обращения: 17.01.2018).
4. Аналитика: «HostExploit: 50 самых опасных хостов». Сентябрь 2013 / Group-IB совместно с сообществом HostExploit. [Электронный ресурс]. URL: https://www.group-ib.ru/media/wp-content/uploads/2016/02/world_hosts_report_201309_ru.pdf (дата обращения: 17.01.2018).
5. Клаверов В.Б. Проблемы противодействия компьютерной преступности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/contest/382194.php?ref=123> (дата обращения: 17.01.2018).
6. Номоконов В., Тропина Т. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.
7. Фролов Д.Б. История информационной преступности // Закон. 2002. № 12. С. 34–39.

References (transliterated)

1. Vsestoronnee issledovanie problemy kiberprestupnosti [Comprehensive Study on Cybercrime]. Draft February 2013 / United Nations Office on Drugs and Crime. [Electronic resource]. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf. (Accessed 18.11.2013).

2. Zhurbin R. Preduprezhdenie prestupnosti na sovremennom jetape razvitija rossijskogo obshhestva: ponjatie, sodержanie, principy [Crime prevention at the present stage of development of Russian society: concept, content, principles]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupnosti-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossiyskogo-obschestva-ponyatie-soderzhanie-printsipy> (accessed 18.11.2013).

3. Issledovaniya: «Hi-Tech Crime Trends 2016», «Hi-Tech Crime Trends 2017». [Research: “Hi-Tech Crime Trends 2016”, “Hi-Tech Crime Trends 2017”] / Group-IB. [Electronic resource]. URL: <https://www.group-ib.ru/resources/threat-research.html>. (accessed 18.11.2013).

4. Analitika: «HostExploit: 50 samykh opasnykh khostov» [Analytics: HostExploit: 50 Most Dangerous Hosts]. September 2013 / Group-IB together with the community HostExploit. [Electronic resource]. URL: https://www.group-ib.ru/media/wp-content/uploads/2016/02/world_hosts_report_201309_en.pdf. (accessed 18.11.2013).

5. Klaverov V.B. Problemy protivodeistviya komp'yuternoi prestupnosti [Problems of countering computer crime]. [Electronic resource]. URL: <https://www.securitylab.ru/contest/382194.php?ref=123>. (accessed 18.11.2013).

6. Nomokonov V, Tropina T. Kiberprestupnost' kak novaja kriminal'naja ugroza [Cybercrime as a New Criminal Threat], *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2012, no. 1 (24), pp. 45–55. (in Russian, abstract in English)

7. Frolov D.B. Istorija informacionnoj prestupnosti [The history of information crime]. *Zakon* [Law], 2002, no. 12, pp. 34–39. (in Russian, abstract in English)

ХАКЕРЫ – ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ?

Речкалова Ольга Олеговна

Шелихов Дмитрий Игоревич

Научный руководитель: кандидат юридических наук С.Я. Саламова

***Цель.** Дать определение понятия «хакер», охарактеризовать психологию хакеров, проанализировать опыт противодействия хакерству как виду преступности и способы защиты от хакерских атак.*

***Методология:** сравнительный анализ (сопоставление юридической доктрины со смежными областями знания, такими как социология, экономика и др.), межотраслевой (сравнительный анализ подходов, использующихся в общей теории права), трансграничный (сравнение проявлений хакерства в разных странах, равно как и опыта противостояния ему), хронологический (исторический сравнительный анализ) подходы.*

***Выводы.** В связи с развитием и проникновением во все сферы жизни общества технологий хакерство становится все более опасным видом преступности. Учитывая это, борьба с ним требует объединения усилий не только на национальном, но и на международном уровне.*

***Научная и практическая значимость.** В XXI в. одним из ценнейших ресурсов становится информация. Мы общаемся, делимся фотографиями и видео, слушаем музыку, играем, оформляем документы, делаем покупки, платим налоги, штрафы, пошлины – все с использованием Интернета.*

Преступность, следуя за развитием общества, распространилась на сферу виртуального мира. В 1997 г. в УК РФ были внесены изменения: в перечень преступлений был включен новый вид – «Преступления в сфере компьютерной информации». К их числу относятся: неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

***Ключевые слова:** киберпреступность, хакерство, хакеры, кибератаки, кибертерроризм, Интернет, эксплойт, DDoS, брутфорс.*

Слово «хакерство» произошло от английского «to hack», что означает «обтесывать, рубить» [3, с. 158]. Изначально хакерами называли программистов с творческим подходом к решению задач: они быстро «врубались» в проблему и разрешали ее.

Первые компьютерные хакеры появились еще в 1960-е г. в Массачусетском технологическом институте, поскольку тогда доступ к ЭВМ был лишь у сотрудников университетов. Поработать с вычислительной машиной можно было лишь несколько часов в неделю, но и тогда наиболее любознательные специалисты выкраивали время для экспериментов. Хакерство того времени сводилось к попыткам использования компьютера не по назначению: вместо вычислений запустить на нем самостоятельно написанную игру. Хакерам

было интересно не просто решить какую-либо вычислительную задачу – они хотели понять, как устроена и как работает машина. Соответственно культура хакерства вышла из увлеченных [2, с. 43].

В 1980-е г. слово «хакер» впервые получило негативный оттенок. Хакерами стали называть компьютерных взломщиков, проникающих в закрытые информационные сети с целью получения доступа к секретной информации, а также заражения их вирусом. В сознании людей формировался образ хакера как человека, который может делать что-то незаконное для получения прибыли. В 1983 г. на обложке журнала «Newsweek» была помещена фотография одного из основателей хакерской группы «414s», ставшей известной после серии взломов серьезных компьютерных систем

Московский криминологический кабинет

(высокозащищенных компьютерных систем Лос-Аламосской национальной лаборатории, Мемориального ракового центра Слоу-Кеттеринга, Security Pacific National Bank). Со временем у хакеров появились собственные журналы.

В 1980-е г. большой общественный резонанс получило дело Кевина Поулсена, который, используя свои хакерские навыки, первым дозволился в эфир радиостанции KIIS-FM, что позволило ему выиграть автомобиль «Porsche» в рамках проходившего конкурса. И хотя масштаб преступлений того времени не может сравниться с нынешними, когда с помощью хакерской атаки преступники похищают с банковских счетов граждан и организаций миллионы долларов. Постепенно становилась все более очевидной необходимость совершенствования законодательства в сфере мошенничества и разработки соответствующей нормативной правовой базы.

В 1990 г. хакерство окончательно приобретает криминальную окраску. В указанный период дважды привлекался к уголовной ответственности один из самых знаменитых хакеров XX в. — Кевин Митник, взломавший внутреннюю сеть компании Digital Equipment Corporation. Тогда персональные компьютеры уже были доступны простым людям. Появилось огромное количество готовых программ, с помощью которых можно было взламывать компьютеры, не имея серьезных технических навыков и способностей (к примеру, «WinNuke» позволяла разорвать соединение Windows 95/98 с Интернетом или заставить его «зависнуть» путем отправки единственного IP-пакета). Но о безопасности в этой сфере никто не задумывался. Эти годы — «золотой век» хакерства:

возможностей для мошенничества предостаточно, компьютерные системы соединены через Интернет, механизмы обеспечения безопасности массовых операционных систем еще не разработаны.

Еще одна отличительная особенность тех лет — огромное количество голливудских фильмов про хакеров как иллюстрация того, что взлом компьютерных систем — «обыденная диковинка» для широких масс.

В 2002 г. Билл Гейтс написал своим сотрудникам в компании «Микрософт» письмо о том, что пора разрабатывать программное обеспечение с оглядкой на безопасность. Начиная с Windows Vista его идея начала воплощаться в жизнь. В результате количество уязвимостей в операционных системах от «Микрософт» заметно снизилось, «эксплойты» — подвид вредоносных компьютерных программ, использующих уязвимости компьютерных систем — стали все реже появляться в публичном доступе.

Цифровой криминал также вышел на новый уровень: получили распространение DDoS-атаки (т.е. создавались такие условия, при которых добросовестные пользователи системы не могли получить доступ к серверам либо доступ к ним был затруднен).

В настоящее время взлом компьютерных систем — это многомиллиардный бизнес.

Кроме того, за последнее десятилетие фокус атакующего сместился на пользователя и его персональный компьютер. Системы становятся сложнее, современный браузер — уже не просто программа, а сложный механизм. Почти никто не пользуется отдельными мессенджерами и почтовыми клиентами, взаимодействие с Интере-

том происходит именно через браузер. Неудивительно, что один из основных методов заражения пользователей в наши дни реализуется при помощи именно браузера.

Еще один канал распространения вредоносных программ — мобильные устройства. Если в официальных магазинах приложений программы проверяют на вредоносность, то из скачивая их из неофициальных источников, пользователь может занести на компьютер практически любой вирус.

В начале 2000-х гг., если обнаруживалась какая-либо уязвимость, практически сразу в свободном доступе появлялся эксплойт, позволяющий контролировать пользовательский компьютер. Тогда о монетизации уязвимостей практически не задумывались. Программы, ворующие данные пользователей, существовали, но сами уязвимости, приводящие к компрометации компьютера, было относительно просто эксплуатировать, а значит, не составляло труда и написать эксплойт. В последние 8–9 лет найти в публичном доступе рабочий эксплойт для недавно обнаруженной уязвимости стало очень непросто. Теперь это огромный бизнес: написать эксплойт для уязвимости в системе, в которой внедрены новые механизмы защиты, значительно сложнее.

Кроме того, актуализировалась проблема безопасности «Интернета вещей». Компьютеры с доступом в Интернет все чаще присутствуют в разнообразных бытовых и медицинских приборах, а также автомобилях. Они так же уязвимы, как и обычные компьютеры, и если злоумышленники воспользуются такими уязвимостями, то это станет очень опасным для жизни и здоровья пользователей.

В конце XX — начале XXI в. тема хакерства стала весьма популярной в кинематографе. Главные герои многих фильмов — хакеры, их раскрывают с положительной стороны, создавая образ Робин Гуда в век высоких технологий. Тема хакерства затрагивается и в современной художественной литературе, с аналогичным показом хакера в качестве «положительной» стороны. На сайте одного из крупнейших книжных интернет-магазинов «Лабиринт» по поисковому запросу «хакер» было найдено 105 книг. Среди них практические руководства, пособия и художественная литература. В частности, среди читателей очень популярна серия книг «Хакеры».

Таким образом, прослеживается тенденция создания образа благородного хакера, сражающегося на стороне добра, а не преступника. Разумеется, такой образ привлекателен, особенно для молодежи, мировоззрение которой еще складывается.

Популярность образа благородных компьютерных гениев, выступающих против системы,

послужила толчком к формированию в гибкой молодежной среде субкультуры хакеров, которая стала объектом изучения некоторых ученых-социологов. В частности, В.Н. Лупандин. Отмечает следующие отличительные особенности субкультуры хакеров:

- преобладание виртуального общения;
- строгое соблюдение принципа анонимности и использование псевдонимов;
- культ свободы информации;
- специфическая лексика, связанная с компьютерными технологиями;
- как правило, индивидуалистические установки и завышенная самооценка;
- в движении хакеров подавляющее большинство составляют мужчины, но женское меньшинство не подвергается какой-либо дискриминации [4, с. 177].

Хакерство продолжает активно развиваться, его приверженцы делятся друг с другом информацией, создают программы, облегчающие взлом персональных компьютеров, разрабатывают инструкции по совершению эксплойтов и размещают эти данные в открытом доступе. Так в среду, ранее формировавшуюся из талантливых молодых людей с исключительно техническим образованием, стали проникать обычные подростки, скачавшие несложную в управлении программу и, не обладая специфическими знаниями, вторгающиеся в компьютеры случайных пользователей.

В юридической литературе хакерами называют преступников, совершающих противоправные действия в информационно-телекоммуникационных сетях с целью получения конфиденциальной информации, денежных средств, оказания давления на организации, государственные органы, граждан.

Структура личности преступника — это совокупность социально значимых свойств, черт и качеств, сформировавшихся в процессе социализации, которые характеризуют лиц, совершивших уголовно-наказуемые деяния. Что касается структуры личности хакера, то следует выделить:

- 1) социально-демографические составляющие:
  - а) пол. Около 90–95% хакеров — мужчины. Представительницы женского пола встречаются редко, но воспринимаются хакерами как равные, без предвзятости;
  - б) возраст — от 17 до 33 лет, но встречаются и исключения;
  - в) социальное положение и род занятий — как правило, работники ИТ-сферы. Для большинства хакеров хакинг — увлечение, а не основной источник дохода. Работать они предпочитают дис-

танционно, чтобы свести социальные контакты к минимуму;

г) семейное положение — холосты. В личной жизни хакеры зачастую одиноки;

д) место жительства — город, как правило, мегаполис;

е) материальные и жилищные условия — не стремятся к роскоши и зачастую довольствуются необходимым минимумом, который позволил бы им ни в чем не нуждаться и ни от кого не зависеть. Материальные потребности, как правило, не выше, чем у среднестатистических граждан;

2) образовательно-культурные составляющие: к числу наиболее ярких качеств относятся: predisposition к абстрагированию, интеллект, любознательность. Многие хакеры больше всего ценят новизну, особенно интеллектуальную.

Вопреки стереотипам хакерам не свойственна узость интересов — напротив, они увлекаются всем необычным и новым, часто имеют широкий спектр интересов. Существует закономерность между квалификацией хакера и его хобби: чем выше квалификация, тем вероятнее, что у него имеются посторонние увлечения, причем уровень компетенции в этой области у него намного выше, чем у среднего человека;

3) функционально-отношенческие составляющие: из-за преобладания виртуального общения многие хакеры испытывают трудности при эмоциональном контакте с собеседником, поскольку в подавляющем большинстве они, сосредоточены на себе и своем внутреннем мире. По этой причине, в частности, хакеры зачастую бывают несчастливы в личной жизни. Поскольку хакеры — весьма одаренные и разносторонние люди, порой они относятся снисходительно к «обычным» гражданам, но чаще испытывают раздражение, поскольку находят окружающий социум недостаточно развитым, нелогичным;

4) нравственно-психологические составляющие:

а) ценностная ориентация личности. Хакеры пропагандируют полную свободу информации как высшее благо. Зачастую они являются сторонниками демократических ценностей: открытости, доступности властных структур, непредвзятости и честности сотрудников правоохранительных органов, справедливого судопроизводства;

б) отношение к правоохранительным нормам и требованиям — пренебрежительно. Поскольку выявить хакеров и привлечь их к ответственности не так просто, они чувствуют себя безнаказанными;

в) система интересов, потребностей, притязаний. Как уже упоминалось выше, интересы хаке-

ров могут быть весьма разнообразными. В материальном плане они зачастую непритязательны: предпочитают простую удобную одежду спортивного стиля; в еде отдают предпочтение тому, что готовится быстро или может быть заказано через Интернет; для нормальной жизнедеятельности и хакинга обойдутся даже очень небольшой жилой площадью, однако в плане своего технического оснащения более педантичны и стараются регулярно обновлять компьютер, программное обеспечение и прочие необходимые инструменты;

г) избираемые способы удовлетворения своих интересов — получение доходов от основной работы, а также совершение преступных действий с использованием информационных технологий.

Для определения типа личности хакера важно учитывать, что они никогда не стремятся соответствовать какому-то стереотипу. По данным одного из исследований [1, с. 467], *каждый из них прежде всего индивидуалист и слишком высоко ценит свою индивидуальность, чтобы жертвовать ею в угоду моде или стереотипу*. Многие хакеры имеют общие характерные черты, привычки, одинаковые взгляды на жизнь.

Хакеры — компьютерные гении, увлеченные люди, получающие настоящую радость от решения сложных задач в сфере программирования. Их услугами пользуются охранные предприятия, чтобы проверить надежность своих систем. Нередко хакеры разрабатывают бесплатные интернет-сайты с источниками информации по компьютерной тематике, обнажают и придают огласке финансовые и иные махинации высших эшелонов власти и проповедуют полную свободу информации. Зачем же государства ведут активную борьбу с этими Робин Гудами века высоких технологий? Необходимость борьбы с хакерством можно проиллюстрировать с помощью следующего примера.

В 2015 г. США объявили конкурс на разработку первого в мире летального кибероружия, «логических бомб», обещая победителю 460 млн долл. «Логические бомбы» — компьютерные программы, которые будут приводить инфраструктуру противника к самоуничтожению. Согласно доктрине Пентагона, США смогут «...вызывать аварии на атомных станциях, открывать плотины для затопления населенных пунктов, отключать диспетчерское оборудование с целью вызова авиакатастроф». Из этой же доктрины следует, что в результате применения кибероружия допускается и предполагается гибель мирного населения. «Очевидно, что в результате таких действий могут быть ранены или погибнуть гражданские лица —

такой эффект допустим в интересах выполнения военной операции», — считают в Пентагоне.

«Вредоносная программа, например, может уничтожить пункт управления войсками. Однако если разработчики не заложили в нее функцию самоуничтожения, она затем может проникнуть в гражданские системы и привести к непоправимым последствиям для мирных людей», — объяснил генерал-майор в отставке Ч. Данлэп (Ch. Dunlap).

Кибервойска США, созданные в 2009 г., и состоят из высококлассных IT-специалистов. Первое время представители Минобороны США утверждали, что задачи кибервойск ограничиваются защитой от хакерских атак. Однако в сентябре 2014 г. страны-члены НАТО согласились, что крупномасштабная кибератака на одного из участников альянса будет рассматриваться как нападение на весь блок и может повлечь военный ответ.

Меры борьбы с хакерством, существующие в настоящее время, можно подразделить на *технические, организационные и правовые*.

К *техническим* мерам относятся: защита от несанкционированного доступа к компьютерной системе, резервирование важных данных, принятие конструктивных мер защиты от хищений и диверсий, обеспечение аварийным электропитанием, разработка и реализация специальных программных и аппаратных комплексов безопасности и др.

Организационными мерами являются охрана компьютерных систем, подбор персонала, исключение случаев ведения важных работ только одним человеком, наличие плана восстановления работоспособности центра после его выхода из строя, организация обслуживания вычислительного центра сторонней организацией или незаинтересованными лицами, универсальность средств защиты от всех без исключения пользователей (включая руководство), возложение ответственности на лиц, обеспечивающих безопасность центра, выбор места расположения.

К числу *правовых* мер следует отнести необходимость установления ответственности ответственность за компьютерные преступления, защиту авторских прав программистов, совершенствование гражданского законодательства, а также судопроизводства. Представляется весьма важным расширить правовую информированность специалистов и должностных лиц, заинтересованных в борьбе с компьютерными преступлениями.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448) содержит в себе понятие «защита инфор-

мации» и в статье 16 раскрывает подробнее, каким образом охрана информации реализуется.

Ниже приведены несколько из распространенных сценариев хакерских атак:

1. Удаленная атака, или эксплойт. Главные цели удаленных атак — захват данных, заражение сетей вирусным программным обеспечением или просто нанесение существенного урона сети и отдельным компьютерам.

Методы борьбы: учитывая размах технических средств, достаточно большая группа хакеров всегда сможет найти брешь в системе пользователя, нужную «отмычку» и, скорее всего, рано или поздно взломать его сеть, несмотря на все способы и меры защиты. Пожалуй, реально помочь может только команда экспертов по безопасности, которая будет охранять доступ к персональным данным пользователя в режиме реального времени.

2. Атака с клиентской стороны. Этот тип атаки построен на взаимодействии с пользователем сети или компьютера, интересующего злоумышленников. Хакеры пытаются заставить пользователя ввести свои данные на поддельном сайте. В ход идут все доступные способы: вредоносные ссылки, документы, приложения и т.д. Даже опытный пользователь не всегда может отличить фишинговый сайт от оригинального — копии достаточно правдоподобны, а учитывая ритм нашей жизни, заметить незначительную опечатку в адресе сайта очень трудно.

Методы борьбы: веб-прокси и фаерволы практически бесполезны, если пользователь регулярно проверяет свою почту, используя публичные точки доступа, например, в Старбакс. Можно надеяться только на собственную бдительность и здравый смысл. Следует изучить основы интернет-безопасности или хотя бы не переходить по ссылке, о небезопасности которой уведомляет антивирус. Корпоративные компьютеры должны использоваться только для рабочих нужд, а количество программного обеспечения на них должно быть минимальным (и, конечно, должны использоваться только лицензионные программы). Уменьшение возможных точек взлома (через браузеры, почтовые клиенты, приложения, медиа-плееры и т.д.) — отличный метод для предупреждения хакерской атаки.

3. Метод «грубой силы». Этот метод используется хакерами, если попытки получить доступ к сети пользователя с помощью стандартных методов не увенчались успехом. Фактически, суть метода состоит в том, чтобы применить все известные способы проникновения одновременно, в надежде, что один из них или их комбинация позволит взломать систему защиты. Более того часто используется метод полного перебора значения полей (напри-

мер, адресов, паролей) до тех пор, пока не будет подобран верный вариант. Данный тип атаки чаще всего наносит большой урон сети пользователя и оборудованию, однако его легко отследить по большим массивам неизвестных данных, появившимся в сети, как кажется, из ничего.

Методы борьбы: учитывая, что этот тип атаки легко обнаружить, важно это сделать до того, как в руки хакеров попадут какие-либо данные. Для защиты от онлайн-атак с использованием полного перебора значений часто применяются такие методы, как ограниченное количество попыток ввода пароля, задержка между попытками ввода, специальные вопросы для восстановления пароля, использование CAPTCHA или верификации по смс, блокирование аккаунта после нескольких неудачных попыток входа и др. Следует также избегать использования слишком простых паролей и вариаций уже использованных паролей.

4. Социальная инженерия. Этот тип атаки предполагает психологическую манипуляцию. В случае успеха пользователь добровольно передает хакеру конфиденциальную информацию: номера телефонов, адреса, пароли, номера кредитных карт. Иногда это самый простой и эффективный метод получения доступа к хорошо защищенной сети (именно так Э. Сноуден получил доступ к сети АНБ США).

Методы борьбы: если не распознать вовремя намерения хакера, рано или поздно он получает нужную информацию. Все, что можно посоветовать, — это не делиться конфиденциальной информацией. На первый взгляд, это достаточно просто, но каждый день множество людей по всему миру пересылают деньги и пароли первым встречным в Интернете людям, представившимся их одноклассниками.

5. «Человек посередине». По сути, данный тип атаки представляет собой перехват и подмену сообщений между двумя пользователями. Для атаки используются незащищенные протоколы передачи данных, и практически в 100% случаев пользователи даже не подозревают, что их сообщения перехватываются, а хакеры контролируют весь процесс коммуникации.

Методы борьбы: следует обращать внимание на настройки роутера и сервера, использовать сильное шифрование и защищенные протоколы передачи данных, устанавливать плагины для браузеров, которые автоматически шифруют исходящую информацию и, конечно, избегать доступа через публичный Wi-Fi.

Хакерские атаки эволюционировали от коротких и агрессивных до методичных, хорошо спланированных, продолжительных операций, включающих несколько (если не все) способы взлома.

Традиционные методы защиты (антивирус, фаерволы, VPN, менеджеры паролей, отслеживание трафика, интернет-шлюзы, работа в выделенном периметре и т.п.) служат в первую очередь для отслеживания первых шагов хакеров в сети. Возможно, что к тому времени, как пользователь обнаружит, что кто-то проник в нее, злоумышленники уже получают все необходимые данные.

Однако здравый смысл все еще играет большую роль. Если пользователь применяет все возможные методы защиты, а потом публикует в Инстаграм селфи на фоне доски с паролями доступа — какой смысл во всех этих дорогих программах для IT-безопасности? Надо сделать все возможное, чтобы защитить свои системы с технической стороны, но не и забывать об осмотрительности и проявлять бдительность. И не забывать о том, что необходимо быть всегда в курсе последних хакерских ноу-хау и думать, как хакер (знать, что ему нужно и как он может это получить), также очень полезно.

Следует отметить, что сотрудники отделов IT-безопасности крупных компаний, да и сами хакеры, могут использовать концепцию «hack back», в которой описывается нападение на атакующего — ответное сканирование его компьютера или даже эксплуатация уязвимостей, которые могут быть обнаружены в «машине» хакера. Однако такого рода защита также является незаконной, поскольку ничем не отличается от хакерства, а также трудно осуществима, поскольку требует специальных знаний в области программирования, и простому пользователю недоступна.

Таким образом, основными принципами защиты информации являются: авторизация, адекватная защита информации в целом, предотвращение потери данных, обнаружение нарушенной защиты, возможность восстановления по резервной копии и принцип избыточной защиты в узловых (не рабочих) точках. Если соблюдать все эти принципы, то вероятность потери информации с компьютера пользователя значительно снизится.

Как реализовать общие принципы защиты от эксплойта?

1. После установки операционной системы и необходимого софта, конфигурирования необходимо создать образ диска. Так можно будет быстро восстановить операционную систему при сбоях.

2. Не следует оставлять на компьютере учетные записи пользователей по умолчанию (для всех гостей). Желательно завести для каждого, кто пользуется компьютером, свою учетную запись и назначить соответствующие права для каждого пользователя. Тем самым будет не только закрыт

доступ к важной информации, но и уменьшен риск вредоносных действий программных закладок и других опасных программ.

3. Надо задать для директорий с важными документами разграничение доступа. Это защитит документы от нежелательного просмотра, а также предотвратит их случайное удаление или изменение.

4. Необходимо хранить резервные копии самых важных документов на внешнем носителе.

5. Следует избегать простых и примитивных паролей. Пароли типа «QWERTY», «ВАСЯ», «1234» и подобные им подбираются в течение нескольких секунд. Предпочтительнее задавать нетривиальные пароли, состоящие не менее чем из 9–12 символов, как букв, так и цифр.

6. Желательно подключать компьютер к сети через стабилизатор напряжения, а лучше — через источник бесперебойного питания. Благодаря этому снижается вероятность того, что после очередного скачка напряжения важная информация будет уничтожена.

7. Необходимо использовать антивирусное программное обеспечение и регулярно его обновлять.

8. Не следует публиковать в Интернете подробную информацию о себе. Используя эти данные, злоумышленники могут подобрать пароль к ящику электронной почты или совершить какое-либо противоправное действие от имени пользователя.

Обобщая вышесказанное, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Хакер — многозначный термин, применяемый для обозначения:

а) высококлассных специалистов в сфере компьютерных систем;

б) преступников, специализирующихся на противоправных деяниях в компьютерной сфере и преследующих цель получения и обнародова-

ния конфиденциальной информации, денежных средств, осуществления шпионажа, акций и протестов политического характера;

в) приверженцев молодежной субкультуры, считающих хакеров народными героями, выступающими против государственных структур во благо народа.

2. Многие хакеры обладают сходными чертами характера, что позволяет составить личностную характеристику среднестатистического хакера.

3. В связи с развитием технологий хакерство становится все более опасным видом преступности, потому борьба с ними требует объединения усилий на международном уровне.

4. В настоящее время существует только один гарантированный способ никогда не стать жертвой хакерской атаки — не пользоваться персональным компьютером. Однако, соблюдая приведенные выше меры предосторожности, можно свести риск эксплойта к минимуму.

Хакеры — герои нашего времени? Ответ на этот вопрос каждый дает для себя сам, руководствуясь собственным мировоззрением. Однако с правовой точки зрения хакеры — преступники. Значит, героями нашего времени они являться не могут. Хакеры атакуют не только правительственные, межгосударственные и финансовые структуры, в ряде случаев жертвами хакерских атак могут стать и граждане. Вряд ли кому-то понравится, если закрепленное Конституцией РФ право на неприкосновенность частной жизни будет попрано несколькими нажатиями кнопки компьютерной мыши. И нет никаких гарантий, что продукция, созданная хакерами, не попадет в руки общеуголовной преступности, которая сможет легко воспользоваться информацией о своей потенциальной жертве.

Литература

1. Raymond Eric S. *The New Hacker's Dictionary*, 3-d edition. 2003. — 568 p.
2. Михайлов А.В. Из истории характера // *Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры*. М., 1990. С. 43–72.
3. Мюллер В.К. *Англо-русский словарь с ударениями*. 7-е изд. М., 1992. — 848 с.
4. Лупандин В.Н. *Социология молодежи: учебное издание*. Орел: Изд-во Орловского гос. технич. ун-та. 2011. — 238 с.

References

1. Raymond E.S. *The New Hacker's Dictionary*, Third Edition. 2003. 568 p.
2. Mikhailov A.V. *Iz istorii kharaktera* [From the history of character]. In *Chelovek i kul'tura: Individual'nost' v istorii kul'tury* [Man and the culture. Individuality in the history of culture]. Moscow, 1990. Pp. 43–72. (In Russian)
3. Myuller V.K. *Anglo-russkii slovar' s udarenyami* [English-Russian Dictionary with stresses]. 7-th edition. Moscow, 1992. 848 p.
4. Lupandin V.N. *Sotsiologiya molodezhi: uchebnoe izdanie* [Sociology of youth]. Orel, 2011. 238 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Степанов Павел Павлович

***Цель.** Проанализировать развитие отечественного законодательства об уголовной ответственности за военные преступления, выявить закономерности его эволюции и характерные черты, провести периодизацию процесса становления законодательства об уголовной ответственности за совершение военных преступлений, охарактеризовать его этапы.*

***Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, исторический метод, формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения.*

***Выводы.** В отечественных нормативных правовых актах нормы об уголовной ответственности за военные преступления появились еще до международного гуманитарного права. Их развитие было связано с развитием военной юстиции в целом и сопровождалось формированием органов военной юстиции. Отмечается, что при огромном вкладе России в развитие международного гуманитарного права в конце XIX – начале XX в. современное законодательство об уголовной ответственности за нарушение законов и обычаев ведения военных действий вызывает ряд замечаний. Кроме того, законодательный опыт некоторых зарубежных стран (ФРГ, Хорватии) представляется полезным для современного отечественного законодателя.*

***Научная и практическая значимость.** Анализ эволюции уголовно-правовых норм об уголовной ответственности за военные преступления представляется полезным как для дальнейших теоретических изысканий в части реформирования гл. 34 УК РФ, так и для выработки рекомендаций по противодействию современным военным преступлениям.*

***Ключевые слова:** военные преступления, международный трибунал, вооруженный конфликт, военный трибунал, интернационализованный суд, законы войны, гуманитарное право.*

Изучение проблематики военных преступлений невозможно без учета многовекового исторического опыта, накопленного государствами в сфере борьбы с ними.

Как известно, войны существуют столько, сколько и государство. Кроме того, высказывается точка зрения, что само государство как политический институт является продуктом, результатом войны [1, с. 77]. Военный способ разрешения межгосударственных конфликтов долгое время оставался единственным. И несмотря на то, что в наше время имеется множество способов мирного урегулирования противоречий, вооруженные конфликты происходят.

Однако на определенном историческом этапе стала очевидна потребность в ограничении жестокости войн и минимизации негативных последствий вооруженных конфликтов.

Примеры законодательного ограничения действий военнослужащих можно встретить во многих древних исторических источниках. Например, древнекитайский кодекс «Си-ма» (VI в. до н.э.) содержал положения, которыми должны были руководствоваться воины на поле боя: «убей как можно меньше, причини настолько малый ущерб, насколько это возможно», «не нападай на врага, когда он находится в беде», «если враг ранен – лечи его» [2, с. 8]. В законах Ману (око-

ло 200 г. до н.э.) впервые было дано определение преступления против порядка (правил) ведения вооруженной борьбы [3, с. 354–355, 396–397]. В сборнике законов Восточной Римской империи VI в. «Военные законы Руфуса» были закреплены отдельные составы военных преступлений и предусмотрены санкции за их совершение [4, с. 35].

Существенным отличием древнего законодательства о военных преступлениях от современных, является то, что запреты на определенное поведение военнослужащих преследовали не гуманные, а иные цели – тактические, экономические, достижения воинской дисциплины. Например, запрет убийства военнопленных диктовался целью не защиты их жизни, а порабощения; запрет на отравление колодцев – объяснялся целью не эффективного использования территории, а заботой о жизни и здоровье мирного населения [5, с. 214].

Исторически первым судебным процессом над военным преступником (в данном случае термин «военный преступник» употребляется здесь весьма условно, так как само понятие военного преступления сложилось в XX в., а совершенные Хагенбахом деяния, согласно нормам современного международного уголовного права, квалифицируются как преступления против человечности) принято считать суд над Петером фон Хагенбахом в 1474 г., который был приговорен трибуналом из 28 судей за преступления, совершенные против мирного населения во время войны. Герцогом Бургундским подсудимый был назначен губернатором города Брейзах. С целью подавления воли жителей к сопротивлению его методами управления стали убийства, изнасилования, которые привели к значительному сокращению населения. После того, как наемническое войско Хагенбаха было разгромлено, а сам он был пленен, эрцгерцог Австрии сформировал специальный суд из 28 судей – представителей коалиции. Обвинение, с которым выступил сам эрцгерцог, ссылалось на доказательство фактов убийств и изнасилований. Интересно, что защита построила свои доводы на обязанности подсудимого по исполнению приказов своего господина (герцога Бургундского), в то время как обвинение настаивало на наличии у Хагенбаха возможности самостоятельно принимать решения, так как герцог в своем приказе о назначении предоставил ему неограниченные полномочия. В итоге суд лишил подсудимого титула рыцаря, сняв своеобразный «иммунитет», и признал его виновным.

Одни исследователи называют этот процесс «предвестником современных международных судов над военными преступниками» [6, с. 47],

«прецедентом для Нюрнберга и Токио» [7, с. 295]. Другие лишь подчеркивают внутренний характер данного события, однако отмечают «моральное значение процесса, осудившего командующего, который совершил «противные божественному праву» и античеловечные действия, для дальнейшего развития международного правосознания» [8]. Так или иначе, данный судебный процесс – важный этап становления института уголовной ответственности за военные преступления.

Однако в литературе приводятся данные и о других, более ранних процессах, связанных с деяниями, которые в настоящее время называются военными преступлениями, например, известно дело о жестоком обращении с мирным населением во время вооруженного конфликта (Англия, 1305 г.), в ходе которого национальный лидер Шотландии Уильям Уоллас был признан виновным в массовом убийстве мирных жителей и приговорен к смертной казни [4, с. 37].

Отечественное законодательство о военных преступлениях берет свое начало в актах эпохи Ивана Грозного. В тот период была установлена ответственность за «посягательство на существовавшие в войсках отношения к личности (населению) и имуществу жителей театра войны» [9, с. 14]. Анализируя исторические источники, исследователи пришли к выводу, что жестокость по отношению к гражданскому населению была одной из характерных черт войск Русского государства. Как отмечает И.Ю. Белый, «особой жестокостью отличались входившие в состав русского войска татарские отряды, находившиеся под предводительством своих князей».

В действовавших в России Статутах Великого княжества Литовского (в ред. 1529, 1566, 1588 гг.) также содержались нормы об ответственности за совершение имущественных и насильственных преступлений против мирного населения: убийств, изнасилований, нанесения побоев и ран, грабежи, нападений на дома мирных жителей без военной необходимости, изъятие припасов и др. [5, с. 218].

Закрепление составов преступлений, совершаемых в ходе военных действий, в последующих законодательных актах свидетельствует о том, что преступления против мирного населения со стороны военнослужащих российского войска все же имели место и в дальнейшем.

Так, ст. 330 Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся воинской науки..., являющегося одним из первых рукописных воинских уставов русской армии, составленного в 1607 г. и дополненного в 1621 г., предусматривала, по-

мимо прочего, ответственность за преступления против местного населения: «...В дружней или супостатней земле чините пощады: родительницам, старым, юным, убогим людям и их ни разорити, ни грабити, ни крови их ни пролити» (*Радишевский О.М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки: Состоящий в 663 указах, или статьях; в государствование царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым; Напечатан с рукописи найденной в 1775 году, в Мастерской и Оружейной палате в Москве. СПб.: При Гос. воен. коллегии. 1777. Т. 2. С. 52*). Кроме того, в Уставе предусматривалась ответственность за некоторые преступления «общегуманитарного» характера: ограбление церквей в районе боевых действий, занятие их на постой и разорение мельниц» [9, с. 15].

Кстати, в литературе встречается утверждение, что нормами этого Устава были заложены те модели военно-уголовного законодательства, которые, претерпев те или иные модификации, дошли до наших дней.

Ответственность за нарушения, совершаемые военнослужащими против местных жителей на занятых территориях неприятеля, предусматривалась и в Соборном уложении царя Алексея Михайловича. Например, ст. 22 Гл. VII «О службе всяких ратных людей» предусматривала ответственность за насильственное изъятие имущества местных жителей, потравку хлеба и использование его в корм лошадям [11, с. 133].

Однако, по мнению исследователей, первым отечественным законодательным актом, в котором в систематизированном виде содержались положения об уголовной ответственности военнослужащих за причинение вреда гражданскому населению, было Уложение фельдмаршала Б. Шереметьева, принятое в 1702 г. [12, с. 20]. К военным преступлениям, ответственность за которые была в нем установлена, относились: причинение насилия, совершение грабежа, вымогательство, причинение материального ущерба.

Поводом для принятия Уложения стали зверства, с которыми русские войска опустошили Ливонию, когда города и деревни сжигались дотла, жители уводились в плен, а иногда сжигались толпами в ригах и сараях [13, с. 14].

Новое военное (в том числе военно-уголовное) законодательство было одной из мер Петра I в деле реформирования армии и введения новой военной организации, основанной на строгой воинской дисциплине. Поэтому нормы об ответ-

ственности за преступные деяния в отношении мирных жителей в обстановке нахождения войска в марше или во время постоя войска были закреплены и в Воинском Артикуле 1715 г. Например, была установлена ответственность за ограбление или уничтожение церквей, школ, больниц при взятии городов (арт. 104). Ответственность за это деяние исключалась, если жители осаждаемого города сами причиняли вред войску. Артикул 105 предусматривал санкцию в виде смертной казни за убийство и причинение иного вреда («обид») женщинам, младенцам и пожилым людям. Ответственность за данное деяние исключалась, если оно было связано с исполнением приказа командира («фельдмаршала»). Кроме того, регламентировалось поведение военнослужащего-постояльца в отношении хозяев квартиры: под угрозой уголовного наказания запрещалось наносить им побои, оскорблять, или причинять какой-либо иной вред (арт. 85). Охранялась также и жизнь пленных, однако только тех, которым пощада «обещана и дана» (артикул 115) [11, с. 280–286]. Нормы военно-уголовного законодательства, закрепленные в Артикуле, отличались более высокой законодательной техникой и меньшей степенью казуистичности норм.

В период правления Петра I были созданы и органы, уполномоченные рассматривать дела с участием военнослужащих: помимо должности генерал-прокурора, была учреждена должность прокурора военной и морской коллегий [14, с. 25]. Эти должностные лица были наделены надзорными полномочиями при рассмотрении судами дел о военных преступлениях.

Следует отметить, что военно-уголовное законодательство эпохи Петра I послужило концептуальной основой дальнейшего совершенствования, развития и реформирования в России правового регулирования борьбы с преступностью в войсках [15, с. 119]. Воинские артикулы применялись к военнослужащим, совершавшим воинские преступления в военное время до принятия Полевого уголовного уложения в 1812 г., а в мирное время — до издания Военно-уголовного устава (1839 г.).

Полевое уголовное уложение, подписанное Александром I перед началом войны с Наполеоном, предусматривало целый ряд преступлений, совершаемых военнослужащими в отношении гражданских лиц. В гл. 7 «О разбое, грабеже и насилии» содержались положения об уголовной ответственности за грабеж домов, селений и лиц, поджог домов, истребление лесов, жатв, убийство жителей, насилие над женщиной, ограбление убитых и раненых и др. [12, с. 23].

Военно-уголовный устав, составлявший часть свода военных постановлений, предусматривал ответственность за воинские преступления, совершаемые в условиях военного времени. Эти преступления составляли три группы. Одна из них объединяла преступления против законов и обычаев войны. К ним относились: насильственные действия в отношении гражданского населения в военное время (ст. 625, 626), имущественные преступления против гражданских лиц (ст. 621, 622, 632, 633), убийство военнопленного (ст. 605), насильственные действия в отношении военнопленного. С.А. Лобанов, анализируя данный правовой акт, отмечает: «Юридическая техника... практически достигла стандартов, принятых в современном уголовном праве» [5, с. 222]. Сравнительный же анализ составов преступлений, предусмотренных этим Уставом, с ранее действовавшими актами показывает, что за счет военнопленных расширился круг охраняемых уголовным законом лиц.

Таким образом, к XIX в. в отечественном законодательстве были сформулированы и закреплены составы военных преступлений, учреждены органы военной юстиции. Наряду с формированием регулярной и дисциплинированной армии возрастала роль нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность военнослужащих. В них устанавливается запрет на насилие над гражданским населением, а нарушение этих запретов было уголовно наказуемым.

Развитие военно-уголовного законодательства происходило и в зарубежных странах. Как отмечает А.Ю. Винокуров, в разных странах оно развивалось по-разному и во многом зависело от факторов, определявших направления строительства вооруженных сил, и форм государственного устройства. Вместе с тем общей тенденцией являлось то, что постепенно законодательство о преступлениях против гражданского населения стало применяться и в мирное время [12, с. 24].

Характеризуя развитие военно-уголовного законодательства государств до середины XIX в., следует сказать, что этот процесс не испытывал влияния международного права и международно-правовой системы, что можно объяснить недостаточным развитием последних в тот период. Международно-правовое сотрудничество в рассматриваемый отрезок времени было сконцентрировано на вопросах экстрадиции.

Последующие этапы развития военно-уголовного законодательства будут характеризоваться мощным влиянием международного права. Представляется, однако, что отечественное законодательство о военных преступлениях, сформиро-

ванное до этого, уже характеризовалось высоким уровнем законодательной техники и достаточно большим количеством составов преступлений, совершаемых военнослужащими.

Роль международного права в реализации идей снижения негативных последствий войн резко возрастала во второй половине XIX в. Активная инициативная деятельность отдельных частных лиц заложила основу для формирования гуманитарных движений. В 1863 г., благодаря деятельности Г. Муанье и А. Дюнана, был учрежден Международный комитет помощи раненым (с 1880 г. — Международный комитет Красного Креста). В 1864 г. Была подписана первая многосторонняя Конвенция о защите раненых и больных во время войны, к которой присоединилось более 50 государств.

Кстати, чуть позже, в 1872 г., Г. Муанье предложит создать Международный трибунал для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в воюющих армиях 1864 г. Такой орган международного правосудия, по его мысли, должен был состоять из пяти членов: два — от воюющих сторон, и три — от нейтральных стран по жребию. Трибунал, согласно проекту, был уполномочен рассматривать дела только по жалобам воюющих сторон. Выявив виновных, трибунал определял наказание в соответствии с Дополнительным соглашением к Женевской конвенции [16, с. 238]. Несмотря на то, что предложение Г. Муанье было преждевременным, именно доктринальное обоснование необходимости Международного уголовного суда знаменует начало борьбы за его создание [17].

В 1863 г. Президент США А. Линкольн подписывал общий приказ №100, содержавший Инструкцию полевым войскам, которую подготовил американский юрист Ф. Либер (отсюда распространено название — «Кодекс Либера»). В ней нашли отражение запреты на излишнее насилие, совершенное против населения страны, подвергшейся вторжению, на любое уничтожение имущества без приказа уполномоченного офицера, на разбой, грабежи или присвоение имущества, даже после занятия места основными войсками, на любое изнасилование, ранение, причинение увечий или убийство жителей. Нарушение указанных запретов каралось смертной казнью или другим суровым наказанием, которое могло считаться адекватным с учетом тяжести правонарушения. Кроме того, предусматривалось, что лицо, которое намеренно причиняет дополнительные страдания противнику, полностью утратившему

боееспособность, или убивает его, или приказывает, или подстрекает солдат к таким действиям, подлежит смертной казни независимо от того, принадлежит это лицо к армии США или является противником, захваченным после совершения таких действий (*анализ Инструкции, содержащей Кодекс Либера, приведен в постановлении ЕСПЧ от 17 мая 2010 г. по делу «Кононов против Латвии» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 8*). Некоторыми исследователями считается, что данный правовой акт был взят за основу при попытке кодификации обычаев войны в ходе Брюссельской конференции 1874 г. и последующей разработке Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. [5, с. 222].

В развитии международного гуманитарного права конца XIX в. – начала XX в. активная роль принадлежит России. Именно Россия, как полагает И.И. Котляров, проявляла инициативу в разработке международных гуманитарных нормативно-правовых актов и принимала активное участие в их имплементации в национальное право, а также неукоснительно соблюдала их в период войн XIX в. [18, с. 145].

По инициативе России была созвана конференция, завершившаяся принятием Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г., которая стала первым формальным соглашением, запрещающим использование отдельных видов оружия в военных конфликтах (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 573–574*). Россия выступила инициатором проекта Конвенции о законах и обычаях войны на Дипломатической конференции в Брюсселе в 1874 г. И хотя Декларация не была принята, ее проект стал важной попыткой кодификации норм международного гуманитарного права, которая была осуществлена в 1899 и 1907 гг. на Гаагских международных конференциях, также проведенных по инициативе России. Так, в 1899 г. были приняты Гаагские конвенции: о законах и обычаях сухопутной войны, о мирном решении международных столкновений, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 г. На Гаагской конференции 1907 г. были пересмотрены три конвенции 1899 г. и приняты десять новых конвенций (например, об открытии военных действий, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны и др.), которые стали основой современного международного гуманитарного права.

Особая роль в проведении этих конференций и разработке основополагающих междуна-

рных конвенций принадлежит выдающемуся российскому ученому и дипломату Ф.Ф. Мартенсу. Во-первых, им был разработан проект международной Конвенции о законах и обычаях войны, внесенный на рассмотрение Брюссельской конференции 1874 г. Во-вторых, по его предложению в преамбулу к II Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1899 г. было включено следующее положение: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из законов человечности и требований общественного сознания». Данное положение вошло в историю под названием «оговорка Мартенса». Она воспроизводится и в более современных источниках международного гуманитарного права (*см., например, п. 2 ст. 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 731; подробнее об «оговорке Мартенса» – Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. СПб., 1898. С. 189*).

Следует отметить, что основные положения IV Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны» были отражены в Наказе русской армии о законах и обычаях сухопутной войны, утвержденном в 1904 г. и 1912 г. как приложение к Уставам полевой службы 1904 и 1912 гг.

Военно-уголовное законодательство продолжало развиваться параллельно с процессами на дипломатическом уровне.

В рассматриваемый период в Российской империи действовало Уголовное уложение 1845 г. Однако к деяниям, совершаемым в военное время, применялся Воинский устав о наказаниях 1869 г., который нормативно-правовой акт в редакциях 1900 г., 1913 г., а также 1916 г. действовал вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Он применялся субсидиарно с Уголовным уложением 1845 г. в случаях, если деяние совершено в военное время, и содержал особые изъятия и дополнения, касающиеся субъектов уголовной ответственности за военные преступления, предоставлял широкую степень усмотрения командованию в вопросах уголовной ответственности.

Воинским уставом о наказаниях 1869 г. устанавливалась уголовная ответственность, в част-

ности, за следующие военные преступления: самовольное установление незаконных денежных контрибуций на жителей мест, занимаемых войсками, или увеличение сборов, «следующих из контрибуции» (ст. 259), захват имущества мирных жителей или установление всякого незаконного сбора (мародерство) (ст. 267), ненасильственный захват имущества раненых или пленных (ст. 265).

Субъектами уголовной ответственности, согласно Воинскому уставу о наказаниях 1869 г., являлись лица, принадлежащие к войску: служащие по вольному найму, иностранные офицеры, находящиеся при армии корреспонденты, проводники, извозчики и т.д.; лица гражданского ведомства в случае нарушения правил, предусмотренных для данных местностей, объявленных на военном положении; жители неприятельских областей, занятых армией, за совершенные преступления, предусмотренные данным актом; все лица в местах, защищаемых от неприятеля или же ввиду его, виновные в умышленном поджоге или ином истреблении каких-либо военных снарядов, предметов и вещей, принадлежащих к средствам защиты или продовольствия; военнопленные и неприятельские шпионы, совершившие умышленные действия против безопасности армии либо способствующие или благоприятствующие неприятелю [19, с. 33–34].

Следует отметить, что параллельно с развитием военно-уголовным законодательством совершенствовались внутренние нормативные-правовые и международные акты по вопросам экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам. Историки отмечают наибольшую активность Российской империи в данных вопросах именно в XIX в. Кроме того, они указывают, что разработанные в тот период положения успешно применяются в межгосударственной практике и в настоящее время [20].

Кроме того, в XIX в., при обсуждении в 1815 г. антифранцузской коалицией намерения о предании суду Наполеона Бонапарта по обвинению в гибели сотен тысяч людей и иных преступлениях во время многочисленных наполеоновских войн на межгосударственном уровне был поставлен вопрос об уголовной ответственности за деяния, совершенные во время войны и причинившие ущерб интересам содружества государств [17], но, как известно, действий за этими намерениями не последовало.

Термин «преступники войны» стал широко употребляться лишь после Первой мировой войны. С.А. Лобанов отмечает, что изначально этот термин трактовался в узком и широком смысле:

в широком смысле под преступниками войны понимались виновные в военной агрессии и лица, виновные в нарушениях законов и обычаев войны, а в узком — лишь виновные в нарушениях законов и обычаев войны [5, с. 232].

Кроме того, в результате кодификации норм международного гуманитарного права, проведенной в 1899 и 1907 гг., сформировалось понятие «военное преступление». Однако описание составов конкретных военных преступлений все еще оставалось в исключительном ведении национальных законодателей.

В январе 1919 г. на встрече глав правительств и министров иностранных дел Великобритании, США, Италии, Франции и Японии была создана Комиссия для рассмотрения вопросов об ответственности инициаторов Первой мировой войны. В ее заключительном отчете все совершенные странами-агрессорами (Германия, Австрия, Турция, Болгария) преступления были объединены в две группы: 1) подготовка и развязывание войны; 2) умышленное нарушение законов и обычаев войны. Кроме того, был приведен перечень этих преступлений, а именно: умерщвление заложников, изнасилования, грабежи, уничтожение государственного и частного имущества, использование отравляющих газов, истребление мирного населения и военнопленных и др. [21, с. 185].

В связи с тем, что военные преступники состояли в гражданстве различных государств, а преступные приказы, издававшиеся соответствующими властями, затрагивали военнослужащих многих стран, вынесение судебных приговоров, по мнению Комиссии, следовало поручить специальному международному трибуналу.

28 июня 1919 г. между Германией и 27 союзными державами был заключен Версальский мирный договор, согласно ст. 228 которого «Германское Правительство признает за Союзными и Объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны». Статья 229 предусматривала два вида юрисдикции: виновные, совершившие действия против граждан одной из союзных стран, должны были быть переданы военным судам этой державы, а виновные, совершившие действия против граждан нескольких стран, — «военным судам, состоящим из членов принадлежащих к военным судам заинтересованных держав», т.е. смешанным судам. Но главное значение Версальского договора в рамках рассматриваемого вопроса заключается в том, что в ст. 227 от имени союзных стран было «предъявлено обвинение в высшем

оскорблении международной морали и священной силы договоров» главе государства императору Вильгельму II Гогенцоллерну. Союзнические державы планировали создать для привлечения его к уголовной ответственности специальный суд, который должен был состоять из пяти судей (от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) (*Версальский мирный договор. М., 1925.*).

По ряду причин положения ст. 227–229 Версальского договора не были реализованы. Одна из них, по мнению исследователей, заключалась в том, что раз суд должен был руководствоваться не международным правом, а высшими принципами международной политики, то этот орган был бы не юридическим, а политическим инструментом [17]. Таким образом, рассматриваемые положения Версальского договора – первая в XX в. попытка осуществить «суд победителей».

Переоценить вклад Версальского договора в развитие норм о военных преступлениях сложно. Во-первых, это важная попытка кодификации норм об уголовной ответственности за военные преступления на международно-правовом уровне; во-вторых, в этом международном акте нашла отражение идея об уголовной ответственности физических лиц, виновных в военных преступлениях; в-третьих, данный акт является первым, в тексте которого содержались нормы об уголовной ответственности главы государства по международному праву; в-четвертых, в нем предусматривались разные уровни юрисдикции (и внутригосударственный, и международный).

Смена в 1917 г. общественно-политического строя России не повлияла на отношение нашей страны к международному гуманитарному праву и сотрудничеству в этой области. Так, в Декрете СНК от 4 июня 1918 г. (*Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. I–II. 3-е изд. М., 1935. С. 463–464*) Советская власть законодательно признала все международные конвенции о Красном Кресте, признанные Россией до октября 1917 г.

В период между двумя мировыми войнами на международно-правовом уровне продолжалась разработка норм международного гуманитарного права. Созданная согласно Версальскому мирному договору Лига Наций 17 июня 1925 г. приняла Протокол о запрещении применения во время войны удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (обычно именуемый как Женевский протокол) (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 587*). Он стал основным международным документом,

юридически запрещающим применение химического, биологического и токсичного оружия.

Развивалось и советское уголовное законодательство. В ст. 214 УК РСФСР 1922 г. аналогично ст. 267 Военского устава о наказаниях 1868 г. устанавливалась ответственность за мародерство. Однако в УК 1922 г. понятие мародерства было уточнено. Мародерством считается «противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения, принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей» (*постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153*).

После образования Союза ССР и принятие в 1924 г. Конституции СССР, согласно которой компетенция по изданию уголовных законов принадлежала Союзу, были разработаны и введены в действие Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик (*СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205*). В данном было указывалось, что отдельные виды преступлений и порядок применения мер наказания определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных и воинских. Одновременно с Основными началами постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. утверждено Положение о воинских преступлениях (*СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 207*), ставшее первым общесоюзным военно-уголовным законом. С некоторыми изменениями в нем воспроизводилась глава «Воинские преступления» УК РСФСР 1922 г. В ст. 17 Положения предусматривалась ответственность за мародерство, признаки которого раскрывались аналогично Кодексу. Однако Положение содержало и новый состав военного преступления, а именно «противозаконное насилие над гражданским населением, учиненное военнослужащим в военное время или при боевой обстановке» (ст. 18). При отягчающих обстоятельствах содеянное могло повлечь строгое наказание, вплоть до смертной казни.

В УК РСФСР 1926 г. (*СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600*) в соответствующих ст. 193.17 и 193.18 воспроизводились вышеупомянутые ст. 17 и ст. 18 Положения о воинских преступлениях. Кроме того, в ст. 94 Кодекса устанавливалась уголовная ответственность за неправомерное использование эмблем, отличительных знаков, наименований Красного Креста и Красного Полумесяца

«в коммерческих целях, посредством фабричных и торговых знаков или, вообще, для получения от сего тех или иных личных выгод».

Новое Положение о воинских преступлениях 1927 г., утвержденное Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 27 июля 1927 г. (*СЗ СССР. 1927. № 50. Ст. 505*), расширило круг военных преступлений. Появились следующие новые составы: дурное обращение с пленными (основной и квалифицированные составы – п. «а», «б» ст. 29), ношение знаков Красного Креста или Красного Полумесяца в районе военных действий неуполномоченными на то лицами, злоупотребление окраской, присвоенной транспортным средствам санитарной эвакуации (ст. 31). Кроме того, состав злоупотребления соответствующими флагами и знаками уже не требовал какой-либо корыстной или иной цели для квалификации. Ответственность за мародерство дифференцировалась в зависимости от того, в отношении кого совершалось деяние: ст. 27 устанавливала ответственность за мародерство в отношении убитых и раненых, а ст. 28 – за разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий. Эти же преступления будут воспроизведены уже в послевоенном уголовном законодательстве – в ст. 30–33 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления» (*Ведомости СССР. 1959. № 1. Ст. 10*).

2 декабря 1927 г. СССР присоединился к Женевскому протоколу от 17 июня 1925 г. о запрещении применения во время войны удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. 5 апреля 1928 г. СССР сдал на хранение ратификационную грамоту государству-депозитарию, сделав при его подписании две оговорки: Протокол обязывает правительство СССР выполнять его положения только по отношению к государствам, которые его подписали и ратифицировали или окончательно присоединились к нему; он перестанет быть обязательным для правительства СССР в отношении всякого неприязельского государства, вооруженные силы, а также формальные или фактические союзники которого не будут считаться с воспрещением, составляющим предмет Протокола.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в российском уголовном законодательстве предусматривалась ответственность за совершение ряда военных преступлений. Диспозиции уголовно-правовых норм раскрывали их

достаточно подробно. Что касается ограничений применения запрещенных средств, то СССР, ратифицировав указанный Протокол, не криминализовал соответствующие деяния в уголовном законодательстве.

Следующий этап развития международно-правовых норм и национального законодательства об уголовной ответственности за военные преступления связан с событиями 1941–1945 гг.

В годы войны происходили существенные изменения в уголовном праве, законодательстве и практике его применения [22]. Эти изменения, как и все иные в изменениях общественных отношений военного периода, преследовали единственную и главную цель – добиться победы над гитлеровскими захватчиками.

Однако в контексте данного исследования наибольший интерес представляют изменения, которые касались уголовной ответственности за военные преступления, совершенные в период войны.

Уже в первый день войны 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР в Указе «О военном положении» (*Ведомости ВС СССР. 1941. № 29*) передал дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, на рассмотрение военных трибуналов. В Указе содержался перечень преступлений, которые отныне были подсудны военным трибуналам. Однако этот перечень являлся открытым: в соответствии с п. 7 Указа: военным властям предоставлялось «право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела об иных преступлениях, предусмотренных Уголовными Кодексами союзных республик, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения». А согласно другому Указу от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении в районах военных действий» (*Ведомости ВС СССР. 1941. № 29*) военные трибуналы создавались при военных округах, фронтах, морских флотах, армиях, корпусах и иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. Им предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Уголовные дела рассматривались в составе трех постоянных членов трибуналов. Их приговоры не подлежали обжалованию в кассационном порядке и могли быть пересмотрены только в порядке надзора. Надзорной инстанцией по отношению к трибуналам были военные трибуналы округов и фронтов. Надзорными функциями обладали

военные коллегии Верховного Суда СССР (военная, военно-железнодорожная и военная водотранспортная коллегии). Высшими надзорными полномочиями обладал Пленум Верховного Суда СССР [5, с. 240]. Устранение возможности кассационного обжалования было в определенной мере компенсировано усилением судебного надзора. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1941 г. «О предоставлении военным прокурорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов права опротестования приговоров и определений военных трибуналов», расширившим круг лиц, имевших право приносить протесты, до 30% приговоров военных трибуналов пересматривались в надзорном порядке, что позволяло оперативно исправлять ошибки и нарушения закона (Максимов С.С. *Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время // Бюл. ГВП, УВТ МЮ и Военной коллегии Верховного Суда СССР. М., 1975. С. 33–34.*).

Таким образом, военные трибуналы были наделены широкими полномочиями по рассмотрению уголовных дел о воинских и военных преступлениях.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. (*Ведомости ВС СССР. 1942. № 40*) была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия (ГЧК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В преамбуле к Указу перечислялись те преступления, которые совершались гитлеровцами на территории СССР и с целью расследования которых и создавалась Комиссия, а именно: «пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод в иноземное рабство сотен тысяч советских граждан; всеобщее ограбление городского и сельского населения и вывоз в Германию личного имущества советских граждан, накопленного их честным трудом, а также колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза и расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов» Субъектами указанных деяний согласно Указу от 2 ноября 1942 г. являлись преступное германское правительство, командование германской армии, их сообщники. А.Е. Епифанов в этой связи отмечает, что указание именно на такой круг субъектов было связано с тем, что име-

лось в виду их будущее уголовное преследование международным военным трибуналом [23, с. 45].

Однако уже в Инструкции ЧГК о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления физических лиц из числа представителей германских вооруженных сил и оккупационной администрации [23, с. 46].

19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал важнейший нормативный-правовой акт, направленный на реализацию уголовной ответственности военных преступников, совершивших преступления на территории СССР во время Великой Отечественной войны – Указ № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины» (СПС «КонсультантПлюс»). В ст. 1 Указа в отношении военнотружущих немецкой и иных фашистских армий, уличенных в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных советских военнотружущих, а также шпионов и изменников из числа советских граждан устанавливалось наказание в виде смертной казни через повешение. В ст. 5 дополнительно оговаривалось, что повешение осужденных следовало производить публично, а «тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою родину». Согласно ст. 2 Указа лица из числа местного населения, «уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами», подлежали ссылке на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Приговоры надлежало приводить в исполнение немедленно (ст. 4). Таким образом, целями наказания были возмездие и также превенция.

В мае 1945 г. объединенными усилиями союзных держав при решающей роли СССР Третий рейх был уничтожен. Важным последствием победы явилось учреждение Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси» (далее – МВТ). Его деятельность является лишь одним из примеров судебных процессов по окончании Второй мировой войны, однако важнейшим и ярчайшим из примеров.

Правовую основу учреждения и деятельности МВТ составили следующие международно-право-

вые акты: Московская декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», Берлинская декларация от 2 августа 1945 г. «О поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами Союза ССР, Соединенного Королевства, США и Временным правительством Франции», Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», которое содержало и Устав МВТ. Кроме того, правовую основу деятельности МВТ составил Закон Контрольного совета Германии от 20 декабря 1945 г. № 10, а также Распоряжение Верховного комиссара США в Германии от 18 октября 1945 г. № 7.

В п. «в» ст. 6 Устава МВТ был закреплен перечень военных преступлений, которые относились к его юрисдикции: нарушения законов или обычаев войны (убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и др.).

Вынесенный МВТ приговор по Нюрнбергскому процессу отверг доктрину государственного акта, на которую ссылалась сторона защиты, согласно которой деяния, совершаемые государственными органами, инкриминируются только собственно государству, что исключает индивидуальную вину лиц, являющихся исполнителями этих деяний. В приговоре МВТ было также отвергнуто утверждение о том, что международное право не налагает обязанностей на определенных лиц. Отмечалось, что преступления, ответственность за которые предусмотрена нормами международного права, (в том числе и военные преступления) «совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права» [24, с. 42].

Таким образом, Нюрнбергский процесс, проведенный МВТ, послужил отправной точкой для повсеместного признания индивидуальной уголовной ответственности индивидов за международные, и, в частности, военные преступления [5, с. 255]. МВТ претворил в жизнь идею о неотвратимости уголовной ответственности за военные преступления вне зависимости от статуса и должностного положения обвиняемых, игно-

рируя ссылки на подчинение приказам, доводы об отсутствии уголовно-правовых запретов на соответствующие деяния в национальном праве. Так, впервые в истории физические лица были в действительности привлечены к уголовной ответственности по международному праву.

МВТ огласил вынесенный приговор 30 сентября и 1 октября 1946 г. Выводы, отраженные в нем, продолжают и сегодня осмысляться историками, социологами, правоведами. Были приговорены к смерти 12 подсудимых: Геринг, фон Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль, Зейсс-Инкварт, Борман, трое — Гесс, Зейсс-Инкварт и Редер — к пожизненному заключению, 4 — Дениц, фон Ширах, Шпеер, Нейрат — к тюремному заключению на срок от 10 до 20 лет, 3 подсудимых — Шахт, фон Папен, Фрицше — были оправданы. Кроме того, был поставлен вопрос об объявлении преступными ряда государственных и политических институтов: руководящего состава германской нацистской партии НСДАП, штурмовых (СА) и охранных (СС) ее отрядов, службы безопасности (СД), тайной государственной полиции (гестапо), правительства, Верховного командования и Генерального штаба [26, с. 6].

Начиная с 1947 г. в качестве основания для ответственности для немецких граждан, обвинявшихся в преступлениях, совершенных на оккупированной территории СССР в 1941–1944 г., органы советской юстиции применяли Закон от 20 декабря 1945 г. № 10. Он был принят Контрольным советом — органом верховной власти в оккупированной союзническими странами Германии, для «установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным Военным Трибуналом».

Данный акт к военным преступлениям относил зверства или враждебные действия против лиц или имущества, представляющие нарушение законов и обычаев войны, включая, в частности (но, не ограничиваясь этим): убийство, плохое обращение, увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения из оккупированной территории или применение рабского труда в самой оккупированной территории, а также убийство или плохое обращение с военнопленными, находящимися в море, убийство заложников, ограбление общественной и частной собственности, умышленное разрушение городов или деревень и опустошение, не оправдываемое

военной необходимостью. Лицам, виновным в указанных преступлениях, приговором трибунала могло быть назначено одно или несколько наказаний (смертная казнь, пожизненное лишение свободы, срочное лишение свободы, штраф и др.). Однако, по данным А.Е. Епифанова, единственным условием применения Закона № 10 вместо Указа 1943 г. в отношении немецких граждан, выдвинутым А.Я. Вышинским, было неназначение по Закону № 10 смертной казни [23, с. 48].

В 1946 г. был учрежден второй международный трибунал для расследования военных преступлений – Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Его Устав был принят 19 января 1946 г. в Токио и подписан 11 государствами, в том числе СССР. К юрисдикции МВТ для Дальнего Востока относилось рассмотрение дел о преступлениях против мира, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Последние определялись Уставом этого трибунала как преступления против законов и обычаев войны.

В отличие от Нюрнбергского процесса юридической основой процесса в Токио по военным преступлениям был не международный договор, а прокламация Главнокомандующего войсками Союзников Дугласа Мак-Артура, посредством которой и был утвержден Устав МВТ для Дальнего Востока и учрежден сам трибунал. Однако положения Устава МВТ для суда и наказания главных военных преступников европейских стран, представляющих так называемый Союз стран «оси», послужил основой для подготовки Устава Токийского трибунала.

МВТ для Дальнего Востока заседал в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Процесс завершился вынесением обвинительного приговора всем подсудимым: 16 из них были приговорены к пожизненному заключению, двум были назначены срочные тюремные заключения (соответственно 20 лет и 7 лет), семеро подсудимых были приговорены к смертной казни.

Принципы и составы преступлений, сформулированные в Уставе МВТ для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», были подтверждены в последующих резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, а также отчетах и проектах документов, подготовленных Комиссией международного права ООН.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1 от 21 ноября 1947 г. № 177 (II) «Планы по формулированию принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении» Комиссии международно-

го права ООН (КМП) было поручено подготовить проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В ходе работы над ним членами Комиссии было принято решение о включении в текст документа преступлений по критерию объекта посягательства. Включению подлежали преступления, совершение которых ставит под угрозу международный мир и безопасность или препятствует их поддержанию [27, с. 49]. Нарушения законов и обычаев войны, безусловно, удовлетворяли данному критерию, и поэтому были включены в перечень преступлений против мира и безопасности человечества. Однако разработчики проекта не перечислили конкретных деяний, которые должны были относиться к военным преступлениям (ст. 2 проекта).

Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества был принят в 1954 г. на 6-й сессии Комиссии международного права ООН *КМП (Международное публичное право. Сб. документов. Т. 2. М., 1996. С. 35)*.

Только спустя почти 40 лет конкретизированный перечень преступлений против мира и безопасности человечества был включен в Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, проект которого подготовила вышеназванная Комиссия в 1991 г., принятый в 1996 г. на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Составители Проекта кодекса 1996 г. хотя первоначально и исходили из положений Устава и приговора Нюрнбергского трибунала, не могли не учесть результаты прогрессивного развития международного права.

В связи с этим в проекте нашли отражение международно-правовые нормы, принятые после завершения Нюрнбергского процесса [27, с. 52]. Термином «военные преступления» были обозначены различные нарушения норм международного гуманитарного права, а в ст. 20 Кодекса были сконструированы конкретные составы преступных деяний. Например, составы преступлений, закрепленные в п. «а» ст. 20, состоят из нарушенных норм международного гуманитарного права, содержащихся в Женевских конвенциях 1949 г., а в п. «е» – есть нарушения положений, закрепленных Гаагской конвенцией 1907 г. (*Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind with commentaries. 1996. P. 54. [Электронный ресурс]. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/7_4_1996.pdf (дата обращения: 25.01.2017)*). В отдельный перечень в проекте 1996 г. были включены военные преступления, совершаемые в ходе вооруженного конфликта не международного характера.

Обе редакции кодексов преступлений против мира и безопасности человечества оказали значительное влияние на развитие международного уголовного права и, в частности, на дальнейшую разработку норм об уголовной ответственности за военные преступления.

В послевоенное время активизируется и деятельность Международного Комитета Красного Креста. Источники международного гуманитарного права, которые были разработаны под эгидой этой международной организации способствовали уточнению и расширению перечня деяний, являющихся военными преступлениями. Кроме того, благодаря разработке этих документов и их принятию все большим количеством стран расширялась и сфера действия международного гуманитарного права.

С принятием Женевских конвенций 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 603–625*), об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил, на море (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 625–633*), об обращении с военнопленными (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 634–681*); о защите гражданского населения во время войны (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 681–731*) дополнился перечень деяний, составляющих серьезные нарушения законов и обычаев войны, так как каждая из указанных конвенций содержит статью с перечнем таких деяний (ст. 50, 51, 130 и 147 соответственно). Эти перечни не являются идентичными, однако ряд деяний предусмотрен во всех конвенциях: преднамеренное убийство, пытки, бесчеловечное обращение, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью. В Конвенции об обращении с военнопленными и Конвенции о защите гражданского населения во время войны в качестве серьезных нарушений упоминается также принуждение покровительствуемого лица служить в вооруженных силах противной стороны и лишение покровительствуемого лица права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренное этими конвенциями. В Конвенции о защите гражданского населения в качестве серьезного нарушения, кроме прочего, названо незаконное депортирование или перемещение, незаконный арест и взятие заложников.

Кстати, советская делегация на Дипломатической конференции в 1949 г. предлагала использовать термин «военные преступления» вместо

предложенного голландской делегацией термина «серьезные нарушения». Однако у стран-участниц различались подходы к понятию «преступление», потому решено было использовать термин «серьезные нарушения». Впоследствии разграничительная линия между понятиями стала менее четкой, и они стали конкурировать друг с другом [28, с. 223].

Из Женевских конвенций 1949 г. исчезла ранее применявшаяся «оговорка всеобщности», согласно которой положения конвенции были обязательны лишь для договаривающихся держав и только в том случае, если воюющие страны в ней участвуют. Поэтому если в войну вступало государство, которое не является участником Конвенции, она переставала действовать даже в отношениях между ее участниками. Наличие данной оговорки в раннее принятых международных актах исследователи оценивают как недостаток [29, с. 23]. И этот недостаток был устранен.

Сфера применения норм международного гуманитарного права расширилась с подписанием Дополнительных протоколов 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Как отмечает О.Ф. Эфендиев, вскоре после принятия Женевских конвенций оказалось, что их нормы не всегда способны адекватно учитывать специфику вооруженных конфликтов в эпоху растущего научно-технического прогресса, и стало очевидным, что положения данных конвенций применимы скорее к последствиям военных действий, нежели к их непосредственному ведению [29]. Дополнительные протоколы 1977 г. были призваны устранить эти недостатки.

Дополнительный протокол I, касающийся защиты жертв международных военных конфликтов (*Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 731–792*) дополнил перечень серьезных нарушений норм международного гуманитарного права за счет включения в него таких деяний, как причинение средств и методов ведения войны, способных причинить излишние страдания или повреждения, совершение нападения неизбирательного характера и т.д.

На Дипломатической конференции в 1979 г. было предложено определить серьезные нарушения как военные преступления, в связи с чем была изменена ст. 85 (5) Дополнительного протокола I [12, с. 65]. Согласно ей, серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. и Протокола I рассматриваются как «военные преступления».

Дополнительный протокол II, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, термин «военные пре-

ступления» не употребляет. Кроме того, этот акт не использует и термин «серьезные нарушения». Как замечает В.Н. Русинова, спорным является вопрос о том, была ли в ходе кодификации международного гуманитарного права 1949-х и 1977-х гг. введена международно-правовая обязанность государств осуществлять уголовное преследование нарушений международного гуманитарного права, совершенных во время вооруженных конфликтов немеждународного характера, или нет [30, с. 60].

Однако, исходя из смысла ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г., в случае немеждународного конфликта в качестве военных преступлений следует рассматривать следующие деяния: посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность лиц, не участвующих активного участия в военных действиях, включая военнослужащих, сложивших оружие и лиц, выведенных из строя, взятие их в заложники, посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение, осуждение и применение в отношении таких лиц наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом.

Марко Дивач Эберг указывает, что в настоящее время понятие военных преступлений является настолько более динамичным, чем понятие «серьезные нарушения», что можно задаться вопросом, не исчезнут ли серьезные нарушения из международного права [28, с. 224].

В связи с вышеизложенным, следует также отметить, что нормы названных конвенций, определяя военные преступления, содержат запреты на конкретные действия: убийства, пытки, бесчеловечное обращение и др. Возможная санкция за совершение указанных деяний не приводится. С учетом международно-правового характера норм использование такой техники следует признать совершенно справедливым. Однако данный способ закрепления отличается от того, который принят в странах континентальной правовой системы, где норма содержит гипотезу, диспозицию и санкцию.

Кроме того, в послевоенный период под эгидой ООН был принят ряд документов, которые не определяли конкретные признаки или составы деяний, относящихся к военным преступлениям, однако были важны для реализации принципа универсальной юрисдикции по делам о военных преступлениях и для реализации неотвратимости уголовной ответственности.

Так, согласно Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и пре-

ступлениям против человечности 1968 г. (*Действующее международное право. Т. 3. М., 1997. С. 14–17*), к таким деяниям, как военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского МВТ и подтверждаются резолюциями №3 (1) от 13 февраля 1946 г. и № 95 (1) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи ООН, а также к «серьезным нарушениям», перечисленным в Женевских конвенциях 1949 г. никакие сроки давности не применяются.

Кроме того, в резолюции Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1973 г. № 3074 «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества» (*СПС «КонсультантПлюс»*) подчеркивается чрезвычайная общественная опасность военных преступлений и указывается, что военные преступления, когда бы и где бы они ни совершались, подлежат расследованию, а лица, в отношении которых имеются доказательства в совершении таких преступлений, подлежат розыску, аресту, привлечению к судебной ответственности и, в случае признания их виновными, наказанию, а также что государства оказывают друг другу содействие в вышеуказанных целях и осуществляют сотрудничество в вопросах выдачи виновных лиц.

Таким образом, послевоенный период развития норм о военных преступлениях характеризуется тем, что продолжается разработка понятий «военные преступления», «серьезные нарушения норм международного гуманитарного права», расширяется перечень таких деяний, принимаются акты, посвященные международному сотрудничеству государств по соответствующим уголовным делам.

Отечественное законодательство того периода также не обходило стороной вопрос об уголовной ответственности за военные преступления. Как уже отмечалось, Закон СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» 1958 г. воспроизвел составы преступлений, ответственность за которые предусматривалась в Положении о воинских преступлениях 1927 г., а именно: мародерство, насилие над населением в районе боевых действий, дурное обращение с военнопленными, незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного полумесяца и злоупотребление ими (ст. 30–33).

УК РСФСР 1960 г. расширил круг уголовно наказуемых деяний за счет такого состава, как пропаганда войны (ст. 71). В остальном перечень деяний, относящихся к военным преступлени-

ям, остался прежним: мародерство (ст. 266), насилие над населением в районе военных действий (ст. 267), дурное обращение с военнопленными (ст. 268), а также незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца и злоупотребление ими (ст. 269).

Следующий период развития комплекса норм об уголовной ответственности за военные преступления связан, прежде всего, с учреждением и функционированием судов *ad hoc*, созданных под эгидой ООН.

Совет Безопасности ООН своей Резолюцией от 25 мая 1993 г. № 827 постановил учредить Международный уголовный трибунал с целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г. и по дату, которая будет определена Советом Безопасности после восстановления мира. В 1994 г. Резолюцией Совета Безопасности ООН был учрежден Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права на территории Руанды и соседних государств, имевшие место в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. (*принят 8 ноября 1994 г. Резолюцией № 955 (1994) // Резолюции и решения Совета Безопасности за 1994 г. Совет безопасности. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1996. С. 20–24*).

В Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (*Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 748–759*), был включен конкретизированный перечень военных преступлений. Однако следует отметить, что в данном документе не употребляется словосочетание «военные преступления», вместо него было использован более широкий термин — «серьезные нарушения международного гуманитарного права». К юрисдикции Трибунала, таким образом, были отнесены следующие серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г.: а) умышленное убийство; б) пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; с) умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья или нанесение ущерба здоровью; d) незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью; е) принуждение военнопленного или гражданского

лица служить в вооруженных силах неприятельской державы; f) умышленное лишение прав военнопленного или гражданского лица на беспристрастное и нормальное судопроизводство; g) незаконное депортирование, перемещение или арест гражданского лица; h) взятие гражданских лиц в качестве заложников. Кроме того, Трибунал был уполномочен рассматривать дела о нарушении законов и обычаев войны, перечень которых не исчерпывался теми, что были указаны в Уставе.

Международному трибуналу по Руанде подсудны нарушения не только ст. 3 общей для четырех Женевских конвенций 1949 г., но и Дополнительного протокола II 1977 г. При этом территориальная юрисдикция Трибунала распространяется на территорию не только Руанды, но и соседних стран, в случае, если на их территории гражданами Руанды были совершены соответствующие военные преступления.

Анализ практики деятельности этих двух трибуналов показывает, что для того, чтобы деяние было квалифицировано как военное преступление, необходимо чтобы: 1) деяние было совершено в ходе вооруженного конфликта; 2) существовала связь между нарушением нормы международного гуманитарного права и вооруженным конфликтом; 3) потерпевшие попадали под понятие покровительствуемых лиц по международному гуманитарному праву [30, с. 127].

Критерии криминализации военных преступлений были определены Апелляционной камерой Международного трибунала по бывшей Югославии в известном решении по делу Душко Тадича. Ею был выработан известный «принцип Тадича», в соответствии с которым деяние должно: представлять собой нарушение обычной или договорной нормы международного гуманитарного права; деяние должно быть серьезным, т.е. нарушать важнейшие ценности и влечь тяжкие последствия для жертвы; влечь индивидуальную уголовную ответственность согласно обычному или договорному международному праву.

Раскрывая требование серьезности нарушения, Апелляционная камера привела пример нарушения нормы гуманитарного права, которое, однако, не является достаточно серьезным, чтобы считаться военным преступлением: «присвоение комбатантом на оккупированной территории буханки хлеба, принадлежащей частному лицу, нарушает ст. 46 (1) Гаагского положения, но не является «серьезным» нарушением международного гуманитарного права» (*Решение Апелляционной камеры Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные*

нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., по делу Тадича пар. 94 // URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.htm> (дата обращения: 16.11.2016).

Таким образом, не каждое преступление, совершенное в ходе вооруженного конфликта, является военным преступлением по международному уголовному праву.

Более чем за 20 лет работы трибуналы, созданные Советом Безопасности ООН, внесли существенный вклад в развитие международного уголовного права, практику международной юстиции, реализацию Нюрнбергских и Токийских принципов. В то же время их деятельность вызывала критику, а многие из высказанных замечаний имели политический характер.

Параллельно с учреждением и деятельностью вышеуказанных трибуналов происходило создание Международного уголовного суда. Так, Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 44/39 от 4 декабря 1989 г. поручила Комиссии международного права ООН изучить вопрос о создании международного уголовного суда или иного международного уголовного судебного органа с юрисдикцией, распространяющейся на лиц, обвиняемых в совершении преступлений, которые могут подпадать под действие Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. К 1990 г. Комиссия рассмотрела данный вопрос и включила результаты анализа в доклад Генеральной Ассамблеи ООН [31]. В процессе работы над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества Комиссия обращалась к вопросу о создании органа международной уголовной юстиции. Была образована специальная рабочая группа, которая так и называлась – Рабочая группа по проекту Устава Международного уголовного суда, которая занималась подготовкой первого проекта Устава.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи 51/207 от 17 декабря 1996 г. было принято решение о созыве международной конференции полномочных представителей для завершения разработки и принятия конвенции о создании международного уголовного суда. Было сочтено целесообразным провести такую конференцию в 1998 г. (URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/761/49/PDF/N9776149.pdf> (дата обращения: 02.02.2017)).

17 июля 1998 г. представители 160 государств-членов ООН, 17 межправительственных организаций, 14 специализированных институтов и учреждений ООН и 124 неправительственных

организаций собрались на конференции в Риме. На ней 120 голосами «за» при семи «против» был принят Статут Международного уголовного суда (Римский статут). 1 июля 2002 г., после его ратификации 60 государствами, как это предусматривает ст. 126 Статута, данный акт вступил в силу [31].

Римский статут содержит обширный перечень военных преступлений, которые отнесены к юрисдикции международного уголовного суда (ст. 8). В частности, для целей Статута военными преступлениями признаются: серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., а также другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах; серьезные нарушения ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г., применяемой в вооруженных конфликтах немеждународного характера, и другие серьезные нарушения законов и обычаев, применяемых во время вооруженных конфликтов немеждународного характера. Кроме того, предусмотрено что Суд «обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, если они совершены в рамках плана или политики, или при крупномасштабном совершении таких преступлений». А в Элементах преступления, принятых дополнительно к Римскому статуту, установлено, что военным является такое преступление, которое совершается во время и в связи с вооруженными конфликтами (URL: http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf (дата обращения: 16.11.2016)).

По справедливому замечанию А. Кассезе, в международном праве не существует никакого авторитетного и юридически обязательного перечня военных перечислений. Перечень же, предусмотренный в ст. 8 Римского статута, по его мнению, не предназначен для того, чтобы зафиксировать нормы обычного права [33, с. 53]. Г. Верле отмечает, что данная статья охватывает основные составы военных преступлений с учетом обычного права, однако этот перечень не является исчерпывающим, так как международное обычное право и договорные источники права могут содержать и иные составы военных преступлений [32, с. 483].

Исходя из вышеизложенного, в международном уголовном праве под военными преступлениями считаются: 1) серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., в выражающиеся в различных деяниях, предусмотренных Уставами судов *ad hoc* или Римским статутом, в отношении лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей конвенции; 2) иные

серьезные нарушения законов или обычаев, применимых в вооруженных конфликтах международного характера; 3) в случае вооруженного конфликта немеждународного характера – серьезные нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г., а также другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Перечни военных преступлений, предусмотренные различными источниками международного права, приведенные выше, не ограничивают возможности государств определить иные нарушения международного гуманитарного права как военные преступления в национальном законодательстве. Таким образом, не все военные преступления являются международными. Другое дело, что, как отмечают авторы фундаментального исследования Международная Комиссия Красного Креста по обычному праву, решение государства криминализовать то или иное нарушение международного гуманитарного права «не распространяется за пределы этого государства, обязательство пресекать такие преступления не становится международным, а юрисдикция в отношении этих преступлений не становится универсальной» [34, с. 721].

Исходя из вышеизложенного, правосудие по делам о военных преступлениях начала XXI в. характеризуется тем, что, во-первых, многие страны подвергли ревизии свое национальное законодательство о военных преступлениях. Так некоторые государства, признав положения Римского статута противоречащими конституции, изменяли конституции, чтобы ратифицировать Статут (Франция, Люксембург, Бельгия); во-вторых, преступления по международному праву, совершенные на территории бывшей Югославии и Руанды, преследовались в третьих государствах.

Однако современная практика привлечения к ответственности по делам о военных преступлениях демонстрирует еще одну форму отправления правосудия, помимо судопроизводства в трибуналах *ad hoc*, Международного уголовного суда и отправления правосудия в национальных судах. Речь идет о смешанных и интернационализованных судах. В качестве примера можно привести Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине, являющуюся по своей природе интернационализованным судом, так как это национальный суд, к юрисдикции которого отнесено рассмотрение дел о международных преступлениях с участием международных судей. Правовую основу для пре-

следования лиц, совершивших международные, в том числе военные преступления, в Судебной палате составляют акты национального законодательства, а именно: УК Республики Босния и Герцеговина от 24 января 2004 г., УПК Республики Босния и Герцеговина, а также Закон о Суде Боснии и Герцеговины от 20 ноября 2000 г. В состав каждой из пяти судебных коллегий, рассматривающих дела по первой инстанции, входит один национальный и два международных судьи. Кроме того, международные судьи входят и в состав Апелляционного отделения суда [35]. Судебная палата рассматривает дела о военных преступлениях, совершенных против гражданских лиц (ст. 173), против раненых и больных (ст. 174), против военнопленных (ст. 175). Каждая из указанных статей отсылает к международному гуманитарному праву («лицо, действуя в нарушение норм международного права...»), однако в них закреплен исчерпывающий перечень уголовно наказуемых деяний («...умышленно причинит смерть») (*The Criminal Code of Bosnia and Herzegovina (with amendments to the Law as published in "Official Gazette of BiH" no. 32/03, 37/03 54/04, 61/04, 30/05, 53/06, 55/06, 32/07, 8/10, 47/14, 22/15, 40/15) // URL: <http://www.sudbih.gov.ba/stranica/82/pregled?slug=krivino-pravo> (дата обращения: 02.02.2017)*).

Еще одним видом органов уголовной юстиции, рассматривающих дела о международных преступлениях, являются смешанные (гибридные) трибуналы. К числу таковых относится, например, созданный на основании Договора между ООН и Правительством Сьерра-Леоне от 16 января 2001 г. (*Agreement between the United Nations and the Government of Sierra Leone on the establishment of a Special Court for Sierra Leone // URL: <http://www.rscsl.org/Documents/scsl-agreement.pdf> (дата обращения: 02.02.2017)*) и Резолюции Совета Безопасности ООН № 1315 (2000) от 14 августа 2000 г. (*URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/605/34/PDF/N0060534.pdf> (дата обращения: 02.02.2017)*), Специальный суд по Сьерра-Леоне. Он действует на основании Устава, согласно которому к его юрисдикции относятся, в частности, нарушения ст. 3 общей для Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола II 1977 г., другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, а также ряд деяний, которые являются преступлениями по национальному законодательству Сьерра-Леоне (*URL: <http://www.rscsl.org/Documents/scsl-statute.pdf> (дата обращения: 02.02.2017)*).

Специальный суд по Сьерра-Леоне является не единственным смешанным (гибридным трибу-

налом). Были созданы, например, Специальный трибунал по Ливану, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи и др.

Как уже отмечалось, для осуществления внутринационального правосудия по делам о военных преступлениях многими странами было изменено национальное законодательство. Примером развития национального законодательства о военных преступлениях на основе международного уголовного права является принятие в ФРГ Кодекса международного уголовного права, введенного в действие 26 июня 2002 г. (*“Völkerstrafgesetzbuch” – VStGB // Völkerstrafgesetzbuch (VStGB). In der Fassung vom 26. Juni 2002. – Fundstelle: BGBl I, 2002. – 2254 s.*). Как указывает Т. Вайгенд, «немецкое правительство изначально планировало исполнить свое обязательство путем простого изменения уголовного кодекса, но, в итоге, склонилось по практическим, равно как и символическим, соображениям к специальному законодательству... Правительство желало продемонстрировать миру, что Германия рассматривает международные преступления как достаточно серьезные, так что посвящает специальный закон этому вопросу. Также выяснилось, что даже малое число общих норм, специально требуемых для международных преступлений, повлекло бы необходимость вносить сложные исключения в сжато сформулированные общие нормы уголовного кодекса» [36, с. 336].

Данный Кодекс состоит из Общей и Особенной частей. В Общей части закрепляются принцип универсальной юрисдикции, а также особое обстоятельство, исключающее виновность, – приказ или распоряжение, подтверждается действие, по общему правилу, норм основного УК, содержатся нормы о командной ответственности и неприменимости сроков давности. В Особенной части кодекса устанавливается ответственность за геноцид (ст. 6), преступления против человечности (ст. 7), военные преступления (ст. 8–12) и иные, связанные с международными, преступления (ст. 13–14) (*URL: <http://www.iuscomp.org/gla/statutes/VoeStGB.pdf> (дата обращения: 16.11.2016)*).

В ст. 8 Кодекса предусмотрена ответственность за военные преступления в отношении физических лиц. К их числу относятся следующие деяния, совершенные в отношении лиц, охраняемых нормами международного гуманитарного права, как в ходе вооруженного конфликта международного характера, так и немеждународного характера: убийство; захват заложников; жестокое обращение; изнасилование; призыв детей, не достигших 15 лет, в вооруженные силы, принуждение к участию в военных действиях; вынесение

смертного приговора или назначение наказания в виде лишения свободы в нарушение права на справедливое судебное разбирательство; проведение медицинских экспериментов без медицинской необходимости и др. Кроме того, в данную статью включены деяния, которые наказуемы только при совершении в связи с вооруженным конфликтом международного характера (п. 3). В ней также раскрывается понятие «защищаемые нормами международного гуманитарного права лица» и указываются конкретные источники международного права, из которых вытекает особый статус данных лиц (п. 6). Статьей 9 вводится уголовная ответственность за военные преступления против собственности и других прав. В частности, объявление в ходе международного вооруженного конфликта прав, гарантируемых нормами международного права, отмененными, влечет ответственность в виде лишения свободы на срок от одного до 10 лет. Кроме того, ст. 10 данного акта предусматривает ответственность за военные преступления против гуманитарных операций и за незаконное использование отличительных эмблем Женевских конвенций, ООН, и других, если это повлекло причинение смерти или вреда здоровью человека.

В ст. 11 и 12 установлена ответственность за военные преступления, состоящие в использовании запрещенных международным правом средств и методов ведения военных действий. В отличие от ст. 356 УК РФ, отсылающей к международным договорам РФ для определения того, использование каких именно средств в вооруженном конфликте является преступлением, ст. 12 Кодекса международного уголовного права ФРГ закрепляет некоторые из видов запрещенного оружия: ядовитое или отравленное оружие; биологическое, химическое оружие; пули, легко сворачивающиеся или сплюсцивающиеся в теле человека, пули с твердой оболочкой и т.д. Вместе с тем следует отметить, что указанные статьи не отягчают ответственность за использование оружия массового поражения в отличие от УК РФ (ч. 2 ст. 356).

После долгого периода отсутствия практики применения Кодекса международного уголовного права ФРГ, что с сожалением отмечали некоторые отечественные авторы [12, с. 97], Высший земельный суд в Штутгарте 28 сентября 2015 г. приговорил двух лидеров Демократических сил освобождения Руанды Игнаса Мурваначьяку и Стратона Мусони к реальным срокам лишения свободы за руководство террористической организацией и пособничество в совершении военных преступлений (*Ежегодный доклад Amnesty*

International o pravaх человека v sovremenном mire. 2015-16 // URL: http://amnesty.org.ru/pdf/Annualreportbook15_16-Russian.pdf (дата обращения: 12.01.2017).

Другой пример приведения национального законодательства о военных преступлениях в соответствие с международным уголовным правом является собой Хорватия, на территории которой имело место несколько вооруженных конфликтов, в том числе немеждународного характера.

Развитие национального законодательства о военных преступлениях в данном случае было связано с тремя факторами: во-первых, эта страна стремилась вступить в Евросоюз; во-вторых, в национальные суды Хорватии поступил ряд дел от Международного трибунала по бывшей Югославии на основании правила 11-bis его Правил процедуры и доказывания (*Правила процедуры и доказывания МТБЮ, Rev.37 (16 Nov. 2005) // URL: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev37_en.pdf (дата обращения: 16.11.2016)*) (чего бы, очевидно, не произошло в случае несоответствия национального законодательства современному международному уголовному праву); в-третьих, Хорватия ратифицировала Римский статут Международного уголовного суда, приняв Закон о ратификации Римского статута [37, с. 199].

Республика Хорватия, как и Российская Федерация, является участницей четырех Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов I и II от 8 июня 1977 г. к ним.

Так, в УК Республики Хорватия (*URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=301780 (дата обращения: 16.11.2016)*) закреплена перечень военных преступлений против гражданских лиц, совершаемых во время войны, вооруженного конфликта или оккупации, в том числе: против гражданских лиц (ст. 158), против раненых и больных (ст. 159), против военнопленных (ст. 160), а также незаконное убийство и ранение неприятеля (ст. 161), незаконное присвоение имущества убитых и раненых на поле боя (ст. 162), запрещенные методы ведения военных действий (ст. 163), ранение лица, ведущего переговоры (ст. 164), жестокое обращение с ранеными, больными и военнопленными (ст. 165), неоправданные задержки в возвращении военнопленных (ст. 166), уничтожение ценностей и объектов, представляющих культурную ценность (ст. 167), незаконное использование международных символов (ст. 168). Кроме того, как самостоятельный состав преступления рассматривается организация группы или подстрекательство к геноциду или

военным преступлениям (ст. 123), планирование преступлений против ценностей, находящихся под защитой международного права (ст. 187а), последующая помощь лицу, совершившему преступление против ценностей, находящихся под защитой международного права (ст. 187б).

Некоторые составы военных преступлений, предусмотренные указанными статьями, относятся лишь к лицам, отдающим приказ о совершении указанных действий (например, ст. 158). Однако хорватский законодатель не проводит различия между военными командирами и гражданскими начальниками. Более того, за ряд преступлений, включенных в перечень, предусмотрена ответственность и командиров (начальников), и непосредственных исполнителей преступлений; согласно ст. 167а ответственности подлежат командиры (начальники), которые знали, что их подчиненные планируют совершение преступлений, предусмотренных ст. 156 или ст. 167 УК, но не приняли всех разумных мер для их предотвращения.

Положения УК Хорватии о военных преступлениях активно применяются на практике. Дела о военных преступлениях в первой инстанции рассматриваются только окружными судами, которые расположены в Загребе, Сплите, Риеке, Осиеке. По данным хорватской неправительственной правозащитной организации Documenta, основной целью которой является мониторинг судебных процессов над военными преступниками, на данный момент в различных судах на стадии рассмотрения находится 18 уголовных дел о военных преступлениях (*URL: <https://www.documenta.hr/hr/su%C4%91enja-u-tijeku.html> (дата обращения: 11.02.2017)*).

Таким образом, международное и зарубежное уголовное право о военных преступлениях конца XX в. – начала XXI в. характеризуется тем, что:

в этот период создаются международные, смешанные интернационализованные органы юстиции для отправления правосудия по делам о военных преступлениях;

перечень военных преступлений расширяется и уточняется, в том числе, посредством таких источников, как Уставы органов международной уголовной юстиции;

национальное законодательство многих зарубежных государств приводится в соответствие с международно-правовыми актами о военных преступлениях.

Переходя к анализу уголовного законодательства РФ, следует прежде всего отметить, что в УК РФ, в отличие от международного права и законодательства зарубежных стран, в том чис-

ле бывших союзных республик, термин «военные преступления» не используется. Например, гл. 18 УК Республики Беларусь называется «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев войны» ([URL: http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=101163](http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=101163) (дата обращения: 11.02.2017))

И хотя она содержит не намного больше составов военных преступлений УК РФ, выделение военных преступлений в отдельную главу, представляется более удачным. Анализ источников международного права, а также уголовного законодательства разных стран демонстрирует, что военные преступления являются самостоятельным видом деяний.

В УК РФ уголовная ответственность за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ, предусмотрена ст. 356. Самостоятельный состав образует оружие массового поражения, запрещенного международным договором РФ (ч. 2 ст. 356). Указанной статьей, наряду со ст. 359, устанавливающей уголовную ответственность за наемничество, исчерпывается перечень преступлений, связанных с нарушением правил и методов ведения войны.

При сопоставлении составов военных преступлений, предусмотренных международным уголовным правом и законодательством РФ, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, отечественным законодателем криминализована лишь малая часть деяний, представляющих собой серьезные, с точки зрения международных трибуналов, нарушения норм международного гуманитарного права.

Во-вторых, в рамках одной статьи были криминализованы деяния, относящиеся к нарушению норм «Женевского» (жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения и разграбление национального имущества на оккупированной территории) и «Гаагского» направлений международного гуманитарного права (применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ, применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ) [38]. И хотя нормы обоих направлений основаны на единых принципах, которые содержатся в преамбуле Санкт-Петербургской декларации о запрещении употребления разрывных

пуль 1868 г. (*Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами Т. IV. Ч. II. 1849 – 1978. СПб., 1878*) и Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., после принятия в 1977 г. Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г. неверно придавать каждому своду правил собственную сферу действия. На данное обстоятельство обращал внимание и Международный суд ООН. (*Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения // Док. ООН, А/51/218 от 19 июля 1996 г., пар. 19*). Такое смешение порождает неопределенность правового регулирования, приводит, как указывает Г.А. Есаков, к тому, что для применения уголовного закона требуется его раскрытие с привлечением слишком значительного числа нормативных источников, «развертывание» текста вглубь, не всегда успешное для правоприменителя [36, с. 341]. Например, для квалификации деяния по ст. 356 УК РФ как применение средств и методов, запрещенных международным договором РФ, необходимо установить те или иные средства и методы, их запрещенность, соблюдение условий запрещенности в конкретной ситуации и т.п. Анализ источников, приведенных выше, свидетельствует о том, что в современном международном праве наметилась тенденция более детального закрепления составов военных преступлений, указание в нормах на конкретные деяния, представляющие собой серьезные нарушения норм международного гуманитарного права, совершение которых влечет уголовную ответственность. Представляется, что данный прием предпочтительнее для привлечения к уголовной ответственности преступников и превенции военных преступлений.

В-третьих, в отечественном уголовном законодательстве до сих пор не проводится разграничение между вооруженным конфликтом международного и немеждународного характера. Используя понятие «вооруженный конфликт», отечественный законодатель не раскрывает его содержания. В связи с этим может, например, возникнуть вопрос о возможности применения ответственности за деяния, предусмотренные в ст. 356 УК РФ, в таких случаях, как нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, в частности, беспорядки, отдельные спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера (в международном уголовном праве данные случаи не относятся к вооруженным конфликтам).

В-четвертых, указание в диспозиции ч. 1 ст. 356 на запрещенность именно международным договором РФ применяемых в вооруженном конфликте средств и методов порождает закономерный вопрос: означает ли это, что такой источник международного гуманитарного права, как обычное право, не может использоваться при определении признаков состава этого преступления? Представляется, что указание на запрещенность нормами международного гуманитарного права было бы предпочтительней.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Российская Федерация не в полной мере исполнила свои обязательства по закреплению в уголовном законодательстве норм об ответственности за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права. Кроме того, неиспользование законодателем общепринятых в международном праве терминов «военные преступления» и «серьезные нарушения», отсутствие в диспозиции нормы ряда деяний, признаваемых военными преступлениями в международном праве, не способствует целям правосудия в отношении виновных лиц, а также предупредительной функции уголовного закона.

Таким образом, по результатам анализа комплекса норм об ответственности за военные преступления можно выделить следующие этапы его развития и кратко описать их характерные черты:

1) период до конца XIX в. характеризуется появлением ограничений на средства и методы ведения войны, постепенным закреплением во внутригосударственном праве все большего количества составов воинских преступлений, совершаемых в военное время против гражданского населения, а также отсутствием межгосударственных механизмов привлечения виновных к ответственности и международно-правовых норм о военных преступлениях;

2) период с конца XIX в. — до 1941 г. характеризуется бурным развитием международного гуманитарного права, принятием комплекса между-

народно-правовых норм, попытками организации международного судебного преследования лиц, виновных в военных преступлениях, а на национальном уровне — дальнейшим развитием военно-уголовного законодательства;

3) период с 1945 г. по 1991 г. можно охарактеризовать как дальнейшее развитие международного гуманитарного права, существенное расширение его сферы, осмысление результатов Нюрнбергского и Токийского процессов, осуществленных международными военными трибуналами, подтверждение принципов, ими выработанных;

4) период с 1991 г. по настоящее время характеризуется развитием разнообразных органов международной уголовной юстиции, практики применения, уточнения международных уголовно-правовых категорий и признаков составов преступлений, в том числе, и военных. Кроме того, особенностью данного периода является неоднородность мнений о международном уголовном праве в целом и о правоприменительной практике по военным преступлениям, в частности. Современные международные организации критикуются за неспособность противостоять современным вооруженным конфликтам и адекватно реагировать на них. Тем не менее многими государствами принимаются меры по имплементации международно-правовых норм, которые помимо криминализации соответствующих деяний предписывают межгосударственное взаимодействие с органами международной уголовной юстиции.

Можно утверждать, что в настоящее время сформировано понятие «военные преступления» (несмотря на то, что в разные периоды времени оно трактовалось по-разному), имеется обширная судебная практика по соответствующим делам. Кроме того, представляется подчеркнуть еще раз, что, во-первых, исторически наша страна была на передовой линии в деле развития норм о законах и обычаях войны, во-вторых, современное законодательство о военных преступлениях справедливо подвергается критике.

Литература

1. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М., 1931. — 851 с.
2. Зотов В.Д. Война, политика и право (навстречу Третьей конференции мира) // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 5–25.
3. История Древнего Востока / под ред. В.И. Кузищина. М., 1989.
4. Елисеев Р.А. Международное уголовное право: особенности правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. — 236 с.
5. Лобанов С.А. Уголовная ответственность за военные преступления: теоретические вопросы международно-правового исследования. М., 2015. — 368 с.
6. Schwarzenberger G. Breisach revisited. The Hagenbach Trial of 1474 // Studies in the History of the Law of Nations / Ed. by C. Alexandrovicz. The Hague, 1968.

7. Johnston D.M. *The Historical Foundations of World Order. The Tower and the Arena.* Leiden; Boston, 2008. – 875 с.
8. Буткевич О.В. Формирование элементов системы международного правосудия в Средние века // *Российский юридический журнал.* 2012. № 4. С. 32–42.
9. Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития). М., 2011. – 286 с.
10. Щеглова Е.Н. Правовое регулирование военного строительства в X–XVII веках // *Военно-юридический журнал.* 2013. № 1. С. 218–220.
11. *Отечественное законодательство XI–XX веков: пособие для семинаров. Ч. I (XI–XIX вв.)* / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юристъ. 1999. – 464 с.
12. Винокуров А.Ю. *Международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения.* М., 2011. – 695 с.
13. Петухов Н.А. *Социально-правовые проблемы становления и развития системы военных судов в России.* М., 2003. – 352 с.
14. Ястребов В.Б. *Прокурорский надзор: учебник для юридических вузов и факультетов.* М.: Зерцало-М., 2012. – 424 с.
15. Безнасюк А.С., Толкаченко А.А. *Уголовные наказания военнослужащих: теория, законодательство, практика: учеб.-практ. пособие.* М., 1999. – 175 с.
16. Коркунов И.И. *Лекции, прочитанные в Военно-юридической академии.* СПб., 1886. – 346 с.
17. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. К 10-летию учреждения Международного уголовного суда. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2008. № 2. С. 2–9.
18. Котляров И.И. *Выполнение Россией договорных обязательств по международному гуманитарному праву: история и современность* // *Московский журнал международного права.* 2003. № 1. С. 142–161.
19. *Военно-уголовное законодательство* / под ред. М.К. Кислицына. М., 2002. – 432 с.
20. Нигматулин Р.В. К истории формирования института выдачи в российском законодательстве // *Российский следователь.* 2005. № 6. С. 59–62.
21. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. *Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия.* М., 1989. – 230 с.
22. Черепанова Е.В. *Уголовное право годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития* // *Журнал российского права.* 2010. № 10. С. 139–145.
23. Епифанов А.Е. *Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.* М., 2001. – 445 с.
24. *Ответственность за военные преступления против человечества: сб. документов* / под общ. ред. О.Н. Хлестова. М., 1969. – 94 с.
26. *Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности. Материалы международной конференции 9–10 ноября 2006 г.* М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2006. – 60 с.
27. Скуратова А.Ю. *Международные преступления: современные проблемы квалификации.* М., 2012. – 160 с.
28. Дивач Эберг М. Поглощение серьезных нарушений нормами права, касающимися военных преступлений // *Международный журнал Красного Креста.* 2009. № 873. С. 223–253.
29. Эфендиев О.Ф. *О военных преступлениях в системе законов и обычаев войны* // *Военно-юридический журнал.* 2006. № 11. С. 22–27.
30. Русинова В.Н. *Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2005. – 210 с.
31. Подшибякин А.С. *Международный уголовный суд и проблемы национального законодательства* // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2008. № 1. С. 2–5.
32. Верле Г. *Принципы международного уголовного права: учебник* / пер. с англ. С.В. Саяпина. М., 2011. – 910 с.
33. Cassese A. *International Criminal Law.* Oxford. Oxford University Press, 2003. – 472 p.

34. Хенкерте Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Т. 1. Нормы. МККК, 2006. – 818 с.

35. Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: учеб. пособие / А.Г. Волеводз. М.: Проспект, 2011. – 344 с.

36. Есаков Г.А. Международно-уголовное право как подотрасль российского уголовного права: современное состояние и проблемы // Международное право и международные организации. 2015. № 3. С. 331–346.

37. Йосипович И. Ответственность за военные преступления перед национальными судами в Хорватии // Международный журнал Красного креста. 2006. № 861. С. 179–208.

38. Бюньон Ф. Право Женевы и право Гааги // Международный журнал Красного Креста. 2001. № 844. С. 142–145.

References

1. Kautskii K. Materialisticheskoe ponimanie istorii [Materialistic understanding of history] Vol. 2. Moscow, 1931. – 851 p. (In Russian)

2. Zotov V.D. Voina, politika i pravo (navstrechu Tret'ei konferentsii mira) [War, politics and law (towards the Third Peace Conference)]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 1999, no. 2, pp. 5–25. (In Russian, abstract in English)

3. Kuzishchina V.I. (ed.) *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East] Moscow, 1989. (In Russian)

4. Eliseev R.A. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: osobennosti pravorealizatsii* Dis. ... kand.yurid.nauk. [International Criminal Law: features of the right implementation: dis. ... Candidate of legal Sciences] Moscow, 2011. 236 p. (In Russian)

5. Lobanov S.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za voennye prestupleniya: teoreticheskie voprosy mezhdunarodno-pravovogo issledovaniya* [Criminal responsibility for war crimes: theoretical issues of international legal research]. Moscow, 2015. 368 p. (In Russian)

6. Schwarzenberger G. Breisach revisited. The Hagenbach Trial of 1474. In *Alexandrovicz C. (ed.) Studies in the History of the Law of Nations*. The Hague, 1968.

7. Johnston D.M. *The Historical Foundations of World Order. The Tower and the Arena*. Leiden; Boston, 2008. 875 p.

8. Butkevich O.V. *Formirovanie elementov sistemy mezhdunarodnogo pravosudiya v Srednie veka* [Formation of elements of the system of international justice in the Middle Ages] *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2012, no. 4, pp. 32–42. (In Russian, abstract in English)

9. Belyi I.Yu. *Proizvodstvo po delam o voennykh prestupleniyakh v organakh mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiya (problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya)* [War Crimes Proceedings in International Criminal Justice Bodies (Formation Problems and Development Prospects)]. Moscow, 2011. 286 p. (In Russian)

10. Shcheglova E.N. *Pravovoe regulirovanie voennogo stroitel'stva v X–XVII vekakh* [Legal regulation of military construction in the X–XVII centuries] *Voенно-yuridicheskii zhurnal* [Military-law Journal], 2013, no. 1, pp. 218–220. (In Russian, abstract in English)

11. Chistyakov O.I. (ed.) *Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI–XX vekov: posobie dlya seminarov. Chast' I (XI–XIX vv.)* [Domestic legislation of the XI–XX centuries: manual for seminars. Part I (XI–XIX centuries)]. Moscow, Yurist Publ, 1999. 464 p. (In Russian)

12. Vinokurov A.Yu. *Mezhdunarodno-pravovye, teoreticheskie i organizatsionnye osnovy ugovnogo presledovaniya za sovershenie voennykh prestuplenii v otnoshenii grazhdanskogo naseleniya* [International legal, theoretical and organizational basis for criminal prosecution for committing war crimes against civilians.]. Moscow, 2011. 695 p. (In Russian)

13. Petukhov N.A. *Sotsial'no-pravovye problemy stanovleniya i razvitiya sistemy voennykh sudov v Rossii: monografiya* [Socio-legal problems of formation and development of the system of military courts in Russia: a monograph]. Moscow, 2003. 352 p. (In Russian)

14. Yastrebov V.B. *Prokurorskiy nadzor: uchebnyk dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [Prosecutor's supervision: manual for law schools and faculties]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2012. 424 p. (In Russian)

15. Beznasyuk A.S., Tolkachenko A.A. *Ugolovnye nakazaniya voennosluzhashchikh: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika: ucheb.-prakt. Posobie* [Criminal punishments of servicemen: theory, legislation, practice: manual]. Moscow, 1999. 175 p. (In Russian)

16. Korkunov I.I. *Lektsii, pročitannye v Voенno-yuridicheskoi akademii St. Petersburg* [Lectures read at the Military-Law Academy. St. Petersburg.]. Sankt Petersburg, 1886. 346 p. (In Russian)
17. Volevodz A.G., Volevodz V.A. K 10-letiyu uchrezhdeniya Mezhdunarodnogo ugovnogo suda. Istoricheskie i mezhdunarodno-pravovye predposylki formirovaniya sovremennoi sistemy mezhdunarodnoi ugovnoi yustitsii [To the 10th anniversary of the establishment of the International Criminal Court. Historical and international legal preconditions for the formation of a modern system of international criminal justice]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International Criminal Law and International Justice], 2008, no. 2, pp. 2–9. (In Russian, abstract in English)
18. Kotlyarov I.I. Vypolnenie Rossiei dogovornykh obyazatel'stv po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu: istoriya i sovremennost' [Russia's fulfillment of treaty obligations under international humanitarian law: history and modernity]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2003, no. 1, pp.142–161. (In Russian, abstract in English)
19. Kislytsyna M.K. (ed.) *Voенno-ugolovnoe zakonodatel'stvo* [Military Criminal Law]. Moscow, 2002. 432 p. (In Russian)
20. Nigmatulin R.V. K istorii formirovaniya instituta vydachi v rossiiskom zakonodatel'stve [On the history of the institution of extradition in the Russian legislation]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2005, no. 6, pp. 59–62. (In Russian, abstract in English)
21. Artsibasov I.N., Egorov S.A. Vooruzhennyi konflikt: pravo, politika, diplomatiya [Armed conflict: law, politics, diplomacy]. Moscow, 1989. 230 p. (In Russian)
22. Cherepanova E.V. Ugolovnoe pravo gody Velikoi Otechestvennoi voyny: osnovnye tendentsii razvitiya [Criminal Law years of the Great Patriotic War: the main development trends]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2010. no. 10, pp. 139–145. (In Russian, abstract in English)
23. Epifanov A.E. Otvetstvennost' za voennye prestupleniya, sovershennyye na territorii SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voyny (istoriko-pravovoi aspekt): dis. ... d-ra yurid. nauk [Responsibility for war crimes committed on the territory of the USSR during the Great Patriotic War (historical and legal aspect): dis. ... Doctor of Legal Science]. Moscow, 2001. 445 p. (In Russian)
24. Khlestov O.N. (ed.) *Otvetstvennost' za voennye prestupleniya protiv chelovechestva: sb. dokumentov* [Responsibility for war crimes against humanity: coll. documents]. Moscow, 1969. 94 p. (In Russian)
26. Nyurnbergskii protsess i problemy mezhdunarodnoi zakonnosti [The Nuremberg Trials and Problems of International Legality.]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 9–10 noyabrya 2006 g. // Moskva: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka* [Materials of the international conference on November 9-10, 2006. // Moscow: Research Institute of Problems of Strengthening Law and Order]. Moscow, 2006. 60 p. (In Russian)
27. Skuratova A.Yu. Mezhdunarodnye prestupleniya: sovremennyye problemy kvalifikatsii [International crimes: modern problems of qualification]. Moscow, 2012. 160 p. (In Russian)
28. Divach Eberg M. Pogloshchenie ser'eznykh narushenii normami prava, kasayushchimisya voennykh prestuplenii [The Absorption of Serious Violations by Laws Relating to War Crimes]. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta* [International Journal of the Red Cross], 2009, no. 873, pp. 223–253. (In Russian, abstract in English)
29. Efendiev O.F. O voennykh prestupleniyakh v sisteme zakonov i obychaev voyny [On war crimes in the system of laws and customs of war]. *Voенno-yuridicheskii zhurnal* [Military-law journal], 2006, no. 11, pp. 22–27. (In Russian, abstract in English)
30. Rusinova V.N. Narusheniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: individual'naya ugovnaya otvetstvennost' i sudebnoe presledovanie: Diss... kand. yurid. nauk [Violations of international humanitarian law: individual criminal responsibility and prosecution: Diss ... cand. jurid. sciences]. Moscow, 2005. 210 p. (In Russian)
31. Podshibyakin A.S. Mezhdunarodnyi ugovnyi sud i problemy natsional'nogo zakonodatel'stva [International Criminal Court and problems of national legislation] *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International Criminal Law and International Justice], 2008, no. 1, pp. 2–5. (In Russian, abstract in English)
32. Verle G. *Printsipy mezhdunarodnogo ugovnogo prava: uchebnyk* [Principles of international criminal law: manual]. Moscow, 2011. 910 p. (In Russian)
33. Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003. 472 p.
34. Khenkerts Zh.-M., Dosval'd- Bek L. Obychnoe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. T. 1. Normy. MKKK [Customary international humanitarian law. T. 1. Norms. ICRC], 2006. 818 p. (In Russian)

35. Volevodz A.G. *Mezhdunarodnye pravookhranitel'nye organizatsii: uchebnoe posobie* [International law enforcement organizations: manual]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 344 p. (In Russian)
36. Esakov G.A. *Mezhdunarodno-ugolovnoe pravo kak podotrasl' rossiiskogo ugolovnogo prava: sovremennoe sostoyanie i problemy* [International criminal law as a sub-sector of Russian criminal law: the current state and problems] *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International law and international organizations], 2015, no. 3, pp. 331–346. (In Russian, abstract in English)
37. Iosipovich I. *Otvetstvennost' za voennye prestupleniya pered natsional'nymi sudami v Khorvatii* [Responsibility for war crimes before national courts in Croatia]. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo kresta* [International Journal of the Red Cross], 2006, no. 861, pp. 179–208. (In Russian, abstract in English)
38. Byun'on F. *Pravo Zhenevy i pravo Gaagi* [Law of Geneva and the law of The Hague] *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta* [International Journal of the Red Cross], 2001, no. 844, no. pp. 142–145. (In Russian, abstract in English)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ

Шевелева Светлана Викторовна

***Цель.** Статистические данные свидетельствуют о необходимости усиления борьбы с сексуальной эксплуатацией уголовно-правовыми средствами. Однако нормы УК РФ сформулированы крайне неудачно, что порождает непоследовательную и противоречивую практику их применения.*

***Методология:** диалектика, анализ, синтез, статистический и формально-юридический методы.*

***Выводы.** Пересечение объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 127.1 и 240 УК РФ, не позволяет эффективно осуществлять борьбу с сексуальной эксплуатацией. Необходима декриминализация ст. 240 УК РФ. Предложены разъяснения целей, изложенных в ч. 1 ст. 127.1 УК РФ.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование на теоретическом уровне позволяет разграничить способы преступного и не преступного воздействия на лиц с заниженной социальной ответственностью. Предложенные изменения отдельных норм УК РФ позволят стабилизировать практику борьбы с сексуальной эксплуатацией.*

***Ключевые слова:** проституция, принуждение, сексуальное рабство, уголовный закон, содержание при-
тонов, вербовка.*

На современном этапе развития цивилизации мировое сообщество вынуждено признать наличие в большинстве стран, в том числе в России, рабства. По мнению отдельных исследователей, за последние 10 лет ежегодно от 2 до 4 млн человек превращаются в объекты работоторговли и примерно 600–800 тыс. переправляются в другие страны, принося преступным синдикатам незаконную прибыль [1, с. 32; 2, с. 97]. Весомую часть из них составляют женщины – сексуальные рабыни и наложницы.

Из России ежегодно поставляется за рубеж более 30 тыс. женщин в возрасте от 18 до 34 лет. Однако представители некоммерческих организаций полагают, что ежегодно из страны вывозится не менее 150 тыс. молодых женщин и девушек в возрасте до 30 лет. Число же россиянок, находящихся в течение последних лет в сексуальном рабстве за пределами своей страны, стабильно составляет 500 тыс. человек [3].

Масштабность проблемы на транснациональном уровне подтверждает тот факт, что Европейский союз включил направление борьбы

с торговлей людьми, сексуальной эксплуатацией и детской порнографией в число основных [4, с. 139]. Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ (СЗ РФ. 2004. № 18. Ст. 1684) был ратифицирован Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (принят в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62 пленарном заседании 55 сессии Генеральной Ассамблеи ООН), дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. В целях реализации указанных международных предписаний в ст. 127.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за торговлю людьми.

Торговля людьми имеет глубокие корни, лежащие в сфере экономических, социальных и культурно-нравственных отношений. Учитывая что, для эффективного противодействия торговле женщинами с целью сексуальной эксплуатации необходимо осмысление причин и факторов, способствующих совершению преступлений в данной сфере [5]. Так, Е.Б. Мизулина выделяет

следующие причины торговли людьми: «...Нелегальная миграция, социальное расслоение общества, усугубленное ломкой социальных структур и снижением объема социальных гарантий; высокий спрос на “живой товар”; прибыльность сексиндустрии; протяженность российской границы; высокий уровень доходности торговли людьми; взаимосвязанность транснациональной преступной деятельности; привлекательность торговли людьми для преступных сообществ; латентность этого криминального бизнеса; отсутствие долгого времени уголовной ответственности за преступления этого вида и как следствие — невозможность выявления и систематизации фактов торговли людьми и использования рабского труда» [6, с. 10–15]. Другие авторы называют такие причины, как бедственное положение населения, ограниченность доступа к эффективной занятости, образованию, социальной защите и другим ресурсам, нелегальная миграция [7; 8, с. 29–36].

Помимо причин криминологического свойства, существуют определенные сложности и сугубо уголовно-правового характера, в частности, при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 127.1 и 240, 241 УК РФ. Дело в том, что состав преступления, предусмотренный ст. 127.1, настолько сложен и многогранен, что правоприменитель при квалификации деяния не всегда принимает во внимание каждое обстоятельство на предмет наличия признаков иных видов противоправных деяний. Данный вопрос не нашел своего единообразного понимания в судебной практике (*например: приговор Бийского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-517/2012 [электронный ресурс] // ГАС «Правосудие»*). Отдельные решения Конституционного Суда РФ также не вносят в него ясности. Так, Конституционный Суд РФ не дал исчерпывающего разъяснения по поводу того, что организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) является самостоятельным составом преступления, поэтому отчасти не может входить фактически в субъективную сторону ст. 127.1 УК РФ. Учитывая, что в жалобе Н.А. Малеевой содержалось указание не только на данное обстоятельство, но и на тот факт, что купля-продажа человека подразумевает приобретение права собственности на него, которое невозможно в силу принадлежности всех основных прав только самому лицу. Конституционный Суд РФ, сославшись на ряд международных нормативных-правовых актов, отказал в жалобе Н.А. Малеевой (*определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1315-О // СПС «КонсультантПлюс»*).

Попытаемся разграничить данные составы преступлений.

Цель совершения преступления, предусмотренного ст. 127.1 — эксплуатация человека, под которой согласно п. 2 примечания к данной статье понимается в том числе и принудительное занятие проституцией. Исходя из смысла ст. 240, цель в качестве обязательного признака в данном составе преступления отсутствует, но имеет место в диспозиции ч. 1 ст. 240 формулировка «...принуждение к продолжению занятия проституцией». Следовательно, одним из критериев разграничения этих составов преступлений выступает *цель совершения противоправного деяния*. Следует согласиться с точкой зрения Д.А. Душко, что, несмотря на неоднозначность мнения теоретиков и практиков относительно уголовно-правовой квалификации указанных видов преступлений, такое отличие является несущественным, так как основная цель преступников, которые совершают такие деяния, более чем очевидна [9]. И при торговле людьми, и при вовлечении в занятие проституцией она состоит в извлечении прибыли, т.е. субъективная сторона данных преступлений фактически одинакова. С позиции объективной стороны сфера деятельности преступников по ст. 240 — это только использование занятия проституцией, а при вербовке человека в целях его эксплуатации (ст. 127.1) — это и использование занятия проституцией, и рабский труд, и подневольное состояние, т.е. диспозиция ст. 127.1 шире. Очевидно, поэтому в приговорах при вменении ст. 127.1, как правило, отсутствует квалификация по ст. 240 УК РФ. Так, действия Фомкиной Н.С. и Разгоняевой Д.Р. в отношении М. квалифицированы по ч. 1 ст. 127.1, как торговля людьми — купля-продажа человека, совершенная в целях его эксплуатации. Судом установлено, что в июне 2012 г. Фомкина, созвонившись с Разгоняевой, договорилась с ней о продаже ей М., после чего в тот же день доставила М. к помещению касс, где передала ее водителю руководимой Разгоняевой нелегальной организации по оказанию платных сексуальных услуг. Водитель доставил М. в квартиру по необходимому адресу. На следующий день Фомкина встретила с Разгоняевой в кафе, где Разгоняева передала Фомкиной денежную сумму в уплату за М. В дальнейшем, в период с июня 2012 г. по 10 июля 2012 г., Разгоняева заставляла М. заниматься проституцией. Другой руководитель организованной группы Куликов был признан виновным по ст. 240, т.е. вовлечении и принуждении к занятию проституцией других

лиц, в том числе и потерпевшей М. Ему доподлинно было известно о способе «приобретения» М. (*апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. № 81-АПУ15-7 // СПС «КонсультантПлюс»*). Фактически объективную сторону преступления по ст. 127.1 он не осуществлял, однако действовал в рамках организованной группы, что, на наш взгляд, должно было найти в приговоре суда юридическое отражение (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

В другом приговоре Н. осуждена по ч. 1 ст. 127.1 (семь эпизодов) за то, что приобретала девушек для их «работы» по оказанию сексуальных услуг и по ст. 240 (пять эпизодов). В случаях, когда Н. не платила за девушек, а непосредственно сама их находила и, высказывая различные угрозы, вынуждала их заниматься проституцией, суд квалифицировал ее действия только по ст. 240 УК РФ. Двойная квалификация действий Н. имела место только в отношении потерпевшей Р. (*определение Верховного Суда РФ от 01 октября 2008 г. № 81-008-65 // СПС «КонсультантПлюс»*).

Как показывают практика и научные исследования проблемы торговли людьми [10, с. 3], есть немало случаев, когда фактически совершается сделка купли-продажи, где товаром является человек, но не с целью эксплуатации потерпевшего. Например, использование ребенка (особенно грудного возраста) в качестве подтверждения факта его рождения, чтобы оказать воздействие на сомневающегося в необходимости жениться мужчину, решение проблемы материнства за счет приобретения чужого ребенка и др. Более того, в сделке с «живым товаром» присутствуют как минимум два человека – продавец и покупатель, и их мотивы и цели могут различаться. **На наш взгляд, здесь неточно понимается диспозиция ч. 1 ст. 127.1. Представляется, что купля-продажа человека или иная сделка может преследовать любые цели, в то время, как целью вербовки, перевозки, передачи, укрывательства является эксплуатация. По нашему мнению, по данному вопросу необходимо разъяснение Верховного Суда РФ.**

Вместе с тем использование понятия вербовки в диспозиции ст. 127.1 весьма спорно моментов данной уголовно-правовой нормы. Общеизвестно, что вербовка не входит в понятие «торговля», чем обусловлена путаница в содержании нормы. Одни авторы придерживаются позиции, согласно которой вербовка не должна входить в объективную сторону состава торговли людьми, так как данное деяние, по сути, представляет собой форму приготовления к преступлению. Другие утверждают, что вербовка – это своего

рода сделка между нанимателем и нанимающимся, она должна заключаться на добровольных началах, что с учетом цели, определенной в диспозиции ст. 127.1, практически невозможно. Законодатель при объяснении термина «эксплуатация» использовал международный опыт. Так, в ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказании за нее (*URL: http://www.unodc.org/pdf/crime/a_res_55/res5525r.pdf. (дата обращения: 29.05.2011)*), предусмотрено, что в целях эксплуатации могут осуществляться вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой либо ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения или путем подкупа в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Под термином «эксплуатация» подразумевается как минимум эксплуатация проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. При этом согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных выше [11].

Следовательно, вербовка человека в целях его эксплуатации и вовлечение в занятие проституцией – идентичные преступления, но предусмотренные двумя разными нормами уголовного закона, к тому же фактически различающимися по объекту уголовно-правовой охраны. Таким объектом являются общественные отношения, в первом случае обеспечивающие общественную нравственность, во втором – свободу человека. Хотя и в том, и в другом случае объектом преступлений выступают в том числе и те и другие общественные отношения.

На наш взгляд принудительное занятие проституцией, которое указано в диспозиции ст. 240, полностью подпадает под признаки ст. 127.1. Многочисленные публикации по данной тематике указывают на необходимость усиления борьбы с такими деяниями уголовно-правовыми средствами [11, 12], что не вызывает сомнений. По нашему мнению, общественная опасность такого рода деяний будет иметь место лишь в тех случаях, когда человека насильно, под принуждением, заставляют заниматься проституцией. Если же он занимается проституцией добровольно, а отдельные лица лишь создают условия для

такого «бизнеса», то действия последних должны квалифицироваться по ст. 241 УК РФ.

Возьмем на себя смелость и предложим непопулярное решение проблемы: исключить из УК РФ ст. 240. Что касается ст. 127.1, то ее необходимо сформулировать таким образом, чтобы было ясно, что оказание секс-услуг должно быть уголовно наказуемо только в случае принуждения или применения насилия к секс-рабам.

Приведем пример из практики, иллюстрирующий, что, признавая лиц виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 240, суды ссылаются на международные акты, запрещающие торговлю людьми. Так, Б. признана виновной по указанной статье (три эпизода), а также по ст. 241. В мотивировочной части приговора указано: «Не позднее ... года у жительницы ... края Б. в нарушение Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, одобренной резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН..., ратифицированной СССР..., а в последующем Российской Федерацией..., запрещающей для удовлетворения похоти какого-либо лица эксплуатировать проституцию другого лица, даже с его согласия, содержать дом терпимости и управлять им, а также склонять и совращать в целях проституции другое лицо, даже с его согласия, в корыстных целях, возник преступный умысел, направленный на организацию занятия проституцией другими лицами, вовлечение в занятие проституцией, содержание притона для занятия проституцией (*приговор Бийского городского суд Алтайского края. Уголовное дело № 1-517/2012 // ГАС «Правосудие»*).

В подтверждение высказанного предложения представляется целесообразным дать краткую криминологическую характеристику женщины, занимающейся проституцией. Ю. М. Антонян выделил следующие характерные черты женщин этой профессии. Во-первых, у них полностью отсутствуют духовные ценности, что, по мнению автора, играет решающую роль в занятии проституцией, ибо не все женщины, даже очень нуждающиеся материально, выберут для себя такой способ заработка. Во-вторых, они постоянно пытаются самоутвердиться в глазах окружающих бравирова «своими доходами и нарядями и якобы независимым образом жизни». В-третьих, эти женщины лишены способности адаптироваться в жизни, тем более что они даже не желают работать [13]. Все это, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии криминологической обоснованности ответственности за принуждение к занятию проституцией, так как лица данной категории осознанно делают выбор в пользу своей «профессиональной» ориентации осознанно, без существенного воздействия со стороны третьих лиц, во всяком случае, такое воздействие на должно оцениваться как уголовно-наказуемое деяние.

Вопрос о полной легализации проституции в рамках данного исследования не ставится, мы преследуем цель показать отсутствие необходимости наличия в УК РФ ст. 240, так как крайние формы вовлечения в проституцию (имеются в виду насильственные способы или угрозы) уже охватываются составом, предусмотренным ст. 127.1.

Литература

1. Чупрова А.Ю., Глухова А.А. Торговля людьми как угроза экономической безопасности России: учеб.-практ. пособие. М., 2007. — 144 с.
2. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2013. — 912 с.
3. Саттеруэйт М. Патология насилия // Эксперт. 2006. № 15. С. 85–87.
4. Соколов А.Н., Смирнова Е.С., Губин Ю.И. Европейское право: учеб. пособие. Калининград, 2008. — 193 с.
5. Соколов А.Н., Зиберова О.С. Сексуальная эксплуатация женщин и торговля людьми // Юрист — Правоведь. 2010. № 6. С. 49–53.
6. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России. Международно-правовой аспект. М., 2006. — 591 с.
7. Коршунова В., Симонов А. Рабы XXI века // Юридический мир. 2005. № 6. С. 25–35.
8. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. М., 2006. — 154 с.
9. Душко Д.А. Особенности квалификации торговли людьми и отличие от вовлечения в занятие проституцией // Общество и право. 2009. № 3. С. 113–115.
10. Милевский А.И. Особенности субъективной стороны торговли несовершеннолетними // Следователь. 2000. № 5. С. 2–4.

11. Сапожников А.И. К вопросу о совершенствовании мер противодействия торговле людьми // Миграционное право. 2009. № 3. С. 39–41.
12. Алихаджиева И.С. О совершенствовании практики применения составов преступлений о проституции // Современное право. 2009. № 5. С. 122–126.
13. Антонян Ю.М. Проститутка глазами психолога // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 127–133.

References (transliterated)

1. Chuprova A.Yu., Glukhova A.A. *Torgovlya lyud'mi kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii: Ucheb.-prakt. Posobie [Trafficking as a threat to Russia's economic security: manual]*. Moscow, 2007. 144 p. (In Russian).
2. Dolgova A.I. (ed.) *Kriminologiya: uchebnik [Criminology: manual]*. Moscow, Norma Publ., 2013. 917 p. (In Russian).
3. Satterueit M. *Patologiya nasiliya [Pathology of Violence]*. *Ekspert [Ekspert]*, 2006, no. 15, pp. 85–87 (In Russian, abstract in English).
4. Sokolov A.N., Smirnova E.S., Gubin Yu.I. *Evropeiskoe pravo: Ucheb. posobie [European Law: manual]*. Kaliningrad, 2008. 193 p. (In Russian).
5. Sokolov A.N., Ziberova O.S. *Seksual'naya ekspluatatsiya zhenshchin i torgovlya lyud'mi [Sexual exploitation of women and trafficking of human beings]* *Yurist – Pravoved [Lawyer]*, 2010, no. 6, pp. 49–53 (In Russian, abstract in English).
6. Mizulina E.B. *Torgovlya lyud'mi i rabstvo v Rossii. Mezhdunarodno-pravovoi aspekt [Trafficking in human beings and slavery in Russia. International legal aspect]*. Moscow, 2006. – 591 c. (In Russian).
7. Korshunova V., Simonov A. *Raby XXI veka [Slaves of 21st Century]* *Yuridicheskii mir [Juridical world]*, 2005, no. 6, pp. 25–35. (In Russian, abstract in English).
8. Tyuryukanova E.V. *Torgovlya lyud'mi v Rossiiskoi Federatsii. Obzor i analiz tekushchei situatsii po probleme [Trafficking in the Russian Federation. Review and analysis of the current situation on the issue]*. Moscow, 2006. 154 p. (In Russian).
9. Dushko D.A. *Osobennosti kvalifikatsii torgovli lyud'mi i otlichie ot vovlecheniya v zanyatie prostitutsiei [Features of the qualification of trafficking in persons and the difference from involvement in prostitution]*. *Obshchestvo i pravo [Society and law]*, 2009, no. 3, pp. 113–115. (In Russian, abstract in English).
10. Milevskii A.I. *Osobennosti sub"ektivnoi storony torgovli nesovershennoletnimi [Features of the subjective side of trafficking in minors]*. *Sledovatel' [Investigator]*, 2000, no. 5, pp. 2–4. (In Russian, abstract in English).
11. Sapozhnikov A.I. *K voprosu o sovershenstvovanii mer protivodeistviya torgovle lyud'mi [On the issue of improving measures to combat trafficking in human beings]*. *Migratsionnoe parvo [Migration Law]*, 2009, no. 3, pp. 39–41 (In Russian, abstract in English).
12. Alikhadzhieva I.S. *O sovershenstvovanii praktiki primeneniya sostavov prestuplenii o prostitutsii [On the improvement of the practice of using the offenses of prostitution]*. *Sovremennoe parvo [Modern law]*, 2009, no. 5, pp. 122–126. (In Russian, abstract in English).
13. Antonyan Yu.M. *Prostitutka glazami psikhologa [The prostitute through the eyes of a psychologist]*. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*, 1993, no. 2, pp. 127–133. (In Russian).

КРИМИНОЛОГИЯ

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НА КУРОРТАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Петровский Антон Владимирович

***Цель.** Анализ качественных и количественных показателей преступности, различных полицейских методик предупреждения преступного поведения, общественного мнения относительно результативности деятельности полиции, специальных профилактических и уголовно-правовых практик на морских и горных курортах Краснодарского края для улучшения общественной безопасности.*

***Методология:** основывается на статистической отчетности ГУВД Краснодарского края, криминологической информации о лицах, совершивших преступления на курортах Краснодарского края; опросах 2023 граждан, 650 представителей общественных организаций, добровольно участвующих в охране общественного порядка, 258 сотрудников ОВД; анализе регионального и муниципального профилактического законодательства. Полученные данные позволили проанализировать количество лиц, совершающих преступления, дать характеристику личности преступников, преступной активности, криминальной распространенности, продуктивности формальных и неформальных профилактических практик. Результаты были при участии студентов юридического факультета КубГУ в период 2010–2015 гг. в ходе исследовательской программы по изучению неформальных и формальных практик предупреждения преступности на Северном Кавказе.*

***Выводы.** Количество зарегистрированных на курортах Краснодарского края преступлений зависит от сезонной активности преступников и внутренней миграции, за счет которой население в городах-курортах увеличивается в девять раз. В этом регионе преобладают грабежи, мелкие хищения чужого имущества, карманные кражи, кражи из автомобилей, мошенничества, умышленное причинение вреда имуществу. Показатель виктимности свидетельствует о страхе перед дорожно-транспортными и насильственными преступлениями. Результативность деятельности добровольных помощников и полиции зависит от уровня подготовки, объекта и предмета предупредительной деятельности, функциональных возможностей и способностей субъектов. Наиболее продуктивные практики предупреждения преступности связаны с привлечением различных некоммерческих организаций к охране общественного порядка, использованием добровольной помощи граждан, а также формированием региональных и муниципальных превентивных программ.*

***Научная и практическая значимость.** В статье изучено влияние запретов и ограничений региональных и муниципальных законов на уровень преступности. Полученные в ходе исследования данные позволили определить уровень тревоги, доверия и общественного мнения о различных формах противодействия, качественные и количественные показатели преступности, криминогенные особенности территорий, на которых проживают представители различных этносов, результативность предупреждения правонарушений на курортах Краснодарского края.*

***Ключевые слова:** преступность, профилактические практики, специальное предупреждение, Краснодарский край, туризм.*

Как известно, изучение региональной преступности связано с наиболее актуальной и трудноразрешимой проблемой общественной жизни

– защитой прав, свобод и интересов граждан от противоправных посягательств посредством различных мер предупреждения [1, 2, 3]. Крас-

нодарский край – южный субъект Российской Федерации, на территории которого проживает 5513,8 тыс. жителей. Городское население составляет 54,3% – это один из низких уровней урбанизации по стране. Одной из особенностей региона является высокая внутренняя миграция: в 2016 г. – 15,8 млн человек, в 2014 г. – 14,1 млн человек в течение шести месяцев (январь – октябрь) приезжает в несколько муниципальных образований Краснодарского края с общим количеством постоянно проживающего населения 786 тыс. человек. Основными экономическими отраслями края являются сельское хозяйство – 26,0% валового регионального продукта (ВРП), пищевая отрасль – 20,1% ВРП, туризм – 19,6% ВРП и транспорт – 16,2% ВРП. В 2016 г. в регионе было зарегистрировано 71 509 преступлений (в 2015 г. – 75 047), что составляет в общероссийской структуре преступности 3,1%. Коэффициент преступности в 2016 г. составил 1296 (в 2015 г. – 1363), тогда как общероссийский показатель – 1471 (в 2015 г. – 1608). В структуре преступности на курортах Краснодарского края 80% преступлений приходится на следующие 16 видов: убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111), умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115), угроза убийством (ст. 119), изнасилование (ст. 131), насильственные действия сексуального характера (ст. 132), кража (ст. 158), мошенничество (ст. 159), грабеж (ст. 161), разбой (ст. 162), неправомерное завладением автотранспортом без цели хищения (ст. 166), хулиганство (ст. 213), незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта (ст. 228) либо с целью сбыта (ст. 228¹), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264).

Краснодарский край обладает социальными, культурологическими, национально-этническими, историко-правовыми и экономическими особенностями. Исходя из этого соответствующими компетентными государственными органами федерального и краевого уровней разрабатываются профилактические мероприятия, которые базируются на традициях социума и направлены на нейтрализацию причин и условий противоправного поведения [4, с. 26; 5, с. 25; 6, с. 16]. В контексте изложенного можно утверждать, что предупреждение преступлений представляет собой совокупность мероприятий социального контроля и специальных профилактических мер, определяемых административным и уголовным

законодательством, которые реализуются субъектами профилактики.

Начиная с 1998 г. в УК РФ было внесено большое количество корректив, которые оказали как положительное, так и отрицательное влияние на профилактическое содержание уголовного закона. При анализе криминогенной обстановки последнее, как известно, рассматривается в качестве одной из внешних причин, влияющих на динамику преступности. Это влияние имеет прямую зависимость как в случаях изменения общего количества уголовно-правовых деликтов, так и косвенную в случаях смягчения и ужесточения наказаний за отдельные преступления [7; 8, с. 106].

При оценке эффективности системы предупреждения преступлений был произведен анализ динамики, раскрываемости, уровня рецидивной преступности, латентности, криминальной зараженности и уголовно-правовой культуры населения. В работе использовались статистические данные 2008–2016 гг. информационного центра Главного управления внутренних дел по Краснодарскому краю, а также отчетов органов местного самоуправления о выполнении плана профилактических мероприятий. Изучение страха перед совершаемыми преступлениями и результативности деятельности правоохранительной деятельности осуществлялось по аналогии с европейской программой ESS (European Social Survey) [9, 10]. Теоретическое обоснование и методические рекомендации по проведению исследований стандартного индикатора виктимности основаны на ранее выполненных работах [11, 12, с. 120]. Для получения информации было проведено анкетирование как местных жителей, так и туристов в курортных городах – Анапе, Геленджике, Новороссийске, Сочи.

С целью выявления индивидуальных черт, обусловленных культурно-историческими особенностями, половозрастной структурой и социальным составом населения, структурой предприятий быта, торговли, размещением зрелищных учреждений, для правильной оценки криминологической обстановки были исследованы территориальное распределение и интенсивность преступности.

Результативность профилактических мер определялась посредством опроса 2023 местных жителей и туристов в городах Анапе, Геленджике, Темрюке, Сочи, а также 650 представителей общественных организаций, принимающих участие в охране общественного порядка, и 258 полицейских.

Криминальная активность как местных жителей, так и приезжих позволила определить уровень

криминализации микрогрупп в муниципальных образованиях, на которые приходится основной поток отдыхающих. Криминальная активность (K_a) вычислялась следующим образом:

$$K_a = \frac{Q \times 10^5}{P},$$

где Q – количество выявленных правоохранительными органами лиц, совершивших преступления на территории муниципальных образований, являющихся курортами, P – количество населения, проживающего в населенном пункте (P_1 – количество постоянного населения либо P_2 – количество временного населения (туристов)).

При определении интенсивности преступности на курортах Краснодарского края мы исходили из показателя территориальной интенсивности ($I_{пр}$), вычисляя его по формуле:

$$I_{пр} = \frac{N}{S},$$

где N – это количество преступлений на определенной территории; S – площадь городской застройки.

С учетом необходимости оценки общественной опасности 16 наиболее распространенных преступлений на курортах Краснодарского края использовалась следующая упрощенная методика вычисления:

$$P = \sum_{i=1}^n Q_i \tau_i,$$

где n – количество групп; Q_i – количество преступлений i -й группы; τ_i – показатель общественной опасности i -й группы преступлений.

Показателем общественной опасности преступлений на курортах Краснодарского края является сумма произведений количества структурных

элементов преступности по степени общественной опасности [13, с. 164].

Анализ криминогенной обстановки

Для удобства анализа рассматриваемые территории региона разделены на две: черноморское побережье и побережье Азовского моря.

Статистические данные показывают, что после наметившегося в 2011–2013 гг. уменьшения числа зарегистрированных преступлений начиная с 2014 г. отмечается рост регистрируемой преступности, который стабилизировался к 2016 г. В структуре преступности на курортах Краснодарского края преступления против собственности составляют 56%, связанные с незаконным оборотом наркотиков – 11%, против личности – 8%. Наибольший рост пришелся на преступления против собственности (на 17%) и на связанные с незаконным оборотом наркотиков (на 11%). Рост имущественной преступности можно объяснить кризисными явлениями в экономике России, что подтверждается данными о том, что лица, не имеющие постоянного источника дохода, среди совершивших преступления против собственности составляют 62,8%. Что касается преступлений против собственности, то больше всего увеличилось число краж (на 32%), мошенничества (на 20%) и грабежей (на 17%).

Наибольшее количество зарегистрированных преступлений против собственности на 100 тыс. населения отмечается на курортах черноморского побережья (средний коэффициент 412, наибольший – в Сочинском районе 457), наименьшее – на азовском побережье (средний коэффициент 230, особенно в Ейском районе – 215). Отмечается рост на 12,2% преступлений, совершенных в общественных местах – на улицах, в парках, скверах, а также фальшивомонетничества на 38,7%.

Таблица 1

Средняя интенсивность преступлений ($I_{пр}$) в курортных муниципальных образованиях Краснодарского края ($I_{пр}$ на кв. км)

Статья УК РФ	Муниципальные образования					
	Курорты Черноморского побережья				Курорты Азовского побережья	
	Анапа	Геленджик	Сочи	Туапсе	Ейск	Темрюк
105	0,07	0,06	0,09	0,07	0,04	0,05
111 и 112	1	0,9	1,5	1	0,6	0,9
131 и 132	0,03	0,02	0,05	0,02	0,01	0,02
158	3,8	3,2	4,3	3,2	2,1	2,9
159	2,8	1,6	2,1	1,5	1,2	1,3
161 и 162	0,9	0,5	1,3	1	0,5	0,8
228 и 228 ¹	1,5	1,2	2,0	1,4	1,1	1,2

Среди преступлений против собственности наиболее распространены кражи, которые чаще всего совершаются: 1) с проникновением в жилище (32%); 2) из одежды, сумок или другой ручной клади (21%); 3) из автомобилей (15%); 4) из объектов торговли (11%). Следующими по распространенности являются мошенничества, которые совершаются посредством: 1) обмана в ходе псевдолотерей (25%); 2) вовлечения в азартные игры (17%); 3) провоцирования дорожно-транспортного происшествия (15%); 4) обчета при размене крупных денег (9%). Кражи чаще совершаются в дневное время (10.00–14.00) – 65%, мошенничества – с 12.00 до 22.00 – 90%. Объекты краж можно разделить на следующие группы: 1) коттеджи и апартаменты (21,2%); 2) арендуемые частные квартиры (19,6%); 3) номера в отелях и санаториях (18,4%).

Краснодарский край занимает второе место в России по числу выявленных наркопреступлений и количеству официально зарегистрированных наркоманов (40 тыс. человек) [14, 15]. Край граничит с регионами, для которых наркобизнес

является одним из основных источников доходов, и его почвенно-климатические условия прекрасно подходят для выращивания и культивирования растений, содержащих наркотические вещества. Поэтому основными видами наркотиков и наркотических средств, реализуемых на территории края, являются марихуана (42%), амфетамины (28%), героиновые вариации (21%).

Выявленные негативные тенденции к росту показывают следующие преступления – угроза убийством и причинения тяжкого вреда здоровью (7,2%), умышленное причинение вреда здоровью средней и легкой тяжести (5,4%).

Положительным моментом является сокращение количества преступлений против жизни (убийства и покушение на убийство – на 21%, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть, – на 29%), половой свободы и неприкосновенности (изнасилования – на 45%, насильственные действия сексуального характера – на 32%), а также нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспорта (на 51%).

Таблица 2

Данные о количестве туристов, местного населения и лиц, совершивших преступления

Год	Количество туристов/населения (человек)	Количество выявленных преступников (человек)
2008	Туристов: 11,9 млн; населения: 698 тыс.	Приезжих: 4 405; местных: 9 852
2012	Туристов: 11,4 млн; населения: 743 тыс.	Приезжих: 3 968; местных: 9 641
2016	Туристов: 15,8 млн; населения: 786 тыс.	Приезжих: 4 010; местных: 8 892

Из всех выявленных лиц, совершивших преступления на курортах Краснодарского края, 44,9% составляют молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет, удельный вес несовершеннолетних 14–18 лет с 2008 г. сокращается с 15,1 до 12,5%. Несовершеннолетними совершается каждое четвертое неправомерное завладение транспортным средством (24,5%), каждый пятый грабеж (19,7%). Растет число преступлений против жизни и здоровья, а также против собственности, совершенных в составе группы, – 36,4% всех лиц, совершивших преступления. Каждое третье преступление совершается приезжим из других регионов России или иностранцем. Обращает на себя внимание интернационализация преступников и рост преступлений, совершенных иностранцами. Высокая криминальная активность наблюдается у граждан государств Средней Азии, которые в структуре выявленных преступников, не имеющих гражданства РФ, составляют 43% (граждане Абхазии, Армении и Украины – 19, 8,5 и 7%

соответственно). Иностранцами и приезжими из других регионов совершается 75% изнасилований и насильственных действий сексуального характера, 46% краж из торговых точек, 38% краж – из коттеджей, апартаментов и квартир, 34% грабежей и разбойных нападений.

Профилактику совершения преступлений ранее судимыми лицами нельзя назвать успешной [16, с. 27]. Ранее судимые составляют 37% от общего количества выявленных преступников. Это обусловлено внутрироссийской миграцией преступников из северных регионов на юг. Ранее судимые составляют 40,0% лиц, привлеченных к ответственности за совершение грабежей и разбойных нападений, 37,2% – убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 34,5% – краж.

Внесение изменений в уголовное законодательство, ужесточающих ответственность за совершение преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, а также введение

административной и уголовной ответственности за нарушение правил торговли алкогольной продукцией, жесткая регламентация времени торговли алкоголем способствовала уменьшению удель-

ного веса количества преступлений, совершенных в состоянии опьянения: в 2008 г. выявлено 31,4% таких преступлений, в 2012 г. – 28,2%, в 2016 г. – 23,4%.

Таблица 3

Информация о криминальной активности населения на курортах Краснодарского края (2008 и 2016 гг.)

Возрастные категории населения	2008 г.			2016 г.		
	Население		Коэффициент криминальной активности	Население		Коэффициент криминальной активности
	Кол-во (тыс. чел.)	Доля в населении, %		Кол-во, (тыс. чел.)	Доля в населении	
14–17	85	12,0	75	97	12,3	69
18–29	154	21,9	594	168	21,3	568
30–49	164	23,4	525	189	24,0	496
50 и старше	193	27,6	219	208	26,4	186
Σ			1412			1319

Как показали опросы, проведенные с целью выявления наличия страха перед преступностью, исходя из оценки общественной опасности 16 наиболее распространенных преступлений 5,5% женщин и 59,3% мужчин ничего не боятся и считают курортные города самыми безопасными. Полученные результаты позволили сравнить субъективные ожидания населения – их субъективную оценку общественной опасности и страх стать жертвой преступления. Обращает на себя внимание разница в восприятии общественной опасности и угрозы мужчинами и женщинами: женщин, не испытывающих страха перед уличной преступностью, более чем в 10 раз меньше, чем мужчин. Соотношение между количеством

заявлений, количеством возбужденных уголовных дел и уровнем виктимности свидетельствует о высокой незащищенности женщин. Объяснить причину таких страхов возможно, выдвинув гипотезу о «виктимном опыте»: мужская часть общества готова к формальным и неформальным способам разрешения социальных конфликтов из-за гендерной статусности и особенностей «южного менталитета», а вот женской части необходима защита. Женщины чаще сталкиваются с проявлениями противоправных проявлений и чаще становятся жертвами, чувствуют страх не только в силу своей ментальной восприимчивости, но и из-за обладания большим «виктимным опытом» [17].

Таблица 4

Частота угрозы стать жертвой уличного преступления в течение года, %

Частота угрозы	2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Никогда	55,0	5,0	63	5,5	60	6,0
Один или два раза	23,0	53,0	19,0	50,0	24,0	57,0
Три или пять раз	22,0	36,5	17,0	38,0	16,0	31,0
Ежемесячно	0	5,5	1,0	6,5	0	6,0
Еженедельно	0	0	0	0	0	0
Каждый день	0	0	0	0	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100

Несколько иначе обстоит дело с тем, каких преступлений больше всего боятся жители и туристы в зависимости от гендерной принадлежности. Обобщая результаты исследования, необходимо отметить, что страх смерти в результате криминального события достаточно высок как у жен-

щин (54%), так и у мужчин (23,5%). Высокий уровень корыстно-насильственных преступлений детерминирует страх стать жертвой грабежа или разбоя – у мужчин он немного выше (17%), чем у женщин (15,5%). Обращает на себя внимание высокий показатель страха стать жертвой изна-

силования (45% опрошенных женщин), поэтому ничтожный уровень регистрируемых правоохранительными органами фактов изнасилований не отражает реального состояния, являясь свидетельством высокой латентности.

Наравне со страхом быть убитым население боится стать жертвой ДТП — мужчины 25,4%, женщины 44,5%, что объясняется загруженностью дорог в курортный период. Согласно официальным данным каждое шестое ДТП в крае происходит из-за неудовлетворительного состояния автомобильных дорог. Детерминирует страх и общее количество погибших в ДТП: в 2014 г. — 1380 человек (в 2013 г. — 1343) и 8066 человек (в 2013 г. — 8191), получивших ранения. Примечательно, что мужчины боятся «правоохранителей» почти так же, как боятся быть убитыми либо погибнуть в ДТП, что обусловлено неудовлетворительной деятельностью, жестоким обращением и безответственностью полиции [18, с. 146–147].

Практики предупреждения преступности в Краснодарском крае

Для удобства анализа субъекты профилактики разделены на три группы: 1) органы и учреждения, сотрудники которых должны предупреждать преступления в силу своих служебных полномочий; 2) учреждения, сотрудники которых должны содействовать первой группе субъектов в предупреждении преступлений в силу обязанностей, возложенных на них федеральным или региональным законодательством; 3) общественные организации и общества, которые принимают участие в профилактической деятельности добровольно, независимо от наличия законодательной регламентации их деятельности.

В течение 2008–2016 гг. происходило формирование профилактического законодательства, большей частью направленного на нейтрализацию преступности несовершеннолетних и рецидивистов. Начиная с 2008 г. принимаются законы, ориентированные на предупреждение преступности несовершеннолетних, внутрисемейного насилия, беспризорности и безнадзорности, профилактику наркотизма и ресоциализации ранее осужденных.

С 2009 г. участие в правоохранительной деятельности принимают органы местного самоуправления, на которые возложена обязанность по координации предупреждения правонарушений молодежи посредством создания специализированных комиссий. Совместно с полицией представители местного самоуправления разрабатывают программы по профилактике уличной преступности, терроризма, экстремизма. Начиная с 2010 г. муниципалитетами в регионе реа-

лизуется программа по техническому оснащению общественных мест видеокameraми и средствами визуального контроля.

С 2012 г. к охране общественного порядка стала привлекаться социально-этническая группа, относящаяся к кубанскому казачеству. Являясь общественной организацией, казачество рассматривается региональной элитой как важнейший механизм обеспечения социального порядка и инкорпорировано с систему государственного и местного управления. Казачеству предоставлено право носить холодное оружие как атрибут одежды и совместно с полицией патрулировать улицы, за что правительство Краснодарского края выплачивает участвующим заработную плату. В населенных пунктах и в многоквартирных домах созданы общественные советы, которые наделены обеспечения технической защиты имущества от противоправных посягательств. Проведенные исследования позволяют оценить результативность указанных мероприятий и на основе полученных результатов оптимизировать участие субъектов второй и третьей группы в профилактической деятельности.

Согласно проведенному опросу наиболее не удовлетворены результатами деятельности правоохранительных органов по охране общественного порядка жители и отдыхающие городов Сочи (57%) и Анапы (46%). Учитывая это, в общественных местах городов-курортов было установлено 263 устройства экстренной связи «гражданин — полиция», а также создано 33 ситуационных центра, в которые поступает информация с 7404 камер видеонаблюдения в местах массового пребывания граждан. Использование камер видеонаблюдения позволило только в 2015 г. в городах черноморской курортной зоны раскрыть 34 преступления, а на курортах Азовского моря — девять преступлений.

Правительство региона финансирует (562,1 млн руб.) социально ориентированные казачьи общества, принимающие участие в охране общественного порядка на территории муниципальных образований края на постоянной основе, а также содействующие защите государственной границы. В настоящее время разрабатывается программа по использованию частных охранных агентств для выезда и задержания правонарушителей при выявлении противоправных действий посредством камер видеоконтроля.

В целях снижения уровня рецидивной преступности и числа преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, прибывшими из других регионов, рекомендуется внесение изменений в УИК РФ, предусматривающих запрещение отбытия на-

казания по месту совершения преступления гражданам РФ, не проживающим в данном регионе. При этом преступники из других субъектов РФ, прибывающие на юг, не смогут «пережить» в пенитенциарных заведениях с более комфортными условиями. Много проблем связано с реализацией Федерального закона № 64-ФЗ от 6 апреля 2011 г. «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037), который позволяет осуществлять административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Отсутствие должного контроля со стороны полиции и существенного уголовного наказания за нарушение правил административного надзора, позволяет профессиональным преступникам, специализирующимся на совершении преступлений против собственности, бесконтрольно перемещаться по территории страны.

Необходима разработка виктимологических программ для отдыхающих, которые в силу беспечности, безответственности пренебрегают элементарными правилами и не заботятся о сохранности своего имущества. Вследствие этого, оставленные ими без присмотра фотоаппараты, видеокамеры, кошельки и т.д. имущество чаще всего становятся предметом хищения. Учитывая это, а также психологические особенности туристов, обстановку отдыха и развлечений, профессионализм мошенников, требуется разработка агитационных материалов и обучающих программ по предупреждению мошенничества.

Таким образом, изучение региональной преступности выявить и охарактеризовать ее качественные и количественные показатели, однако оно ограничивается только рассмотрением официальной статистической информации. Проводимые опросы, к сожалению, не поддерживаются государственным и муниципальным

финансированием, содержат несистематические и избирательные данные. Для оптимизации предупреждения преступлений необходима разработка федеральной либо региональной программы с целью определения уровня виктимности и результативности работы правоохранительных органов, как это делается в Европе и США.

Профилактические мероприятия, проводимые с целью пресечения, предотвращения преступлений требует систематизации законодательства с последующей консолидацией в кодексе о предупреждении преступности.

Представляется, что не только уголовное наказание и полицейские меры должны обеспечивать социальную справедливость. Во-первых, фундаментом профилактики преступлений должен стать традиционный уклад жизни, который может носить сдерживающий характер и нейтрализовать криминогенную мотивацию, во-вторых, программы религиозно-традиционного воспитания должны быть разработаны на региональном уровне и реализованы в образовательных программах дошкольных и школьных учебных заведений. Необходимо акцентировать внимание на традиционных нормах, регламентирующих межличностные отношения (отношение к несовершеннолетним, людям пенсионного возраста, к женщинам), отношения, связанные с собственностью и охраной природы, а нормы обычного права формализовать в законодательство региона при условии, что они не будут противоречить положениям Конституции РФ и федеральным законам.

Привлечение граждан и общественных организаций к охране общественного порядка показывает высокую результативность, о чем свидетельствуют результаты опросов. Поэтому необходимо дальнейшее развитие соответствующих региональных и муниципальных программ и увеличение их финансирования.

Литература

1. Забрянский Г.И. Тенденции и закономерности преступности в современной России (1992–2014 гг.) // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна. Сб. материалов XXVIII международной конференции: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В.Ю. Сморгуновой, Я.И. Гилинского, Н.А. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 151–156.
2. Чернов А.В. Криминогенная обстановка в Сибирском федеральном округе: опыт комплексной научной оценки. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2006. – 398 с.
3. Шоткинов С.А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири. СПб.: Юрид центр Пресс, 2004. – 222 с.
4. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Норма, 2001. – 496 с.
5. Бородин С.В. Борьбы с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1990. – 272 с.

6. Старков О.В. Предупреждение преступлений: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. — 284 с.
7. Вицин С.Е. Системный подход и преступность: учеб. пособие // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 138–156.
8. Кудрявцев В.Н. Преступность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М.: Проспект, 2007. — 176 с.
9. Burianek J. From Patience to Problems: the Czech Experience of the Transition // *Studies On Criminology. Charles University in Prague*. 2014. Pp. 17–35.
10. Hanslmaier M. Crime, fear and subjective well-being: How victimization and street crime affect fear and life satisfaction // *European Journal of Criminology*. 2013, vol. 10, no. 5, pp. 515–534.
11. Гилинский Я.И. Преступления против личности // «Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сб. статей. СПб.: Альфа-Пресс, 2013. С. 57–74.
12. Гольберт В. Внутренняя безопасность в различных социальных контекстах. Различные проблемы преступности в условиях позднего капитализма, реального социализма и постсоциализма. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. — 320 с.
13. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / под ред. К.К. Горянова. М.: Норма, 2008. — 272 с.
14. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 384 с.
15. Прохорова М.Л. Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: миф или реальность? // *Российский следователь*. 2012. № 23. С. 30–31.
16. Мацкевич И.М. Портреты знаменитых преступников. М.: ПолиграфОПТ, 2005. — 416 с.
17. Ситковский А.Л. Криминальная виктимизация в России: состояние и тенденции развития // *Российский следователь*. 2010. № 20. С. 26–33.
18. Гилинский Я.И. Социальное насилие: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — 185 с.

References

1. Zabryanskii G.I. Tendentsii i zakonomernosti prestupnosti v sovremennoi Rossii (1992–2014 gg.) [Trends and patterns of crime in modern Russia (1992–2014)]. In *Prestupnost' i sotsial'nyi kontrol' v obshchestve postmoderna // Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoi konferentsii v 2 ch. Ch. 1. Isaeva [Criminality and social control in the society of postmodern. Collected materials of the XXVIII international conference in 2 parts. Part 1]*. Ed. Smorgunovoi V.Yu., Gilinskiyi Ya.I., Isaev N.A. Sankt Petersburg: Alef-Press Publ., 2015. Pp. 151–156. (In Russian)
2. Chernov A.V. Kriminogennaya obstanovka v Sibirskom federal'nom okruge: opyt kompleksnoi nauchnoi otsenki [Criminogenic situation in the Siberian Federal District: the experience of a comprehensive scientific assessment]. Sankt Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. — 398 p. (In Russian)
3. Shotkinov S.A. Prestupnost' v krupnykh gorodakh Vostochnoi Sibiri [Crime in the major cities of Eastern Siberia]. Sankt Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 222 p. (In Russian)
4. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A.Ya. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opyt, problemy: monografiya [Criminological prevention: theory, experience, problems: monograph]. Moscow: Norma Publ., 2001. 496 p. (In Russian)
5. Borodin S.V. Bor'by s prestupnost'yu: teoreticheskaya model' kompleksnoi programmy / otv. red. V.N. Kudryavtsev. Moscow: Nauka Publ., 1990, 272 p. (In Russian)
6. Starkov O.V. Preduprezhdenie prestuplenii: uchebnoe posobie [Crime prevention: manual]. Moscow: Yurist Publ., 2005. 284 p. (In Russian)
7. Vitsin S.E. Sistemnyi podkhod i prestupnost': uchebnoe posobie [System approach and criminality: manual]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad [Russian Criminological Outlook]*. 2010, no 1, pp. 138–156. (In Russian)
8. Kudryavtsev V.N. Prestupnost' v kriminologii (O strukture individual'nogo prestupnogo povedeniya) [Crime in criminology (On the structure of individual criminal behavior)]. Moscow: Prospekt Publ., 2007. — 176 p. (In Russian)
9. Burianek J. From Patience to Problems: the Czech Experience of the Transition. *Studies On Criminology. Charles University in Prague*. 2014. Pp. 17–35.
10. Hanslmaier M. Crime, fear and subjective well-being: How victimization and street crime affect fear and life satisfaction. *European Journal of Criminology*. 2013, vol. 10, no. 5, pp. 515–534.

11. Gilinskii Ya.I. Prestupleniya protiv lichnosti [Crimes against the person]. In *Deviantnost', prestupnost' i sotsial'nyi kontrol' v «novom mire»*. Sbornik statei [Deviance, crime and social control in the "new world". Digest of articles] Sankt Petersburg, 2013. Pp. 57–74. (In Russian)
12. Gol'bert V. Vnutrennyaya bezopasnost' v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh. Razlichnye problemy prestupnosti v usloviyakh pozdnego kapitalizma, real'nogo sotsializma i postsotsializma [Internal security in various social contexts. Various problems of crime in the context of late capitalism, real socialism and post-socialism]. LAP LAMBERT Academic Publ., 2011. – 320 p. (In Russian)
13. Kondratyuk L.V., Ovchinskii V.S. Kriminologicheskoe izmerenie [Criminological dimension] Ed. Goriyanova K.K. Moscow: Norma Publ., 2008. – 272 s. (In Russian)
14. Prokhorova M.L. Narkotizm: ugovovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie [Narcotism: criminal and criminological study]. Sankt Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
15. Prokhorova M.L. Ugolovno-pravovaya politika protivodeistviya narkotizmu: mif ili real'nost'? [Criminal policy for counteraction to narcotism: a myth or a reality?] *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*, 2012, no 23, pp. 30–31. (In Russian)
16. Matskevich I.M. Portrety znamenitykh prestupnikov [Portraits of famous criminals]. Moscow: PoligrafOPT Publ., 2005. 416 p. (In Russian)
17. Sitkovskii A.L. Kriminal'naya viktimizatsiya v Rossii: sostoyanie i tendentsii razvitiya // *Rossiiskii sledovatel'*. 2010. № 20. S. 26–33. (In Russian)
18. Gilinskii Ya.I. Sotsial'noe nasilie: Monografiya [Social Violence: Monograph]. Sankt Petersburg: Alef-Press Publ., 2013. P. 146–147. (In Russian)

НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Петрянин Алексей Владимирович

Цель. Изучение современного состояния предупредительного воздействия на преступность, содержащую признаки экстремистской деятельности. Предупреждение преступности является одним из главных элементов криминологической науки и выступает в качестве основного инструмента противодействия преступности. Исследование и разработка направлений предупреждения преступности всегда были объектом научных исследований на различных этапах развития российской государственности. Однако существенная трансформация современного экстремизма неизбежно диктует необходимость разработки учения о предупреждении преступлений экстремистской направленности, выделения новых видов и форм такой деятельности, в том числе путем консолидации уже имеющихся и вновь разрабатываемых юридических, социологических, политических механизмов.

Методология: диалектика, абстракция, воображение, анализ, синтез, дедукция, исторический и формально-юридический методы.

Выводы. Во-первых, выявление и устранение причин преступлений экстремистской направленности является особым видом криминологической деятельности, принадлежащей, существующей и развивающейся в государственной политике в области борьбы с преступностью. Во-вторых, существующая система российского законодательства, отражающая правовую концепцию противодействия экстремизму, в целом обладает достаточно полным набором правовых мер, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с этим явлением и его профилактику. В-третьих, основными проблемами в области реализации имеющихся юридико-технических механизмов предупреждения преступлений экстремистской направленности являются: отсутствие законодательно закреплённой дефиниции «экстремизм»; пробельность и бланкетность антиэкстремистского законодательства; высокий уровень оценочных критериев. В-четвертых, решение выявленных проблем предупреждения экстремизма должно лежать в плоскости разработки и принятия национальной концепции противодействия экстремизму.

Научная и практическая значимость. Проведённое исследование позволяет дополнить знания о предупреждении преступлений экстремистской направленности. Сделанные выводы могут быть использованы в развитии как самостоятельного криминологического учения о предупреждении экстремизма, так и в законодательной, правоприменительной деятельности общих и специальных субъектов предупреждения преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, предупреждение, преступление, политика, криминология, законотворчество, правоприменение.

Предупреждение преступлений — это процесс выявления и устранения причин преступного поведения. Поэтому особая роль в данном виде криминологической деятельности принадлежит государственной политике в сфере противодействия общественно опасным экстремистским деяниям.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять адекватные этому явлению правовые действия по защите общества [1, с. 269]. Хотя современное состояние такого противодействия не позволяет

в полной мере защитить суверенитет государства от внешних угроз [2, с. 302]. Одной из причин этого стал развал ранее существовавшей эффективной системы предупреждения преступности, существовавшей в СССР [3, с. 24]. Сегодня государство пытается восполнить данный пробел, в том числе в рамках противодействия экстремизму. Полагаем, что такими шагами стали принятие Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (*Указ Президента Российской Федерации 28 ноября 2014 г. Пр-2753 // СПС «КонсультантПлюс»*) и образование Федерального агентства по делам национальностей. (*Указ Президента РФ от 31 марта 2015 г. № 168 // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2106*).

При этом необходимо помнить о том, что предупреждение — лишь один из инструментов борьбы с преступностью. Оно не является эффективным в случае отрыва от общеорганизационной и правоохранительной деятельности в ее карающем и правосстановительном аспектах [4, с. 10].

Учитывая, что предупреждение в качестве основной задачи преследует цель снижения уровня преступности, оно является универсальной и одновременно — функцией уголовной и неуголовной юстиции, а также частью общей системы социальной профилактики [5, с. 104].

В настоящее время существует достаточно большое количество нормативных правовых актов, прямо или косвенно направленных на предупреждение экстремизма. Особое значение имеет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (*СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031*), на чем хотелось бы сделать особый акцент, так как именно в нем определены основные направления такого противодействия, в частности: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих ее осуществлению, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В рамках Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации была предпринята попытка закрепить ряд дефиниций, характеризующих экстремизм (идеология экстремизма, проявления экстремизма, субъекты противодействия экстремизму, противодействие экстремизму), установить основные источники экстремизма, а также главные цели и задачи государственной политики в данной области. Не умаляя значение

данного документа, хотелось бы отметить ряд пробелов и противоречий, содержащихся в нем.

Основным пробелом и соответственно главной проблемой анализируемого нормативного правового акта, как и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», является отсутствие в нем основополагающего определения понятия «экстремизм», что ставит под сомнение содержание понятий, нашедших закрепление в разделе 1 «Стратегии», содержащем общие положения. Это указывает на то, что законодатель пока еще не разобрался в сущности экстремизма [6].

Анализ содержащихся в Стратегии понятий показал, что они имеют обобщенный характер, давая возможность при незначительной трансформации использовать и в иных стратегиях, направленных на борьбу с другими общественно опасными деяниями. Например, «противодействие экстремизму» понимается как деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма. Исключив из него однокоренные с экстремизмом слова, мы теряем его идею. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при его формировании использованы лишь общепризнанные инструменты предупреждения преступности в целом, ни один из которых не отражает особенностей экстремизма. То же касается и понятия «субъекты противодействия экстремизму». Следует также отметить использование в его определении неюридических терминов, существенно усложняющих понимание содержания этого нормативного правового акта. Например, словосочетание «радикальная идея», может толковаться как в позитивном, так и в негативном смысле. Имеются и другие замечания, в том числе указывающие на отсутствие четких рекомендаций в области межведомственного сотрудничества в борьбе с экстремизмом.

Исходя из этого, представляется, что на федеральном уровне должен быть принят более объемный нормативный правовой акт, исключающий пробелы и противоречия. По нашему мнению, таковым должна стать национальная концепция противодействия экстремизму, проект которой нами разработан и предложен на обсуждение научному сообществу.

Не менее значимой являлась федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма

в российском обществе» (2001–2005 годы)» (*Утв. постановлением Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 // СЗ РФ. 2001. № 36. Ст. 3577*). Ее заказчиком являлось Министерство образования РФ. Именно по этой причине основной акцент делался на молодое поколение России. В рамках реализации данной программы была проведена масса мероприятий. В частности, разработаны научно-методические основы профилактики экстремизма и формирования установок толерантного сознания. Созданы и внедрены социокультурные и образовательные технологии, направленные на снижение напряженности, основанной на политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной нетерпимости.

Итоги реализации программы отражены в отчете Министерства образования РФ Правительству РФ «О ходе реализации федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе»». В качестве основных выводов были отмечены следующие: наличие социальной напряженности, основанной на социально-экономических, этнических, культурных и межконфессиональных мотивах; обоснована необходимость формирования культуры переговоров, поиск компромиссов, а также вхождения России в международное правовое пространство противодействия экстремизму [7].

Особая роль в деле общей и специальной профилактики преступлений экстремистской направленности принадлежит Министерству внутренних дел РФ. Так, профилактика экстремизма является самостоятельным направлением работы органов внутренних дел. Это стало причиной создания Главного управления по противодействию экстремизму МВД России, с соответствующими территориальными подразделениями в субъектах РФ.

Таким образом, система российского законодательства, отражающая правовую концепцию противодействия экстремизму, в целом обладает набором правовых и организационных мер, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с этим явлением и его профилактику. Однако имеющийся потенциал правового противодействия экстремизму не всегда используется в полной мере в силу недостаточной эффективности правоприменительной деятельности, а также в связи с существующими пробелами в законодательном регулировании рассматриваемого вопроса [8, 9]. Качественно разработанная нормативно-правовая база является важнейшим условием эффективности предупреждения преступлений [10, с. 47]. Учитывая всеобъемлющий характер современного

российского антиэкстремистского законодательства, мы задались вопросом об его эффективности. В связи с этим был проведен опрос среди лиц, непосредственно связанных с противодействием экстремизму (судей, сотрудников прокуратуры, Следственного комитета РФ, органов внутренних дел), которым задан вопрос: «*Является ли, по вашему мнению, современное антиэкстремистское законодательство эффективным инструментом противодействия экстремизму?*» Основная масса респондентов (81,5%) оценила законодательство в рассматриваемой сфере как неэффективное. В качестве основных причин были названы: его пробельность (54,7%); высокий уровень бланкетности (26,3%); высокий уровень оценочных критериев (15,1%); противоречия и разночтения анализируемых нормативных правовых актов (3,9%). Проведенный анализ мер предупреждения экстремизма показал, что основная их масса нуждается в совершенствовании.

По нашему мнению, что для устранения ряда причин неэффективности антиэкстремистского законодательства целесообразно обратиться в том числе и к достижениям доктрины в данной области.

В науке предупреждение преступлений экстремистской направленности должно рассматриваться многоаспектно, в том числе с учетом уровня профилактической деятельности. Поэтому С.Н. Поминов предлагает трактовать предупреждение экстремизма в широком и узком смысле. Широкое понимание этого процесса предполагает наличие системы мер, направленных на преодоление субъективных и объективных предпосылок возникновения экстремизма, реализуемых путем целенаправленной деятельности по устранению или уменьшению факторов, способствующих существованию экстремизма. В узком смысле – это деятельность, направленная на нейтрализацию различных форм проявления экстремизма путем выявления и устранения причин преступлений экстремистской направленности, а также условий, способствующих их совершению, и оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением [11, с. 13].

Предлагаемые уровни противодействия заслуживают внимания, однако в соответствующих трактовках имеются, на наш взгляд, спорные моменты. В частности, к их числу следует отнести и виктимологическое направление, которое тоже должно рассматриваться как элемент индивидуального предупреждения исследуемой группы деяний.

Особое внимание в рамках предупреждения преступлений экстремистской направленности

целесообразно уделять мерам общесоциального и специального предупреждения.

Общесоциальное предупреждение преступности в современной криминологии рассматривается как осуществление мер политического, идеологического, экономического и правового характера, непосредственно не ставящих перед собой специальных задач по борьбе с преступностью и предупреждению преступлений и правонарушений, но в целом направленных на создание благоприятных условий для существования общества [12, с. 98], влекущих за собой сокращение числа преступлений.

Объектом общесоциального предупреждения преступлений выступают причины и условия, порождающие противоречия в сферах экономических, политических, межнациональных и межконфессиональных отношений [13, с. 28–29]. Эти причины и являются основными в противоправном поведении, в том числе и экстремистской направленности. На наш взгляд, права Ю.В. Маркова, считающая, что даже частичное решение таких противоречий может привести не только к снижению социальной напряженности и преступности, но также и к стабилизации криминологической ситуации в целом [12, с. 97].

Учитывая значение общесоциального предупреждения, следует отметить необходимость сосредоточения внимания общества и государства главным образом на экономической поддержке лиц, потенциально способных стать как подверженными экстремистской идеологии, так и жертвами преступлений экстремистской направленности. При этом данные преобразования в первую очередь должны проводиться в семейно-бытовой, образовательной и социальной сферах [14, с. 29], наиболее значимых для любого члена нашего общества, вне зависимости от иных ценностных ориентаций, таких как религия, политика и т.п.

Претерпевание индивидами недостатка в объеме и качестве вышеуказанных сфер влечет за собой формирование негативного отношения к учебе, труду, к базовым ценностям общества, что и является основной причиной криминализации личности, в том числе экстремистской направленности.

В настоящее время в доктрине существуют различные подходы, определяющих рассматриваемое нами направление. Обобщив их, можно сделать вывод, что общая профилактика экстремизма должна быть основана на мерах социально-экономического, политического, культурно-воспитательного, правового, информационного

и идеологического характера [1, с. 279; 12, с. 103; 15, с. 123; 16; 17; 18, с. 12; 19, с. 358–359].

Полагаем, что все указанное выше должно находить отражение в организации жизнедеятельности общества и государства в целом в виде социально-политических и социально-экономических программ развития.

Представляется очевидным, что в качестве отдельного направления предупреждения преступлений экстремистской направленности необходимо выделить миграционную политику. Учитывая, что мигранты могут оказаться как преступниками, так и жертвами, требуется усилить контроль за их потоками. По мнению В.Е. Петрищева, этого можно достичь путем: 1) обоснованного определения квот мигрантов; 2) четкого планирования расселения, размещения и трудоустройства мигрантов; 3) научно обоснованной их адаптации к новым условиям; 4) усиления мер борьбы с незаконной миграцией [20, с. 236].

Противодействие экстремизму предполагает постоянный мониторинг этого негативного социального явления (изучение состояния, структуры и динамики), анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности, разработку мер профилактики, а также изучение свойств личности преступников и потерпевших [21]. Особую роль в предупреждении экстремизма может и должна сыграть общегосударственная идеология, направленная на сплочение общества и государства, на достижение общественно полезных целей, одной из которых будет являться нетерпимость со стороны всех членов общества к преступному поведению в целом и к экстремизму в частности.

Как показал опыт Советского государства, предлагаемый инструмент является сверхэффективным и востребованным в настоящее время, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами интервьюирования. На вопрос: «*Нужна ли в России общенациональная идея (идеология), затрагивающая интересы каждого индивидуума?*» 77,2% респондентов ответили: «Да»; 14,6% высказали сомнения в ее востребованности и необходимости, но не дали однозначного отрицательного ответа; 8,2% не считают целесообразным внедрение и поддержание общегосударственной идеологии.

Полученные результаты свидетельствуют о потребности современного общества в сплочении и о желании вести продуктивный диалог с властью при условии осознания его совместной востребованности. Актуальность данного направления постоянно озвучивается и первыми лицами нашего государства. В частности, Президент РФ В.В. Пу-

тин в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации постоянно заявляет о необходимости усиления чувства патриотизма и сплочения нации (*официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/выступления/17118> (дата обращения: 20.12.2012); официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 27.12.2013); официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173> (дата обращения: 29.12.2014)*). Учитывая, что повышение уровня патриотизма сегодня является одной из главенствующих государственных задач, в том числе и в борьбе с экстремизмом [22], была принята федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 годы (*Утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 // СЗ РФ. 2014. № 8 (ч. 2) Ст. 2163*). Весьма интересен выбранный подход к определению ее результативности. В частности, в качестве соответствующих индикаторов указаны: состояние межнациональных отношений, формирующееся на основе общественного мнения; уровень толерантности; наличие соответствующих региональных программ и др.

В указанной программе четко определены и ее ожидаемые результаты; в частности: повышение уровня толерантности до 85%, а также достижение 65% от общего числа граждан, рассматривающих существующие межнациональные отношения как положительные.

Не отрицая ее значимости в области противодействия экстремизму, заметим, что достижение поставленных целей должно быть тесно связано с идеологической составляющей, исходящей от политических лидеров страны. В этой связи следует согласиться с мнением К.Е. Игошева, Т.Г. Гасанкадиева и Д.В. Бойкова, отмечающих, что идеология является одним из основных инструментов, обеспечивающих общую направленность всей системы профилактической деятельности, в том числе и в вопросах противодействия экстремизму [23, с. 39; 24].

Осознавая это, в настоящее время государство пытается возродить данный институт через призму реализуемых политико-социальных проектов. Примером может служить общественное движение «Общероссийский народный фронт» (*URL: <http://narodfront.ru/docs/about/goals.html> (дата обращения: 29.12.2014)*). В Декларации об его образовании говорится о непосредственной связи с существующей властью в лице В.В. Пу-

тина и Д.А. Медведева (*URL: <http://narodfront.ru/docs/about/declaration.html> (дата обращения: 29.12.2014)*).

Учитывая цели и принципы этого движения, а также содержание его основного лозунга «Мы верим в нашу победу, в победу России», можно констатировать, что в современной России как властью, так и обществом осознана востребованность в реализации общегосударственной идеологии во всех сферах жизни общества и государства. Общественно полезная идеология повлекла за собой возникновение принципиально нового этапа развития российской государственности. Сторонниками данного общественного движения выдвинут и лидер – В.В. Путин, авторитет которого неоспорим и поддерживается основной массой населения России.

Полагаем, что это существенно укрепляет позиции созданной организации, влияет на увеличение числа ее членов, и будет являться эффективным инструментом решения общегосударственных задач, а также предупреждения преступлений, в том числе и экстремистской направленности.

Представляется, что все это способно позитивно повлиять на рост доверия общества и государству, так как существующие сегодня условия реализации права являются непосильными для основной массы населения, организационно и технически невыполнимыми [25, с. 32].

Важнейшим субъектом профилактики преступлений экстремистской направленности должны быть и средства массовой информации. Повышенная информатизация современного общества ставит их вне конкуренции, например, с публичными выступлениями, печатной литературой и другими способами обмена информацией. Ни у кого не вызывает сомнения, что они выступают в качестве эффективного инструмента формирования общественного сознания и широко используются для достижения политических, национальных, экономических и иных целей. Причем в зависимости от стоящих задач оказываемое влияние может быть как положительным, так и отрицательным, о чем свидетельствует вся мировая практика.

По нашему мнению, для профилактики негативного воздействия средств массовой информации на общественное мнение и в целях снижения уровня экстремизации общества целесообразно внедрение цензуры, субъектами которой должны стать представители государственных и общественных организаций. При этом особое внимание необходимо уделять электронным ресурсам.

Как известно, основная масса преступлений экстремистской направленности совершается путем размещения в Интернете материалов, содержащих призывы к совершению деяний, исключительно основанных на мотивации нетерпимости по признаку расы, национальности, религии и т. п. В этой связи Ю.Д. Денисов предлагает на законодательном уровне упростить процедуру ограничения доступа к интернет-сайтам противоправного толка, например, путем направления в адрес провайдеров актов прокурорского реагирования (представлений) с приложением заключений соответствующих специалистов и информации органов внутренних дел либо ФСБ, в которых обосновывалась бы необходимость ограничения доступа к конкретным сайтам, исходя из специфики представленной в них информации [26]. Полагаем, что это и стало причиной принятия соответствующей нормы, предусматривающей возможность немедленной блокировки сайтов, содержащих призывы к массовым беспорядкам и иную экстремистскую информацию (*Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6963*). Кроме активного межведомственного взаимодействия правоохранительных органов [27], представляется также целесообразным шире использовать активность гражданского общества

путем создания «горячей линии» для сообщений о фактах размещения информации экстремистского характера [28, с. 263], так как ограничение доступа к конкретным сайтам не гарантирует того, что эти экстремистские материалы не появятся на других ресурсах с частично измененным названием [29, с. 277]. Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости принятия специального законодательства, регламентирующего ответственность за размещение экстремистских материалов в Интернете.

Завершая рассмотрение мер общей профилактики экстремизма, следует констатировать, что успех может быть достигнут только в случае реализации системного подхода. Учитывая разноплановость современного экстремизма и постоянную его трансформацию и мутацию, система противодействия ему должна, с нашей точки зрения, эффективная система может быть создана путем решения существующих организационных, правовых проблем, а также проблем взаимодействия субъектов предупреждения экстремизма.

Все указанные выше меры должны носить комплексный характер и быть ориентированы на пресечение экстремистских действий с помощью не только уголовно-правовых, но и иных предупредительно-профилактических мер. При этом нельзя забывать, что ужесточение ответственности за экстремизм может быть целью законодателя, но не единственной или основной [30].

Литература

1. Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Душанбе, 2009. — 347 с.
2. Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. К вопросу о понятии финансовой преступности // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 302–308.
3. Ястребов В.Б. Шаги на пути возрождения системы предупреждения преступлений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 24–27.
4. Долгова А.И. Причинные комплексы организованной преступности и терроризма, направления государственной политики их предупреждения // Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 10–16.
5. Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. — 140 с.
6. Вайле С.П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 59–62.
7. Толерантность против ксенофобии / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М., 2005. — 188 с.
8. Певцова Е.А. Экстремистские проявления в поведении молодежи в период правовых реформ и кризисных явлений в государстве: проблемы профилактики // Российская юстиция. 2009. № 7. С. 13–22.
9. Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи: монография. М.: Канцлер, 2012. — 320 с.
10. Жалинский А.Э. Условия эффективности профилактики преступлений. М., 1978. — 152 с.

11. Поминов С.Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 22 с.
12. Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. – 208 с.
13. Старков О.В. Предупреждение преступлений: учеб. пособие. М., 2005. – 284 с.
14. Сиоридзе А.Т. Групповой молодежный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 31 с.
15. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм / под ред. Р.А. Адельханяна. М.: Триада ЛТД, 2005. – 196 с.
16. Скудин А.С. Предупреждение экстремистской деятельности // Российский следователь. 2010. № 18. С. 35–37
17. Варанкина Ю.С., Ларичев В.Д., Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму. М.: Юрлитинформ, 2012. – 160 с.
18. Ещенко С.А. Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // Общество и право. 2009. № 2. С. 20–22.
19. Павлинов А.В. Современные проблемы борьбы с экстремизмом в России // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. С. 353–360.
20. Петрищев В.Е. Некоторые проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 324–337.
21. Ещенко С.А. Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // Общество и право. 2009. № 2. С. 11–15.
22. Талынев В.Е., Якушин В.В. Патриотизм как основа противодействия экстремизму // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 6–8. С. 26–31.
23. Игошев К.Е. Социальный контроль и профилактика преступлений: учеб. пособие. Горький, 1976. – 91 с.
24. Гасанкадиев Т.Г., Бойко Д.В. Противодействие экстремизму как одно из направлений правоприменительной политики современной России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 10–14.
25. Баранов В.М. Идея законопроекта // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–39.
26. Денисов Ю.Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. 2009. № 6. С. 3–5.
27. Баранов Ю.А. Об опыте межведомственного взаимодействия и профилактике экстремизма. Авторский материал прокурора Ростовской области Ю.А. Баранова // Прокурор. 2014. № 1. С. 48–51.
28. Кесарева Т.П. Экстремизм в сети Интернет и проблемы противодействия ему // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 256–264.
29. Авдеев Д.Е. Практика прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму в сети Интернет // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. С. 274–277.
30. Мацкевич И.М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

References

1. Nazirov D. Problemy terrorizma, religioznogo ekstremizma i puti ikh preodoleniya: dis. ... d-ra filos. nauk. [Problems of terrorism, religious extremism and ways to overcome them. Diss... doctor of philos. sciences]. Dushanbe, 2009. 347 p. (In Russian)
2. Kruglikov L.L., Lapshin V.F. K voprosu o ponyatii finansovoi prestupnosti [To the question of the concept of financial crime]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad [Russian Criminological Outlook]*, 2009, no. 2, pp. 302–308. (In Russian, abstract in English)
3. Yastrebov V.B. Shagi na puti vrozhdeniya sistemy preduprezhdeniya prestuplenii [Steps towards the revival of the crime prevention system]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad [Russian Criminological Outlook]*, 2012, no. 3, pp. 24–27. (In Russian, abstract in English)

4. Dolgova A.I. Prichinnye kompleksy organizovannoi prestupnosti i terrorizma, napravleniya gosudarstvennoi politiki ikh preduprezhdeniya [Causal complexes of organized crime and terrorism, directions of state policy for their prevention]. In *Profilakticheskaya deyatel'nost' gosudarstva kak odno iz osnovnykh sredstv sderzhivaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Preventive activity of the state as one of the main means of containing crime in the Russian Federation. Materials of the international scientific-practical conference]. Moscow: VNII MVD Rossii publ., 2006. pp. 10–16. (In Russian)
5. Vitsin S.E. Sistemnyi podkhod i prestupnost' [Systemic approach and crime. Moscow: Publishing House of the Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii MVD SSSR Publ., 1980. 140 p. (In Russian)
6. Vaile S.P. Ekstremizm v sovremennoi Rossii: tendentsii i perspektivy [Extremism in Modern Russia: Trends and Prospects]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no.1 (19), pp. 59–62. (In Russian, abstract in English)
7. Tolerantnost' protiv ksenofobii [Tolerance against xenophobia]. Ed. V.I. Mukomelya, E.A. Paina. Moscow, 2005. 188 p. (In Russian)
8. Pevtsova E.A. Ekstremistskie proyavleniya v povedenii molodezhi v period pravovykh reform i krizisnykh yavlenii v gosudarstve: problemy profilaktiki [Extremist manifestations in the behavior of young people during the period of legal reforms and crisis phenomena in the state: prevention problems]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2009, no. 7. pp. 13–22. (In Russian, abstract in English)
9. Pevtsova E.A. Teoretiko-pravovye osnovy preodoleniya pravovogo nigilizma i formirovaniya pravovoi kul'tury detei i molodezhi [Teoretiko-legal bases of overcoming of legal nihilism and formation of legal culture of children and youth]. Moscow, Kantsler Publ., 2012. – 320 p. (In Russian)
10. Zhalinskii A.E. Usloviya effektivnosti profilaktiki prestuplenii [Conditions for the effectiveness of crime prevention]. Moscow, 1978. 152 p. (In Russian)
11. Pominov S.N. Organizatsiya deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sfere protivodeistviya proyavleniyam religioznogo ekstremizma: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Organization of the activity of law enforcement bodies in the sphere of counteraction to manifestations of religious extremism: the author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences]. Moscow, 2007. 22 p. (In Russian)
12. Markova Yu.V. Preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh gruppami nesovershennoletnikh ekstremistskoi napravlenosti: dis. ... kand. yurid. nauk [Prevention of crimes committed by groups of minors of extremist orientation: dis. ... cand. jurid. sciences]. Nizhny Novgorod, 2008. 208 p. (In Russian)
13. Starkov O.V. Preduprezhdenie prestuplenii: ucheb. Posobie [Crime Prevention: manual]. Moscow, 2005. 284 p. (In Russian)
14. Sioridze A.T. Gruppovoi molodezhnyi ekstremizm (kriminologicheskoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Group youth extremism (criminological research): the author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences]. Moscow, 2007. 31 p. (In Russian)
15. Aminov D.I., Oganyan R.E. Molodezhnyi ekstremizm [Youth extremism] Ed. R.A. Adel'khanyan. Moscow, Triada LTD Publ., 2005. 196 p. (In Russian)
16. Skudin A.S. Preduprezhdenie ekstremistskoi deyatel'nosti [Prevention of extremist activity]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator]. 2010, no. 18, pp. 35–37. (In Russian, abstract in English)
17. Varankina Yu.S., Larichev V.D., Skudin A.S. Pravovye mery protivodeistviya ekstremizmu [Legal measures to counter extremism]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 160 p. (In Russian)
18. Eshchenko S.A. Mery protivodeistviya proyavleniyu ekstremizma v Rossii: postanovka problemy [Measures to counteract the manifestation of extremism in Russia: the formulation of the problem]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2009, no. 2, pp. 20–22. (In Russian, abstract in English)
19. Pavlinov A.V. Sovremennye problemy bor'by s ekstremizmom v Rossii [Modern problems of combating extremism in Russia]. In *Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Extremism: social, legal and criminological problems]. Ed. A. I. Dolgova. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ., 2010, pp. 353–360. (In Russian)
20. Petrishchev V.E. Nekotorye problemy protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii [Some Problems of Countering Extremism in the Russian Federation]. In *Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Extremism: social, legal and criminological problems]. Ed. A. I. Dolgova. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ., 2010, pp. 324–337. (In Russian)

21. Eshchenko S.A. Mery protivodeistviya proyavleniyu ekstremizma v Rossii: postanovka problemy [Measures to counteract the manifestation of extremism in Russia: the formulation of the problem]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2009, no. 2, pp. 11–15. (In Russian, abstract in English)
22. Talynev V.E., Yakushin V.V. Patriotizm kak osnova protivodeistviya ekstremizmu [Patriotism as the basis of counteraction to extremism]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki [Theoretical and applied aspects of modern science]*, 2015, no. 6–8, pp. 26–31. (In Russian, abstract in English)
23. Igoshev K.E. Sotsial'nyi kontrol' i profilaktika prestuplenii: uchebnoe posobie [Social control and crime prevention: a manual]. Gor'kii, 1976. 91 p. (In Russian)
24. Gasankadiev T.G., Boiko D.V. Protivodeistvie ekstremizmu kak odno iz napravlenii pravoprimitel'noi politiki sovremennoi Rossii [Counteraction to extremism as one of the directions of the law-enforcement policy of modern Russia]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2015, no. 1 (32), pp. 10–14. (In Russian, abstract in English)
25. Baranov V.M. Ideya zakonoproekta [The idea the draft law]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal technics]*, 2007, no. 1, pp. 28–39. (In Russian, abstract in English)
26. Denisov Yu.D. Protivodeistvie ekstremizmu v seti Internet [Counteraction to extremism in the Internet]. *Zakonnost' [Legitimacy]*, 2009, no. 6. pp. 3–5. (In Russian, abstract in English)
27. Baranov Yu.A. Ob opyte mezhvedomstvennogo vzaimodeistviya i profilaktike ekstremizma. Avtorskii material prokurora Rostovskoi oblasti Yu. A. Baranova [On the experience of interdepartmental interaction and the prevention of extremism. Author's material of the prosecutor of the Rostov region Yu. A. Baranova]. *Prokuror [Prosecutor]*, 2014, no. 1, pp. 48–51. (In Russian, abstract in English)
28. Kesareva T.P. Ekstremizm v seti Internet i problemy protivodeistviya emu [Extremism in the Internet and the problems of countering it]. In *Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy [Extremism: social, legal and criminological problems]*. Ed. A. I. Dolgova. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ., 2010, pp. 256–264. (In Russian)
29. Avdeev D.E. Praktika prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o protivodeistvii ekstremizmu v seti Internet [The practice of prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremism in the Internet] In *Ekstremizm: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy [Extremism: social, legal and criminological problems]*. Ed. A. I. Dolgova. Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ., 2010, pp. 274–277. (In Russian)
30. Matskevich I.M. O predlozheniyakh, napravlennykh na dal'neishee sovershenstvovanie zakonodatel'stva ob ekstremizme [On proposals aimed at further improving the legislation on extremism]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Juridical Education and Science]*, 2014, no. 2, pp. 3–5. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА О НРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Шестаков Дмитрий Анатольевич

Цель. Обратить внимание на связь между религиозно-нравственным развитием и желательным целеполаганием в области противодействия преступности.

Методология: диалектика, исторический и формально-юридический методы.

Выводы. Нравственность связана с религиозным сознанием, в котором есть развитие. Бог постепенно расширяет свободу человека: от возмездия к освобождению творческих сил. Развитие противодействия преступности должно следовать за нравственно продвинутой частью народа, а никак не за его большинством, которому обычно присущ карательный азарт.

Научная и практическая значимость. В статье содержатся теоретические предпосылки для разработки модели единого законодательства о противодействии преступности, а также кодекса о предупреждении преступлений и мерах безопасности.

Ключевые слова: преступноведение, индуизм, буддизм, иудаизм, христианство, ислам, преступление, наказание.

Узловая остановка. На пути от смыслового (семантического) понятия преступности через возникновение преступноведческих отраслей и, в конечном счете, к модели единого законодательства о противодействии преступности важна узловая остановка, на которой обсуждаются цели как противодействия преступности в целом, так и уголовного наказания, в частности. Закономерно в 2011 г. прозвучавший призыв начать работу над кодексом о предупреждении преступлений и мерах безопасности наконец-то подхвачен и теперь обсуждается. Жаль, конечно, что сейчас этот призыв многими, рассуждающими о нем, случается, отрывается от более общего положения о грядущем праве противодействия преступности. Ну да что поделаешь? Так бывает. Обуженный, обкромсанный разговор о «криминологическом кодексе» все равно полезен.

Однако каков кодекс без поставленной перед ним цели? Мыслимо ли закладывать в него целеполагание без учета целей, которые следует поставить перед подлежащей совершенствованию политикой противодействия преступности? И достаточно ли выводить большие и малые, общие

и частные цели в нашей преступноведческой области из сугубо человеческих отношений? Вопрос о «целях» уголовного наказания основательно разработан профессором Н.А. Беляевым [1], под началом которого автор этих строк имел честь многие годы работать на кафедре уголовного права СПбГУ (тогда ЛГУ) и у которого многому научился. Нельзя не учитывать проделанной им и другими учеными работы, хотя конечные мои выводы о том, каковы в сегодняшнем мире должны быть «цели» (точнее, функции) уголовного наказания, с выводами Н. А. Беляева существенно расходятся.

Представляется, что целеполагание в отношении к противодействию преступному поведению и преступности необходимо увязать с нравственностью. А подлинная нравственность привязана не к общественному мнению, а к высшему разуму, свет которого проливается из религиозного и философского сознания – от древнего золотого правила нравственности: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе», – до «категорического императива» И. Канта, предписывающего человеку «поступать так, чтобы

максима его поведения на основе его воли могла стать общим естественным законом» [2].

Л. Толстой, рассуждая устами одного из своих литературных героев о нравственности, связывал ее шаткость с отрывом человека от божественного начала: «Совести в нашем быту нет никакой, кроме ... совести общественного мнения и уголовного закона» [3, с. 308]. Скажут, Толстой – писатель, ему дозволено говорить о воле Всевышнего, мы же с вами занимаемся, дескать, ученым делом. Но вот прапрадед моей прабабушки, известнейший представитель точных наук, в одном из писем к обучаемой им немецкой принцессе признавал: «Над нами властна только наша душа, между тем как власть Бога простирается на всю вселенную и на все, что мы не можем постичь» [4, с. 172]. Обопрусь на мнение старших.

Божеское и человеческое. Вообще говоря, сакральная постановка вопроса в преступноведении – главенствующая. Ибо упершийся взглядом в землю, тонущий в бесконечных проблемах своего материального бытия человек в конечном итоге разрушает и себя самого, и свою страну, и планету Земля в целом. Обращенность же в звездную бесконечность Неба отвращает от большого и мелкого зла, вселяет надежду на спасение [5, с. 33].

На планете, увы, возрастает поклонение «золотому тельцу», расплозаясь по всему свету идеология потребления и так называемая массовая культура, разрушается окружающая природа, и все эти криминогенные и процессы связаны с отчужденностью преобладающей части населения от духовных ценностей. Но человек имеет шанс приобщиться к поиску высшего смысла жизни и своего предназначения. Сегодня преступноведение в известной мере способно объяснить, почему люди совершают преступления, но в этой науке поставлен и другой вопрос, а именно: почему люди (многие из людей) преступлений не совершают? Ответ и на него можно найти в сфере отношения человека к Богу [6]. Не связано ли разнообразие религий с тем, что на Земле они, быть может, рождаются из возникающего у разных народов чувства Бога, желания Его понять и к Нему приблизиться? Иногда получить от Него поддержку? В религии есть стремление снизу вверх? От многообразных народов ввысь? Надеюсь, что в этих словах нет ничего кощунственного.

И.М. Рагимов пишет, что «нравственные нормы сливаются с религией и получают Божественную санкцию», «идея Божьего наказания фундаментально повлияла на уголовно-правовое представление о наказании» [7]. Совершен-

но верно. Добавим к сказанному лишь то, что как и в нравственности, в религиозном сознании есть развитие. Еще говорят, что Бог постепенно расширяет свободу человека: от Божественного подавления (иудаизм, ислам) к Божественному освобождению творческих сил (буддизм, христианство). Буддизм и христианство открывают человеку, который ответствен за свои поступки, сложнейший путь, выражаясь языком Ф.М. Достоевского, от «твари дрожащей» до творца. К грядущему образцу нравственности, ее идеалу? Рискованный путь, с которого легко сбиться на греховную тропу.

Кара вершится не только в загробной жизни грешника непосредственно Всевышним, но уже и на земле исходит из рук человеческих. Религиозно-нравственное отношение к ней развивается в разных странах и у разных групп верующих не одновременно. Обратимся к наиболее значимым верованиям. Признанный специалист в области уголовного права профессор А.В. Наумов связывает истоки философского учения о наказании с религией, поскольку первые попытки решения поставленной проблемы обнаруживаются именно в религиозных источниках [8, с. 543].

Индуизм. Индуизм (хинду-дхарма) берет начало в глубине веков, его история прослеживается по меньшей мере вплоть до III тысячелетия до н.э., когда на землю Индии с севера вместе с арийскими народами пришли священные писания – «Веды». Ведическая религия смешалась с местными верованиями и культурами. Однако не только «Веды» относятся к священным писаниям индуизма, но и многочисленные дополнения к ним – «Пураны», «Махабхарата» и др. «Бхагавадгита», входящая в состав «Махабхараты», признается в качестве самого авторитетного и краткого изложения сути ведического знания. Индуизм фактически не является единой религией, а представляет собой совокупность взаимопроникающих разнообразных местных индийских верований. Главные божества в индуизме – Брахма, Вишну и Шива – воплощены в тройственном образе Тримурти.

В этой религии существует понятие о единой божественной силе, частями или проявлениями которой являются все божества. Конечная цель – единение или слияние с этой Божественностью. Данная цель достигается разными путями: добросовестным исполнением своего долга, йогой и медитацией, поклонением Богу или любовью к Нему. Индуисты верят в реинкарнацию (перерождение в новом теле после смерти) и карму (воздаяние за поступки) [9, с. 307–369].

В древнеиндийском законодательстве переплетены правовые и религиозные нормы, в них нет четкого различия преступлений и грехов. В его формировании важная роль принадлежит «Артхашастре» – трактату по вопросам управления государством, появившемуся в IV в. до н.э.), дополнявшемуся и перерабатывавшемуся вплоть до III в. Известны различные источники права: Законы Ману (II в. до н.э. – II в. н.э.), Джнавальякьясмрити (II–III вв.), Нарадасмрити (III–IV вв.).

В качестве видов наказания предусматривались штраф, телесное наказание, смертная казнь, включая квалифицированные ее виды, тюремное заключение. Великими грехами признавались убийство брахмана, пьянство, кража, прелюбодеяние с женой гуру (учителя), а также сообщество с таким грешником. Они влекли за собой объявление нечистоты виновного и необходимость тяжкого искупления [10, с. 549–542]. Считалось, что наказание в этой жизни освобождает человека от дурных последствий его преступления в будущем воплощении [10, с. 127].

И.М. Рагимов приводит выдержку из Законов Ману: «Наказание правит всеми людьми, наказание же охраняет... Если бы царь не налагал неустанно наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле». Он приходит к выводу, что наказание, в особенности лишение жизни, понимается в индуизме как могучее средство, необходимое для поддержания порядка, справедливости и спокойствия [7].

Ознакомление с литературными источниками позволяет при разнообразии древнеиндийского законодательства, отличающегося в индийском пространстве и во времени, заметить некоторые его черты, относящиеся к наказанию за грехи-преступления. Наказание является источником дохода царской власти и высшей касты – брахманов. Оно особо охраняет ту и других, устраняя опасных для них преступников и устрашая тех, кто склонен к преступлению. В самые древнейшие времена наказание служило также укреплению материального положения не только брахманов, но и потерпевших из нижеположенных каст. В наказании, основанном на индуизме, едва ли можно усмотреть равное воздаяние злом за зло. Искупление в виде штрафов обычно значительно превышало причиненный ущерб. Смертная казнь в виде повешения предусматривалась в «Артхашастре», в частности, за распространение ложных слухов, кражу со взломом, похищение царских слонов или коней [9, с. 128].

Буддизм. Буддизм, знаменующий развитие в стремлении человека к познанию Бога, возник

тоже в древней Индии. Он явился в лице Шакьямуни Будды – просветленного, пробужденного – с 563 по 483 г. до н.э. и его последователей. Шакьямуни проповедовал в течение 40 лет, оставив после себя лишь устное наследие. Буддисты верят, что достичь просветления можно благодаря бесконечной энергии Вселенной. Они не признают Бога-творца. Для них каждый человек – это и есть часть божества. Каждый просветленный может подняться до уровня «Будда».

Как отмечал Ф. Ницше, буддизм «не говорит более «борьба с грехом», а, вполне признавая право действительности, «борьба со страданием»... он уже оставил за собою самообман моральных понятий, он стоит... по ту сторону добра и зла... ни от чего так не обороняется, как от чувства мести» [11, с. 37, 39].

Прежде буддист должен постичь природу страдания, происхождение его; суть прекращения страдания и устранения его источников; путь к прекращению страдания. Это восьмеричный путь достижения внутреннего спокойствия. Он предполагает погружение в трансцендентную медитацию, обретение мудрости и просветления.

Буддисты стремятся к очищению замутненных состояний ума: злости, страха, невежества, эгоизма, лени, ревности, зависти, жадности, раздражения и др. Буддизм возвращает чистые и благотворные качества: доброту, щедрость, благодарность, сострадание, трудолюбие, мудрость... Буддийская нравственность построена на несовершенности вреда и на умеренности. В ней совсем нет места возмездию, каре. Рассуждая о буддизме и наказании, профессор Рагимов заключает, что эта религия среди других мировых религий выделяется более высоким человеколюбием и нравственностью [7].

Иудаизм. Согласно вере еврейского народа Бог на горе Синай передал пророку Моисею, жившему предположительно между XII–XVI веками до н.э., вероучение. Всевышнему было угодно разделить его на письменную (Тора) и, более доверительную, устную (Талмуд) составляющие. Тора вошла в библейский Ветхий Завет в виде «Книги Закона Моисеева».

Талмуд раскрывает и дополняет Тору. Его называют также Торой устной. Он представляет собой собрание дискуссий мудрецов-законодателей по различным вопросам права и религиозной практики, из которых выводится еврейское законодательство – Галаха. Существует мнение: Талмуд – душа иудея. Устная Тора обладает приоритетом перед Торой письменной [12, с. 9–61].

После многовекового сохранения устной Торы в тайне она в конечном итоге все же была изло-

жена на бумаге. Талмуд существует в нескольких исторических изданиях, каждое из которых имеет свои особенности и не отменяет более ранние варианты. Это, во-первых, два основных массива – Иерусалимский Талмуд (IV в.) и Вавилонский Талмуд (V в.). Во-вторых, три сборника основных правил, взятых из Талмуда, – кодекс Маймонида (XII в.), кодекс Якова Ашера (XIII в.) и кодекс Иосифа Каро (XVI в.), известный также как «Шульхан Арух» (или «Шулхан Арух»). Есть еще «Кицур Шульхан Арух» – сокращенное изложение кодекса «Шульхан Арух», которое раввин Соломон бен-Иосиф Ганцфрид издал в середине XIX века. На необходимость преступновиведческого осмысления правил и общей направленности Талмуда обратил внимание О.В. Лукичев в содержательном выступлении 14 февраля 2003 г. на одном из заседаний Санкт-Петербургского международного криминологического клуба [13, с. 16].

Иудаизм утверждает действовавшее уже в языке правило возмездия (*jus talionis*). Право на равное воздаяние злом за зло воспроизводится в Ветхом завете: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (Левит, 24, 20; Исход, 21, 24; Второзаконие, 19, 21). Как и во всяком древнем законодательстве, у иудеев применялись помимо прочего чрезвычайно жестокие, в свете сегодняшней нравственности, виды наказания, такие, например, как смертная казнь путем побивания камнями, сожжение и т.д.

В обширной литературе обращается внимание на некую особенность талмудической морали. Как отмечается, эта особенность состоит в стремлении к установлению господства иудеев над неиудеями, именуемыми прозвищами «гой», «нохри», «акум», «обед-элилим», «кути», и эксплуатации последних. Для обеспечения того и другого разработаны хитроумные приемы. В качестве собирательного понятия «неиудея» нередко употребляется слово «гой». Злые деяния против него, даже такие как убийство – отнюдь не преступления. «Иноверец, убивший иноверца, равно и иудей, убивший иудея, наказывается смертью; но иудей, убивший иноверца, не подлежит наказанию» (Тр. Сангедр., лист 59, 1) (*Владимирович М.С. Талмуд и Коран. Выбор веры. URL: http://bookz.ru/authors/vladimirovi4ms/talmud-i_104/1-talmud-i_104.html/ (дата обращения: 15.09.2015)*). Такая мораль весьма далека от того, что названо мной выше нравственным идеалом.

Если душой иудея признают Талмуд, то душой самого Талмуда считается Кабалá (Кабалла) – уче-

ние об «основах всех вещей» и управлении миром, выраженное в цифрах и буквах еврейского алфавита, формулах, амулетах. Отсюда в немецком языке – *Kabale* (коварство, интриги, козни, происки), в русском это слово означает полную личную и материальную зависимость должника от займодавца, ростовщика. Не будучи специалистом в области религиоведения, соглашусь лишь с уважаемым О.В. Лукичевым в том, что преступновиведческое исследование Талмуда весьма важно, причем не только для религиозной, но и для политической криминологии.

Христианство. Христианство, принесенное в мир Иисусом Христом, земная жизнь которого протекала в начале нашей эры, хотя и отталкивалось от Ветхого Завета, но вышло на новый виток познания отношения Бога с человеком (Новый Завет), предоставляя последнему большую, чем прежде, свободу. Как писал Д.С. Мережковский, «тем-то ведь и ужасна внешняя кара закона, что отнимает у преступника всякую возможность внутреннего добровольного искупления» [14, с. 145].

По мнению Н.А. Бердяева, «тема о всемирной исторической судьбе человека есть тема об освобождении человеческого духа из недр природной необходимости, из этой природной зависимости и порабощенности низшими, природными началами» [15, с. 84]. Как указывает И.М. Рагимов, именно «в вопросе о сущности наказания и, в первую очередь, смертной казни, мы наблюдаем противоречие между иудаизмом и христианством». От себя добавлю, что в рамках этого вопроса христианство на деле отрицает Ветхий Завет.

В Нагорной проповеди Спаситель произнес: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7). Если не вдаваться в произвольное толкование учения Иисуса Христа, то можно с уверенностью констатировать: христианская нравственность отвергает право государства и общества на кару. По словам И.М. Рагимова, в учении «Иисуса Христа была поставлена точка в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии» [7]. Это не суть дело человеческое, но дело Божеское. Только Он, как отец, вершит наказание. Христом сказано: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф., 7, 1–2). Н.А. Бердяев полагал, что христианство создала встреча еврейского и эллинского начал [15, с. 87].

Как буддизм, не выступая против индуизма, поднимает его приверженцев в новый слой духовно-нравственного развития, так и христианство, не выступая в основе против Ветхого Завета, вы-

водит его последователей на новый уровень духовности и нравственности. В связи с этим уместно вспомнить строки из стихотворения З.Н. Гиппиус «Грех»:

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

(Гиппиус З.Н. Стихи о любви и стихи про любовь.

URL: <http://stihi-rus.ru/1/Gippius/13.htm> (дата обращения: 15.09.2015)).

Ислам. Ислам был привнесен в мир в первой трети VII в. н.э. пророком Мохаммедом (ок. 570 г. – 8 июня 632 г.), которому, согласно исламскому верованию, Аллах ниспослал свое священное учение Коран. Верующие в исламе – мусульмане. Ислам признает пророков и посланников, в том числе Мусу (Моисея) и Ису ибн Марьяма (Иисуса Христа), отправленных свыше к разным народам для наставления на путь к единобожию. По исламу, Мохаммед – последний посланник Всевышнего, после него посланников не будет до дня Страшного Суда.

Источниками мусульманского права (фикха) можно с известными оговорками назвать сам Коран, Сунну, Иджму и Кийас. Сунна – священное предание, излагающее примеры жизни пророка Мохаммеда как образец и руководство для мусульманина. Она является вторым по значению источником и состоит из описания поступков пророка, его высказываний и невысказанного одобрения. Сунна передавалась устно сподвижниками (асхабами) пророка Мохаммеда и была зафиксирована в виде хадисов. Сунна тесно взаимосвязана с Кораном, объясняет и дополняет его. Иджма – в исламской юриспруденции единодушное мнение наиболее авторитетных лиц. Кийас – умозаключение по аналогии [12, с. 435–524]. Комплекс предписаний, закрепленных в мусульманских источниках норм и регулирующих жизнь мусульман, называют шариатом. Эти правила, именуемые обычно «законами шариата», являются основой для установления в светском законе соответствующих уголовных наказаний. Следует подчеркнуть, что ни Коран, ни Сунна не формулируют норм права, а содержат их в себе, а человек должен извлечь нормы из священных текстов. Дело это непростое. Поэтому мусульманское право называют правом юристов [16, с. 11].

По мнению исламских правоведов, любое неправомерное в юридическом смысле поведение не просто представляет собой отклонение от предписаний исламского права, за которое следует соответствующая «земная» санкция, а выступает

как грех, влекущий Божью кару [16, с. 11]. Коли наказанный раскаялся, то после окончания его земной жизни возмездие может не последовать. Наказание по мусульманскому уголовному праву – явление сакральное, результат божественного откровения, даровано людям Аллахом через его пророка Мохаммеда [17, с. 39].

В шариате различают три группы преступлений:

1) хадд – преступления, посягающие на права общины («права Аллаха»), за которые в Коране и Сунне установлена конкретная санкция. Личность виновного при назначении наказания во внимание не принимается. Хаддом являются вероотступничество, восстание, прелюбодеяние, кража, грабеж, пьянство, клеветничество. Совершение преступлений этой группы карается смертной казнью, членовредительством, лишением свободы, изгнанием из общины;

2) кисас – преступления против прав частного лица. Санкция за них также установлена абсолютно определенной по принципу талиона: равное за равное. Но потерпевший может сделать выбор в пользу замены лишения жизни или увечья преступника выплатой им денег («кровавые деньги») или лишением свободы. В этом смысле наказание за кисас имеет частный характер [18, с. 14, 20];

3) тазир – прочие преступления, как нарушающие «права Аллаха», так и совершаемые против частных интересов, наказание за которые жестко не регламентируется. Преступления этой группы в современном законодательстве в основном кодифицированы. Поскольку в Коране и в Сунне точных санкции за них не установлено, вид и меру наказания выбирает судья. При определении наказания за тазир, в отличие от хадда и кисаса, учитываются особенности объективной и субъективной стороны содеянного. Видами наказания являются: смертная казнь, лишение свободы, плети, штраф, конфискация имущества, смещение с публичной должности, изгнание из общины, порицание [18, с. 20, 21].

Цели, которые ставятся исламским уголовным правом перед наказанием, в законе не определены. В доктрине к их числу относят исправление, понимаемое как раскаяние перед Аллахом в совершенных грехах [18, с. 15], а также предупреждение, как общее, так и частное. Для обеспечения общего предупреждения используются «меры дополнительного воздействия», в частности относится вывешивание на всеобщее обозрение трупа казненного. Практикуется также, что вор после отсечения ему кисти руки должен держать ее другой рукой на глазах зрителей столько времени, сколько предпишет судья [18, с. 16].

Для многих арабских специалистов в области уголовного права характерно рассмотрение наказания в качестве земного воздаяния для восстановления нарушенной справедливости [18, с. 16]. Смертная казнь, членовредительство, плети – все это должно заставить грешника раскаяться и избежать тем самым кары в загробной жизни. Али Абдель-Кадер Эль-Кахваджи отмечает, что наказание – это воздаяние, определяемое законом и назначаемое судом, и заключающееся в преднамеренном причинении боли лицу, признанному виновным в совершении преступления [19].

Как указывает М.Е. Тургумбаев, классическая мусульманская концепция наказания состоит в том, что преступник лишается физической возможности совершения последующих преступлений путем либо его уничтожения – смертной казни, либо членовредительных наказаний, в результате применения которых человек остается жив и на свободе, но, как преступник, становится не опасен [17]. Исследуя институт наказания по исламскому уголовному праву, этот автор приходит к выводу, что «наказание и по своей сути, и по своей цели связано с карой», что наказания, предписанные в Коране, нацелены на исправление через устрашение. Смертная казнь, членовредительство, плети должны заставить грешника раскаяться и избежать тем самым возмездия в загробной жизни. Коранические наказания несут в себе также идею воздаяния, возмездия преступнику. Они применяются в назидание другим, что достигается обычной публичностью их исполнения [17].

Ряд исследователей шариата считают, что применяемые согласно ему наказания, в особенности за преступления хадд, жестоки с точки зрения западной цивилизации, но являются, тем не менее, неотъемлемым компонентом цивилизации исламской. Отказ от них угрожает стабильности последней [18, с. 8]. И.М. Рагимов пишет: «Основы законодательства, заложенные в Коране, покоятся на принципе справедливого воздаяния». Коран при этом прямо ссылается на Моисеев Закон. Однако он делает оговорку: «нельзя забывать обусловленности Корана «временем и обычаями народа, среди которого он возник, что отразилось на конкретном материале и формулировках нравственных норм» [7].

Мусульмане считают Мохаммеда последним Божьим посланником. И все же выскажу предположение, опять же в надежде на то, что оно не покажется кому-то кощунственным. Мне кажется: по мере развития нравственности и стремления человека к познанию Бога можно в среде мусуль-

ман или людей, духовно соприкасающихся с мусульманами, ожидать новой религии, основанной на Коране, но отрицающей насилие и возмездие.

Должно ли право быть впереди и вести за собой правосознание? Автор этих слов напоминает, что он является безоговорочным противником смертной казни и кары как функции уголовного наказания. В этом отношении И.М. Рагимов и я как будто бы солидарны. Он считает, что при соблюдении нравственных начал «общество посредством наказания не стремится к отмщению, т.е. сохраняет к лицу, совершившему преступление, гуманное, человеческое отношение и только подтверждает факт необходимой обороны от злодеяний и утверждает свое право на защиту своих членов». Правда, в других разделах своей работы И.М. Рагимов пишет о недопустимости игнорирования законодателем мнения общества относительно справедливости наказания. А под справедливым воздаянием он понимает «зримое равенство между преступлением и наказанием» [7], т.е. *nolens volens* возвращается к признанию карательного подхода.

Здесь обнаруживается существенное различие наших точек зрения, над которым надо еще размышлять. И.М. Рагимов придает большое значение устрашению, которым обладает смертная казнь. По его мнению, институт уголовного наказания должен соответствовать лишь достигнутому в конкретном обществе, государстве уровню нравственности и на этом основании оправдывает для исключительных, особо злостных преступлений смертную казнь [7]. Полагаю, что развитие наказания должно следовать за нравственно продвинутой частью народа, а никак не за его большинством, которому обычно присущ карательный азарт. Уступку общественной жестокости я называю синдромом Понтия Пилата [20, с. 159–164]. А профессор В.Е. Квашиш, глубоко исследовавший вопрос о допустимости смертной казни, на мой взгляд, правильно считает, что законодатель «не во всех случаях должен следовать за массовым сознанием», – прислушиваться нужно, прежде всего, к передовым веяниям» [21, с. 1000].

Право и за ним законодательство должны вести за собой правовое сознание. Вот почему не устану повторять, что уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть присущи следующие функции: 1) удержание лица, совершившего преступление, от рецидива (функция защиты человека); 2) реституция (восстановление положения потерпевшего); 3) ресоциализация виновного. Законодательное закрепление подобных

функций могло бы соответствующим образом направить дальнейшее развитие уголовного права и нравственности в целом [22, с. 111, 113].

От уточнения функций ответственности к принципам единого законодательства о противодействии преступности. Нравственное развитие должно вести к тому, что на основе концепции цивилизованного взаимоотношения общества с преступностью [23, с. 264] вслед за криминологическим законодательством должно развиваться право противодействия преступности и соответствующее ему единое законодательство о проти-

водействии преступности. Верхний его уровень – основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Второй уровень – кодексы: 1) кодекс о предупреждении преступлений и мерах безопасности; 2) кодекс об уголовной ответственности и восстановления положения молодежи в обществе, 3) уголовный, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный кодексы [24, с. 49–50]. Весьма важна ныне задача разработки принципов единого законодательства о противодействии преступности.

Литература

1. Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 186 с.
2. Кант И. Критика практического разума (1788). М.: Эксмо, 2015. – 224 с.
3. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 10. М.: Изд-во художественной литературы, 1958. – 308 с.
4. Эйлер Л. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях. СПб.: Наука, 2002. – 720 с.
5. Шестаков Д.А. Теория преступности сегодня // Предупреждение преступности. 2014. № 4 (52). С. 25–35.
6. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley, CA: University of California Press, 1969. – 309 p.
7. Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2016. – 224 с.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016.
9. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977. – 616 с.
10. Мировые религии о преступлении и наказании / под ред. С.В. Бабкина, А.И. Бойко, О.А. Мозговой, А.А. Толкаченко, К.В. Харabet. М.: Рипол-Классик, 2013. – 608 с.
11. Ницше Ф. Антихрист. СПб.: Прометей, 1907. – 155 с.
12. Мировые религии о преступлении и наказании / под ред. С.В. Бабкина, А.И. Бойко, О.А. Мозговой, А.А. Толкаченко, К.В. Харabet. М., 2003. – 339 с.
13. Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее / под ред., с предисл. и послесл. Д.А. Шестакова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012. – 218 с.
14. Мережковский Д.С. ПСС: в 24 т. Т. VIII. СПб. – М.: Т-во М.О. Вольф, 1912.
15. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. – 176 с.
16. Махарамов Я.А. Наказание по мусульманскому уголовному праву: понятие, цели, виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 24 с.
17. Тургумбаев М.Е. Наказание и его цели в мусульманском праве // Вестник Карагандинского гос. ун-та. 2014. № 2 (74). С. 38–42.
18. Махарамов Я.А. Наказание по мусульманскому уголовному праву: понятие, цели, виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 174 с.
19. Эль-Кахваджи Али Абдель-Кадер. Уголовное право. Общая часть. Бейрут, 1994. – 338 с.
20. Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Лань, 2001.
21. Квашиш В.Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967–2014 гг.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 1040 с.
22. Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем // Преступность среди социальных подсистем / под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 353 с.
23. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире: учебник. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 561 с.

24. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 49–50.

References (transliterated)

1. Belyaev N.A. Tseli nakazaniya i sredstva ikh dostizheniya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh [The goals of punishment and the means of achieving them in corrective labor institutions]. Leningrad, LGU Publ., 1963. 186 p.
2. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma (1788) [Critique of Practical Reason]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 224 p.
3. Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii. T. 10. [Collected works. Vol. 10]. Moscow, Izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958. 308 p.
4. Eiler L. Pis'ma k nemetskoj printsesse o raznykh fizicheskikh i filosofskikh materiyakh [Letters to the German princess about different physical and philosophical matters]. Sankt Petersburg, Nauka Publ., 2002. 720 p.
5. Shestakov D.A. Teoriya prestupnosti segodnya [Theory of crime today] Preduprezhdenie prestupnosti. *Yuridicheskii zhurnal. Kazakhstan* [Prevention of crime. Law journal. Kazakhstan], 2014, no. 4 (52), pp. 25–35.
6. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley, CA: University of California Press, 1969. 309 p.
7. Ragimov I.M. O npravstvennosti nakazaniya [On the morality of punishment]. Sankt Petersburg, Izdatel'stvo «Yuridicheskii tsentr», 2016. – 224 c.
8. Naumov A.V. Rossiiskoe ugovolnoe pravo: kurs lektsii v 3 t. T. 1: Obshchaya chast'. [Russian criminal law: a course of lectures in 3 t. T. 1:]. Moscow, Federal'naya palata advokatov RF Publ., 2016.
9. Beshem A. Chudo, kotorym byla Indiya [The miracle that India was]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 616 p.
10. Babkina S.V., Boiko A.I., Mozgovoi O.A., Tolkachenko A.A., Kharabet K.V. (nauch. red.). Mirovye religii o prestuplenii i nakazanii []. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2013. 608 p.
11. Nitsche F. Antikhrisť []. Sankt Petersburg, Prometei Publ., 1907. 155 p.
12. Babkina S.V., Boiko A.I., Mozgovoi O.A., Tolkachenko A.A., Kharabet K.V. Mirovye religii o prestuplenii i nakazanii [World religions about crime and punishment]. Moscow, 2003. 339 p.
13. Shestakov D.A., Dikaev S.U., Danilov A.P. Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kriminologicheskii klub: proshloe i nastoyashchee: monografiya [St. Petersburg International Criminological Club: past and present: monograph]. Shestakov D.A. (ed.). Sankt Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2012. 218 p.
14. Merezhkovskii D.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. VIII. [Collected works. Vol. VIII]. Sankt Petersburg, Moscow, T-vo M.O. Vol'f Publ., 1912.
15. Berdyayev N.A. Smysl istorii. [The meaning of history]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 176 p.
16. Makharamov Ya.A. Nakazanie po musul'manskomu ugovolnomu pravu: ponyatie, tseli, vidy. avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Punishment on Muslim criminal law: the concept, goals, types. Author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences.]. Moscow, 2009. – 24 p.
17. Turgumbaev M.E. Nakazanie i ego tseli v musul'manskom prave. [Punishment and its goals in Muslim law.] *Vestnik Karagandinskogo Gosuniversiteta* [Bulletin of Karaganda State University], 2014, no. 2 (74), pp. 38–42.
18. Makharamov Ya.A. Nakazanie po musul'manskomu ugovolnomu pravu: ponyatie, tseli, vidy: dis. ... kand. jurid. Nauk [Punishment on Muslim criminal law: the concept, goals, types: dis. ... candidate of legal sciences]. Moscow, 2009. 174 p.
19. El'-Kakhvadzhi Ali Abdel'-Kader. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal Law]. Beirut, 1994. 338 p.
20. Shestakov D.A. Kriminologiya. Prestupnost' kak svoistvo obshchestva. Kratkii kurs [Criminology. Crime as a property of society. Short course]. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Publ., Lan' Publ., 2001.
21. Kvashis V.E. Izbrannye trudy po ugovolnomu pravu i kriminologii (1967 – 2014 gg.) [Selected works on criminal law and criminology (1967–2014)]. Sankt Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2015. 1040 p.
22. Shestakov D.A. Prestupnost' sredi sotsial'nykh podsystem [Crime among social subsystems] In Shestakov D.A. (ed.) *Prestupnost' sredi sotsial'nykh podsystem* [Crime among social subsystems]. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 353 p.
23. Shestakov D.A. Kriminologiya. Novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodeistvie prestupnosti v izmenivshemsya mire. Uchebnik. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. [Criminology. New approaches to crime and crime. Criminogenic

laws and criminological legislation. Counteraction of crime in a changed world. Manual]. Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 561 p.

24. Shestakov D.A. Kriminologicheskoe zakonodatel'stvo i pravo protivodeistviya prestupnosti. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2013, no. 1(28), pp. 49–50.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ (тезисы доклада на заседании Союза криминалистов и криминологов г. Москва, 22 декабря 2016 г.)

Александров Андрей Станиславович

Цель. В разные исторические периоды, в зависимости от происходящих в стране и мире социально-экономических процессов, полемика по поводу введения уголовной ответственности юридических лиц то вступает в активную фазу, то «затухает», но спустя какое-то время вновь становится предметом бурной научной дискуссии.

В концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года обозначена необходимость использования сотрудничества со структурами гражданского общества, общественными объединениями, деятельность которых может быть полезна для гуманитарно-воспитательного воздействия на осужденных. Общественный контроль в местах лишения свободы служит средством выявления и устранения причин нарушений законности.

Методология: диалектический метод, абстрагирование, анализ, синтез, дедуция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, сравнительно-правовой метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования автор констатирует наличие сложившейся многолетней практики общественного контроля в местах лишения свободы с периодически возникающими противоречиями между сотрудниками исправительных учреждений и представителями общественности. Предлагаются пути решения имеющихся проблем, связанных с возникновением подобных разногласий, порой доходящих до открытых конфликтов между сотрудниками исправительных учреждений и представителями общественных наблюдательных комиссий.

Научная и практическая значимость. На основе результатов проведенного исследования осуществления общественного контроля в местах лишения свободы автором вносятся ряд предложений по усовершенствованию процесса взаимодействия и качественного функционирования исправительных учреждений и общественных наблюдательных комиссий.

Ключевые слова: исправительные учреждения, общественный контроль, общественные наблюдательные комиссии, осужденные, права, законные интересы, режим, безопасность.

Атрибутом любого демократического государства является участие общественности как в процессе исправления преступников, так и в осуществлении контроля за соблюдением их прав во время отбывания наказаний.

Общественный контроль за соблюдением прав осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является обязательным условием

не только формирования в России гражданского общества, но и построения демократии в целом. Рассматриваемый институт представляет собой деятельность общественных структур и граждан по установлению соответствия функционирования исправительных учреждений Конституции РФ, международным стандартам обращения с осужденными при исполнении уголовного на-

казания в виде лишения свободы, а также национальному законодательству. Первоочередной задачей общественного контроля за соблюдением прав осужденных является корректирование выявленных отклонений или устранение нарушений прав осужденных путем обращения к уполномоченным государственным органам либо апелляции к общественному мнению.

Принципиальная возможность осуществления общественного контроля за соблюдением прав осужденных вытекает из ст. 30 Конституции РФ, гарантирующей свободу деятельности общественных объединений, а также ст. 32, согласно которой граждане России имеют право участвовать в управлении делами государства. Более того, ст. 23 УИК РФ, помимо права оказывать содействие исправительным учреждениям со стороны общественных объединений, предоставляет им возможность осуществлять общественный контроль за обеспечением прав человека в местах лишения свободы. Непосредственно сами общественные объединения формируются и функционируют в соответствии с федеральным законодательством, в частности федеральными законами от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (*СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930*), от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (*СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340*), от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (*СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 145*), и рядом других нормативных правовых актов.

Сложившаяся ситуация такова, что осуществлять общественный контроль в местах лишения свободы на сегодняшний день вправе большой круг субъектов. Таковыми являются: общественные наблюдательные комиссии, создаваемые в каждом субъекте Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (*СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789*); члены общественных наблюдательных комиссий, наделенные правом осуществления контроля в исправительных учреждениях в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 5 указанного Закона; общественные объединения и неправительственные правозащитные организации; Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов Федерации; Общественный совет при ФСИН России и общественные советы при территориальных органах ФСИН России; территориальные комиссии по вопросам помилования;

комиссии по делам несовершеннолетних. Кроме того в качестве субъектов общественного контроля можно рассматривать родительские комитеты, попечительские советы, а также отдельных граждан и средства массовой информации.

Как свидетельствует практика общественных наблюдательных комиссий деятельность по осуществлению общественного контроля за соблюдением прав несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы наиболее результативна. Основными формами их деятельности являются посещение исправительных учреждений, рассмотрение предложений, заявлений и жалоб осужденных, подготовка решений по результатам проведения общественного контроля. Решения общественных наблюдательных комиссий носят рекомендательный характер, но результаты проверки могут быть направлены в любые компетентные органы или их должностным лицам.

Общественный контроль в местах лишения свободы служит средством выявления и устранения причин нарушений законности. Деятельность исправительных учреждений любого государства, в том числе России, постоянно отслеживается и оценивается международным сообществом.

К самому общественному контролю в местах лишения свободы как реальному феномену можно относиться по-разному. Можно найти обоснование того, что именно функции общественного контроля являются важнейшим фактором укрепления связей между осужденными и всем обществом в целом. Более того, вполне допустимо считать, что общественный контроль призван обеспечить достижение целей наказания, и в первую очередь приоритетной – исправление лиц, совершивших уголовные преступления. Следует сказать, что практика осуществления общественного контроля в местах лишения свободы в целом уже сложилась. Определены как субъекты, так и формы контроля со стороны общественности в местах лишения свободы. Вместе с тем в ряде случаев возникают разногласия между сотрудниками исправительных учреждений и представителями общественности, имеют место и отдельные противоречия как организационного, так и психологического, нередко провокационного характера, зачастую непосредственно связанные с нарушениями режимных требований членами общественных наблюдательных комиссий.

Так, зафиксирован случай неправомерного получения мандата наблюдателя и соответственно членства в общественной наблюдательной комиссии супруги осужденного, отбывающего наказание в инспектируемой ею исправительной

колонии. При этом супруга осужденного имела личные интересы и упорно отстаивала собственную позицию, инициируя при этом конфликтные ситуации с руководством учреждения [1, с. 99].

Безусловно, сознательное нарушение представителями общественности установленных режимных требований является недопустимым. Более того, подобные случаи должны подвергаться детальному рассмотрению. Необходимо выявлять причины совершения таких действий со стороны общественников, а также прогнозировать возможные мотивы совершения нарушений.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным предложить возможные пути решения проблем, связанных с возникновением как разногласий, так и открытых конфликтов

между сотрудниками исправительных учреждений и представителями общественных наблюдательных комиссий. В первую очередь необходимо знакомить сотрудников, непосредственно контактирующих с членами общественных наблюдательных комиссий, с уже имевшими место конфликтными ситуациями, что будет способствовать предупреждению схожих ситуаций в будущем. Кроме того, желательно разработать и периодически обновлять методические рекомендации по взаимодействию сотрудников исправительных учреждений с представителями общественности. Это позволит ознакомиться сотрудникам с субъектами общественного контроля и законодательством, регулирующим возникающие общественные отношения.

Литература

1. Дворянсков И.В. Вопросы обеспечения режимных требований в ходе посещения представителями общественных наблюдательных комиссий исправительных учреждений УИС // Проблемы повышения эффективности режима исполнения наказаний: сб. тезисов выступлений и докладов участников Всероссийской науч.-практ. конф., 6–8 апреля 2016 г. / сост. А.С. Мисюрев. Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2016. — 198 с.

References (transliterated)

1. Dvoryankov I.V. Voprosy obespecheniya rezhimnykh trebovaniy v khode poseshcheniya predstaviteleyami obshchestvennykh nablyudatel'nykh komissii ispravitel'nykh uchrezhdenii UIS [The Issues of ensuring the regime's requirements during the visit the representatives of public monitoring commissions correctional institutions of the penal correction system]. *Problemy povysheniya effektivnosti rezhima ispolneniya nakazanii: sb. tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf., 6–8 aprelya 2016 g. / sost. A.S. Misyurev. [Problems of improving the efficiency of the mode of execution of punishment: a collection of abstracts of the presentations and reports of participants of all-Russian scientific.-pract. Conf. April 6–8, 2016 / comp. A.S. Misyurev]* Perm: FCO IN The Perm Institute of the Federal penitentiary service of Russia Publ., 2016. — 198 p. (In Russian).

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КОНТРОЛЬ ДВИЖЕНИЯ СРЕДСТВ НА СЧЕТАХ КЛИЕНТОВ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Халиуллин Аделъ Ильфатович

Цель. Электронные платежи получили широкое распространение в электронной коммерции. Однако существующие процедуры осуществления оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления, пресечения и предупреждения преступлений в сфере банковских платежей не в полной мере соответствуют уровню развития современных информационно-телекоммуникационных технологий. Анализ практики прокурорского надзора в анализируемой сфере позволил выявить ключевые точки возникновения коллизий правовых норм и затрагиваемых ими публичных и частных интересов. Полагаем, что существующие правовые нормы, регулирующие процедуры осуществления контроля движения денежных средств в электронных платежных системах, требуют незамедлительного совершенствования.

Методология: абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Представляется необходимым внести изменения, во-первых, в Федеральные законы «О банках и банковской деятельности» и «Об оперативно-розыскной деятельности», предусмотрев в них возможность предоставления сотрудникам оперативных служб правоохранительных органов информации о движении средств клиентов электронных платежных систем по делам оперативного учета с разрешения прокурора, а также осуществления процедуры экстренной блокировки указанных счетов в процессе оперативно-розыскной деятельности по делам оперативного учета с разрешения прокурора с последующим обращением в течение двух суток в суд; во-вторых, в федеральное законодательство, регулирующее осуществление банковского надзора, наделив Центральный банк РФ правом инициативно предоставлять в правоохранительные органы сведения, составляющие банковскую тайну, при выявлении фактов совершения преступных деяний; Кроме того, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» следует дополнить положениями, предусматривающими возможность по ходатайству работника оперативного подразделения с согласия прокурора заблокировать телефонный номер, с которого злоумышленником осуществляются телефонные звонки, дистанционное управление банковским счетом и другие действия с целью совершения преступления, а также предусмотреть право прокурора обжаловать незаконные и необоснованные решения суда о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости внесения изменений в федеральное законодательство для устранения пробелов в области осуществления контроля движения денежных средств на счетах в электронных платежных системах. В настоящее время существует рассогласованность законодательства Российской Федерации, которым регламентируется режим банковской тайны и устанавливаются обусловленные им взаимные права и обязанности банка, иной кредитной организации, государственных органов и их должностных лиц, с гражданским законодательством и Федеральным законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: электронные платежные системы, оперативно-розыскная деятельность, прокурорский надзор, банковский надзор, блокирование электронных счетов.

Использование электронных платежных систем в качестве наиболее предпочтительного способа осуществления взаиморасчетов, важность которых, учитывая современную геополитическую ситуацию, возросло и обусловлено динамикой развития сферы электронной коммерции [1, с. 3].

На Петербургском международном экономическом форуме в 2017 г. в качестве одной из главных задач был назван максимально быстрый переход на безналичное обращение денежных средств в Российской Федерации (*ЦБ стремится максимально ускорить отказ России от наличных* // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20170603/1495747269.html> (дата обращения: 17.12.2017.)). Решение этой поставленной задачи предполагает как изменение устоявшейся модели финансового поведения, так и усиление контроля за движением средств на счетах клиентов электронных платежных систем, а при необходимости – блокирование данных счетов (приостановление операций по ним) при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Правовой режим охраны сведений о движении денежных средств на указанных счетах систем идентичен режиму охраны сведений, составляющих банковскую тайну (ст. 26 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», ред. от 18 июля 2017 г. // СЗ РФ. 2001. № 27. Ст. 3872; ст. 857 ГК РФ; Федеральный закон от 2 декабря 1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», далее Закон о банках // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6730) расширил перечень сведений, составляющих банковскую тайну. В соответствии с ним положения ст. 26 Закона о банках распространяются на сведения об операциях клиентов кредитных организаций, осуществляемых банковскими платежными агентами (субагентами), а также на сведения об остатках электронных денежных средств клиентов кредитных организаций и сведения о переводах электронных денежных средств кредитными организациями по распоряжению их клиентов.

Согласно п. 2 ст. 857 ГК РФ сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены государственным органам и их должностным лицам исключительно в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом.

Исключительные случаи ограничения банковской тайны перечислены в ст. 26 Закона о банках,

в которой исчерпывающим образом устанавливает условия, порядок и перечень субъектов – государственных органов и должностных лиц, имеющих право получать сведения о счетах клиентов банка. Как указывал в этой связи Конституционный Суд РФ (см.: постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4; определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Акционерный коммерческий банк «Энергобанк» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 3 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации», пунктом 2 статьи 86 и пунктом 1 статьи 135.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3 и др.), закрепление в законе отступлений от банковской тайны не может быть произвольным.

Согласно ч. 5 ст. 26 Закона о банках справки по операциям и счетам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также физических лиц выдаются на основании судебного решения кредитной организацией должностным лицам органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений по их запросам, направляемым в суд в порядке, предусмотренном ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», далее – Закон об ОРД (СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349), при наличии сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Изучение практики осуществления надзорной деятельности органов прокуратур Российской Федерации (на основе сведений, публикуемых на информационном портале новостного агрегатора сайтов органов прокуратуры РФ // URL: <https://procrf.ru>. (дата обращения: 17.12.2017 г.)) показало, что в настоящее время сложился следующий порядок получения информации о движении средств на счетах клиентов электронных платежных систем. Орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, направляет ходатайство в суд о разрешении получить указанную информацию. Полученное судебное решение направляется для исполнения

в соответствующую кредитно-финансовую организацию, которая предоставляет необходимую информацию инициатору запроса. При этом за время, затрачиваемое на выход в суд с ходатайством, его рассмотрение, устранение возможных недостатков, злоумышленники могут уничтожить следы преступлений в информационных сетях. Следовательно, судебный контроль за такого рода оперативно-розыскными мероприятиями существенно усложняет процедуру получения необходимой информации.

Согласно ч. 2 ст. 26 Закона о банках аналогичные справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией, в том числе при наличии согласия руководителя следственного органа, органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в Закон о банках, предусматривающие, что информация о движении средств клиентов электронных платежных систем предоставляется не только по уголовному делу с разрешения суда, но и по материалам проверки или по заведенным делам оперативного учета с разрешения прокурора. Кроме того, необходимо предусмотреть возможность по ходатайству работника оперативного подразделения с согласия прокурора блокирования телефонного номера, с которого злоумышленником осуществляются телефонные звонки, дистанционное управление банковскими операциями и иные мошеннические действия.

Нельзя также не отметить, что возможности правоохранительных органов в оперативном установлении признаков преступления, определении подозреваемых лиц ограничены.

Существует обратная сторона проблемного вопроса представления в правоохранительные органы сведений, составляющих банковскую тайну. Так, Центральный банк РФ при выявлении фактов мошенничества, вывода активов и иных противоправных действий в ходе осуществления банковского надзора не имеет права передавать информацию, составляющую банковскую тайну, хотя нередко вывод активов связан, например, с использованием счетов подставных, аффилированных компаний. *(Интервью Председателя Центрального банка России. Эльвира Набиуллина: больше половины пути оздоровления банковского сектора мы прошли. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4007726> (дата обращения: 17.12.2017)).*

Правоохранительные органы вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности,

в том числе по установлению имущества, подлежащего конфискации. Зачастую, от выявления правоохранительными органами счетов фигурантов до наложения запрета на движение по ним денежных средств проходит длительное время, что связано с проведением процессуальных мероприятий. В связи с этим блокирование счетов фигурантов дел оперативного учета, по результатам проверок по мотивированному постановлению правоохранительных органов, утвержденному органом прокуратуры, и в течение двух суток узаконенному судом, является вполне адекватной мерой по недопущению вывода денежных средств, полученных преступным путем. Однако подобные мероприятия целесообразны и действенны при своевременности получения правоохранительными органами первоначальной информации о клиентах указанных учреждений (организаций).

Так, анализ надзорной практики *(на основе сведений, публикуемых на информационном портале новостного агрегатора сайтов органов прокуратуры Российской Федерации)* показал, что ряд преступлений, сопутствующих незаконной торговле наркотиками, в том числе легализация денежных средств, добытых преступным путем (ст. 174.1 УК РФ), выявляется спустя длительное время уже после задержания с поличным соучастников преступления. В результате преступники успевают перечислить денежные средства, находящиеся на различных счетах преступников, на различные анонимные счета и обналичить. Кроме того, в настоящее время в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий имеется возможность наблюдать перечисление денежных средств за приобретение партий наркотиков, зарплаты за сбыт наркотиков участникам преступных групп и другие операции, связанные с финансовой деятельностью организованных преступных групп в виртуальном пространстве. В подобной ситуации целесообразным представляется введение законодательной возможности экстренного блокирования оперуполномоченными сотрудниками денежных счетов, в отношении которых имеются обоснованные подозрения в том, что соответствующие денежные средства использовались в преступных целях.

Во избежание большого количества споров с физическими (юридическими) лицами при подобной блокировке денежных средств необходимо предусмотреть возможность снятия денежных средств при личном обращении их владельца в кредитную организацию и предоставлении документов, позволяющих его идентифицировать.

Логичными представляются предсказуемые опасения, что внесение в действующее законода-

тельство изменений, касающихся блокирования движения средств на счетах электронных платежных систем при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, может повлечь распространение случаев злоупотребления этим правом со стороны правоохранительных органов, в том числе факты неправомерного воздействия на субъекты предпринимательства путем блокировки счетов, лишения платежеспособности (банкротства). Следует отметить, что на протяжении нескольких лет Европейский суд по правам человека указывает на проблему необоснованности проведения оперативно-розыскных мероприятий (*постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян (Vanujan) против России» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2006. № 7; Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин (Khudobin) против России» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 11; Постановление ЕСПЧ от 02 октября 2012 г. по делу «Веселов и другие (Veselov and Others) против России» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // Бюллетень ЕСПЧ. 2013. № 4; Постановление ЕСПЧ от 24 апреля 2014 г. по делу «Лагутин и другие (Lagutin and Others) против России» (жалобы № 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3 (03)), в частности, существующую проблему необоснованного получения судебного решения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе по фальсифицированным материалам оперативно-розыскной деятельности.*

В отечественной практике оперативно-розыскной деятельности имеют место два вида независимого контроля (надзора) за действиями и решениями оперативных подразделений: судебный и прокурорский. Оперативно-розыскные мероприятия проводятся на основании судебного решения, но суд в силу объективных причин не может контролировать его реализацию. Прокурор, установив, что соответствующее решение получено без достаточных на то оснований, обязан немедленно предпринять меры, направ-

ленные на его отмену. Однако право прокурора обжаловать судебные решения, санкционирующие проведение оперативно-розыскных мероприятий, в Законе об ОРД прямо не прописано.

Учитывая вышесказанное, представляется необходимым согласовать законодательство Российской Федерации, которым регламентируется режим банковской тайны и устанавливаются обусловленные им взаимные права и обязанности банка, иной кредитной организации, государственных органов и их должностных лиц, с гражданским законодательством и Законом об ОРД, что предполагает принятие следующих нормативных решений в целях преодоления коллизии правовых норм и затрагиваемых ими публичных и частных интересов:

1. в Законе о банках указать, что:

а) информация о движении средств клиентов электронных платежных систем предоставляется по материалам проверки или по заведенным делам оперативного учета с разрешения прокурора, а экстренная блокировка указанных счетов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности может проводиться по заведенным делам оперативного учета с разрешения прокурора с последующим обращением в течение двух суток в суд;

б) наделить Центральный банк РФ правом инициативно предоставлять в правоохранительные органы сведения, составляющие банковскую тайну, при выявлении фактов совершения преступных деяний;

2. в Закон об ОРД внести новые положения:

а) предусмотреть возможность по ходатайству работника оперативного подразделения с согласия прокурора блокирования телефонного номера, с которого злоумышленником осуществляются телефонные звонки, дистанционное управление банковским счетом и другие действия с целью совершения преступления;

б) предусмотреть право прокурора обжаловать решения суда о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Литература

1. Интервью заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова // Международная жизнь. № 8. 2017. С. 2–7.

References (transliterated)

1. Interv`yu zamestitelya Ministra inostrannykh del Rossii S.A. Rybkova [Interview of Vice Minister of Russian Federation Ministry of Foreign affairs S.A. Rybkova]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International affairs]*, 2017, no 8, pp. 2–7. (In Russian; abstract in English)

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОВЫХ РОДОВ И ВИДОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Россинская Елена Рафаиловна

Цель. Исследовать новые виды судебной экспертизы. Определить складывающуюся зависимость возникновения новых видов судебных экспертиз от развития науки и технологии. Проанализировать имеющиеся классификации судебных экспертиз. Предложить собственные авторские классификации. Определить место, роль и значение судебной экспертизы как науки и профессии, проанализировать возможные критерии, положенные в основу классификаций судебных экспертиз, как существующих, так и будущих. Ответить на вопрос о том, кто должен заниматься классификацией судебных экспертиз, разработкой критериев их оценки и определением экспертологии как новой профессии.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридические методы, системный метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Автор приходит к заключению, что большинство современных классификаций судебных экспертиз устарело. Подчеркивается значение комплексного подхода в современной судебно-экспертной деятельности, а также говорится о том, что различные виды экспертиз находятся на разных этапах развития. Поэтому в современных условиях нельзя говорить о едином основании и едином критерии, который можно предложить для подразделения всех экспертиз по родам, классам и видам. Необходимо разработать общую теорию судебной экспертологии, составной частью которой должны стать научные подходы к классификации экспертиз и видов экспертной деятельности. В свою очередь, методологической основой классификации судебных экспертиз для того, чтобы включать в дальнейшем в эти классификации новые рода и виды судебных экспертиз, будет судебная экспертология. Автор рассматривает основания деления судебных экспертиз на классы, роды и виды. При этом основной единицей классификации является род судебных экспертиз. Определен генезис судебных экспертиз, имеющий два магистральных направления: 1) процесс укрупнения: из вида – в род, из рода – в класс; 2) процесс разделения из класса – в роды, из рода в виды.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование уточняет классификацию судебных экспертиз и ее основания, демонстрирует недостатки и проблемы устаревших подходов к классификациям. Автор обосновывает необходимость внедрения общей классификации судебных экспертиз в рамках направления судебной экспертологии и на конкретных примерах показывает, что уже сделано в этом направлении.

Ключевые слова: судебная экспертиза, криминалистика, судопроизводство, судебная экспертология, судебно-экспертная деятельность, классификация, закономерности, экспертные технологии, методы экспертного исследования, экспертная дидактика.

Современное судопроизводство невозможно без использования специальных знаний, основной формой применения которых в уголовном, гражданском, административном и арбитражном

процессе является судебная экспертиза. Возникающие при назначении и производстве судебных экспертиз проблемы касаются в первую очередь с определения рода и вида экспертизы, компетен-

ции судебного эксперта, что неразрывно связано с проблемой классификацией судебных экспертиз и подготовкой судебно-экспертных кадров.

Методологической основой классификации судебных экспертиз служит судебная экспертология, предметом которой на современном этапе ее развития являются теоретические, правовые и организационные закономерности судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единое для всех видов судопроизводства правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, единые унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий.

Исходя из определения предмета судебной экспертологии модель ее общей структуры представляет собой:

- 1) общую теорию судебной экспертологии;
- 2) правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- 3) организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- 4) судебно-экспертные технологии [1].

В структуру *общей теории судебной экспертологии* входят:

- концептуальные основы судебной экспертологии: предмет, задачи, система, функции;
- учение о классификации судебных экспертиз по родам и видам, о закономерностях формирования и развития родов и видов судебных экспертиз;
- учение о предмете и задачах судебной экспертизы;
- учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках;
- теория экспертной идентификации;
- теория экспертной диагностики;
- теория экспертного прогнозирования;
- учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта;
- общие положения частных теорий отдельных родов и видов судебных экспертиз (понятие частной экспертной теории, ее предмета, задач, объектов) [1].

Под *правовым обеспечением судебно-экспертной деятельности* мы понимаем следующие составляющие:

эксперт как субъект правоприменительной и правотворческой деятельности, его правовой и профессиональный статус;

специалист как субъект правоприменительной деятельности;

правовая основа деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и негосударственных судебно-экспертных организаций, полномочия и ответственность их руководителей;

форма и содержание заключения судебной экспертизы и особенности его оценки и использования в судопроизводстве [2].

Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности включает разделы:

судебная экспертиза как разновидность практической деятельности;

организация, структура, функции государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений;

информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;

профессиональная деятельность и подготовка судебного эксперта, экспертная дидактика;

психологические основы профессиональной деятельности судебного эксперта; профессиональная этика судебного эксперта.

Четвертый раздел — *судебно-экспертные технологии* включает:

методологию судебно-экспертной деятельности;

процесс экспертного исследования и его стадии;

судебно-экспертные методики, их типизацию, сертификацию и валидацию, стандартизацию судебно-экспертной деятельности;

профилактическую деятельность эксперта, экспертные ошибки и их профилактику.

Решение проблем, возникающих при формировании новых родов и видов судебных экспертиз, базируется на комплексном использовании всех структурных элементов судебной экспертологии. Однако основой является учение о классификации судебных экспертиз по родам и видам, о закономерностях формирования и развития родов и видов судебных экспертиз.

По характеру специальных знаний судебные экспертизы многообразны, поскольку вопросы, возникающие в ходе судопроизводства, могут относиться к любой сфере человеческой деятельности. В судебной экспертологии, которая базируется на единстве интегрированной природы всех судебных экспертиз, их принято представлять в виде системы классов, родов, видов и подвидов. Причем основания такой классификации в течение длительного времени являлись предметом ожесточенных научных дискуссий. Традиционно среди судебных экспертиз до сих пор принято выделять класс криминалистических экспертиз и отграничивать их от всех прочих. Причем уже

много лет ученые-криминалисты дискутируют на тему отнесения вновь возникающих видов и родов судебных экспертиз к криминалистическим. Многие практикующие юристы, да и судебные эксперты, особенно не имеющие юридического образования, все экспертизы называют криминалистическими, поскольку не очень четко представляют себе предмет криминалистической науки. Такие эксперты считают криминалистическими любые методики исследования вещественных доказательств, исходя из того, что эти методики предназначены для решения задач раскрытия и расследования преступлений. Они не видят разницы между криминалистической наукой и судебной-экспертной деятельностью.

Формирование судебной экспертологии практически подвело черту под этими долгими и бурными дискуссиями, а также положило конец спорам о существовании предметных судебных наук, о которых в 1980 г. писали А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская [3]. За прошедшие годы так и не были разработаны судебная физика, судебная биология и др. Стало очевидно, что не существует никакой особой судебной физики, судебной химии, речь может идти лишь об использовании выявленных физической или химической наукой закономерностях и физических, химических и физико-химических методах в судебной-экспертной деятельности. Таким образом, доказано, что естественные и технические науки, как и криминалистика, являются обосновывающим знанием для указанной деятельности.

Что касается методов экспертного исследования, то именно в силу интеграции и дифференциации научных методов об их принадлежности конкретной науке уже нельзя говорить столь определенно и тем более строить на этом основании классификации судебной экспертизы как вида практической деятельности. Вспомним, что интеграция физики и химии привела к возникновению физической химии и активному использованию физико-химических методов в производстве судебных экспертиз. Эти же методы могут использоваться и в экспертных исследованиях почвы, объектов растительного и животного происхождения, т. е. являются общеэкспертными [4] для различных родов судебной экспертизы.

По мнению А.Р. Шляхова, судебные экспертизы «подразделяются на области знания по совокупности трех существенных признаков: предмет, объект и методика экспертного исследования» [5], причем под методикой экспертного исследования он понимал содержание и логическую последовательность входящих в нее методов,

допуская, таким образом, использование одних и тех же методов в экспертизах разных классов. Еще 30 лет назад А.Р. Шляхов отрицал до сих пор применяемую классификацию судебных экспертиз по методам исследования, когда назначаются, например, судебно-химические экспертизы, т. е. экспертизы, выполняемые исключительно химическими методами. Но, как уже говорилось, использование того или иного метода не является прерогативой класса или рода экспертиз. Многие ученые, в прошлом сторонники указанной классификации, изменили свою точку зрения и отказались от классификации судебных экспертиз по методам исследования.

Соглашаясь с А.Р. Шляховым, Р.С. Белкин высказал мнение, что признаком, отграничивающим один вид экспертизы от другого, «является опять-таки характер специальных знаний, играющих доминирующую роль при решении задач данного вида экспертизы» [6], т. е. для криминалистических экспертиз отличительной особенностью является доминирующая роль криминалистических методов. Экспертизы стали подразделять на традиционные криминалистические и новые нетрадиционные. Такое деление представляется нелогичным. Действительно, как определить, в течение какого периода времени вид или род экспертизы остается новым? Некоторые судебные экспертизы, в частности, наркотических веществ или лакокрасочных покрытий, проводившиеся десятки лет, которым присущи специфические методики, продолжали считаться новыми и нетрадиционными.

Сегодня, например, было бы неверным утверждать, что такая традиционная криминалистическая экспертиза, как дактилоскопическая, базируется в основном на сугубо криминалистических методах. В равной мере она базируется и на информационных методах, методах анализа изображений и др.

Видоизменились с точки зрения используемых методов и многие другие «традиционно криминалистические» роды и виды экспертиз. Методы исследования изображений используются в трасологической экспертизе наряду с методами электронной микроскопии. Вообще в силу усложнения и комплексирования общеэкспертных методов становится все труднее выделять из их числа сугубо криминалистические.

В то же время развитие криминалистической науки, ее общей и частных теорий расширяет ранее существовавшие рамки использования криминалистических знаний. Такие частные теории, как, например, теория криминалистической иден-

тификации и теория криминалистической диагностики, являются обосновывающим знанием не только для экспертиз, называемых традиционными криминалистическими, но и для большинства других. Общими являются и криминалистические рекомендации по собиранию вещественных доказательств — объектов судебных экспертиз, их фиксации и изъятию.

В силу синтетической природы криминалистической науки именно криминалистикой формулируются критерии допустимости использования того или иного метода в доказывании, условия применения этих методов, возможности исследования объектов, но не создаются конкретные методики экспертного исследования. Криминалистика (криминалистическая техника) в современных условиях уже не является единственной базовой наукой для традиционных криминалистических экспертиз. Но в то же время она становится одной из базовых наук для всех судебных экспертиз.

Поскольку комплексирование и взаимное проникновение знаний закономерно приводит к стиранию граней между криминалистическими и некриминалистическими экспертизами, интеграции разных родов и видов судебных экспертиз, можно сделать вывод о единой природе последних. Таким образом, утрачивается принципиальное различие между традиционными криминалистическими и прочими судебными экспертизами, что автоматически приводит к прекращению многолетней дискуссии на эту тему. Более того, нельзя согласиться с отнесением судебной экспертизы к криминалистическим в современных условиях играет негативную роль, поскольку при этом во главу угла ставит именно криминалистические познания.

С нашей точки зрения, основаниями подразделения судебных экспертиз на роды и виды являются характер исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами. В классы же объединяются роды судебных экспертиз, относящиеся к одной или близким отраслям специальных знаний, которые к тому же используют сходный инструментарий. Поэтому объединение в один класс криминалистических экспертиз почерковедческой, дактилоскопической, трасологической и портретной экспертизы не выдерживает критики. Неясно, почему взрывотехническая экспертиза отнесена рядом авторов к криминалистическим, а пожарно-техническая — нет. Такая классификация внутренне противоречива.

С развитием собственной методической базы судебные экспертизы все больше отдаляются друг

от друга. Последнее, что их объединяло, кроме базовой науки криминалистики, — это использование полученных результатов в расследовании и раскрытии преступлений, розыске преступников. Но экспертизы, называемые традиционными криминалистическими, могут назначаться и при рассмотрении гражданских и административных дел.

Вместе с тем при проведении как новых недавно сформировавшихся экспертиз, так и уже давно существующих, специалисты нередко решают сходные задачи, оперируют одними и теми же диагностическими и идентификационными признаками. Это касается, например, фоноскопической и автороведческой экспертиз, судебной лингвистической экспертизы, исследующих соответственно устную и письменную речь, баллистической и взрывотехнической экспертиз и др.

Причем основной единицей классификации, по нашему мнению, является род экспертизы. Многие из родов подразделяются на виды и подвиды. Что касается классов экспертиз, то это самая динамичная, изменяющаяся категория, в наибольшей степени зависящая от интеграции и дифференциации научного знания [7]. Классы используются в основном при составлении учебных планов при подготовке судебных экспертов в рамках высшего образования по специальности «судебная экспертиза». В соответствии с теорией судебной экспертологии классификация судебных экспертиз осуществляется не по методам экспертных исследований, которые, как отмечалось выше, являются общеэкспертными, а по исследуемым объектам с учетом решаемых задач. Поэтому эксперты больше не подразделяются на объектовок и методников при определении их компетенции. Эксперты-методники сохранились только в классификаторе экспертных специальностей Минюста России, причем в перечне родов и видов экспертиз, выполняемых экспертами этого ведомства, классификация экспертиз по методам исследования уже не применяется. А в перечне экспертных специальностей они дифференцируются по физическим и физико-химическим методам исследования (применение методов молекулярной спектроскопии, атомной спектроскопии, рентгенографических методов, рентгеноспектральных методов, методов электронной микроскопии и хроматографических методов). Думается, что такая градация — некая дань традиции, поскольку неясно, как могут эксперты по таким специальностям, как, например, «исследование лакокрасочных материалов и покрытий», «исследование нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов» или «исследование изделий из

металлов и сплавов», не владеть инструментальными методами исследования вещественных доказательств. Очевидно, что разделение экспертов на объектовок и методников возможно только в больших экспертных центрах, когда за приборами закреплены определенные сотрудники. Однако это чисто ведомственное решение (*приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Российская газета. 2013. 6 февраля.*) [8]. В других ведомствах эксперты специализируются исключительно по видам экспертиз (*приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 30 августа.*) [9].

Рассмотрим подробнее процессы возникновения, формирования и развития судебных экспертиз на основе:

1) закономерностей возникновения новых родов (видов) экспертиз, экспертных методов и методик в процессе интеграции и дифференциации научного знания. Закономерность интеграции научных знаний проявляется как необходимость комплексного использования при решении экспертных задач методов различных наук и отраслей знания, что, как правило, обусловлено также комплексной природой объектов. Закономерность дифференциации научных знаний проявляется в разделении судебных экспертиз на роды, виды и подвиды в зависимости от объектов и решаемых задач, в обособлении отдельных видов и подвидов экспертиз, а также в дифференциации самих специальных знаний по областям, определяющим экспертную специализацию и границы компетенции.

2) закономерностей постоянного качественного и количественного видоизменения знаний, определяющих компетенцию рода (вида) экспертизы, а также необходимость обеспечения компетентности эксперта в масштабах всей системы судебной экспертизы.

Отметим, что род или вид судебной экспертизы согласно методологической функции теории судебной экспертологии можно считать сформировавшимся, когда четко сформулирован предмет экспертизы, определен круг исследуемых объектов, сформулированы основные решаемые зада-

чи, разработаны методические подходы (а в идеале методики) экспертного исследования [8].

Поскольку все судебные экспертизы находятся на разных стадиях формирования, нельзя говорить о едином основании для их подразделения по классам, родам и видам. Генезис судебных экспертиз, который идет по двум магистральным направлениям, и для каждого характерны свои особенности и трудности [9].

Процесс укрупнения: из вида (подвида) – в род, из рода – в класс. Этот процесс может быть связан с появлением нового вида экспертизы внутри уже существующего за счет актуализации ранее существующих или видоизменения (модификации) объектов, которые ранее редко исследовались [10]. Появление нового вида экспертизы может быть обусловлено модификацией существующих или возникновением новых объектов [11], расширением возможностей экспертизы формирования качественно новых экспертных технологий, что зачастую способствует выработке вида экспертизы в род, а рода – в отдельный класс [12].

Процесс разделения из класса – в роды и виды. Необходимость решения комплекса качественно новых общих экспертных задач, согласно теории судебной экспертологии, и появление в связи с этим новых объектов исследования может служить предпосылкой формирования нового класса или рода судебных экспертиз, а не вычленения их из уже существующих. В этом случае на ранних стадиях формирования класса экспертизы родовое деление, если оно есть, может осуществляться по отраслям знания. Постепенно, по мере развития рода экспертизы, выделяются специфические объекты исследования – вещественные доказательства, формулируются специфические, свойственные только данной экспертной деятельности задачи, разрабатывается инструментарий. По мере развития видовое деление осуществляется уже по исследуемым объектам [13, 14].

Из истории развития судебных экспертиз можно вывести закономерность, заключающуюся в том, что пока экспертиза только формируется и родового деления нет, она именуется по названию той науки, откуда черпается основная часть специальных знаний. Сначала эти экспертизы проводят, как правило, негосударственные судебные эксперты – сотрудники различных научно-исследовательских и иных организаций, преподаватели вузов и др.

В дальнейшем, когда наименование родов или видов судебной экспертизы по исследуемым объектам в совокупности с решаемыми задачами уже

устоялось, количество экспертных исследований существенно возрастает. Экспертизы начинают проводиться в государственных судебно-экспертных учреждениях [15].

Проблемы, возникающие при расширении круга экспертных задач за счет появления новых методов исследования и совершенствования экспертных технологий при исследовании традиционных и новых объектов уже существующих родов и видов экспертиз, решаются:

путем разработки типовых вопросов, выносятся на разрешение эксперта в соответствии с новыми типовыми экспертными задачами;

путем постановки экспертных экспериментов, корректировки существующих и разработки новых типовых экспертных методик;

путем апробации новых экспертных методик.

Далее необходимо уточнение экспертных компетенций для решения новых задач и исследования новых объектов, а также уточнение терминологического аппарата.

При появлении качественно новых классов и родов судебных экспертиз возникающие проблемы гораздо сложнее и объемнее. Во-первых, как уже указывалось, сначала эти экспертизы, как правило, проводятся лицами, далекими от судопроизводства, которые при этом руководствуются не экспертными технологиями, а исключительно сведениями из «большой науки». Анализ процесса формирования новых родов и видов судебных экспертиз показывает, что сначала экспертиза полностью отвечает какой-либо науке или отрасли знания и целиком основывается на ней. При этом судебно-экспертная специфика еще отсутствует. При появлении нового рода или вида экспертизы первоначально возникает представление, что специальных знаний, взятых из «большой науки», вполне достаточно для решения экспертных задач. Более того, лица, привлекаемые в качестве экспертов, зачастую не видят различий между судебно-экспертной и научной деятельностью.

Другая не менее серьезная проблема заключается в том, что ученые и специалисты, привлекаемые для производства новых видов судебных экспертиз, не знают азов материального и процессуального права, не всегда осознают юридические последствия данных ими заключений для участников судопроизводства, иными словами, не понимают, «как слово их отзовется».

Зачастую такие специалисты допускают выход за пределы своей компетенции — берутся за решение вопросов, являющихся прерогативой правоприменителя, или вопросов, для ответов на которые вообще не требуется специальных знаний.

Руководствуясь общей теорией судебной экспертологии для новых родов и видов судебных экспертиз необходимо:

определение предмета судебной экспертизы;

конкретизация и типизация экспертных задач;

формулирование на основе типичных экспертных задач перечней вопросов, выносимых на разрешение эксперта;

обособление и классификация объектов экспертного исследования;

выбор методов из «большой науки» и определение их специфики;

разработка в соответствии со стадиями экспертного исследования экспертных технологий;

формирование терминологического аппарата класса или рода судебной экспертизы;

разработка технологии подготовки заключения эксперта.

Далее следует формирование экспертных компетенций сначала для класса (рода), затем деление на виды по мере разработки методических подходов родов, видов экспертиз, а также создание программ подготовки экспертов.

Новые роды и виды экспертиз должны интегрироваться в существующие ведомственные перечни. Однако сравнение перечней родов и видов судебных экспертиз, на основании которых выдаются квалификационные свидетельства государственным судебным экспертам различных ведомств, показывает, что даже названия экспертиз, решающих одни и те же задачи сильно различаются (например, финансово-экономическая финансово-кредитная экспертиза; фоноскопическая и фонографическая).

В этой связи необходима унифицированная классификация судебных экспертиз по родам и видам, за основу которой целесообразно принять разработанную общей теорией судебной экспертологии научную классификацию, поскольку согласовать ведомственные классификации вряд ли возможно. Кроме того, трудно будет убедить сообщество негосударственных экспертов принять какую-либо одну ведомственную классификацию.

Можно констатировать, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Приказом Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561 создан Технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза», на который возложены функции по национальной, межгосударственной и международной стандартизации в области экспертной деятельности. В состав Комитета вошли уполномоченные представители Минюста России, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ,

ФСКН, Генеральной прокуратуры РФ, Верховного Суда РФ и других государственных органов, государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, профессиональных объединений судебных экспертов, вузов.

К числу основных задач, решаемых Техническим комитетом, в частности, относятся:

разработка национальных стандартов, норм и рекомендаций в области стандартизации судебно-экспертной деятельности;

обеспечение единства измерений, технической и информационной совместимости, сопоставимости результатов судебно-экспертных исследований;

создание систем обеспечения качества экспертного производства, систем поиска и передачи данных, проведения работ по унификации в области судебной экспертизы и др.

В 2016 г. подготовлены первые стандарты по родам судебных экспертиз, согласованы основные термины и определения.

Литература

1. Россинская Е.Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // *Lex Russica*. 2013. № 4. С. 421–428.
2. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2015. № 4 (40). С. 10–18.
3. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1980. – 183 с.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. М., 1996. – 224 с.
5. Шляхов А.Р. Предмет, система, объекты, методика и правовые основы судебных экспертиз // *Назначение и производство судебных экспертиз / отв. ред.: Г.П. Аринушкин, А.Р. Шляхов М., 1988. С. 7–13.*
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. М., 1997. – 521 с.
7. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. – 735 с.
8. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2016. – 368 с.
9. Россинская Е.Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2014. № 3. С. 114–121.
10. Майлис Н. П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. М., 2015. – 236 с.
11. Меланич Е.В. Криминалистическое исследование сигнальных устройств в уголовном и гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 256 с.
12. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М., 2001. – 416 с.
13. Майорова Е.И. Биологические и экологические экспертизы в судопроизводстве // *Закон*. 2003. № 3. С. 38–41.
14. Россинская Е.Р. Формирование и развитие судебно-экологической экспертизы как нового класса судебных экспертиз // *Актуальные проблемы судебно-экологической экспертизы. Материалы Международного семинара экспертов СЭУ министерств юстиции государств-членов ЕврАзЭС, 17–20 октября 2011 г. М., 2011. С. 14–25.*
15. Россинская Е.Р., Омелянюк Г.Г. Судебно-почвоведческая экспертиза: современное состояние и перспективы развития // *Воронежские криминалистические чтения. Сб. науч. трудов. Вып. 4. Воронеж, 2003. С. 255–270.*

References (transliterated)

1. Rossinskaya E.R. Sovremennye predstavleniya o predmete i sisteme sudebnoi ekspertologii [Modern ideas about the subject and system of forensic expertology] *Lex Russica*, 2013, no. 4, pp. 421–428. (In Russian, abstract in English)
2. Rossinskaya E.R. Sovremennaya sudebnaya ekspertologiya – nauka o sudebnoi ekspertize i sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti [Modern forensic expertology – the science of forensic examination and judicial-expert activity] *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and Practice of Forensic Science]*, 2015, no. 4 (40), pp.10–18. (In Russian, abstract in English)
3. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. Sudebnaya ekspertologiya [Forensic expertology]. Volgograd, 1980. 183 p. (In Russian)

4. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v ugovnom, grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. Moscow, 1996. 224 p. (In Russian)
5. Shlyakhov A.R. Predmet, sistema, ob'ekty, metodika i pravovye osnovy sudebnykh ekspertiz [Subject, system, objects, methodology and legal basis of forensic examinations]. In Arinushkin G.P., Shlyakhov A.R. (eds.) *Naznachenie i proizvodstvo sudebnykh ekspertiz [Appointment and production of forensic examinations]*, Moscow, 1988, pp. 7–13.
6. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: V 3 t. [Course of Forensic Science: in 3 vol.]. Moscow, 1997. T. 2. 521 p.
7. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse. Izd. 3 pererab. i dop. [Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 3-d edition] Moscow, 2014. 735 p.
8. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Teoriya sudebnoi ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya) [Theory of Forensic Expertise (forensic expert examination)]. Rossinskaya E.R. (ed.) Moscow, 2016. 368 p.
9. Rossinskaya E.R. Genezis i problemy razvitiya novykh rodov i vidov sudebnykh ekspertiz [Genesis and problems of development of new kinds and kinds of judicial examinations]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA). [Bulluten of MSAL University]*, 2014, no. 3, pp. 114–121.
10. Mailis N.P. Trasologiya i trasologicheskaya ekspertiza: kurs lektsii [Trasology and traso-examination: a course of lectures]. Moscow. 2015. 236 p.
11. Melanich E.V. Kriminalisticheskoe issledovanie signal'nykh ustroystv v ugovnom i grazhdanskom sudoproizvodstve: diss. ... kand. jurid. nauk. [Forensic investigation of signaling devices in criminal and civil legal proceedings; diss. ... kand. of legal sciences] Moscow, 2007. – 256 p.
12. Rossinskaya E.R., Usov A.I. Sudebnaya komp'yuterno-tekhnicheskaya ekspertiza [Forensic computer-technical examination]. Moscow, 2001. 416 p.
13. Maiorova E.I. Biologicheskie i ekologicheskie ekspertizy v sudoproizvodstve [Biological and ecological expertise in legal proceedings]. *Zakon [Law]*, 2003, no. 3, pp. 38-41.
14. Rossinskaya E.R. Formirovanie i razvitie sudebno-ekologicheskoi ekspertizy kak novogo klassa sudebnykh ekspertiz [Formation and development of forensic environmental examination as a new class of forensic examinations]. In *Aktual'nye problemy sudebno-ekologicheskoi ekspertizy. Materialy Mezhdunarodnogo seminarra ekspertov SEU Ministerstv yustitsii gosudarstv-chlenov EvrAzES, 17–20 oktyabrya 2011 [Actual problems of forensic ecological examination. Materials of the International Seminar of Experts of the SEA of the Ministries of Justice of the EurAsEC Member States, October 17–20, 2011]*. Moscow, 2011, pp. 14–25.
15. Rossinskaya E.R., Omel'yanyuk G.G. Sudebno-pochvovedcheskaya ekspertiza: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Forensic-pedological expertise: current state and development prospects]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya: Sb. nauch. trudov. Voronezh, Vyp. 4 [Voronezh forensic readings: collected works. Issue. 4]*, 2003, pp. 255–270.

КРИМИНАЛИСТИКА

УСТАНОВЛЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

Милованова Марина Михайловна

Цель. В последнее время массовые беспорядки в современном обществе получили большое распространение, а обеспечение общественного порядка и безопасности требует от правоохранительных органов действенных мер по их предупреждению и пресечению в связи с тем, что такого рода деяния представляют особую опасность не только для личности, но и для общества и государства. Их расследование – сложный и трудоемкий процесс, предусматривающий установление обстоятельств, подлежащих доказыванию и иной криминалистически значимой информации. Это позволяет получить ответы на вопросы о том, где, когда, при каких обстоятельствах начались массовые беспорядки, в чем заключался и чем завершился данный процесс, а также выявить виновных в массовых беспорядках лиц и привлечь их к уголовной ответственности.

Методология: диалектика, анализ, синтез, дедукция, индукция, формально-юридический метод.

Выводы. Криминалистически значимая информация представляет собой фактические сведения, непосредственно относящиеся к событию и обстоятельствам совершения преступления, а также иные сведения, используемые в процессе расследования. Для установления механизма массовых беспорядков необходимо выявить и проанализировать имеющуюся криминалистически значимую информацию, ее объем и характер. Ее содержание составляет сведения о событии, времени, месте, обстановке и способе совершения преступления механизме слеодообразования; о личности субъектов преступной деятельности в зависимости от отведенной им в этом преступлении роли, наличия криминального опыта и т.д. Численность участников массовых беспорядков в каждом конкретном случае зависит от степени интенсивности их действий и преследуемой цели.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование позволяет дополнить существующее представление о влиянии криминалистически значимой информации на эффективность расследования массовых беспорядков. Его результаты должны быть использованы в работе сотрудников правоохранительных органов с целью улучшения качества раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков, а также применяться при доработке учебных программ по криминалистике, уголовному процессу и оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: преступление, расследование, массовые беспорядки, криминалистически значимая информация, механизм преступления.

Эффективность расследования любого преступления зависит от криминалистически значимой информации, поступающей в распоряжение следователя. В свое время ее определение было дано профессором Р.С. Белкиным, который предложил понимать под такой информацией «сведения, данные, имеющие отношения к раскрытию и расследованию преступления, то есть информацию, содержащуюся в доказательствах, и ориен-

тирующую – полученную из непроцессуальных источников и не имеющую доказательственного значения» [2, с. 83]. Абстрагируясь от полемики по поводу определения понятия криминалистически значимой информации отметим, что семантически слово «информация» обозначает сведение, разъяснение [10]. Следовательно, криминалистически значимая информация представляет собой фактические сведения, непосредственно относя-

щиеся к событию и обстоятельствам совершения преступления, а также иные сведения, используемые в процессе расследования.

На успех расследования оказывает влияние объем и качество накопленной и систематизированной криминалистически значимой информации о совершенных преступлениях, способах их подготовки, совершения и сокрытия, орудиях и средствах, механизме следообразования, жертве и предмете преступного посягательства, косвенных участниках преступного события. Кроме того, на эффективность расследования влияет умение следователя использовать подобную информацию в своей деятельности для установления, розыска и отождествления преступников, иных интересующих следствие объектов или явлений.

Сказанное в полной мере относится к расследованию массовых беспорядков, поскольку от наличия и объема криминалистически значимой информации, имеющейся в распоряжении следователя, напрямую зависит успех предварительного расследования.

Как известно, массовые беспорядки в последнее время получили широкое распространение, а обеспечение общественного порядка и безопасности требует от правоохранительных органов действенных мер по их предупреждению и пресечению в связи с тем, что такого рода преступления представляют особую опасность не только для личности, но и для общества и государства.

Расследование массовых беспорядков – сложный и трудоемкий процесс, предусматривающий установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и иной криминалистически значимой информации. Специфика указанных деяний помимо установления схемы их начала и развития требует досконального исследования вопросов, касающихся механизма совершения в ходе массовых беспорядков преступлений; связи массовых беспорядков с другими правонарушениями; объектов нападения; характеристики отдельных личностей и в целом толпы, принимавшей участие в совершении противоправных действий при массовых беспорядках; наличия оружия, его характеристик и применения; причин массовых беспорядков, конкретных поводов и условий, способствовавших их возникновению; способов сокрытия преступлений. Особое внимание следует уделить анализу признаков, свидетельствующих о назревании новых беспорядков с целью их предупреждения и предотвращения. Их возникновение может быть обусловлено иной целью, например, насильственным захватом власти. В этом случае начавшиеся массовые беспорядки способны перерасти в вооруженный мятеж.

Криминалистически значимая информация о личности участников массовых беспорядков в ходе расследования данных преступлений также имеет значение для установления механизма совершения преступления. А также конкретной роли субъекта преступной деятельности, отведенной ему на этапах, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием противоправного деяния. В этой связи следует учитывать, что состав участников массовых беспорядков неоднороден. В первую очередь это организаторы и подстрекатели. Количественный состав таких лиц многочисленный и предопределен их особой ролью – они образуют некое руководящее и направляющее ядро, активно используя обстановку массовых беспорядков для достижения своих преступных целей, и в зависимости от них могут как принимать, так и не принимать непосредственного участия в погромах, поджогах, иных преступлениях общеуголовной направленности и действиях, сопровождающих массовые беспорядки.

Для организаторов массовых беспорядков главной целью является дестабилизация ситуации и причинение максимального ущерба. В этой связи решение о непосредственном участии в совершении преступления формируется под влиянием различных причин, способных спровоцировать такие беспорядки, – экономических, политических, этнических, религиозных, экологических, субкультурных, антигосударственных, антиполицейских.

Участниками массовых беспорядков являются также лица, внедренные в толпу людей, активно поддерживающие организаторов и подстрекателей. Их роль предопределена целью, которую преследуют организаторы массовых беспорядков, а действия направлены на ее достижение. Необходимо учитывать, что действия указанных выше лиц, принимающих участие в массовых беспорядках, как правило, отличаются слаженностью и организованностью, поскольку ими реализуется заранее разработанный сценарий. В связи с этим одни осуществляют публичные призывы к массовым беспорядкам, противоправным и иным незаконным действиям, другие совершают действия по уничтожению или повреждению чужого имущества, устраивая уличные погромы, разбивая окна домов, витрины магазинов, офисов, иных помещений. Действия таких лиц в ряде случаев сопровождаются применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых или отравляющих веществ, а также предметов, используемых в качестве оружия. Третьи, пользуясь ситуацией хаоса, совершают хищения чужого имущества с мест погромов,

а свои действия могут сопровождать насилием. Отдельные лица с целью сокрытия следов преступной деятельности, действуя в составе группы в соответствии с отведенной им ролью в совершении преступления, могут поджигать объекты, используя заранее подготовленные для этого горючие вещества.

Кроме того, участниками массовых беспорядков являются обычные любопытные граждане, которые составляют основную часть толпы и активизируют ее ядро самим фактом своего присутствия.

Таким образом, численность участников массовых беспорядков в каждом конкретном случае зависит от степени интенсивности их действий и намеченной цели.

Анализ следственной и судебной практики позволяет дать характеристику наиболее активным участникам массовых беспорядков. Как правило, это молодые, физически крепкие мужчины спортивного телосложения. Их действия отличаются жестокостью, дерзостью, поскольку были заранее спланированы. Однако к ним могут примкнуть и подключиться к активным действиям на любом этапе начавшихся массовых беспорядков лица, имеющие криминальную жизненную установку, а также негативно настроенные по отношению к власти. Нередко в момент совершения преступления они могут находиться в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, токсического).

Согласно исследованиям, проведенным В.Г. Енгибаряном, активными участниками и организаторами массовых беспорядков являются лица различного возраста, разных профессий и национальностей. По гендерному признаку 86% составили мужчины, 14% – женщины. Из них 8% не достигли 18-летнего возраста, 14% – были моложе 25 лет, 78% – старше 25 лет. При этом в 6% случаев они не имели полного среднего образования; 88% проживали в местности, где произошли массовые беспорядки; 22% – ранее судимы за различные преступления, 4% – страдали психическими заболеваниями [4, с. 30].

Поскольку массовые беспорядки не могут возникать случайно или внезапно, так как почвой для них обычно служат просчеты и недостатки в деятельности органов власти и управления, органов местного самоуправления, в работе должностных лиц, криминалистически значимой информацией будут являться сведения о происходящем накаливании обстановки в данном населенном пункте, районе или регионе до критической точки. Как правило, это длится более или менее определен-

ный период времени и не может оставаться незамеченным. Вместе с тем поводом для массовых беспорядков может стать любая внешняя провокация, связанная с экстремальными проявлениями жизнедеятельности социума – от недовольства деятельностью (бездействием) органов власти и местного самоуправления, невыплаты рабочим и служащим заработной платы, закрытия предприятий до плохой работы правоохранительных органов, повышения уровня криминогенной обстановки и т.п.

Массовые беспорядки могут происходить на территории не только конкретных населенных пунктов, но и закрытых учреждений, таких как исправительные и воспитательные колонии. В этом случае на первый план обычно выходят антитипичные причины их возникновения, а поводом для этого могут стать противоправные действия администрации, связанные с унижением, оскорблением, применением физического и иного насилия, специальных средств, оружия к осужденным, ужесточение по отношению к ним режимных требований и т.п.

В подобных случаях существует специфика и проблема установления и доказывания причастности субъектов преступной деятельности как к организации, так и к действиям, связанным с непосредственным участием в массовых беспорядках, обусловленным сложившимися «традициями» уголовной среды и нежеланием либо боязнью давать показания по факту произошедшего под страхом расправы со стороны осужденного уголовного контингента. В ходе расследования массовых беспорядков в таких учреждениях следует учитывать неформальные уровни управления процессами, происходящими в среде осужденных, и их иерархию относительно статуса осужденного как в целом, так и в месте отбывания наказания. Как показывает практика, организаторами массовых беспорядков здесь являются «воры в законе» или «смотрящие», а активными участниками – лица, ранее неоднократно судимые, в том числе за совершение различных насильственных преступлений, так называемые «торпеды» или «бригадиры».

Криминалистически значимую информацию составляют также сведения о личности типичной жертвы. При расследовании массовых беспорядков необходимо учитывать не только особенности личности жертвы, но и ее связи, взаимоотношения с событиями массовых беспорядков, поведенческие проявления до преступления (в том числе спровоцировавшие его), во время его совершения (в том числе оказываемое противодействие)

и после его совершения. Жертвой массовых беспорядков могут стать: 1) должностные лица органов государственной власти и управления, иных организаций; посягательство на них в большинстве случаев реализуется в виде угроз либо применения насилия как следствие предпринятых ими усилий по пресечению массовых беспорядков; как правило, цель действий преступников – например, добиться прекращения или изменения служебной или общественной деятельности этих лиц; 2) непосредственные участники массовых беспорядков; 3) обычные граждане, оказавшиеся в обстановке массовых беспорядков.

Кроме того, в эпицентре массовых беспорядков оказываются различные материальные объекты, являющиеся собственностью физических, юридических лиц, муниципалитета или государства. Они служат предметом преступного посягательства и также могут подвергаться агрессивному воздействию толпы. В частности, это движимое имущество (товарно-материальные ценности, транспортные средства и т.п.); недвижимое имущество (помещения, занимаемые органами государственной власти и управления, органами местного самоуправления, полицией, прокуратурой, судами, другими учреждениями и организациями); жилища граждан; здания культового назначения (церкви, храмы, мечети, синагоги и т.п.); памятники истории и культуры; стратегически важные объекты – электро- и водозаборные станции и проч.

В процессе расследования преступлений часто приходится сталкиваться с действием фактора времени, который нужно рассматривать с учетом обстоятельств расследуемого преступного деяния. В данном случае криминалистически значимой будет являться информация о времени подготовки к массовым беспорядкам, их совершении, поскольку развитие событий, их последствия во многом зависят от того, насколько хорошо были спланированы и подготовлены эти действия, как долго длились беспорядки и т.п. Как правило, период массовых беспорядков в среднем не превышает двух суток. Однако в ряде случаев они могут охватывать и более длительный временной период.

Место массовых беспорядков избирается преступниками обдуманно. Предварительно оно подвергается оценке с точки зрения возможности реализовать свой преступный умысел, применить оружие, привлечь граждан, скрыться, будучи незамеченными. Имеют место случаи, когда предполагаемое место, где планировались массовые беспорядки, приспособлялось субъектами пре-

ступной деятельности под конкретную обстановку с внесением конструктивных изменений.

Обычно массовые беспорядки происходят в общественном месте: на улицах, площадях, скверах, парках, зрелищных мероприятиях и т.п. Их отличительной особенностью является скопление большого количества людей. Именно в такой обстановке преступники могут использовать имеющиеся в распоряжении различные виды оружия. Как показывает анализ следственной и судебной практики, для причинения вреда здоровью человека, уничтожения, повреждения имущества ими применяются огнестрельное, газовое, холодное, метательное, пневматическое, сигнальное оружие, электрошоковые устройства и искровые разрядники, а также взрывчатые вещества или взрывные и поджигающие устройства. С этой же целью в качестве оружия используются любые предметы (камни, палки, обрезки арматуры, цепи, горлышки стеклянных бутылок и т.п.), в том числе спортивного (бейсбольные биты) и хозяйственно-бытового назначения (различные инструменты: молотки, монтировки и т.п.). Их можно разделить на две группы: 1) специально подготовленное для применения в массовых беспорядках; 2) случайно попавшее под руку участников массовых беспорядков. Несмотря на разную степень опасности, все они имеют одинаковое криминалистическое значение для расследования.

Вооруженность толпы зависит от общей ситуации и подготовленности выступления. В начале, как правило, используются лишь подручные средства – камни, палки, куски битого стекла, горлышки битых бутылок, иногда успевают подготовить бутылки с зажигательной смесью. По мере того, как беспорядки приобретают затяжной и все более организованный характер, заранее продумываются и подготавливаются средства вооружения. С этой целью используются предметы хозяйственно-бытового назначения (топоры, лопаты, вилы, иные инструменты), промышленные отходы (обрезки арматуры, труб, заостренные металлические клинья, «звезды» и другие отходы штамповок), специальные приспособления для нанесения увечий (булавы, пики, палки с гвоздями на конце, удавки, багры), огнестрельное оружие, в том числе охотничьи ружья, снайперские винтовки, автоматическое оружие, пулеметы, вплоть до артиллерийских орудий, ракетных установок, боевой техники (танков, бронетранспортеров, вертолетов).

Субъекты преступной деятельности при совершении массовых беспорядков также активно используют различные автотранспортные средства,

акустические системы, микрофоны, рупорные громкоговорители, предметы, которые облегчают совершение преступления, а также документы (листочки, газеты, иные носители информации).

Важное криминалистическое значение для установления механизма преступления имеет информация о способе подготовки, совершения и сокрытия массовых беспорядков. Эффективным можно считать выявленный оперативным путем факт приготовления к организации или участию в массовых беспорядках. Подготовительные действия к ним выражаются в разработке плана (сценария) совершаемых действий; в составлении списков предполагаемых объектов проведения беспорядков и объектов нападения; в подборе групп активных участников преступных посягательств и распределении ролей каждого из них; в приобретении оружия, боеприпасов, взрывчатых, горючих веществ и иных предметов, используемых в качестве оружия с целью последующего вооружения участников массовых беспорядков; в подготовке акустических технических средств, различного рода письменных материалов, направленных на провоцирование беспорядков.

На стадии приготовления к организации или участию в массовых беспорядках предупреждение этого преступления может осуществляться посредством выявления лиц (групп лиц), приискивающих оружие и средства совершения преступления, умышленно создающих условия для совершения погромов, поджогов, разрушений и других противоправных действий.

В качестве распространенных способов сокрытия преступлений, совершенных в ходе массовых беспорядков, могут производиться действия по запугиванию потерпевших и свидетелей, вплоть до их убийства, повреждения и уничтожения их имущества. Особенности отображаемых при этом следов являются источниками розыскной информации.

Криминалистически значимая информация о следах преступления и механизме следообразования имеет значение для установления личности преступников, обстоятельств и механизма преступления.

Любое преступление оставляет после себя разные материальные и нематериальные следы. Для массовых беспорядков характерны следы погромов, поджогов, разрушений и др. Помимо тради-

ционных следов человека (рук, ног, крови, иных объектов биологического происхождения и проч.), типичными при совершении данных преступлений являются следы: орудий и инструментов; транспортных средств (которые могут быть как орудием преступления, так и объектом, пострадавшим во время беспорядков); огнестрельного оружия, патронов и последствий их применения; иного вида оружия; взрывчатых и химических веществ, взрывных устройств и их применения.

Следует учитывать, что события массовых беспорядков могут запечатлеваться с помощью различных технических устройств (видеокамер, фотоаппаратов, мобильных телефонов, смартфонов, планшетов и т.п.). Фиксировать происходящее могут как обычные граждане, так и сотрудники средств массовой информации. Сделанные ими фотографии и записи должны быть тщательно изучены и приобщены к материалам уголовного дела. Кроме того, отличительная черта процесса следообразования при совершении массовых беспорядков состоит в том, что значительный объем криминалистически значимой информации остается в памяти людей, принимавших активное или пассивное участие в массовых беспорядках, в том числе пресекающих противоправные действия. Такое положение предопределяет необходимость работы с идеальными следами.

Резюмируя изложенное, отметим, что для установления механизма массовых беспорядков необходимо выявить и проанализировать криминалистически значимую информацию, ее объем и характер. При этом ее содержание будут составлять сведения о: событии, времени, месте и обстановке совершения преступления; способе совершения массовых беспорядков; механизме следообразования; личности субъектов преступной деятельности в зависимости от отведенной им в этом преступлении роли, наличия криминального опыта и проч. Кроме того, установление криминалистически значимой информации при расследовании массовых беспорядков позволяет получить ответы на вопросы о том, где, когда, при каких обстоятельствах начались массовые беспорядки, в чем заключался и чем завершился данный процесс, выявить виновных в массовых беспорядках лиц и привлечь их к уголовной ответственности.

Литература

1. Арипов Э.А. Уголовная ответственность за массовые беспорядки: по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 22 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

3. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. – 565 с.
4. Енгибарян В.Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы: по материалам Республики Армения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 2015. – 60 с.
5. Ершов В.А., Костылева Г.В., Милованова М.М. Методика расследования преступлений против жизни и здоровья граждан, совершаемых членами неформальных групп (движений): науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2007. – 136 с.
6. Ильясов А.З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999. – 222 с.
7. Краснощекоев Я.В. Нейтрализация утраты криминалистически значимой информации при производстве следственных действий в ситуациях противодействия расследованию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. – 26 с.
8. Криминалистические средства и методы собирания доказательств: учеб. пособие / отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. – 288 с.
9. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2002. – 304 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

References

1. Aripov E.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za massovye besporyadki: po materialam Kyrgyzskoi Respubliki i Rossiiskoi Federatsii. [Criminal responsibility for mass riots: based on materials of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation]: avtoref. dis. ... kand. jurid. Nauk. Moscow, 2008. 22 p. (In Russian)
2. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya entsiklopediya [Forensic encyclopedia] 2-e izd. dop. Moscow: Megatron KhKhI Publ., 2000. 334 p. (In Russian)
3. Grigor'ev V.N. Rassledovanie prestuplenii v chrezvychainykh usloviyakh (pravovoe obespechenie, organizatsiya, metodika) [Investigation of crimes in emergency conditions (legal provision, organization, methodology)]: dis. ... dokt. jurid. nauk. Moscow, 1993. 565 p. (In Russian)
4. Engibaryan V.G. Rassledovanie massovykh besporyadkov: teoreticheskie, organizatsionnye i metodiko-kriminalisticheskie osnovy: po materialam Respubliki Armeniya [Investigation of the riots: theoretical, organizational and methodiko-criminalistic bases: on materials of the Republic of Armenia] Avtoreferat dis. ... dokt. juridicheskikh nauk. Moscow, 2015. 60 p. (In Russian)
5. Ershov V.A., Kostyleva G.V., Milovanova M.M. Metodika rassledovaniya prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya grazhdan, sovershaemykh chlenami neformal'nykh grupp (dvizhenii) nauch.-prakt. posobie [Methods of investigating crimes against the life and health of citizens committed by members of informal groups (movements): a scientific and practical guide] Moscow: Yurlitinform Publ., 2007. 136 p. (In Russian)
6. Il'yasov A.Z. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy massovykh besporyadkov [Criminal and criminological problems of mass disorders]: dis. ... kand. jurid. nauk. Makhachkala, 1999. 222 p. (In Russian)
7. Krasnoshchekov Ya.V. Neitralizatsiya utraty kriminalisticheskoi znachimoi informatsii pri proizvodstve sledstvennykh deistvii v situatsiyakh protivodeistviya rassledovaniyu [Neutralization of the loss of forensically significant information in the conduct of investigative actions in situations of counteraction to the investigation]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2008. 26 p. (In Russian)
8. Kriminalisticheskie sredstva i metody sobiraniya dokazatel'stv: ucheb. posobie [Forensic tools and methods of collecting evidence: manual] Ed. by Ishchenko E.P. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 288 p. (In Russian)
9. Kustov A.M. Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya. Tsikl leksii. [Criminalistics and the mechanism of crime. Cycle of lectures] Moscow: Psychological-Social Institute Publ., 2002. 304 p. (In Russian)
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova [Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language named after V.V. Vinogradova] 4-th edition. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999, 944 p. (In Russian)

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ЖОРЖ ДЕ ЛАТУР И КРИМИНАЛИСТЫ

Звягинцев Александр Григорьевич

Цель. Описать важность и разнообразность работы криминалиста на примере установления подлинности картины Жоржа де Латура «У ростовщика».

Методология: биографический метод.

Выводы. Автор в описании одного из наиболее известных дел по установлению авторства картины «У ростовщика» кандидатом юридических наук А.А. Герасуном и прокурором-криминалистом Ю.И. Седовым приходит к заключению о сложности, но в то же время многогранности и содержательности профессии криминалиста.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного библиографического исследования могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса криминалистики в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: криминалистика, автороведческая экспертиза, почерковедческая экспертиза, Жорж де Латур.

Однажды – я работал тогда в Киеве, в Прокуратуре УССР – по служебным делам оказался во Львове, в кабинете прокурора-криминалиста А.А. Герасуна.

Кстати, напомним, что прокуроры-криминалисты появились в штате прокуратуры по указанию Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в 1954 г. Цель – обеспечить качественное расследование и своевременное раскрытие особо тяжких преступлений. Прокурор-криминалист должен был помогать следствию, используя новейшие научные разработки, криминалистическую технику и собственный опыт. Поэтому прокуроров-криминалистов набирали из самых опытных прокуроров и следователей, на счету которых было множество раскрытых дел.

А.А. Герасун считался одним из лучших прокуроров-криминалистов Украины. Веселый, немного полноватый, он сидел в своем массивном кресле за письменным столом, а телефон почему-то стоял на приставном столике сбоку, в двух шагах от него. Трезвонил он постоянно, и поэтому Герасун то и дело бросался к аппарату. Поговорив, опять плюхался в кресло.

В какой-то момент я не выдержал и спросил:

– Александр Абрамович, может, телефон на стол поставить? Или кресло на колесиках завести? Он засмеялся.

– А физкультура? Вам хорошо, вы молодой еще, вон какой поджарый, а мне что прикажете делать? Полнею ведь! Двигаться надо, вот и придумал зарядку.

– А может, все же лучше зарядку делать по утрам?

– Лень, – честно признался Герасун. – И потом, если здоров – к чему зарядка? А если болен – зарядка уже не поможет. Вот и придумал способ...

Тут опять зазвонил телефон, и Герасун выпрыгнул из кресла. Но прежде чем снять трубку, протянул мне лист бумаги:

– Вот почитайте ...

– А что это?

– Вы прочитайте, потом расскажу.

Вот что я прочитал.

«Министерство культуры Украинской ССР. 16 апреля 1974 года.

Прокурору Львовской области тов. Антоненко Б.Т.

Прокурором-криминалистом Львовской областной прокуратуры, кандидатом юридических наук тов. Герасуном А.А. и прокурором-криминалистом тов. Седовым Ю.И. было проведено технико-технологическое исследование картины Жоржа де Латура «У ростовщика» из собрания Львовской картинной галереи. Проведенная ими экспертиза выявила подпись художника, которая была сфотографирована, и установила ее аутентичность.

Таким образом, благодаря активной и кропотливой помощи товарищей Герасуна А.А. и Седова Ю.И. была разгадана тайна картины, которая окружала ее почти три столетия.

Дирекция Львовской картинной галереи сердечно благодарит работников Львовской областной прокуратуры за проделанную большую работу и выражает надежду на дальнейшее тесное творческое сотрудничество с ними.

С уважением, директор Львовской картинной галереи Б. Возницкий».

Закончив разговор, Герасун уселся в свое слово вросшее в пол кресло, и спросил с улыбкой:

- Ну, как документик?
- Интересный.

– Вот так вот! Мы тут не только убийц и насильников ловим, но и культурные ценности стране возвращаем!

И он начал рассказывать об истории этой картины, а телефон, словно проникнувшись важностью момента, ни разу не зазвонил.

Об этом я краем уха уже кое-что слышал, но без подробностей, и стал задавать вопросы. Уже через полчаса мы ходили по залам Львовской картинной галереи и беседовали с Б.Г. Возницким, который скрупулезно излагал события, связанные с картиной ...

Сентябрьским утром 1972 г., когда Париж еще спал, от Лувра по украшенным национальными флагами улицам в сопровождении эскорта вооруженных мотоциклистов отъехала бронированная машина. В аэропорту из нее вышли двое мужчин. На их глазах грузчики вынесли из машины ящик и после соответствующего оформления погрузили его в самолет, который вылетал в Москву. попрощавшись со спутником, в самолет поднялся один из мужчин, ехавших в броневике. Это был Б.Г. Возницкий, которого провожал представитель Министерства культуры Франции. Он вывозил на родину картину выдающегося живописца первой половины XVII в. Жоржа де Латура «У ростовщика». После пятимесячного экспонирования во Франции картина возвращалась во Львов.

Ничего особенного в торжественном эскорте не было. Все выдающиеся произведения живописи перед отправкой в заграничное турне страхуются и во избежание каких-либо неожиданностей транспортируются под надежной охраной.

Однако почему в столице Франции в мае того же 1972 г. при подготовке к открытию выставки произведений Жоржа де Латура как к великому событию в культурной жизни страны, когда сюда были свезены все творения, которые так или иначе связывали с именем этого мастера, когда многометровые репродукции его картин украшали весь город, картину, которую по просьбе французского посольства в Москве вез Возницкий, не встречали ни бронированная машина, ни эскорт вооруженных мотоциклистов?

Дело в том, что французские искусствоведы, занимавшиеся творчеством де Латура, не были уверены, что картина «У ростовщика» принадлежит кисти этого художника. И их сомнения можно было понять. Ведь было известно, что в мире существует 31 картина де Латура, причем только на восьми из них имеется его собственноручная подпись. Организаторам выставки в Лувре было также известно о существовании еще около 20 картин, авторство которых в разное время приписывали де Латуру. Вот вместе с этими работами, авторство которых остается под вопросом, на выставку и была приглашена картина из Львова. А таким картинам эскорт не полагался.

– На следующий день после прибытия в Париж я отправился в Лувр, – рассказывал Возницкий, – и стал свидетелем необычной сцены. Нашу картину, которая еще не была вывешена, внимательно рассматривали, стоя на коленях, несколько известнейших искусствоведов. Несмотря на мнение старейшего эксперта по творчеству де Латура профессора Париже, приписавшего львовский оригинал другому мастеру, картина «У ростовщика» все-таки была отнесена к раннему периоду творчества этого мастера и выставлена среди его признанных творений. Этому, естественно, предшествовал и длительный обмен мнениями между организаторами выставки, споры...

Но меня интересовал еще и другой вопрос: а кто первый высказал предположение, что автор полотна «У ростовщика», хранящегося во Львове, именно Жорж де Латур? Ведь долгие годы считали, что эту картину написал голландец Хонтхорст. И как принадлежащее его кисти, полотно на протяжении двух веков кочевало из одной частной коллекции в другую и, наконец,

из собрания последних владельцев, семьи Оссолинских, где его отнесли к французской школе живописи, оказалось в фондах Львовской картинной сокровищницы. Там его сочли произведением Ромбоутса и хранили под названием «Меняла», а позднее атрибутировали как полотно Хонтхорста.

Выяснилось, что еще в 1953 г. старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа М.И. Щербачева предположила, что картина принадлежит кисти де Латура. Одна из напечатанных уже после ее смерти статей вызвала большой интерес у искусствоведов. В ней М.И. Щербачевой детально анализировались сюжет, композиция, светотени, манера живописи – присущие многим, на первый взгляд, простым с точки зрения сюжета картинам Жоржа де Латура, которые хранятся в музеях Нанта, Парижа, Берлина, Эпиналя. После этого французы и пригласили картину в Париж.

Заместитель директора Львовской картинной галереи по научной работе Е.А. Рипко считала, что прямых доказательств у Щербачевой не было, так как она основывалась лишь на сопоставлении живописных качеств этого полотна и других картин мастера. В то же время Е.А. Ряпко высоко оценила смелость выдвинутой гипотезы.

Тем не менее картина еще долго продолжала экспонироваться в голландском зале. Правда, на багете «Ростовщика» появилась табличка «Произведение неизвестного художника» ...

Через несколько месяцев после возвращения картины из Лувра полотно было отправлено в Ленинград, где формировалась выставка работ караваджистов – последователей великого итальянского мастера Караваджо. Дело было зимой. Стояли сильные морозы, в результате варварской транспортировки картина пострадала. Когда она была доставлена в Эрмитаж, оказалось, что верхний слой лака местами поврежден. Требовалась реставрация. Необходимые работы с согласия Львовской картинной галереи тогда проводил ленинградский реставратор И. Косолапов. Тогда же он вместе с московским профессором Ю. Болотовым провел спектральный анализ полотна, выявивший странный след кисти в левом углу картины. При более детальном осмотре выяснилось, что под ним скрывается чья-то подпись. Но чья? Де Латура? Или какого-то другого художника? И как это установить? Ведь восемь своих работ Жорж де Латур подписал по-разному... И когда картина вернулась во Львов, Б.Г. Возницкий обратился к прокурору-криминалисту А.А. Герасуну.

Итак, перед ним и Ю.И. Седовым стояла весьма сложная задача: не только изучить подпись в инфракрасных лучах, но и сфотографировать ее, а затем установить ее принадлежность де Латуре.

С немалым трудом – время основательно потрудились над картиной – криминалисты все же не только рассмотрели размытую подновителями подпись, сфотографировали ее, но и установили, что краски, которыми написана картина, и та краска, которой сделана подпись, нанесены на холст в одно и то же время.

Однако требовалось также подтвердить авторскую принадлежность подписи. Сделать это ученым из Львовской картинной галереи было не просто. И все же тщательное изучение характера почерка дало основания утверждать: да, подпись под этой картиной принадлежит де Латуре. Причем подпись на полотне «У ростовщика» ближе всего к той, которая поставлена на картине «Отречение Петра», принадлежащей к раннему периоду творчества мастера.

Досье

Имя лотарингского художника Жоржа де Латура (1593–1652), практически забытого в позднейшие времена, во второй половине XX в. стало едва ли не самым известным в мировой живописи, а сегодня – и одним из самых дорогих.

Долгое время его творения приписывали либо голландским мастерам Герриту ван Хонтхорсту и Теодору Ромбоутсу, либо итальянскому живописцу Микеланджело Меризи да Караваджо. И только в 1926 г. известному французскому исследователю Пьеру Ландри случайно попала в руки картина «Шулер», оригинальная и смелая по композиции. Поверхность многофигурного произведения сохранила подпись – «Жорж де Латур». Впоследствии были найдены еще две версии этой картины, а в Амстердаме – картина «Поклонение пастухов», также подписанная де Латуром. В 1946 г. в небольшом замке неподалеку от Манса было найдено полотно «Ворожея». В июне 1960 г. эта картина, приобретенная за большие деньги, была выставлена в нью-йоркском музее «Метрополитен», на что вся французская пресса откликнулась с возмущением.

Жорж де Латур (Georges de La Tour) родился в Вик-сюр-Сей в Лотарингии и до своей смерти 30 января 1652 г. жил близ Люневиля. Помимо нескольких документов, содержащих сведения о его женитьбе в 1621 г., назначении официальным художником Люневиля в 1644 г. и главным живописцем короля в 1646 г., никакой информации о нем не сохранилось.

Обычно на картинах де Латура, написанных в манере Караваджо, изображены освещенные пламенем свечи ночные сцены; их отличает геометрически строгая композиция и напряженность религиозного чувства. Художник любил изображать библейских персонажей в облики нищих и крестьян. На полотне «У ростовщика» старик-процентщик отсчитывает монеты. Вокруг него застывшие в напряженном ожидании люди. На

лицах отблески догорающей свечи. Тихое таинство света, мрачная молчаливость теней...

Кстати, когда эту картину упаковывали для отправки из Парижа во Львов, комиссар выставки П. Ландри сказал Б.Г. Возницкому: «Полотно можно оценить в миллион шестьсот тысяч долларов». И он не шутил – за картину «Шулер» Лувр заплатил 2 млн долларов. Сегодня полотно де Латура стоит многократно дороже.

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ЯБЛОКОВА ДЛЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КАБИНЕТА

Цель. Для передачи накопленного опыта и знаний Криминологическим кабинетом МГЮА имени О.Е. Кутафина был организован ряд встреч студентов с известными учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки юриспруденции. Одна из таких встреч состоялась с выдающимся ученым-криминалистом Николаем Павловичем Яблоковым.

Методология: интервью.

Выводы. Интервью, проведенное студентами Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина под руководством Президента Союза криминалистов и криминологов, а также руководителя Криминологического кабинета с Н.П. Яблоковым, позволило узнать интересные факты из его биографии, услышать выводы и умозаключения, основанные на жизненном опыте, погрузиться в историю криминалистики, поднять вопросы, не относящиеся непосредственно ни к одному из традиционных разделов криминалистики, уяснить социальную функцию и тенденции развития криминалистики.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса криминалистики в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интервью, криминалистика, экспертная деятельность, судебная экспертиза, основоположники криминалистики, выдающиеся криминалисты, биография криминалиста, история криминалистики, криминалистика за рубежом, криминологический кабинет.

Яблоков Николай Павлович

Беседовали: Президент Союза криминалистов и криминологов Игорь Михайлович Мацкевич, руководитель Криминологического кабинета Себила Якубовна Саламова, студенты пятого курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Виктория Капоченя, Александр Наумов, Владимир Замураев.

Николай Павлович Яблоков – выдающийся советский и российский ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, почетный работник Прокуратуры РФ, один из основателей современной российской криминалистики.

Н.П. Яблоков родился 20 декабря 1925 г. в городе Фурманове Ивановской области. Во время Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы учился и работал в системе авиационной промышленности. В 1946 г. окончил авиационный техникум и поступил в Московский юридический институт, после окончания которого работал старшим экспертом Центральной криминалистиче-

ской лаборатории ВИЮН Министерства юстиции СССР (1950–1953 гг.). С 1953 по 1956 гг. работал начальником отдела криминалистических учреждений Министерства юстиции РСФСР. В 1955 г. Н.П. Яблоков защитил кандидатскую диссертацию по теме «Техническая экспертиза документов в криминалистике», а в 1972 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности». С 1956 г. началась его педагогическая деятельность. Он работал доцентом, профессором, а затем заведующим кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1985–2012 гг.). С 2012 г. — профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Н.П. Яблоков награжден 16 медалями и является автором более 250 печатных работ. К его основным трудам относятся: «Криминалистическое исследование материалов документов» (1961 г.), «Расследование несчастных случаев, связанных с производством» (1965 г.), «Расследование и предупреждение преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности» (1971 г.), «Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда» (1980 г.), «Предмет, система и теоретические основы криминалистики» (1984 г., в соавт.), «Криминалистическая методика расследования: (некоторые теоретические положения)» (1985 г.), «Криминалистика социалистических стран» (1986 г., в соавт.), «Криминалистические особенности дорожно-транспортных преступлений и их предупреждение» (1990 г., в соавт.), «Основы борьбы с организованной преступностью» (1996 г., в соавт.), «Криминалистика в вопросах и ответах» (2000, 2005, 2006 гг.), «Криминалистика» (1990, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010 гг., в соавт.), «Криминалистика» (2001, 2008, 2009, 2011, 2012 гг.), «Расследование организованной преступной деятельности» (2002 гг.), «Криминалистика. Практикум» (2005 г., в соавт.), «Криминалистика: природа и система» (2005 г., в соавт.), «Борьба с мафией в Китае» (2006, 2009 гг., в соавт.), «Криминалистика: природа, система, методологические основы» (2009, 2011 гг., в соавт.).

Встреча Президента Союза криминалистов и криминологов И.М. Мацкевича, руководителя Криминологического кабинета С.Я. Саламовой и активных участников Кабинета студентов пятого курса Виктории Капоченя, Александра Наумова, Владимира Замураева с Николаем Павловичем состоялась в стенах Московского государственного

юридического университета имени О.Е. Кутафина. В качестве слушателей на встрече также присутствовали студенты пятого курса Института судебных экспертиз МГЮА имени О.Е. Кутафина. Беседа получилась содержательной и интересной для всех ее участников.

О юридической и педагогической деятельности

Замураев В.: Николай Павлович, почему Вы решили заниматься юридической деятельностью? Почему решили стать именно экспертом?

Яблоков Н.П.: Свою юридическую деятельность я начал еще со студенческой скамьи. На 4-м курсе, нет, в конце 3-го курса, я начал заниматься в криминалистическом кружке. У нас существовал юридический институт, который потом слился с университетом, и в структуре этого института была криминалистическая лаборатория. И я, значит, стал активным членом кружка. С нами там занимались преподаватели, например, Нирский Олег Яковлевич, не знаю, называли ли вам эту фамилию. Очень хороший был ученый, криминалист, он прививал нам навыки экспертно-криминалистической деятельности. На 4-м курсе я уже работал в этой криминалистической лаборатории. Она на хозрасчетной основе выполняла экспертизы для следственных, судебных органов. Собственно, с этого и начался мой путь в криминалистике.

После окончания института я остался в лаборатории института, но потом она слилась с Институтом Центральной криминалистической лаборатории в системе Всесоюзного института юридических наук. И я перешел туда. В этом институте поступил в заочную аспирантуру и работал экспертом. Некоторое время спустя в стране начала формироваться система экспертно-криминалистических учреждений Министерства юстиции СССР. И, соответственно, в Министерстве юстиции СССР был создан отдел, который руководил всеми лабораториями, создававшимися во всех республиках. В Союзе была целая система учреждений. Меня назначили начальником такого отдела. Я, собственно, еще мальчишка совсем — мне тридцати лет не было, а уже стал начальником криминалистического отдела Министерства юстиции РСФСР.

В системе Минюста было примерно девять лабораторий. Я объездил их все. У меня уже был опыт экспертной работы.

В Центре отделом руководил Шляхов, знает такую фамилию? (*Студенты улыбаются и пожимают плечами.*) (*Шляхов Андрей Романович — известный ученый-криминалист, доктор юридических*

наук. С 1952 г. долгое время работал в аппаратах Минюста СССР и РСФСР). Он был начальником отдела, а я был у него подчиненным по России. Потом у нас был период, когда Минюст был ликвидирован, не стало Министерства юстиции. Переименовали его, даже не помню как, в общем, какое-то чудное название было. Александр Иванович перешел в другое ведомство, а я — на педагогическую работу.

И начал я работать во Всесоюзном юридическом заочном институте. Это тот институт, на котором родился ваш университет (МГЮА имени О.Е. Кутафина). Начал работать преподавателем. К тому времени я защитил диссертацию по техническому исследованию документов (по-другому — технико-криминалистическая экспертиза документов). У меня опыт накопился, я, как раз, занимался этой экспертизой. Сколько же я там работал? (Вспоминает.) Три года. объездил все филиалы. Там работа, так сказать, многостаночная была. Бывало, что возвращаешься из одного филиала, у меня уже командировка в другой. Вот такая у меня жизнь была. Потом неожиданно поступило приглашение перейти в Университет Московский (МГУ имени М.В. Ломоносова). Это для меня было неожиданно. Собственно, я уже прижился в ВЮЗИ, все было нормально, но декан юридического факультета настойчиво меня уговаривал. Как потом оказалось, происходил обмен, надо было одного доктора наук перевести в ВЮЗИ, а меня — в МГУ. Там была конфликтная ситуация. Этому доктору наук нужно было профессорское звание, но в МГУ этот процесс очень длительный, а в ВЮЗИ все можно было очень быстро решить. Вот, значит, он и попросил, чтобы его обменяли. И с тех пор я работаю в МГУ, в 2019 г. будет 60 лет. (Смеется.) Начал доцентом, потом стал профессором, 25 лет руководил кафедрой криминалистики. Сейчас являюсь профессором этой кафедры. Вот такой мой жизненный путь.

Про обучение в Московском юридическом институте

Наумов А.: Николай Павлович, расскажите, пожалуйста, про свои студенческие годы. Как Вы совмещали работу с учебой? Насколько было тяжело? Чем Вас заинтересовала криминалистика?

Яблоков Н.П.: Я должен сказать, что был влюблен в криминалистику. Кстати, лекции нам читал Иван Николаевич Якимов который, собственно, стоял у истоков нашей отечественной криминалистики. (Якимов Иван Николаевич (1884–1954) — доктор юридических наук, профессор МГУ, первый

заведующий кафедрой криминалистики МГУ.) Потом он создал кафедру криминалистики в университете и руководил ей до своей смерти. Ну и к тому же я в лаборатории работал. Так что знания у меня были обширные. Во всяком случае, экспертная деятельность у меня была успешной, и вообще, весь мой путь в экспертно-криминалистической системе был, я бы сказал, благополучный. В конце концов, начальником отдела страны назначили, огромной страны — все учреждения криминалистические были в моем подчинении.

Надо сказать, что многие из моих сокурсников стали профессорами. Набор был 1946 года — это второй послевоенный год. Студентами были в основном участники войны. У нас на курсе 400 человек было, в основном мужчины. И тыловая служба, и герои Советского Союза, несколько героев было на курсе. Все были. В общем, время серьезное такое. И все учиться хотели. Учились мы с большой охотой, учились после этих военных лет! Учеба такая была, активная. Ну и, конечно, вся профессура, о которой сейчас можно только по учебникам, так сказать, знать, — все они не только в МГУ преподавали, но и у нас. Это были мэтры еще дореволюционного периода. Они учились и преподавали и в Московском университете (В годы становления Советской власти (1917–1931) юридический факультет подвергся структурным преобразованиям. Ныне существующий Юридический факультет воссоздан в структуре МГУ 7 марта 1942 г. В МГУ было создано юридическое отделение, на которое были переведены проживавшие в Москве студенты Московского юридического института.) В общем, время было очень интересное. Хотелось учиться и получать знания, лоботрясов не было. Так что коллектив был такой — солидный: некоторым студентам уже по 30 лет было. Мне-то 21-й год шел, когда я стал студентом.

Про экспертную деятельность

Замураев В.: Николай Павлович, как мы поняли, у Вас богатый опыт в проведении различных видов экспертиз. Какими экспертизами Вы занимались, какой был самый запоминающийся случай из практики?

Яблоков Н.П.: В основном я занимался почерковедческой экспертизой, как, кстати, и Иван Николаевич Якимов. Я работал, как уже говорил, в Центральной криминалистической лаборатории Всесоюзного института юридических наук при Министерстве юстиции. Иван Николаевич тоже работал в этом институте на полставки. Он часто принимал участие в проведении криминалистических экспертиз и почему-то положил глаз на

меня. *(Смеется.)* Приходил в лабораторию и говорил: «Николай Павлович, я хочу с вами делать «проверочную» (так он называл повторную экспертизу проверочной). Мы с ним примерно пять «проверочных» экспертиз сделали. *(Улыбается.)* Так что знакомство с Иваном Николаевичем состоялось в лаборатории. В МГУ я с ним поработать не успел. К моему переходу в университет он уже умер.

Ну что... Помимо почерковедческих, приходилось проводить и баллистические экспертизы, трасологические, техническое исследование документов. И тема то диссертации у меня была, как я уже говорил, по техническому исследованию документов. Моим научным руководителем в аспирантуре был Абрам Ильич Винберг. *(Винберг Абрам Ильич (1908–1989) — доктор юридических наук, профессор, один из ведущих отечественных криминалистов. Руководил Центральной криминалистической лабораторией ВИЮН Министерства юстиции СССР, кафедрой криминалистики Высшей школы МВД СССР, ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.)* Эту фамилию вы знаете? *(Студенты улыбаются, кивают головой.)* Но аспирантура у меня заочная была. Я все время учился заочно. И в юридическом институте сначала два года на заочном отделении, а уже потом перешел на дневное. Так что у меня трудовая жизнь была.

А что касается того, что запомнилось в экспертной практике... да не было ничего выдающегося. Много интересного было — это да. Приходилось проводить экспертизы по исследованию исторических документов. Много было документов, которые находили в местах захоронения военных. Приходилось восстанавливать много документов таких. Будничная была работа. Каких-то таких ярких впечатлений (задумался)... что-то не могу я припомнить.

О работе со следственными органами

Наумов А.: Расскажите, пожалуйста, о своей работе со следственными органами. Может быть, был какой-то интересный случай из практики?

Яблоков Н.П.: Ну, в МГУ я, конечно, экспертизой уже практически не занимался, мои интересы были в плоскости расследования преступления. У меня была очень тесная связь с прокуратурой Союза, я был членом научно-методического совета. Мне приходилось в составе оперативных групп выезжать на места совершения преступлений, даже в другие города.

Помню, было одно очень интересное дело, в котором местные органы следствия не могли разобраться. А ситуация такая: в Баймаке (город

в Башкирии) в одно и то же время, в один и тот же день в двух разных местах города были убиты по два человека. На головах у жертв были черные мешки. Было видно, что они никакого сопротивления не оказывали, буквально оказались расстреляны. И никаких концов! Причем убитые совершенно не были связаны друг. Трудно было за что-то зацепиться. Мы с бригадой следственного управления начали выяснять, откуда взялись мешки на головах жертв, и в итоге пришли к выводу, что это были ритуальные убийства. Рядом с одним из мест преступления находилась колония малолетних преступников. А как известно, что когда в какие-то организованные преступные группы вербуют людей, то их заставляют проходить определенные испытания, иногда заставляют совершить убийство. Короче говоря, они должны пролить кровь, чтобы запятнать себя кровью, и уже не избежать судьбы преступника. В итоге так и оказалось. Было установлено, что имелась возможность покинуть колонию и что организованная преступная группа вербовала молодых ребят, при этом им давали задание совершить ритуальное убийство. В конечном итоге мы с этим разобрались, но дело расследовалось очень долго.

В общем, у меня была тесная связь со следственным управлением, и частенько мы анализировали различные уголовные дела. У нас в МГУ я, будучи заведующим кафедрой, организовал следственно-оперативный кабинет. Там происходили встречи со следственными работниками, разбирались различные дела, читались лекции, приезжали военные следователи. В итоге, за эту деятельность я получил звание Почетного работника прокуратуры Российской Федерации. *(Смеется.)*

Про монографию о китайской мафии

Капоченя В.: Мы знаем, что одна из Ваших монографий посвящена мафии в Китае. Как Вы вышли на эту тему? Чем она Вас заинтересовала? Ездили ли Вы в Китай, чтобы подробно ее изучить?

Яблоков Н.П.: У меня ученик был, аспирант из Китая. Не знаю, как он попал в университет, потому что он, по существу, был капитаном китайской службы безопасности. А как он попал в Университет, я не знаю. Парнишка он хороший был, очень мне понравился. Он сначала магистратуру закончил. А во время обучения в аспирантуре я был его научным руководителем. Когда он выбирал тему для кандидатской диссертации. Я, поскольку занимался делами, связанными с организованной преступностью (у меня работы были),

предложил: «Давай подготовим работу о китайской мафии». Ну конечно, помогал ему, а он добывал все эти материалы. Диссертацию он защитил успешно. Впоследствии этот молодой человек стал большим специалистом по работе с организованной преступностью. Работа — она называлась «Мафия в Китае» — получилась интересная, любопытная. Жалко, он погиб в Китае в дорожно-транспортном происшествии.

Мацкевич И.М.: Николай Павлович, а Ваш аспирант в ДТП случайно погиб или может быть это было...

Яблоков Н.П.: (*Перебивает.*) Я не знаю подробностей: специально или случайно, но погиб.

В китайской организованной преступности много интересного. К примеру, она могла послужить примером жестокости организованных преступных групп. За любую провинность там могли руку отрезать, чтобы человека инвалидом сделать. Мы были свидетелями того, как она там развивалась. В общем, любопытно было. Мне приходилось бывать в Китае. Так что я знакомился с различными материалами.

Об организованной преступности в Китае

Наумов А.: Николай Павлович, Вы сказали, что организованная преступность в Китае славится своей жестокостью. Есть какие-то особенности у нашей организованной преступности, которая отличала бы ее от китайской?

Яблоков Н.П.: Во-первых, что интересно, организованная преступность в Китае, как и у нас курировала определенные фирмы, они были под надзором этих организованных групп. Но если у нас, допустим, какая-то фирма вовремя не платила «дань» преступникам, чтобы они ее «крышевали», они могли эту фирму «раскурочить». Их не интересовала ее судьба, несмотря на то, что она, в общем-то, давала им соответствующие средства на существование. Организованная преступность в Китае — нет. Она тоже «крышевала» фирмы, но, если у какой-либо из них возникали финансовые проблемы, помогали ей, чтобы компания восстановилась, так сказать, наладила работу и продолжала исправно платить преступникам. Вот так вот! Кроме того, все деньги, которые они зарабатывали за рубежом, они возвращали в Китай и реализовали их в Китае, т. е. они ничего за рубежом на свои «грязные» деньги не приобретали, только у себя на родине. А наша организованная преступность все держит в офшорах. А наша страна ее не интересуется. Преступники приобретают за рубежом разные замки, фирмы и прочее. Китайская же мафия, например, когда в Китае

была грандиозная перестройка, в какой-то мере помогала своими финансовыми средствами. Так что там имело место содружество китайского руководства и преступности, негласное, конечно. Если можно так сказать, все было «шито-крыто», но они помогали перестроить структуру китайского общества.

А что касается жестокости... Да, мафия в Китае действует очень жестко, напористо, и сами преступления очень жестокие. Самое главное — все члены преступных группировок давали определенную клятву. Если допускали какие-то промахи, то наказание было жестокое. Причем все эти организованные группы имели разные любопытные названия — «Цветочки», например... Конечно, китайское руководство активно боролось с преступностью, в основном загнали ее в Гонконг. Сейчас она там процветает.

Кстати, китайская мафия и к нам проникла. Ведь у нас много китайцев, которые даже свой бизнес имеют. Организованные преступные группы из Китая проникают сюда и начинают «курочить» своих соплеменников. Но только их! наших коммерсантов они не трогают, только своих! Или занимаются переправкой в западные страны своих граждан и через нашу территорию тоже. Это у них самый активный промысел. Вот такие дела...

Об истоках криминалистики и криминалистике в социалистических странах

Замураев В.: Николай Павлович, Вами в соавторстве в 1986 г. был написан труд «Криминалистика социалистических стран». Как Вы считаете, в чем было кардинальное отличие этой отрасли науки по сравнению со странами капиталистического лагеря? Изменилось ли ситуация сегодня, когда уже не биполярный мир?

Яблоков Н.П.: Понятно. (*Кивает.*) У нас социалистическая аналитика возникла не случайно. Наша кафедра в МГУ была тесно связана с криминалистами Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии. И мы ездили туда, читали лекции о создании социалистического блока. Криминалистика социалистических стран стала строиться по нашему образцу. Раньше она была такая, как на Западе, но когда возник социалистический блок, вся аналитика перешла под нашу структуру, и методика, и тактика, и техника. Вот именно по такому принципу она строилась, потому что на Западе методики расследования как таковой нет. Это, собственно, часть криминалистики, которая является нашей, отечественной. У них вопросы методики растворяются в криминалистической тактике. И после развала социалистического бло-

ка те страны снова вернулись к западному образу, у них сейчас нет методики. Но вот что я скажу... Криминалистика в этих странах, т. е. вообще криминалистика за рубежом — это наука необязательная. И в Чехословакии она тоже была раньше необязательная, и в Польше, и в Болгарии.

Кстати, в Чехословакии руководил кафедрой криминалистики Пещак (*Ян Пещак — доктор юридических наук профессор, ученый-криминалист, действительный член АН ЧССР, чехословацкий государственный деятель Чехословакии, генерал-майор*). Очень большой ученый-криминалист. Он создал чешскую криминалистику. Потом занимал пост заместителя министра внутренних дел, был Генеральным прокурором Чехословакии. Когда в стране произошла революция, его посадили под домашний арест. Двух его дочерей и их мужей сняли с работы, а его самого заточили под домашний арест. Потом его еще долго преследовали бесконечные судебные процессы. Кошмар! Так же, как у нас 1930-е годы. В общем, сломали человеку жизнь. А такой ученый был большой! В общем, издевались над человеком.

Так вот, Пещак тесную хорошую связь имел с нами — работы совместные были, учебники, наши учебники издавали, свои учебники по нашему принципу делали.

В Польше, несмотря на некоторые особенности, то же самое было. В Болгарии, в Венгрии... Сейчас все изменилось. Криминалистика во всех этих странах уже редко преподается, на последних ролях в университетах. И то только по инициативе, по желанию студентов. А так нет. В западных странах она (криминалистика) стала чисто полицейской наукой. И, по существу, единственная страна, где криминалистика более-менее процветает и имеется солидная научная база — это Германия. (*После паузы.*) Вы знаете, кто был родоначальником криминалистики? (*Обращается к студентам.*) Кто создал криминалистику? Не знаете? (*Студенты пожимают плечами.*) Ребятки, это большой пробел! Ганс Гросс, большой ученый! (*Ганс Гросс (1847–1915 гг.) — знаменитый австрийский ученый, основоположник западноевропейской криминалистики и юридической психологии.*) Он окончил университет, долгое время работал судебным следователем. Этот человек не только обладал знаниями в юриспруденции, но и в области естественных, технических и многих других наук. И как следователь, он все эти знания использовал при расследовании и раскрытии преступлений, накопив громадный опыт. А до этого криминалистики не было! Были уголовное право, процесс. А вы сами понимаете: ни право, ни процесс — они не давали

никакой информации, которая сейчас дает криминалистика, они не изучали механизм совершения преступления, не изучали следы преступлений, не существовало методики как их искать, как искать преступников. В общем, вся эта деятельность по расследованию была вне поля зрения этих наук.

Во второй половине XIX в. на Западе в связи с научно-техническим прогрессом резко возросла преступность. Стали появляться транспортные средства, средства связи, активно развивалась промышленность. Из сельской местности в большие города хлынула масса людей. Ни уголовное право, ни процесс не были готовы противостоять преступности. И Г. Гросс понял, что нужна новая наука, которая бы давала знание: как искать следы, какие следы, как с ними работать, как изучать механизм совершения преступления, какие следы оставляет каждый вид преступления и т. д., какие навыки, привычки преступники используют при совершении преступления, как использовать специальные знания для расследования преступления. Конечно, к тому времени уже были опубликованы какие-то работы по данной тематике, были люди, которые работали в данном направлении. Кстати, знаете кто такой Альфонс Бертильон? (*Альфонс Бертильон (1853–1914 гг.) — французский юрист, создатель системы бертильонажа — одной из первых систем идентификации и регистрации человека по признакам внешности.*) Он активно занимался вопросами, которые у нас в криминалистике до сих пор изучаются: словесный портрет, идентификация, криминалистическая фотография... В общем, были работы Бертильона, были работы других юристов-специалистов. Вообще-то накопление криминалистической информации происходило по существу в процессуальной литературе, потому что криминалистической еще не было, и процессуалисты невольно вторгались в сферу, которая имеет не процессуальное, а криминалистическое значение. Но как использовать эти знания, они не знали. К этому времени уже появились работы ученых по дактилоскопии, по баллистике, которые Ганс Гросс изучал. В итоге обобщив огромный теоретический массив и накопив собственный опыт, он написал фундаментальную книгу, ставшую отправной точкой криминалистики — «Руководство для судебных следователей как система криминалистики». Под криминалистикой тогда понимали любую юридическую деятельность, а Ганс Гросс обосновал, что криминалистика — наука самостоятельная, она открывает новую область знания, которая важна для успешного раскрытия преступлений. Один из последователей

Ганса Гросса был Рейсс. (*Рейсс Рудольф Арчибальд (1875–1929) – один из основоположников криминалистики, немецкий и швейцарский криминалист.*) Этот швейцарский профессор создал криминалистическую школу, в этой школе прошли обучение некоторые наши дореволюционные криминалисты: Сергей Николаевич Трегубов, Сергей Михайлович Потапов. Это помогло им подготовить ряд своих работ. Правда, они имели компилятивный характер, но тем не менее это были первые такие отечественные работы по криминалистике.

Знаете, кто такой Буринский Евгений Федорович? (*Буринский Евгений Федорович (1848–1912) – криминалист, основатель первой криминалистической лаборатории в России, основоположник судебной фотографии.*) (*Обращается к аудитории.*)

Знаем! (*Возгласы из зала.*)

Это один из дореволюционных классиков, причем доморощенный. Если Трегубов (*Трегубов Сергей Николаевич (1866–1945) – известный военный юрист, криминалист, тайный советник, сенатор, общественный деятель*), и другие юристы, которые прошли школу Рейсса, писали работы на базе тех знаний, которые получали от Рейсса (значит, компилятивные работы были), то Евгений Федорович писал и работал на нашей отечественной базе, так сказать. Он, по существу, был родоначальником отечественной криминалистики, много занимался экспертизой, кстати, почерковедческой, разработал методику расследования свою экспертизы, и вообще придавал большое значение этой экспертизе. Фотографическая экспертиза, этого его тоже – он же проводил массу научных исследований, и в Российской академии наук ему дали задание на восстановление свитков. Откопали свитки, на которых плохо текст было видно. С помощью фотографических исследований он его восстановил и получил за это премию.

Однако, несмотря на имевшиеся предпосылки, криминалистика в дореволюционной России так и не родилась. Хотя работа Ганса Гросса, изданная в 1893 г., была переведена на русский язык в 1895 г. (*Был осуществлен перевод 2-го издания книги Г. Гросса под названием «Руководство для судебных следователей и чинов общей и жандармской полиции».*) В 1908 году еще одна работа была опубликована в России. (*Перевод 4-го издания – «Руководство для судебных следователей как система криминалистики».*) Конечно, юристы, которые занимались вопросами расследования преступления, интересовались работами Гросса, но классическая профессура не признавала криминалистику наукой, считая ее «ересью», и западная тоже. (*Смеется.*) Гроссу пришлось преодолеть

много препятствий, прежде чем криминалистика стала университетской дисциплиной. Поскольку, как вы знаете, в криминалистике много данных из естественных, технических наук, оппоненты считали, что в университетах она преподаваться не может. Только в начале XX в. эту науку признали университетской. Она все-таки она стала преподаваться у нас в России и то только в качестве факультатива и необязательной дисциплины. И впервые она стала преподаваться Трегубовым, затем в 1911 г. Потапов начал преподавать криминалистику в военной юридической академии. (*Потапов Сергей Михайлович (1873–1957) – доктор юридических наук, профессор, один из основателей отечественной криминалистики, инициатор создания теории криминалистической идентификации.*) Вот с этого начинается отсчет преподавания криминалистики в России. И в 2011 г. мы отпраздновали 100-летие ее преподавания в России. (*30 сентября 2011 г. в МГУ состоялась Международная научная конференция «Криминалистика: 100 лет преподавания в высших учебных заведениях России».*)

О прошлом и настоящем судебной экспертизы в России

Капоченя В.: Николай Павлович, Вы нам рассказали, как зарождалась наука судебной экспертизы. А какие перспективы и будущее у судебной экспертизы Вы видите?

Яблоков Н.П.: Сейчас, конечно, криминалистическая экспертиза от криминалистики, по существу, отошла. Она вошла в судебную экспертизу, т.е. она фактически есть в криминалистике, но как таковая уже в рамках судебной экспертизы. И, кстати, криминалистика признана юридической наукой.

В конце прошлого века Рафаила Самуиловича Белкина (*Белкин Рафаил Самуилович (1922–2001 гг.) – доктор юридических наук, профессор, выдающийся отечественный криминалист, заслуженный деятель науки РСФСР*) вдруг осенило, что криминалистика потеряла свою юридическую природу, что она вобрала в себя столько знаний из естественных и технических наук, что переполнилась этими знаниями и перестала быть юридической наукой. Мы с ним не согласились, правда, Елена Рафаиловна (*Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, специалист в области криминалистики и судебной экспертизы*) эту теорию своего отца пропагандирует. И, кстати, Рафаил Самуилович так и не дал определения данной науки. Если криминалистика – не юридическая наука, то какая? Любая на-

ука интегрирует в себя разные знания. К примеру, математика вошла во многие науки, и в естественные, и в гуманитарные. По существу, благодаря этому создавались новые виды наук. И криминалистика тоже вбирала знания других наук. Существует закон интеграции. При этом полученные знания возвращаются в преобразованном виде в другие науки. Криминалистика, например, тесно связана с уголовным правом и процессом. Но при этом своей природы она не потеряла. А та ее часть, которая связана с криминалистической экспертизой, естественно, переполнилась знаниями. И когда это переполнение произошло, судебная экспертиза отделилась от криминалистики.

Конечно, сегодня эта наука уже не та, какой была в наши дни. Она столько вобрала в себя всевозможных современных знаний... И сами виды экспертиз стали значительно шире и требуют очень серьезных знаний из областей многих других наук. Они требуют знания не только юриспруденции, но и соответствующих других базовых наук. В мои времена все эксперты были в основном юристами, а сейчас уже ситуация иная. Экспертное образование приходят получать люди с уже имеющимся высшим образованием, т.е. как дополнительное второе высшее. А мы были, в общем-то, универсалами: я проводил и почерковедческие, и баллистические, и трасологические экспертизы. А сейчас все разделено: сейчас почерковедческой экспертизой занимаются одни, трасологической – другие, баллистической – третьи и так далее.

О криминалистике за рубежом

Замураев В.: Вы считаете верным утверждение, что современный эксперт должен обладать множеством специальных знаний?

Яблоков Н.П.: Эксперт должен иметь широкие представления о разных видах экспертиз, но специализироваться в какой-то одной экспертизе. Кстати, я вам должен сказать, что наука криминалистика интернациональна. Вот скажете, почему? Эта наука не имеет границ. Но почему она не имеет границ? (*Обращается к студентам.*)

Замураев В.: Потому что она востребована во всем мире, разрабатывает средства борьбы с преступностью, а как таковые они во всем мире примерно одинаковые.

Капоченя В.: У преступности нет национальности.

Яблоков Н.П.: Вот допустим, если выпускник МГУ, который специализируется в области гражданского, уголовного права или процесса, то выехав за рубеж на постоянное место житель-

ство, он юристом работать там не сможет. Потому что там свое право: и гражданское, и уголовное, и процессуальное. Будьте любезны – пройдите обучение в наших университетах, и только тогда вы можете претендовать на занятие юридической деятельностью. А криминалистика – она такая же, как и за рубежом. Наши методики они могут использовать. Мы можем использовать что-то из опыта зарубежного, так сказать, без всяких купюр. И у нас, и за рубежом совершаются одни и те же преступления: и убийства, и изнасилования, мошенничество и т.д., и другой их набор не придумаешь. Поэтому они могут нашу методику использовать, мы – их. И для работы за границей нашему криминалисту перечиваться не надо. Кстати, у меня друг в свое время переехал в США и стал там работать экспертом без всякого дополнительного обучения. Более того, оказалось, что наши криминалисты значительно опытнее западных. Кстати, его часто просили выявить какие-то плохо видимые записи. Он говорил: «Да, пожалуйста», – и все это быстренько делал. Американские эксперты удивлялись, а для наших это было элементарно.

Сейчас в США приезжают наши ребята (криминалисты). Криминалистика там растворилась в криминологии и в полицейской науке, а как чистой науки в нашем понимании ее нет. Не с кем поговорить даже по вопросам криминалистики. Только криминологи, криминалистика у них под флагом криминологии. А полицейская, что это за наука? Там науки нет, там алгоритмы: делай так, делай этак. На месте происшествия следователю особенно рассуждать не надо, анализировать – это уже потом. Самое главное – действовать по алгоритму. Так что полицейская наука – это не то!

О системе генетической идентификации

Капоченя В.: Николай Павлович, Вы участвовали в разработке и утверждении системы генетической идентификации личности, писали научные труды, учебники, читали спецкурс в МГУ. Так вот, в чем роль этой системы в современной криминалистике? Какие плюсы и минусы этой системы? Есть какие-то проблемные места в этой теории?

Яблоков Н.П.: Ну что я скажу... Собственно генетическая идентификация в нашей стране не так давно возникла. На западе она очень бурно развивалась. У нас на кафедре по этим вопросам работает один профессор, доктор медицинских наук, она очень часто ездит на конференции в западные страны. Там очень широко развита система использования генетических данных и методы

там апробированные. У нас эта отрасль только начинает развиваться. Хотя некоторые ученые почему-то считают, что генетическая экспертиза – не криминалистика. Это вид идентификации, только особой идентификации. И у нас есть те, кто считает, что нет – это не наука! Хотя многие ученые давно признали генетическую экспертизу криминалистикой. Сейчас мы активно используем зарубежный опыт, и у нас активно данный вид идентификации начинает развиваться. Как вы знаете, есть система регистрации такого вида. Издан ряд работ по данной тематике, ей посвящены учебники и разделы в учебниках.

(после небольшого перерыва)

Об отношениях и дискуссиях с друзьями и коллегами

Яблоков Н.П.: Кстати, я должен сказать, что был знаком со многими нашими криминалистическими корифеями. С кем-то из них тесно сотрудничал, с кем-то общался от случая к случаю. Поверхностно был знаком только с Голунским Сергеем Александровичем (*Голунский Сергей Александрович (1895–1962) – доктор юридических наук, профессор, специалист по международному праву.*) Это единственный криминалист, который был членом-корреспондентом Академии наук. Выпускник МГУ. Он был большим государственным деятелем, заведовал нашей кафедрой.

После смерти Ивана Николаевича Якимова заведующим кафедрой криминалистики МГУ стал Александр Николаевич Васильев, бывший прокурор города Москвы. (*Васильев Александр Николаевич (1902–1985) – доктор юридических наук, профессор.*) Он меня перевел из ВЮЗИ (*Всесоюзный юридический заочный институт*) на кафедру МГУ, потому что он в ВЮЗИ тоже работал, руководил кафедрой. Я был знаком с Сергеем Михайловичем Потаповым. Абрам Ильич Винберг был моим научным руководителем. Рафаил Самуилович Белкин, Алексей Александрович Эйсман (*Алексей Александрович Эйсман (1915–1993) – доктор юридических наук, профессор, видный ученый-криминалист*), были моими хорошими друзьями. С Николаем Алексеевичем Селивановым (*Николай Алексеевич Селиванов – доктор юридических наук, профессор института Прокуратуры РФ*) мы учились в одной группе, потом он стал известным ученым-криминалистом. Хорошо знал Лузгина (*Лузгин Игорь Михайлович (1919–1993) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России*), Митричева (*Митричев Степан Петрович (1904–1977) – доктор юридических наук, профессор, известный ученый-криминалист*). Кстати, потом его сын (*Митричев Виталий*

Степанович (1930–1996) – доктор юридических наук, профессор, ведущий специалист в области применения в судебной экспертизе естественно-научных методов исследования) тоже стал заниматься экспертной деятельностью, но в системе ФСБ.

Об отношениях и дискуссиях с друзьями и коллегами (продолжение)

Замураев В.: Многие из числа ученых-криминалистов были вашими друзьями. Но, как известно, у ученых не всегда совпадают мнения по определенным вопросам. Как при этом Вам удавалось сохранять дружбу?

Яблоков Н.П.: В наше время было очень много всевозможных дискуссий. Даже защита диссертации могла превратиться в дискуссию. Приходило много народу, даже постороннего. Сейчас к защите потерян интерес, присутствует только узкий круг лиц, и все происходит как-то буднично. Но никогда дискуссии не переходили в плоскость личных отношений. Можно было дискутировать остро, но оставаться друзьями. Вот такой принцип. Кстати, Александр Николаевич Васильев был яростным оппонентом Белкина. Они все время полемизировали. И Белкин в своих работах часто вспоминал эти дискуссии. Помню, одну из своих книг он подарил Александру Николаевичу, подписав ее: «от его яростного оппонента». (*Смеется.*) Нет, как бы остро мы не спорили, это не сказывалось на личных отношениях.

О Токийском процессе

Наумов А.: Николай Павлович, хотелось бы отойти немного от темы криминалистики. Вы упомянули Васильева Александра Николаевича. В свое время он был обвинителем со стороны СССР в Токийском процессе. Рассказывал ли он Вам что-нибудь об этом процессе?

Яблоков Н.П.: Ну, Александр Николаевич на эту тему не очень распространялся... Кстати, первым обвинителем был Голунский, а Александр Николаевич заменил его.

Процесс был сложный, не такой как в Нюрнберге. Там были свои особенности, связанные с категорией преступников, так сказать, со спецификой Японии. Нет, ничего такого интересного Александр Николаевич об этом не рассказывал, хотя у нас были очень тесные отношения, мы вместе в командировки ездили. Но Токийского процесса в разговорах он не касался, а я не спрашивал.

О современной преступности

Наумов А.: Николай Павлович, как Вы оцените современное состояние преступности, появление новых видов преступлений, таких, например, как

киберпреступления? Преступления эволюционируют в силу глобализации общества и множества других явлений? Все становится хуже или лучше, как Вы считаете?

Яблоков Н.П.: Ну что я вам скажу... Организованная преступность сейчас приобретает новые формы. Да, это связано с глобализацией и многими другими явлениями. Преступность стала преступностью юридических лиц. Сейчас все чаще стали появляться организованные преступные группы в рамках определенной организации. Члены данной преступной организации — это весьма квалифицированные люди, занимающиеся профессиональной деятельностью, но в рамках данной деятельности они решают и криминальные задачи. Иными словами, это профессионалы в своей области и весьма высокого уровня, но в то же время свои знания они используют в преступных целях. Конечно, это осложняет раскрытие их преступлений. И самое главное, у нас не предусмотрена ответственность юридических лиц. За рубежом во многих странах такая ответственность существует. В Китае, например, юридические лица несут уголовную ответственность. У нас же только отдельных членов можно отследить и наказать, а саму организацию — нет. Ее можно «прижать», не давать ей возможности участвовать в каких-то конкурсах и так далее, но больше — ничего. В свое время Александр Иванович Бастрыкин, руководитель Следственного комитета РФ, ставил вопрос о том, что надо ввести ответственность юридических лиц.

Как вы знаете, в функции антимонопольной службы входит выявление различных махинаций таких организаций, мощных структур в различных сферах промышленности. А между тем, сговор крупных фирм сегодня уже не редкость. Конечно, это происходит не на уровне каких-то «бандюг». Руководителей крупных фирм собирают в ресторане, все обговаривают, заключают соглашения, выставляют свои цены и таким образом вытесняют всех конкурентов с рынка. Почему у нас цена на бензин вдруг ни с того ни с сего подскакивает? Значит, состоялся какой-то сговор. А ответственность какая? Административная. Ну, допустим, фирмы выплатят миллионы долларов, даже миллиард выплатят — им это как семечки, потому что они потом все компенсируют. Сговор фирм — очень серьезное преступление. А антимонопольная служба — она в лучшем случае только штрафы выписывает. Ни одного уголовного дела.

У меня один аспирант, работавший в антимонопольной службе, решил написать диссертацию

по расследованию «кофейных соглашений». Я ему говорю: «Ну хорошо, — говорю я. — А где дела? Ты должен изучить дела. Дел-то нет». И вот год работает, ничего не написал. Я ему советую: «Возьми другую тему. Ничего не получится». Так оно и вышло, хотя проблема, конечно, существует.

Что же касается киберпреступности, то в структуре МВД есть специальный отдел, который занимается расследованием преступлений данного вида. Это преступления интеллектуалов, причем молодых, «продвинутых». Американцы Россию тоже обвиняют в совершении киберпреступлений, наших хакеров. У нас действительно ребята такие мощные, знающие. И бороться с этой преступностью очень сложно.

О законодательстве в сфере уголовного права

Капоченя В.: Николай Павлович, как Вы оцениваете современное законодательство в сфере уголовного права? Как Вы считаете, есть какие-то положения в уголовном праве, которые препятствовали бы введению ответственности юридических лиц?

Яблоков Н.П.: Пока наше уголовное право не определило свою позицию по этому вопросу, и в этом плане какое-то движение не наблюдается. Хотя по этому поводу очень много дискутируют.

У нас уголовные процессы — это же вообще безобразие! Уголовный кодекс РФ едва успел вступить в силу, а в него уже внесено больше сотни поправок! Все время возникают какие-то вопросы и все время приходится перестраиваться. Я участников уголовных процессов жалею. Бедняги!

Мы в этом плане более-менее спокойно живем. Если что и меняется, то незначительно. Допустим, появляется новый состав преступлений, к примеру, в сфере экономики. Но у нас имеется методика по аналогичным преступлениям, и она может применяться и к новому преступлению. А если необходимо, мы разрабатываем новую методику. Так что у нас нормально, все остается стабильным.

О научных трудах

Капоченя В.: Скажите, сейчас Вы занимаетесь над каким-либо научным исследованием?

Яблоков Н.П.: Я сейчас пишу курс истории криминалистики.

Наумов А.: Это будет учебник или что-то иное?

Яблоков Н.П.: Нет, отдельный курс. Мы наметили издать несколько курсов — истории, методологии, криминалистической техники, тактики, методики. Вот столько курсов у нас выйдет!

Капоченя В.: И это будут как спецкурсы МГУ на юридическом факультете?

Яблоков Н.П.: Их использовать и как спецкурсы, и вообще в самых разных ситуациях. Это курс, который не занимается переделами того, что есть, а пытается дать что-то новое на базе того, что есть. Вот я ввяз в эту историю и теперь занимаюсь этим.

О личной жизни

Замураев В.: Николай Павлович, вопрос не о профессиональной, а о личной жизни. Как Ваша профессиональная деятельность, работа и преподавание, отразилась на Вашей личной жизни? Как Вы отвлекались от работы: музыка, театр, искусство? Как нам, будущим экспертам, отдыхать от работы?

Яблоков Н.П.: Кстати, моя жена тоже криминалист. Она почерковед, работала в институте судебной экспертизы, в федеральном центре судебных экспертиз. Мы с ней учились на одном курсе. Сейчас она, конечно, на пенсии, но она эксперт экстра-класса. До сих пор просят провести какие-то исследования. Хотя она отошла от дел, но без нее не могут. У нее, кроме знаний и умений, какое-то экспертное чутье.

А что касается жизни... у нас жизнь нормальная. Театр, кино, поездки — все это у нас было. Мы ездили во многие наши республики, бывали за границей. Вот сейчас я ездить за границу и в командировки не могу. На работу езжу только на такси. Короче, сейчас жизнь у меня уже неинтересная. *(Улыбается.)*

Наумов А.: Интереснее, чем у нас.

Советы будущим экспертам

Саламова С.Я.: Николай Павлович, Александр спросил, как им отдыхать, а я бы хотела Вас попросить дать некоторые советы, как им работать,

как заниматься научной и практической деятельностью. Может быть, Вы дадите им полезные советы для их будущей экспертной деятельности? С чего стоит начать, в каком направлении развиваться?

Яблоков Н.П.: Если молодой человек хочет получить хорошее образование, не просто окончить учебное заведение и потом работать где-то по другой специальности, а связать свое будущее с экспертной деятельностью, надо не только изучать учебники, но и изучать научную литературу. Ведь сейчас и в истории тоже много интересного. Вот я сейчас историей занялся — очень много интересного. А современная литература! Сейчас очень много интересной литературы, которая заставляет думать, размышлять. Необходимо стараться расширять свои знания, тем более экспертная и вообще криминалистическая деятельность требует знаний из многих других наук, криминалистика на этом основана. Она все в себя включает, является источником для проникновения знаний из других, не только юридических наук. Именно через криминалистику поступает информация из других наук — и в право, и в процесс, и т.д. То есть она впитывает в себя это. Если наука не будет следить за тем, что происходит в мире, и брать это на вооружение, она «захиреет», как и эксперты в этой области. Так что нельзя замыкаться на своей работе. Сейчас много такого интересного, что можно использовать в своей и практической работе, и в научной. Может быть, вы захотите написать диссертацию. Так что это самое главное, а все остальное придет со временем.

Замураев В.: Спасибо большое за уделенное время!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Андрей Станиславович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС Кузбасского института ФСИН России, alexsandrov_ac@mail.ru

Головненков Павел Валерьевич – доктор права, ассессор права, адвокат (г. Берлин, Германия), golovnenkov@googlemail.com

Деаноска-Трендафилова Александра – доктор, доцент научного центра уголовного права «Юстиниан I» юридического факультета Университета «Святых Кирилла и Мефодия», Скопье, Республика Македония, tupanceski@yahoo.com

Захаров Владимир Сергеевич – студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, vlzaharow@yandex.ru

Звягинцев Александр Григорьевич – член Союза криминалистов и криминологов, chupkk@mail.ru

Козодой Анастасия Александровна – студентка (бакалавр) Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, stacykozodoy@gmail.com

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Президент Союза криминалистов и криминологов, mackevich2004@mail.ru

Мацкевич Оксана Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московской академии Следственного комитета РФ, 4448907@mail.ru

Милованова Марина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, MMMILOVANOVA@msal.ru

Орлова Анастасия Владимировна – студентка (бакалавр) Института Прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, orlova9@mail.ru

Петровский Антон Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, kur_kubgu@mail.ru

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, член Союза криминалистов и криминологов, petryanin@mail.ru

Речкалова Ольга Олеговна – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, tott15995@gmail.com

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Семенов Александр Николаевич – студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, semeonov07@gmail.com

Степанов Павел Павлович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, pavel@stepanov.law

Халиуллин Адель Ильфатович – научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, adel@lenta.ru

Шевелева Светлана Викторовна – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета, профессор кафедры уголовного права, desan46@yandex.ru

Шелихов Дмитрий Игоревич – студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, dem177@yandex.ru

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, shestadi@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Alexandrov Andrey S. – Leitender Dozent der Abteilung für Organisation des Regimes und Aufsicht im Strafvollzugssystem des Kuzbass-Instituts des Föderalen Dienstes für die Vollstreckung der Strafen Russlands, Kandidat der Rechtswissenschaften, alexandrov_ac@mail.ru

Deanoska-Trendafilova Alexandra – Dr., Dozentin Wissenschaftszentrum Strafrecht “Justinian I.” der juristischen Fakultät der Universität “St. Cyril und Methodius”, Skopje, Republik Mazedonien, tupanceski@yahoo.com

Golovnenkov Pavel W. – Dr. iur., ass. iur. Lawyer (Berlin, Germany), golovnenkov@googlemail.com

Khaliullin Adel I. – Wissenschaftlicher Mitarbeiter der Abteilung der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht des Gesetzesvollzugs bei der Verwirklichung der polizeilichen Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit und der Teilnahme des Staatsanwaltes im Strafverfahren Forschungsinstitut der Akademie der Generalstaatsanwaltschaft der Russischen Föderation, adel@lenta.ru

Kozodoy Anastasia A. – studentin (Bachelor) des Instituts der Staatsanwaltschaft der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, stacykozodoy@gmail.com

Matskevich Igor M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht, Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, Präsident des Verbandes der Kriminologen und Kriminologen, mackevich2004@mail.ru

Matskevich Oksana V. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessorin des Lehrstuhls für humanitäre und sozial-wirtschaftliche Disziplinen, Moskauer Akademie des Ermittlungskomitees der Russischen Föderation, 4448907@mail.ru

Milovanova Marina M. – Kandidat der juristischen Wissenschaft, Dozentin der Abteilung für Kriminalistik der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, MMMILOVANOVA@msal.ru

Orlova Anastasia W. – Studentin (Bachelor) des Instituts der Staatsanwaltschaft der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, orlova9@mail.ru

Petrowski Anton W. – Associate Professor, Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie der Kuban State University, kup_kubgu@mail.ru

Petryanin Alexey W. – Doktor der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, Professor der Straf- und Strafvollzugsrechtsabteilung der Nischegoroder Akademie des Ministeriums für Innere Angelegenheiten Russlands, Mitglied der Verband der Kriminologen und Kriminologen, petryanin@mail.ru

Retschkalowa Olga O. – studentin der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, tott15995@gmail.com

Rossinskaja Elena R. – Dr.Sci. (Rechtswissenschaften), Professorin; Geehrte wissenschaftliche Mitarbeiterin von Russland; Ehrenamtliche Arbeiterin der Höheren Berufsausbildung der Russischen Föderation; Direktorin des Forensischen Expertise Instituts, Leiterin des Forensischen Expertise Abteilung an der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität (MGJuA); Präsidentin der Vereinigung der Bildungseinrichtungen «Forensische Expertise»; Aktives Mitglied der Russischen Akademie der Naturwissenschaften, elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Semjonow Alexander N. – student der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, semeonov07@gmail.com

Shelikhov Dmitry I. – student der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, dem177@yandex.ru

Shestakow Dmitrij A. – Präsident des St. Petersburgers Internationalen Kriminologischen Clubs, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Leiter des kriminologischen Labors der Russischen Staatlichen Pädagogischen. A.I. Herzen – Universität, shestadi@mail.ru

Sheveleva Svetlana W. – Doktorin der Rechtswissenschaft, Assistenzprofessorin, Dekanin der Rechtswissenschaftlichen Fakultät Südwestliche Staatliche Universität, Professorin der Abteilung für Strafrecht, decan46@yandex.ru

Stepanow Pavel P. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie, Juristische Fakultät, Moskauer Staatliche M.V.-Lomonosov-Universität, pavel@stepanov.law

Zacharow Wladimir S. – student der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, vlzharow@yandex.ru

Zvyagintsev Alexander G. – Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, chupkk@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexandrov Andrey S. – Senior Lecturer of the Department of Organization of the Regime and Supervision in the Correctional System of the Kuzbass Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments of Russia, Candidate of Legal Sciences, aleksandrov_ac@mail.ru

Deanoska-Trendafilova Alexandra – Dr., Associate Professor of Scientific center of criminal law “Justinian I” law faculty of University “St. Cyril and Methodius”, Skopje, Republic of Macedonia, tupanceski@yahoo.com

Golovnenkov Pavel V. – RA Dr., Rechtsanwalt (Berlin, Deutschland), golovnenkov@googlemail.com

Khaliullin Adel I. – Research Assistant of the Prosecutor’s Office Department supervision of the implementation of laws in the implementation of operative-search activity and participation prosecutor in criminal proceedings Research Institute of the Academy General Prosecutor’s Office of the Russian Federation, adel@lenta.ru

Kozodoy Anastasia A. – student (bachelor) of the Institute of the Prosecutor’s Office of the Kutafin Moscow State Law University, stacykozodoy@gmail.com

Matskevich Igor M. – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, President of the Union of Criminologists and Criminologists,

mackevich2004@mail.ru

Matskevich Oksana V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Social and Economic Disciplines, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 4448907@mail.ru

Milovanova Marina M. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics Kutafin Moscow State Law University), MMMILOVANOVA@msal.ru

Orlova Anastasia V. – student (bachelor) of the Institute of the Prosecutor’s Office of the Kutafin Moscow State Law University, orlova9@mail.ru

Petrovsky Anton V. – Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, kup_kubgu@mail.ru

Petryanin Alexey V. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal and Penal Executive Law Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a member of the Union of Criminologists and Criminologists, petryanin@mail.ru

Rechcalova Olga O. – student of the Kutafin Moscow State Law University, tott15995@gmail.com

Rossinskaya Elena R. – Dr.Sci. (Law), Professor; Honoured Scientific Associate of Russia; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Director of the Forensic Expertise Institute, Head of the Forensic Expertise Dept. at Moscow State Kutafin Law University; President of the Association of Educational Institutions «Forensic Expertise»; Active Member of the Russian Natural Sciences Academy, elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Semenov Alexander N. – student of the Kutafin Moscow State Law University, semeonov07@gmail.com

Shelikhov Dmitry I. – student of the Kutafin Moscow State Law University, dem177@yandex.ru

Shestakov Dmitriy A. – President of the St. Petersburg International Criminological Club, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia, Head of the Criminology Laboratory of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, shestadi@mail.ru

Sheveleva Svetlana V. – Doctor of legal sciences, Associate professor, Dean of the Faculty of Law Southwestern State University, Professor of the Department of Criminal Law, decan46@yandex.ru

Stepanov Pavel P. – Candidate of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, pavel@stepanov.law

Zakharov Vladimir S. – student of the Kutafin Moscow State Law University, vlzaharow@yandex.ru

Zvyagintsev Alexander G. – member of the Union of Criminalists and Criminologists, chupkk@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от **1500 до 3000 знаков**.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance.	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья.

Сведения об авторе, которые необходимо указывать

ФИО автора, должность, место работы, учёную степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки.

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // Lex Russica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], *Lex Russica*, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Besonderheiten der Vorbereitung der wissenschaftlich-pädagogischen Fachkräfte der höchsten wissenschaftlichen Qualifikation in den Ausbildungs- und Forschungseinrichtungen des Strafverfolgungssystems

Matskevich I.M.

Matskevich O.V.

Ziel: Die Besonderheit des russischen Systems bei der Ausbildung des Personals der höchsten wissenschaftlichen Qualifikation ist eine zweistufige Struktur von akademischen Graden, bestehend aus einem wissenschaftlichen Grad eines Kandidaten und eines Doktors der Wissenschaft. Beide Abschlüsse werden auf der Grundlage einer öffentlichen Verteidigung der Dissertation vergeben. In der Regel ist ein wissenschaftlicher Grad eines Kandidaten Voraussetzung für die Erlangung eines Doktorgrades. Laut der Statistik der Höheren Attestierungskommission beträgt die durchschnittliche Zeit nach der Erlangung des akademischen Grades eines Kandidaten bis zur Erlangung eines Doktors der Wissenschaft 16 Jahre. Wissenschaftliche Abschlüsse sind notwendige Voraussetzungen für den Erwerb eines akademischen Grades. Das System akademischer Grade besteht aus Titeln von Dozenten und Professoren, die gemäß den Standards der Höheren Attestierungskommission ernannt werden. Dieses System akademischer Grade und Titel gilt in Bildungs- und Forschungseinrichtungen von Strafverfolgungsbehörden.

Methodologie: Dialektische Methode, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formal-juristische Methode, systematische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. 1. Die wissenschaftliche Forschung im Bereich der Strafverfolgung sollte die Möglichkeiten der Entwicklung der Wissenschaft im Strafvollzugssystem einer sich entwickelnden und zunehmend komplexer werdenden Zivilgesellschaft einbeziehen. Die Ergebnisse dieser Studien sollten auf die tatsächliche Begrenzung von Kriminalität und Straftaten ausgerichtet sein. Solche Studien sollten konzeptioneller Natur sein und auf abteilungsübergreifenden und multi-wissenschaftlichen Aspekten basieren. Die erlangten Ergebnisse können für die Verteidigung einer Dissertation für die Erlangung des Grades „Doktor der Rechtswissenschaften“ benutzt werden.

2. Wissenschaftliche Forschung regionaler Art sollte sich auf ein bestimmtes wissenschaftliches Problem beziehen, das einen angewandten Aspekt hat, der notwendig ist, um die Qualität eines Dienstes im Strafverfolgungssystem zu verbessern.

In diesem Fall können die erlangte Ergebnisse für die Verteidigung einer Arbeit für die Erlangung des Grades „Kandidat der Rechtswissenschaften“ benutzt werden.

Die Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Forschung entwickelt die Theorie der Vorbereitung von wissenschaftlichem und pädagogischem Personal der höchsten Qualifikation in Bezug auf das Strafverfolgungssystem. Die von den Autoren vorgeschlagenen Schlussfolgerungen können sowohl von den Leitern der Bildungs- und Forschungseinrichtungen des Strafverfolgungssystems als auch von Wissenschaftlern mit einem breiten Profil verwendet werden. Außerdem können die Schlussfolgerungen dazu genutzt werden, die Rechtsvorschriften für wissenschaftliches und pädagogisches Personal zu verbessern.

Stichwörter: Doktorand, Nebenfach, Lehrende, akademischer Grad, akademischer Titel, Dissertation, Dissertationssrat, Rechtswissenschaften, wissenschaftlich-pädagogisches Personal, Programm, Fach, wissenschaftliche Ausbildung.

Präventive und repressive Maßnahmen zur Bekämpfung der Korruption in der Bundesrepublik Deutschland

Golovenkov P.V.

Ziel: Der Beitrag beschäftigt sich mit den Maßnahmen zur Korruptionsbekämpfung aus Sicht des deutschen Rechts. Insofern werden dogmatische und rechtsanwendungstechnische Probleme untersucht und die entsprechenden Reformvorhaben kritisch begutachtet.

Methodologie: Systematische Analyse der Gesetzgebung de lege lata und de lege ferenda, Synthese, Induktion, dogmatische Auseinandersetzung mit den Schwachstellen der reformierten Normen.

Schlussfolgerungen: Die Bekämpfung und vor allem die Vorbeugung der Korruption (Vorteilsgewährung/-annahme, Bestechung/Bestechlichkeit) im öffentlichen und im wirtschaftlichen Bereich stellen eine der wichtigsten Herausforderungen für eine moderne Gesellschaft dar. Dies betrifft sowohl den gesellschaftlichen Umgang mit den Erscheinungsformen der Korruption und die Schaffung eines rechtlichen Rahmens zur Korruptionsvorbeugung (Prävention), als auch die rechtliche Reaktion des Staates auf die – in diesen Erscheinungsformen liegenden – Missstände (Repression).

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Gründe dafür sind ausgesprochen vielfältig, denn dieses Problem trifft gleichermaßen Wirtschaft, Verwaltung und Gesellschaft. Im öffentlichen Bereich, d.h. im parlamentarischen Bereich und im Verhältnis Staat-Bürger bewirkt die Korruption einen enormen Vertrauensverlust der Gesellschaft in die reibungslose Funktionsfähigkeit und vor allem in die faire Ausgestaltung der Tätigkeit der Volksvertretung und der Staatsverwaltung. Im wirtschaftlichen Bereich verfälscht die Korruption den freien Wettbewerb und bewirkt somit erheblichen volkswirtschaftlichen Schaden. Der Beitrag geht auf die dogmatischen Probleme der reformierten und neugeschaffenen Tatbestände im betroffenen Bereich ein, zeigt diese auf und enthält entsprechende Auslegungs- und Lösungsvorschläge. Aus praktischer Sicht sollte die Aufarbeitung dieser Probleme der Erleichterung der zutreffenden Rechtsanwendung dienen.

Stichwörter: Korruption, Bestechung/Bestechlichkeit, Vorteilsgewährung-annahme, Korruptionsvorbeugung, Korruptionsbekämpfung, UN-Konvention gegen Korruption, Gesetz zur Kontrolle und Transparenz im Unternehmensbereich, Deutscher Corporate Governance Kodex, Unternehmens-Compliance, Hinweisgebersystem.

Die Rechtlichen Grundlagen über die Nutzung der DNA-Analyse im System des Strafverfahrens

Deanoska-Trendafilova A.

Ziel ist es, in Details Komplex von Problemen zu analysieren, die mit der Festsetzung der Spuren der Verbrechen durch die neuesten Entwicklungen mit der Entschlüsselung des DNA-Codes unter Berücksichtigung der Probleme der Verletzung von Bürgerrechten im Zusammenhang mit dem Eindringen in deren Privatsphäre und die Überlieferung der Publizität ihrer persönlichen Daten verbunden sind. Ziel ist es weiter, eine kurze Übersicht aller Strafprozess und kriminalistischen Probleme der Schaffung der rechtlichen Grundlage der Anwendung der DNA-Analyse in der Strafjustiz zu machen.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen. Internationale Dokumente und die Praxis des europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte definiert die folgenden Kriterien für die Zulässigkeit der Ausnutzung der DNA-Analyse: DNA-Analyse kann für alle Arten von Straftaten durchgeführt werden, wenn die Analyse der Definition des Sachverhalts hilft; die DNA-Analyse muss in einem akkreditierten Labor nach standardisierten Verfahren durchgeführt werden; die Basen der DNA-Profile müssen in Übereinstimmung mit dem Gesetz unter Einhaltung der genau definierten Bedingungen und Verfahren für die Verarbeitung, Ausnutzung und Bereitstellung von Daten zur Verfügung gestellt werden; die DNA-Analyse gilt nur für Personen, die unter Verdacht, Anklage oder Verurteilung wegen Straftaten stehen; muss der Austausch von Informationen angepasst werden, insbesondere die Ergebnisse der DNA-Tests zum Zweck eines wirkungsvollen Kampfes gegen komplizierte Kriminalitätsarten, aber das gilt nur für den nichtcodierten Teil des DNA-Moleküls. Die DNA-Analyse ist derzeit ein integraler Bestandteil der Strafjustiz, denn sie kann direkt und unzweideutig die relevanten Fakten, Situationen des Verbrechens beweisen.

Die Ausnutzung der DNA-Analyse erfordert die Anwesenheit von DNA-Datenbanken. In den USA werden die ersten Regeln für DNA-Datenbanken in den achtziger Jahren des XX Jahrhunderts datiert, in Europa aber erschienen Sie auf der Ebene des Europarates und der EU nach zehn Jahren.

Internationale Dokumente und der Praxis des europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte, definieren klare Voraussetzungen für die Ausnutzung der DNA-Analyse; und zwar die DNA-Analyse erlaubt für alle Arten von Verbrechen; Sie sollen in einem akkreditierten Labor in einem Standardverfahren mit Hilfe von Markern, die keine Informationen über die Erbmerkmale bieten, durchgeführt werden; Datenbank DNA-Profile müssen im Gesetz, wo die Bedingungen und Verfahren für ihre Anwendung deutlich enthalten sind, festgestellt werden; Eine DNA-Probe kann nur bei Verdächtigten, Angeklagten und Verurteilten gemacht werden und in der Datenbank platziert, und diese Profile können für einen begrenzten Zeitraum gespeichert werden; der Austausch der DNA Ergebnisse soll nur für den nichtcodierten Teil des DNA-Moleküls begrenzt werden.

Mazedonische Gesetzgebung entspricht grundsätzlich den Anforderungen der europäischen Normen, unter Berücksichtigung der Bestimmungen der Gesetze über die nationale Kriminell Nachrichtendienst Datenbank und über Strafprozess.

Trotz der bestehenden Verordnung, muss das Gesetz mit dem Fortschritt und neuen Entdeckungen im Bereich der Naturwissenschaften für die Erweisung des rechtzeitigen, wirksamen und angemessenen rechtlichen Schutzes der Menschenrechte der Bürger Schritt halten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Studie entwickelt und präzisiert die Theorie der interdisziplinären Beziehungen in den verschiedenen Bereichen des menschlichen Wissens, in Bezug auf die Schaffung von Datenbanken der DNA-Analyse, vor allem in Bezug auf Personen, die Verbrechen begangen haben.

Stichwörter: Verbrechen, Gesetz, DNA, Test, biomedizinische Wissenschaft, Kriterien, Analyse, Test, Strafrecht, Gentest, genetisches Material.

«Kreditkartenbetrug»

Zacharow W.S.

Semjonow A.N.

Wissenschaftlicher Betreuer: Kandidat der Rechtswissenschaften Salamowa S.Ja.

Ziel: Eine detaillierte Untersuchung des Betrugsproblems mit Kreditkarten, Berücksichtigung spezifischer Arten der Begehung dieser Straftaten sowie Analyse von Vorschlägen zur Verbesserung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit und zur Verhinderung solcher illegalen Handlungen. Zeigen der Veränderungen des Kreditbetrugs im Zusammenhang mit der technischen Entwicklung des Finanz- und Bankensystems.

Methodologie: Analyse, formal-rechtliche Methode, vergleichende Methode, historische Methode.

Schlussfolgerungen: Im Zusammenhang mit dem wissenschaftlichen und technologischen Fortschritt im Finanz- und Bankensystem zeigt sich ein großes Problem bei der Gewährleistung der finanziellen Sicherheit des Einzelnen, der Gesellschaft und des Staates. Und mit diesen Fortschritten steigt auch die Zahl der Straftaten, einschließlich des Kreditkartenbetrugs, denn Kreditkarten sind ein fester Bestandteil unseres Lebens geworden. Daher ist es notwendig, sowohl den Qualitäts- und Sicherheitsstandard für Banken als auch das rechtliche Verständnis und die Verantwortung der Bürger bezüglich ihrer Ersparnisse zu erhöhen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die von den Autoren durchgeführte Studie beschreibt die zum Zeitpunkt der Veröffentlichung des Artikels am häufigsten vorkommenden Betrugsformen bei der Verwendung von Kreditkarten. Zudem half die Analyse dieser Formen den Autoren, Methoden zu entwickeln, um dieser Art von Kriminalität entgegenzuwirken.

Stichwörter: Betrug, Kreditkarten, Skimming, Phishing, Geldpolitik, Bankensystem

Praktische Anwendung von Abwehrmaßnahmen gegen Cyberkriminalität

Kozodoy A.A.

Orlova A.W.

Wissenschaftlicher Berater: Kandidat der Rechtswissenschaften Salamova S.Ja.

Ziel ist es, die Wirkungen von Maßnahmen gegen Cyberkriminalität zu bewerten.

Methodologie: Um die Wirkungen von Maßnahmen zur Bekämpfung der Cyberkriminalität zu bewerten, wurde eine Analyse bestehender Maßnahmen durchgeführt, und zwar sowohl auf staatlicher als auch auf privater Ebene; gesammelte Informationen zu den wichtigsten Empfehlungen, um Cyberkriminalität zu verhindern; die Analyse und Sammlung von Informationen und Daten über die Forschung von Unternehmen und speziellen Dienstleistern, die darauf abzielen, die Fähigkeit der Gesellschaft zu identifizieren, auf Cyberangriffe zu reagieren; die Analyse von Methoden und Vorschlägen zur Bekämpfung der Cyberkriminalität in den letzten Jahren und der Vergleich der Erfahrungen erfolgreicher Länder in diesem Bereich.

Schlussfolgerungen. Die Gefahr der Cyberkriminalität wird durch den Mangel an Grundkenntnissen bei der Mehrheit der Bevölkerung auf dem Gebiet der Kybernetik noch verschärft sowie Datenschutz, Bildung und Kultur entwickeln sich in diesem Bereich nicht, sie finden keine Massenverbreitung. In dieser Hinsicht sind Unternehmen von Cyberkriminalität bedroht. Mitarbeiter verletzen die Regeln der inneren Cybersicherheit auf unterschiedliche Weise: von der unbefugten Installation und Verwendung von nicht regulierter Software bis hin zur Verwendung von Geräten und Ressourcen für den persönlichen Gebrauch, wodurch das Arbeitsnetzwerk anfälliger wird.

Die moderne Welt ist eine Welt von mehr Informationskriegen, die Zahl der Kriege, für die militärische Fähigkeiten in ihrem traditionellen Verständnis benötigt werden, nimmt ab. Daher ist es notwendig, kompetente Fachleute auszubilden, die die Erfahrungen verschiedener Länder und Unternehmen sowie die Entwicklung der Informationskultur der Bürger berücksichtigen. Gegenmaßnahmen werden nicht die richtige Wirkung haben, wenn ihre Anwendung nicht eingehalten wird, und die Maßnahmen selbst werden sich nicht zusammen mit dem Fortschritt von Technologien entwickeln.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie bietet einen Gesamtüberblick über die bestehenden Maßnahmen zur Bekämpfung der Cyberkriminalität, sowohl für Einzelpersonen als auch für Unternehmen und Staaten, weist auf Probleme bei der Anwendung dieser Maßnahmen und mögliche Lösungen angesichts der Erfahrungen im In- und Ausland hin. Die Studie konzentriert sich auch auf die Notwendigkeit, eine Ansammlung von Wissen im IT-Bereich für die Bürger zu bilden und eine Kultur der Computernutzung und der Arbeit im Internet zu schaffen.

Stichwörter: externe Bedrohungen, interne Bedrohungen, die Information, die Cyberkriminalität, der Cyberangriff, das Kontrollorgan, die Maßnahmen gegen Cyberkriminalität, die Sicherheitsregeln, die Hacker, die Verschlüsselung.

Sind Hacker die Helden unserer Zeit?

Retschkalowa O.O.

Shelikhov D.I.

Wissenschaftlicher Betreuer: Kandidat der Rechtswissenschaften Salamowa S.Ja.

Ziel ist es, den Begriff „Hacker“ zu bestimmen, die Psychologie und den Beweggrund der Hacker zu verstehen und die Bekämpfung von Hackern zu untersuchen.

Methodologie: Die Lösungsansätze zu den im Artikel benannten Problemen wird durch eine vergleichende Analyse vorgenommen. Die Analyse wird im Rahmen der interdisziplinären (Vergleich mit den angrenzenden Bereichen des Wissens wie Soziologie, Wirtschaft, etc.), fächerübergreifenden (vergleichende Analyse des Ansatzes in der allgemeinen Rechtstheorie), grenzüberschreitenden (Vergleich verschiedener Hackeraktivitäten sowie Erfahrungen der Gegenüberstellungen), chronologischen (historische vergleichende Analyse) Zuordnung durchgeführt.

Schlussfolgerungen. Heutzutage schützt nur die Nichtnutzung des persönlichen Computers davor, Opfer eines Hacker-Angriffs zu werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Im 21sten Jahrhundert, im Jahrhundert der Hochtechnologie und des Internets, wird die Information eine der wertvollsten Ressource, dadurch dass unserer Leben mehr und mehr durch das Internet beeinflusst wird. Wir chatten nicht nur, teilen Fotos und Videos, hören und erstellen Musik, lesen und spielen, sondern wir erstellen Dokumente, senden Berichte, zahlen für Waren und Dienstleistungen, zahlen Steuern, Geldstrafen und Gebühren über das Internet.

Die Kriminalität, die genauso lange existiert wird das Recht, richtet sich nach der Entwicklung der Gesellschaft und verbreitet sich auch im virtuellen Leben der Menschen. Im Jahre 1997 wurde das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation geändert: „Die Verbrechen in der Sphäre der Computerinformationen“ wurden in die Liste der Verbrechen aufgenommen. Sie umfassen illegalen Zugriff auf Computerdaten; die Schaffung, Nutzung und Verbreitung von bösartigen Programmen; Verletzung der Regeln zum Speichern, Verarbeitung oder Übertragung von Computerinformation und Informations-Telekommunikations-Netzwerke.

Mit der Entwicklung von Technologien wird Hacking zu einem immer gefährlicheren Verbrechen, weshalb die Staaten Schwierigkeiten bei der Bekämpfung von Hacking auf nationaler und internationaler Ebene haben.

Stichwörter: Cyberverbrechen, hacken, Hacker, Internet, Cyber-Attacken, Cyberterrorismus, Ausbeutung, DDoS, rohe Gewalt.

Die Geschichte der Entwicklung der russischen Gesetzgebung über die Strafbarkeit wegen der Begehung von Kriegsverbrechen

Stepanow P.P.

Ziel. Analyse der Entwicklung der nationalen Gesetzgebung zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit wegen Kriegsverbrechen, um die Muster ihrer Entwicklung und ihrer typischen Merkmale aufzuzeigen. Ziel ist es zudem, die Entwicklung der Gesetzgebung über die strafrechtliche Verantwortlichkeit wegen der Begehung von Kriegsverbrechen chronologisch nachzuzeichnen.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, historische Methode, formal-juristische Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. In der nationalen Gesetzgebung bestanden Normen zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit wegen der Begehung von Kriegsverbrechen schon vor dem Erscheinen des humanitären Völkerrechts. Ihre Entwicklung war mit der Entwicklung der Militärjustiz im Allgemeinen verbunden und wurde von der Bildung von Militärjustizorganen begleitet. Es ist anzumerken, dass mit dem enormen Beitrag Russlands zur Entwicklung des humanitären Völkerrechts im späten 19. und frühen 20. Jahrhundert einige moderne Strafgesetze über die strafrechtliche Verantwortlichkeit wegen Verstoßes gegen Gesetze und Gepflogenheiten der Kriegsführung Anlass zu Anmerkungen geben. Darüber hinaus scheint die legislative Erfahrung einiger ausländischer Staaten (Deutschland, Kroatien) für den modernen nationalen Gesetzgeber nützlich zu sein.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Analyse der Entwicklung der strafrechtlichen Vorschriften über die strafrechtliche Verantwortung wegen Kriegsverbrechen ist sowohl für die weitere theoretische Forschung zur Reform des Abschnitts 34 des Strafgesetzbuches als auch zur Entwicklung von Empfehlungen zur Bekämpfung von Kriegsverbrechen von Bedeutung.

Stichwörter: Kriegsverbrechen, internationales Gericht, bewaffneter Konflikt, Militärtribunal, Kriegsrecht; humanitäres Recht.

Strafrechtliche legale Mittel gegen sexuelle Ausbeutung

Sheveleva S. W.

Ziel. Statistiken zeigen, dass der Kampf gegen sexuelle Ausbeutung strafrechtlich verstärkt werden muss. Die Normen des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sind jedoch fehlerhaft formuliert, was zu einer uneinheitlichen und widersprüchlichen Praxis der Anwendung der Bestimmungen des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation führt.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, statistische und formal-rechtliche Methoden.

Schlussfolgerungen. Die Straftatbestände nach Art. 127.1 und Art. 240 des Strafgesetzbuchs der RF führen zu keiner wirksamen Bekämpfung der sexuellen Ausbeutung. Es wird der Schluss gezogen, dass es notwendig ist, Art. 240 des RF Strafgesetzbuches aufzuheben. Es werden Erläuterungen zum Verständnis der in Teil 1 von Art. 127.1 des RF Strafgesetzbuches genannten Ziele gegeben.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Untersuchung auf theoretischer Ebene ermöglicht es, die Methoden des kriminellen und anhaltenden Einflusses auf Personen mit geringer sozialer Verantwortung zu begrenzen. Die vorgeschlagenen Änderungen einiger Bestimmungen des Strafgesetzbuches der RF werden die Praxis der Bekämpfung der sexuellen Ausbeutung stabilisieren.

Stichwörter: Prostitution, Zwang, sexuelle Sklaverei, Strafrecht, Inhaftierung, Anwerbung.

Kriminalität und ihre Vorbeugung in den Ferienorten der Region Krasnodar

Petrowski A. W.

Ziel ist die Untersuchung der Erfahrung von qualitativen und quantitativen Indikatoren der Kriminalität, verschiedene polizeiliche Techniken zur Verhinderung kriminellen Verhaltens, öffentliche Meinung über die Effektivität der Polizeiarbeit, spezielle präventive und strafrechtliche Maßnahmen in den Maritimen- und Berg-Resorts der Krasnodar Region, um die öffentliche Sicherheit zu verbessern.

Methodologie: Basiert auf statistischer Berichterstattung der GUVD der Region Krasnodar, kriminologische Informationen über Personen, die Verbrechen in den Ferienorten der Region Krasnodar begangen haben; Befragungen von 2.023 Bürgern, 650 freiwillige Bürger am Schutz der öffentlichen Ordnung, 258 ATS-Angestellte; umfassende Analyse der regionalen und kommunalen Präventionsgesetzgebung. Alle diese Studien erlaubten die Analyse der Anzahl und Merkmale von Personen, die Straftaten begingen, kriminelle Aktivitäten, kriminelle Häufigkeit, die Wirksamkeit formeller und informeller Präventionsmaßnahmen. Die Ergebnisse wurden vom Autor gesammelt, einschließlich mit Hilfe von Studierende der Fakultät für Rechtswissenschaften der Staatlichen Kuban-Universität Universität in den Jahren 2010 bis 2015. In einem Forschungsprogramm zur Untersuchung informeller und formeller Kriminalpräventionspraktiken im Nordkaukasus.

Schlussfolgerungen. Die Anzahl der in Krasnodar Krai registrierten Straftaten hängt von der saisonalen Aktivität der Kriminellen und der Binnenmigration ab, die die Bevölkerung in den Ferienorten um das 9-fache erhöht. Die Kriminalität in den Ferienorten der Region Krasnodar ist geprägt von Plünderungen, Kleindiebstahl, Diebstahl von Sachen, Diebstahl von Autos, Betrug, vorsätzliche Sachbeschädigungen. Der Opferindex weist auf eine Angst vor Gewaltverbrechen und Straßenverkehrsdelikten hin. Die Effektivität der freiwilligen Helfer und der Polizei hängt von der Ausbildungsstufe, der vorbeugenden Maßnahme, den funktionellen Fähigkeiten und Fähigkeiten der Beteiligten

ab. Die erfolgreichsten Praktiken der Kriminalprävention betrafen die Beteiligung verschiedener gemeinnütziger Organisationen, den Einsatz freiwilliger Bürgerhilfe, die Bildung regionaler und kommunaler Präventionsprogramme.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Zum ersten Mal wurde der Einfluss von Verboten und Beschränkungen auf regionale und kommunale Gesetze auf der Ebene der Kriminalität untersucht. Die vorgelegten Informationen über die Einschätzung der Aktivitäten der Polizei und der Bürger zum Schutz der öffentlichen Ordnung durch die Einwohner zeigen das Ausmaß der Angst, des Vertrauens und der öffentlichen Meinung über verschiedene Formen der Gegenmaßnahmen. Die angebotenen Informationen ermöglichen es, die qualitativen und quantitativen Indikatoren der Kriminalität, die kriminologischen Merkmale der Territorien, in denen Vertreter verschiedener ethnischer Gruppen wohnen, und die Effektivität der Verhinderung von Verstößen in den Ferienorten in der Region Krasnodar zu bewerten.

Stichwörter: Kriminalität, Präventivmaßnahmen, besondere Warnung, Region Krasnodar, Tourismus.

Richtungen und Besonderheiten der Prävention von extremistischen Straftaten: Der aktuelle Zustand und die Entwicklungsperspektiven

Petryanin Alexey W.

Ziel ist eine Studie über den aktuellen Stand der Prävention von extremistischen Straftaten. Die Kriminalprävention ist eines der Hauptelemente der Kriminologie und dient als wichtigstes Instrument zur Kriminalitätsbekämpfung. Die Forschung und Entwicklung von Richtungen der Kriminalitätsprävention war schon immer Gegenstand wissenschaftlicher Forschung in den verschiedenen Stadien der Entwicklung des russischen Staates. Eine signifikante Veränderung des modernen Extremismus führt notwendigerweise zur Entwicklung einer selbstständigen Lehre über die Prävention extremistischer Straftaten, zur Identifizierung neuer Typen und Formen solcher extremistischer Aktivitäten, unter anderem durch Heranziehung der bereits existierenden und neu entwickelten juristischen, soziologischen und politischen Mechanismen.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Imagination, Analyse, Synthese, Deduktion, historische und formal-rechtliche Methoden.

Schlussfolgerungen. Erstens ist die Identifizierung und Beseitigung der Ursachen extremistischer Straftaten eine besondere Art kriminologischer Tätigkeit, die zur bestehenden und sich entwickelnden staatlichen Politik im Bereich der Verbrechensbekämpfung gehört. Zweitens hat das bestehende System der russischen Gesetzgebung, welches das rechtliche Konzept der Bekämpfung des Extremismus widerspiegelt, insgesamt recht umfassende rechtliche Maßnahmen, die eine wirksame Umsetzung der Bekämpfung gegen dieses Phänomen und seine Prävention ermöglichen. Drittens sind die Hauptprobleme bei der Umsetzung bestehender rechtlicher und technischer Mechanismen zur Prävention extremistischer Straftaten das Fehlen einer gesetzlich verankerten Definition von „Extremismus“ und die lückenhafte und blankettartige anti-extremistische Gesetzgebung sowie die hohen Bewertungskriterien. Viertens sollte die Lösung der festgestellten Probleme der Prävention extremistischer Straftaten auf der Ebene der Entwicklung und Verabschiedung des „Nationalen Konzepts der Bekämpfung des Extremismus“ liegen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Forschung ermöglicht es, Wissen über die Prävention von extremistischen Straftaten zu ergänzen. Die gezogenen Schlussfolgerungen können sowohl für die Entwicklung einer unabhängigen kriminologischen Lehre zur Prävention von Extremismus als auch für die Gesetzgebung und Strafverfolgung von allgemeinen und Sondersubjekten zur Prävention extremistischer Straftaten verwendet werden.

Stichwörter: Extremismus, Prävention, Straftat, Politik, Kriminologie, Rechtsetzung, Rechtsdurchsetzung.

Kriminologie des Gesetzes über Moral und das Recht, Kriminalität zu bekämpfen

Schestakow D.A.

Ziel: Es soll auf den Zusammenhang zwischen religiöser und moralischer Entwicklung und der angestrebten Zielsetzung im Bereich der Kriminalitätsbekämpfung aufmerksam gemacht werden.

Methodologie: Dialektik, historische und formal-juristische Methoden.

Schlussfolgerungen: Moral ist mit dem religiösen Bewusstsein verbunden, das einer ständigen Entwicklung unterliegt. Gott erhöht stückweise die Freiheit des Menschen: Von der Vergeltung bis zur Befreiung der schöpferischen Kräfte. Die Entwicklung der Kriminalitätsbekämpfung muss dem moralisch fortgeschrittenen Teil des Volkes folgen und nicht der Mehrheit, die gewöhnlich von Vergeltung gekennzeichnet ist.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel enthält theoretische Voraussetzungen für die Entwicklung eines Modells der einheitlichen Gesetzgebung für die Bekämpfung der Kriminalität sowie einen Kodex zur Prävention von Straftaten und Sicherheitsmaßnahmen.

Stichwörter: Kriminalität, Hinduismus, Buddhismus, Judentum, Christentum, Islam, eine Straftat, Bestrafung.

Einige Probleme der Interaktion zwischen Justizvollzugsanstalten und öffentlichen Organisationen

Alexandrov A.S.

Ziel: Je nach der Situation des Landes und der sozialwirtschaftlichen Prozesse in der Welt wird mehr oder weniger über die Einführung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von juristischen Personen diskutiert.

Das Konzept der Entwicklung des UIS bis zum Jahr 2020 enthält einen Hinweis auf die Notwendigkeit der Zusammenarbeit mit zivilgesellschaftlichen Akteuren, öffentlichen Vereinigungen, die nützlich für menschlich-erzieherische Einwirkungen auf den Verurteilten sind. Öffentliche Kontrolle der Strafvollzugsanstalten dient als Mittel zur Identifizierung und Beseitigung der Ursachen von Verstößen gegen Gesetze.

Methodologie: Die dialektische Methode, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, die formell-juristische Methode, systemische Methode, die rechtsvergleichende Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen: Der Autor kommt in seiner Studie über die jahrelange Praxis der öffentlichen Kontrolle in den Strafvollzugsanstalten zu dem Schluss, dass periodisch Widersprüche zwischen den Mitarbeitern der Justizvollzugsanstalten und den Vertretern der Öffentlichkeit auftreten. Die Studie bietet einige Lösungen zu den Problemen bezüglich der bestehenden Widersprüche und der offenen Konflikte zwischen den Mitarbeitern der Justizvollzugsanstalten und den Vertretern der öffentlichen Aufsichtskommissionen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Studie entwickelt und charakterisiert die praktisch bedeutenden Probleme der Einführung der öffentlichen Kontrolle im Strafvollzug. Der Autor macht eine Reihe von Vorschlägen zur Verbesserung des Prozesses der Interaktion und der Qualität der Arbeit von Strafvollzugsanstalten und öffentlichen Aufsichtskommissionen.

Stichwörter: Justizvollzugsanstalten, öffentliche Kontrolle, öffentliche Kontrolle der Kommission, die Verurteilten, die Rechte, die berechtigten Interessen, Regime, Sicherheit, Richtlinien.

Überwachung des Geldflusses auf den Konten der Kunden des elektronischen Zahlungssystems bei der Durchführung von Ermittlungs- und Fahndungsmaßnahmen

Khaliullin A.I.

Ziel: Elektronischer Zahlungsverkehr im E-Commerce ist weit verbreitet, jedoch entsprechen die bestehenden Verfahren zur Durchführung von polizeilichen Ermittlungs- und Fahndungsmaßnahmen, um Straftaten im Bereich der Bankzahlungen aufzudecken, zu beseitigen und zu verhindern, nicht dem Entwicklungsniveau der modernen Informations- und Telekommunikationstechnologien. Die Analyse der Praxis der Verwirklichung der staatsanwaltschaftlichen Aufsicht im untersuchten Bereich machte es möglich, die wichtigsten Punkte der Entstehung von Rechtsnormkonflikten und dadurch betroffenen öffentlichen und privaten Interessen zu identifizieren. Wir sind der Ansicht, dass die bestehenden Rechtsnormen für die Überwachung des Geldflusses in elektronischen Zahlungssystemen unverzüglich verbessert werden müssen.

Methodologie: Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-juristische Methode.

Schlussfolgerungen: Zunächst ist es notwendig, Änderungen in den Föderalen Gesetzen der Russischen Föderation „Über Banken und Banktätigkeit“ und „Über die polizeiliche Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit“ vorzunehmen. Solche Änderungen sollen den Mitarbeitern der Polizei die Möglichkeit einräumen, Informationen über Kontobewegungen der Kunden der elektronischen Zahlungssysteme bei der Aufklärung der Straftat mit der Erlaubnis eines Staatsanwalts bereitzustellen sowie bei der Verwirklichung der polizeilichen Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit bei der Aufklärung der Straftat mit der Erlaubnis eines Staatsanwalts mit weiterer Übergabe der Sache ans Gericht die genannten Konten zu blockieren.

Zweitens ist es notwendig, folgende Änderungen in die föderale Gesetzgebung, die die Verwirklichung der Bankaufsicht regelt, aufzunehmen: Die Zentralbank der Russischen Föderation muss das Recht bekommen, aus Eigeninitiative Informationen über die verdeckenden Fakten einer Straftat, die dem Bankgeheimnis unterfallen, den Strafverfolgungsbehörden mitzuteilen.

Drittens müssen in das Föderale Gesetz der Russischen Föderation „Über die Ermittlungs- und Fahndungstätigkeiten“ die neuen Vorschriften aufgenommen werden, die dem Mitarbeiter der Polizei mit der Erlaubnis eines Staatsanwalts die Möglichkeit einräumen, eine Telefonnummer zu blockieren, mit deren Hilfe die Täter das Bankkonto verwalten und andere Handlungen vornehmen, um eine Straftat zu begehen. Zudem muss das Recht für den Staatsanwalt verankert werden, auf rechtswidrige und unbegründete Gerichtsentscheidungen über die Vornahme der Ermittlungs- und Fahndungstätigkeiten eine Beschwerde einlegen zu dürfen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Untersuchung ermöglicht es, die bestehenden nationalen Rechtsvorschriften zu ergänzen und zu verbessern, indem die bestehenden Gesetzeslücken im Bereich der Durchfüh-

zung der Kontrolle des Geldflusses auf den Konten in elektronischen Zahlungssystemen geschlossen werden. Derzeit gibt es eine Diskrepanz zwischen der Gesetzgebung der Russischen Föderation, die das Bankgeheimnis regelt und die gegenseitigen Rechte und Pflichten der Bank, anderer Kreditorganisationen, Staatsorgane und deren Amtsträger festlegt, mit der zivilrechtlichen Gesetzgebung und dem Föderalen Gesetz der Russischen Föderation „Über die polizeiliche Ermittlungs- und Fahndungstätigkeit“.

Stichwörter: Elektronische Zahlungssysteme, operative Suchaktivitäten, Staatsanwaltschaft, Bankenaufsicht, Sperrung von elektronischen Konten.

Forensische Expertenarbeit als methodische Grundlage für neue Arten und Typen von forensischen Untersuchungen

Rossinskaja E.R.

Ziel: Um neue Arten der forensischen Untersuchung zu erforschen. Identifizierung der zunehmenden Abhängigkeit neuer Arten juristischer Expertise von der Entwicklung von Wissenschaft und Technologie. Analyse der verfügbaren forensischen Klassifikation. Bestimmen des Platzes, der Rolle und die Bedeutung der forensischen Expertise als Wissenschaft und Beruf. Kritische Analyse der möglichen Kriterien, die die Grundlage für die Klassifizierung von forensischen Untersuchungen sind, sowohl in der heutigen Zeit als auch in der Zukunft. Sie beschäftigt sich mit der Frage, wie mit Klassifikationen von forensischen Untersuchungen, der Entwicklung von Kriterien für ihre Bewertung und der Definition von Expertenwissen als neuer Beruf umgegangen werden sollte.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formal-rechtliche Methoden, System-Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: Die Autorin kommt zu dem Schluss, dass die meisten modernen Klassifikationen forensischer Untersuchungen veraltet sind. Die Arbeit betont die Bedeutung eines integrierten Ansatzes in der modernen forensischen Arbeit und sagt auch, dass verschiedene Arten von Expertise sich in verschiedenen Entwicklungsstadien befinden. Daher kann man unter modernen Bedingungen nicht von einer einzigen Grundlage und einem einzigen Kriterium sprechen, das für die Unterteilung aller Untersuchungen nach Herkunft, Klassen und Typen vorgeschlagen werden kann. Daher ist es notwendig, eine allgemeine Theorie der juristischen Expertise zu entwickeln, bei der wissenschaftliche Ansätze zur Klassifizierung von Prüfungen und Arten von Expertenaktivitäten einen integralen Bestandteil bilden sollten. Im Gegenzug wird die forensische Fachkunde die methodische Grundlage für die Klassifizierung von forensischen Untersuchungen sein, um weitere neue Typen und Arten von forensischen Untersuchungen in diese Klassifikationen aufzunehmen. Die Autorin betrachtet die Gründe für die Unterteilung forensischer Untersuchungen in Klassen, Herkunft und Typen. In diesem Fall ist die Haupteinheit der Klassifizierung die Art der forensischen Untersuchung. Es wurde die Genese der forensischen Untersuchung bestimmt. Diese geht in zwei Richtungen. Die eine ist der Prozess der Vergrößerung: aus einer Art in eine Gattung aus einer Gattung in eine Klasse.

Die andere ist der Prozess der Verkleinerung aus einer Klasse in eine Gattung, aus einer Gattung in eine Art.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Studie klärt die Klassifizierung von forensischen Untersuchungen und deren Begründung, zeigt die Mängel und Probleme veralteter Klassifizierungsansätze auf. Die Autorin begründet die Notwendigkeit, eine allgemeine Klassifikation der gerichtlichen Untersuchungen im Rahmen der forensischen Fachrichtung einzuführen und zeigt anhand konkreter Beispiele, dass dies bereits in dieser Richtung geschehen ist.

Stichwörter: forensische Untersuchung, Kriminalistik, Schiffbau, Forensik, forensische Expertenarbeit, Klassifikation, Regelmäßigkeiten, Expertentechnologien, Methoden der Expertenforschung, Expertendidaktik.

Die Festlegung der forensischen relevanten Informationen bei der Untersuchung der Unruhen

Milovanova M.M.

Ziel. Unruhen in letzter Zeit haben eine große Verbreitung in der modernen Gesellschaft, und die Gewährleistung der öffentlichen Ordnung und Sicherheit verlangt von Strafverfolgungsagenturen, die effektivsten Maßnahmen zur Prävention und Repression, in Verbindung mit der Tatsache, dass diese Art von Verbrechen eine besondere Gefahr für die Persönlichkeit, die Gesellschaft und den Staat darstellen. Die Untersuchung der Unruhen ist ein komplizierter und arbeitsintensiver Prozess, in dessen Ergebnis Sie die unter Beweis zu stellenden Umstände und andere wichtige forensische Informationen feststellen sollen. Die Errichtung der forensischen relevanten Informationen bei der Untersuchung der Unruhen liefert Antworten auf die Frage, wo, wann, unter welchen Umständen die Unruhen begannen, was dieser Prozess darstellte und womit er endete, so wie die Schuldigen enthüllen und zur kriminellen Verantwortung ziehen.

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion, Abstraktion, Induktion, formell-juristische Methode.*

Schlussfolgerungen. *Forensische wichtige Angaben stellen die tatsächlichen Informationen dar, die sich direkt auf das Ereignis sowie die Umstände der Straftat beziehen, und andere Angaben die im Prozess der Untersuchung entstehen. Für die Bestimmung des Mechanismus der Unruhen ist es notwendig, die vorhandenen forensischen wichtigen Informationen, deren Umfang und Charakter zu identifizieren und zu analysieren. Den Inhalt der forensischen relevanten Informationen bilden die Angaben über das Ereignis, die Zeit, den Ort sowie die Umstände und die Art der Begehung der Straftat; über den Mechanismus der Bildung der Spuren; die Persönlichkeit der Subjekt der kriminellen Aktivitäten je nach der Ihnen zugewiesenen Rolle in diesem Verbrechen, dem Vorhandensein von kriminellen Erfahrungen, usw. Die Zahl der Teilnehmer an den Unruhen in jedem Fall ist vom Grad der Intensität ihrer Handlungen und des angestrebten Zieles abhängig.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Studie ermöglicht es, die vorhandene Ansicht über den Einfluss der forensischen relevanten Informationen auf die Effizienz der Untersuchung der Unruhen zu ergänzen. Die Schlussfolgerungen dieser Studie können bei der Arbeit der Strafverfolgungsbehörden mit dem Ziel der Verbesserung der Qualität der Aufdeckung und Untersuchung von Straftaten verwendet werden. Sie können auch bei der Überarbeitung der Lehrpläne für Kriminologie, Strafprozessrecht und operative Ermittlungsakte eingesetzt werden.*

Stichwörter: *Verbrechen, Ermittlungen, Unruhen, forensische wichtige Informationen, Mechanismus des Verbrechens.*

Georges De La Tour und kriminalisten

Zvyagintsev A.G.

Ziel: *Um die Bedeutung und Vielfalt der Arbeit des Kriminalisten am Beispiel der Authentizität des Bildes „Zahlung“ Georges de La Tour zu beschreiben.*

Methodologie: *Biografische Methode.*

Schlussfolgerungen: *Der Autor erzielt eine Schlussfolgerung über die Komplexität, aber gleichzeitig, die Vielfalt und das Interesse des kriminalistischen Berufs anhand eines der berühmtesten Fälle bezüglich der Feststellung der Urheberschaft des Bildes „Der Wucherer“ – Kandidat der legalen Wissenschaften Gerasun AA und Staatsanwaltschaft-Kriminalist Sedov Yu.I.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung: *Die Ergebnisse der bibliographischen Forschung können in den Bildungsprozess einbezogen werden, wenn man den Kurs der Kriminologie in höheren Bildungseinrichtungen studiert.*

Stichwörter: *Kriminalistik, Autorenexpertise, Handschriftenexpertise, Biografie des Kriminalisten, Georges de La Tour.*

Interview von Nikolai Pawlowitsch Jablow für den kriminologischen Raum

Ziel. *Kriminalitätsraum von O.E. Kutafin, um die gesammelten Erfahrungen und Kenntnisse zu vermitteln, organisierte eine Reihe von Treffen von Studierenden mit berühmten Wissenschaftlern, von denen jeder einen erheblichen Beitrag zur Entwicklung der Rechtswissenschaft geleistet hat. Ein solches Treffen fand an der Staatlichen Moskauer Universität für Rechtswissenschaften mit dem hervorragenden forensischen Wissenschaftler Nikolai Pawlowitsch Jablow statt.*

Methodologie: *Die Methode des Interviews.*

Schlussfolgerungen. *Das Interview mit Nikolai Pawlowitsch Jablow, geleitet von Studierenden der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität (MGJuA) unter der Leitung des Präsidenten der Union der Kriminalisten und Kriminologen und des Leiters des Kriminologischen Raums, erlaubte es, interessante Fakten von der Biografie des Wissenschaftlers zu erfahren, um Schlussfolgerungen aus der Lebenserfahrung zu ziehen, in die Geschichte der Kriminalistik einzutauchen, Fragen zu stellen, die nicht direkt mit den traditionellen Bereichen der Kriminalistik zu tun haben, soziale Funktion und Trends in der Entwicklung der Kriminalistik zu verstehen.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse des Interviews können im Rahmen des Bildungsprozesses im Rahmen eines forensischen Studiengangs an höheren Bildungseinrichtungen angewendet werden.*

Stichwörter: *Interviews, Kriminalistik, Expertenaktivität, forensische Untersuchung, die Gründer der Kriminalistik, herausragende Kriminalisten, Kriminalistische Biographie, Geschichte der Kriminalistik, Kriminologie im Ausland, Kriminologische Studie.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Training of scientific and pedagogical personnel in the universities of the law enforcement system

Matskevich I.M.

Matskevich O.V.

Mission. The peculiarity of the Russian system of training the personnel of the highest scientific qualification is a two-level structure of academic degrees, consisting of a scientific degree of a candidate and a doctor of science. Both degrees are awarded on the basis of public defense of the thesis. As a rule, a scientific degree of a candidate is a prerequisite for obtaining a doctor of science degree. According to the Higher Attestation Commission statistics, an average period of time after obtaining a degree of a candidate of science one obtains a degree of a doctor of science is 16 years. Scientific degrees are necessary prerequisites for obtaining academic degrees. The system of academic titles consists of titles of associate professors and professors assigned in accordance with the Higher Attestation Commission standards. This system of academic degrees and titles operates in educational and research organizations of law enforcement agencies.

Methodology: dialectical method, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal-legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. 1. Scientific research in the law enforcement system should be related to the likely options for the development of science in the law enforcement system in the face of a developing and increasingly becoming complex civil society. The results of these studies should be aimed at the real limitation of crime and criminal offenses. Such studies should be conceptual in nature, be based on interdepartmental and multi-scientific aspects.

2. Scientific research of a regional nature should be related to a particular scientific problem that has an applied aspect necessary to improve the quality of any service in the law enforcement system.

In the first case, scientific research should be conducted at the level of a doctoral dissertation, in the second, at the level of the candidate's thesis.

Scientific and practical significance. The conducted research develops the theory of preparation of scientific and pedagogical personnel of the highest qualification in relation to the law enforcement system. The conclusions proposed by the authors can be used both by the heads of educational and research organizations of the law enforcement system, and by scholars of a broad profile. Also, the conclusions can be used to improve the legislation on scientific and pedagogical personnel.

Key words: graduate student, adjunct, teacher, academic degree, academic title, thesis, dissertation council, legal science, scientific and pedagogical staff, program, subject, scientific education.

Preventive and repressive measures to combat corruption in the Federal Republic of Germany

Golovnenkov P.V.

Mission: The article deals with the measures to combat corruption from the point of view of German law. In this connection, dogmatic and implementation problems are examined, and a critical analysis of the reform plans is conducted.

Methodology: A systematic analysis of the legislation *de lege lata* and *de lege ferenda*, synthesis, induction, dogmatic analysis of the reformed norms.

Conclusions: The task of combating and, in particular, preventing corruption (active and passive bribery, active and passive bribery as an incentive to violating official duties) in the public and private sectors is one of the most significant challenges facing modern societies. It involves many aspects, including how to respond to instances of corruption and the establishment of a deterrent legal framework (prevention) as well as legal measures taken by States in response to such injustices (repression).

Theoretical and practical relevance: The reasons for this are manifold since it is an issue that affects business, the public sector and society in equal measure. In the public sphere, i.e. in regard to parliamentary affairs and the

relationship between state and citizen, corruption causes society to lose trust in the operability and in particular the fairness of the work of the parliament and public administration. In the commercial sphere, meanwhile, corruption distorts the operation of free competition and thus causes significant economic harm. The article addresses dogmatic problems of the amended and new criminal law problems in the respective area and contains recommendations on interpretation and solution. From the point of view of practice, the problem analysis should facilitate the implementation of legal norms.

Key words: *Corruption, Active and passive bribery as an incentive to violating official duties, Active and passive bribery, Corruption Prevention, Combating Corruption, UN Convention against Corruption, Law on Control and Transparency in Enterprises, German's Corporate Governance Code, Corporate Compliance, Monitoring System.*

The Legal bases on the use of the DNA analysis in the criminal justice systems

Deanoska-Trendafilova A.

Mission. *To analyse the complex problems associated with the consolidation of the traces of crimes using the latest development with the deciphering of the DNA codes given the problem of violations of human rights in connection with the penetration of their private life and disclosure of their personal data. To give a brief overview of all the criminal procedures and forensic problems of creating a legal basis for application of DNA analysis in the criminal justice system.*

Methodology: *dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, induction, formal legal method, method of intersectoral legal studies.*

Conclusions. *International documents and practice of the European court of human rights defines the following criteria for the admissibility of DNA analysis: DNA analysis can be carried out on all types of crimes, when the analysis will help identify relevant facts; DNA analysis should be performed in accredited laboratories according to standardized procedures; the base of DNA profiles should be provided in accordance with the law, subject to clearly defined conditions and procedures for the processing, use and disclosure of the data; the DNA applies only to persons who are suspected, accused or condemned for criminal offences; there should be exchange of information, in particular, the results of DNA testing to effectively fight complex types of crime, but this exchange only applies to noncoded part of the DNA molecule.*

DNA analysis is now an integral part of the criminal justice system, because it can directly and unambiguously prove the relevant facts, the situation of the crime.

The use of DNA requires DNA database. In the US, the first regulations regarding the databases of DNA, dated to the eighties of the XX century, and in Europe they appeared at the level of the Council of Europe and the EU ten years later.

The Macedonian law generally complies with the requirements set out in European standards, taking into account the provisions of the Law on national Criminal-intelligence database and criminal procedure legislation.

Despite the existing regulations, the law must keep pace with progress and new discoveries in the natural Sciences to provide timely and effective, adequate legal protection of human rights of citizens.

Scientific and practical significance. *The study develops and refines a theory of intersectoral linkages in various areas of human knowledge, in relation to the creation of databases of DNA analysis, especially in respect of persons who have committed crimes.*

Keywords: *crime, law, DNA testing, biomedical science, test, analysis, testing, criminal justice, genetic test, genetic material.*

Credit card fraud

Zakharov V.S.

Semenov A.N.

Scientific head: *candidate of legal sciences Salamova S.Ya.*

Mission. *Detailed study of the problem of credit card fraud, study of the historical dynamics of the development of this phenomenon, consideration of the specific ways of committing this type of crime, as well as analysis of proposals to improve criminal liability and prevent such wrongful acts. To show the progress of this type of fraud in connection with the development of scientific and technical part of the financial and banking system.*

Methodology: *Analysis, legalistic method, comparative method, historical method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *Scientific and technological progress in banking and monetary system raises the critical issue of ensuring the financial security of individual, society and state. And along with such progress, the number of crimes*

has also increased, including those connected with the use of credit cards, which have become an integral part of our life. Therefore, it is necessary both to increase the quality and safety indicator of banks and to improve legal literacy of citizens and foster their more responsible attitude to their savings.

Scientific and practical significance. The research carried out by the authors provides a detailed overview of the most widespread methods of credit card fraud at the time of publication of the article. The analysis of these provisions, in turn, has helped the authors formulate methods and ways of counteracting this type of crime.

Keywords: fraud, credit cards, skimming, phishing, monetary policy, banking system.

Practical application of responses to cybercrime

Kozodoy A.A.

Orlova A.V.

Scientific leader: candidate of law Salamova S.Ya.

Mission. The Mission is to explore the degree of usage of the protective potential of countermeasures against cybercrime.

Methodology: to assess the degree of use of the protective potential of measures to counteract cybercrime, an analysis of existing measures has been carried out, both at the state level and at the level of the user's security; synthesized information on the main recommendations to prevent the use of cyber-fraud information; the analysis and synthesis of information and data on the research of companies and special services aimed at identifying the ability of society to respond to cyberattacks; The analysis of methods and ideas of combating cybercrime in recent years and comparing the experience of successful countries in this field have been carried out.

Conclusions. The danger of cybercrime is exacerbated by the lack of basic knowledge among the majority of the population in the field of cybernetics and data protection, education and culture do not develop in this sphere, they do not find mass distribution. In this regard, companies have many internal threats to cybersecurity. Employees violate the rules of internal security in various ways: from unauthorized installation and use of unregulated software to the use of equipment and resources for personal use, which makes the working network more vulnerable.

The modern world is a world of information wars, the number of wars for which military skills are needed in their traditional understanding is decreasing. Therefore, it is necessary to educate competent specialists, taking into account the experience of different countries and companies, and the development of the information culture of citizens. Countermeasures will not have the proper effect if their application is violated, and the measures themselves will not develop together with the development of technologies.

Scientific and practical significance. The study provides a holistic view of the existing measures to combat cybercrime, both for individuals and for companies and states, points to problems in the application of these measures and possible solutions, given domestic and foreign experience. The study also focuses on the need to form a complex of knowledge in the IT sphere for citizens and to inculcate a culture of computer use and work on the Internet.

Keywords: external threats, internal threats, information, cybercrime, cyberattack, supervisory authority, countermeasures against cybercrime, safety regulations, hacker, encryption.

Are hackers heroes of modern times?

Rechcalova O.O.

Shelikhov D.I.

Scientific head: candidate of legal sciences Salamova S.Ya.

Mission. To give the definition of the term "hacker", understand the hackers' psychology and motivation, explore the experience of fighting hackers.

Methodology: approaches to the problems considered in the article will be formulated through a comparative analysis performed within the framework of interdisciplinary (comparison with the related areas of knowledge such as sociology, economics, etc.), cross-sectoral (comparative analysis of the approaches used in general law theory), cross-border (comparison of forms of hackers' activities as well as the experience of confrontation), chronological (historical comparative analysis) approaches.

Conclusions. The only ensured method nowadays not to become a victim of hackers' attack is disuse of personal computer.

Scientific and practical relevance. In the 21st century, in the high-tech century of the Internet the information is becoming one of the most valuable resources, while our life proceeds more and more via the Internet. We don't only

chat, share photographs and videos, listen to music and create it, read and play, but also arrange documents, send reports, pay for goods and services, pay the taxes, fines and fees via the Internet.

The criminality, which exists as long, as exists the law, proceeded after the development of society and spread also to the people's virtual life. In 1997 Criminal Code of Russian Federation was amended: "Crimes in sphere of computer information" were added to the list of crimes. They include illegal access to computer information; the creation, use and dissemination of malicious programs; violation of rules of exploitation of means of storage, processing or transmission of computer information and information-telecommunication networks.

Due to development of technologies hacking is becoming more and more dangerous crime, that's why states are struggling with it both at the national and international levels.

Key words: cybercrime, hacking, hackers, the Internet, cyberattacks, cyberterrorism, exploit, DDoS, bruteforce.

The history of the development of Russian legislation on criminal liability for war crimes

Stepanov P.P.

Mission. To analyze the development of domestic legislation on criminal liability for war crimes, to reveal the patterns of its evolution and its characteristic features. In addition, the goal is to periodically develop the legislation on criminal liability for war crimes.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, historical method, formal-legal method, comparative law method.

Conclusions. In domestic normative legal acts, the norms on criminal liability for war crimes appeared and developed even before the emergence of international humanitarian law. Their development was associated with the development of military justice in general, and was accompanied by the formation of military justice bodies. It is noted that with Russia's huge contribution to the development of international humanitarian law in the late 19th and early 20th centuries, modern criminal legislation on criminal liability for violating the laws and customs of warfare causes some comments. In addition, the legislative experience of some foreign countries (Germany, Croatia) seems to be useful for the modern domestic legislator.

Scientific and practical significance. Analysis of the evolution of the criminal law provisions on criminal liability for war crimes seems to be useful both for further theoretical research on the reform of Ch. 34 of the Criminal Code, and to develop recommendations for countering contemporary war crimes.

Key words: war crimes, an international tribunal, armed conflict, military tribunal, an internationalized court, laws of war, humanitarian law.

Criminally-legal means of struggle against sexual exploitation

Sheveleva S.V.

Mission. Statistics show the need to strengthen the fight against sexual exploitation by criminal law means. However, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation are formulated incorrectly, which leads to inconsistent and contradictory practice of applying the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, statistical and formal-legal methods.

Conclusions. Crossing the objective side of crimes under Art. 127.1 and art. 240 of the RF Criminal Code do not allow effective implementation of the fight against sexual exploitation. It is concluded that it is necessary to decriminalize Art. 240 of the RF Criminal Code. Clarifications are offered on understanding the goals set out in Part 1 of Art. 127.1 of the RF Criminal Code.

Scientific and practical significance. The carried out research at the theoretical level allows to delimit the methods of criminal and unrelenting influence on persons with low social responsibility. The proposed changes to certain provisions of the RF Criminal Code will stabilize the practice of combating sexual exploitation.

Keywords: prostitution, coercion, sexual slavery, criminal law, detention of dens, recruitment.

Crime and its prevention at the resorts of the Krasnodar Region Territory

Petrovsky A.V.

Mission. To study the experience of qualitative and quantitative indicators of crime, various police techniques for preventing criminal behavior, public opinion on the effectiveness of the police, special preventive and criminal law practices in the maritime and mountain resorts of the Krasnodar Region Territory to improve public safety.

Methodology: is based on statistical reporting of the GUVD of the Krasnodar Region Territory, criminological information about persons who committed crimes at the resorts of the Krasnodar Territory; surveys of 2,023 citizens, 650 citizens voluntarily participating in the protection of public order, 258 ATS employees; wide analysis of regional and municipal preventive legislation. All these studies allowed to analyze the number and characteristics of persons committing crimes, criminal activity, criminal prevalence, productivity of formal and informal preventive practices. Results were collected by the author, including with the help of students of the Faculty of Law of Kuban State University in the period from 2010–2015 in a research program on the study of informal and formal crime prevention practices in the North Caucasus.

Conclusions. The number of crimes registered at Krasnodar Krai resorts depends on seasonal activity of criminals and internal migration, which increases the population in resort cities by 9 times. Crime in the resorts of the Krasnodar Territory is dominated by looting, petty theft of others' property, pocket theft, theft of cars, fraud, intentional damage to property. The victim index indicates a fear of violent crime and road traffic. The effectiveness of the voluntary assistants and the police depends on the level of training, the object and the subject of preventive activity, the functional capabilities and abilities of the subjects. The most productive practices of crime prevention were related to the involvement of various non-profit organizations, the use of voluntary citizens' assistance, the formation of regional and municipal preventive programs.

Scientific and practical significance. For the first time, the influence of prohibitions and restrictions on regional and municipal laws, on the level of crime was studied. The presented information on the assessment by residents of the activities of police and citizens on the protection of public order, reveals the level of anxiety, confidence and public opinion about various forms of opposition. The information offered makes it possible to assess the qualitative and quantitative indicators of crime, the criminogenic features of the territories where representatives of various ethnic groups reside, and assess the effectiveness of preventing violations at resorts in the Krasnodar Region Territory.

Keywords: crime, preventive practices, special warning, Krasnodar Region Territory, tourism.

Directions and features of extremists crime prevention: the current state and development prospects

Petryanin A.V.

Mission. To conduct a study of the current state of the preventive effect on crimes, which contains signs of extremist activity. Prevention of crime is one of the main elements of criminological science and serves as the main tool for combating crime. Research and development of crime prevention directions has always been the object of scientific research at various stages of the development of Russian statehood. However, a significant transformation of modern extremism inevitably leads to the development of a self-study of the prevention of extremist crimes, the identification of new types and forms of such activities, including by consolidating the already existing and newly developed legal, sociological, and political mechanisms.

Methodology: dialectics, abstraction, imagination, analysis, synthesis, deduction, historical and formal-legal methods.

Conclusions. First, the identification and elimination of the causes of extremist crimes is a special type of criminological activity belonging to the existing and developing state policy in the field of combating crime. Secondly, the existing system of Russian legislation, reflecting the legal concept of countering extremism, as a whole has a fairly comprehensive set of legal measures that allow effective implementation of the fight against this phenomenon and its prevention. Third, the main problems in the implementation of existing legal and technical mechanisms for preventing extremist crimes are: the absence of a legally defined definition of "extremism"; the bluntness and bluntness of anti-extremist legislation; high level of evaluation criteria. Fourth, the solution to the identified problems of preventing extremism should lie in the plane of developing and adopting the "National concept of countering extremism".

Scientific and practical significance. The conducted research allows to add knowledge about the prevention of extremist crimes. The conclusions drawn can be used in the development of both an independent criminological doctrine on the prevention of extremism and in lawmaking and law enforcement activities of general and special subjects for the prevention of crimes of an extremist nature.

Keywords: extremism, prevention, crime, politics, criminology, lawmaking, law enforcement.

Criminology of the Law on Morality and the Right to Counteract Crime

Shestakov D.A.

Mission. To draw attention to the connection between religious and moral development and the desired goal setting in the field of combating crime.

Methodology: *dialectics, historical and formal-legal methods.*

Conclusions. *Morality is connected with the religious consciousness, in which there is development. God gradually increases the freedom of man: from retribution to the liberation of creative forces. The development of counteraction to crime must follow the morally advanced part of the people, and not in the majority, which is usually characterized by punitive excitement.*

Scientific and practical significance. *The article contains theoretical prerequisites for the development of a model of uniform legislation on combating crime, as well as a code on the prevention of crime and security measures.*

Keywords: *criminality, Hinduism, Buddhism, Judaism, Christianity, Islam, crime, punishment.*

**Some problems of interaction between correctional institutions and public organizations
(theses of the report at the meeting of the Union of Criminalists and Criminologists Moscow,
December 22, 2016)**

Alexandrov A.S.

Mission. *In different historical periods, depending on what is happening in the country and the world socio-economic processes, the debate about the introduction of criminal liability of legal persons enters into an active phase, then “dies”, but after some time again becomes the subject of heated scientific debate.*

The concept of development of the penal correction system until 2020 refers to the necessity of cooperation with civil society institutions, public associations, the activity of which can be useful for humanitarian and educational impact on prisoners. Public control in places of deprivation of liberty serves as a means of identifying and removing the causes of violations of legality.

Methodology: *the dialectical method, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal legal method, systemic method, comparative legal method, method of intersectoral legal studies.*

Conclusions. *In result of the conducted research the author comes to the conclusion, about the longstanding practice of public control in places of deprivation of liberty, with the occasional arising contradictions between corrections officers and members of the public. This offers some solutions to problems associated with the occurrence of as differences, and open conflict between correctional officers and representatives of public Supervisory commissions.*

Scientific and practical significance. *The study develops and characterizes practically significant problems of implementation of public control in places of deprivation of liberty. The author makes a number of proposals for improving the process of interaction and quality of functioning of correctional institutions and public Supervisory commissions.*

Keywords: *correctional institutions, public oversight, public monitoring Committee, prisoner’s rights, legal interests, regime, safety, guidelines.*

**Monitoring of the funds flow on the accounts of the electronic payment system customers
in the implementation of investigation and search operations**

Khaliullin Adel I.

Mission: *Electronic payments have become widespread in e-commerce, however, the existing procedures for carrying out operational-search activities in order to identify, suppress and prevent crimes in the sphere of bank payments do not fully correspond to the level of development of modern information and telecommunication technologies. Analysis of the practice of prosecutorial supervision in the analyzed area made it possible to identify the key points of the emergence of conflicts of legal norms and the public and private interests that they affected. We believe that the existing legal norms governing the procedures for monitoring the movement of funds in electronic payment systems require immediate improvement.*

Methodology: *abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method.*

Conclusions. *First, it is necessary to make amendments to the Federal Laws of the Russian Federation “On Banks and Banking Activities” and “On Operative-Search Activity” providing for the possibility to provide employees of operational services of law enforcement agencies with information on the movement of customer funds of electronic payment systems in cases of operational accounting with permission prosecutor, as well as the implementation of the procedure for emergency blocking of these accounts in the implementation of operational-search activities in operational matters that with the permission of the prosecutor with the subsequent appeal within 2 days to the court; Secondly, it is necessary to amend the federal legislation regulating the exercise of banking supervision, endowing the Central Bank of the Russian Federation with the right to proactively provide information to the law enforcement*

agencies that constitute bank secrecy in the event of the discovery of the facts of the commission of criminal acts; Thirdly, the Federal Law of the Russian Federation “On Operative-Investigative Activities” to introduce new provisions, providing for the possibility, at the request of an employee of the operational unit with the consent of the prosecutor, to block the telephone number from which the attacker makes telephone calls, remote management of the bank account and other actions with the aim of the commission of a crime, and also directly indicate the right of the prosecutor to appeal against unlawful and unreasonable decisions of the court to conduct an operative-search activity.

Scientific and practical relevance. The conducted research allows to supplement and improve the existing national legislation by eliminating gaps in the field of monitoring the movement of funds on accounts in electronic payment systems. At present, there is a discrepancy between the legislation of the Russian Federation, which regulates the banking secrecy regime and establishes the mutual rights and obligations of the bank, other credit organizations, state bodies and their officials, civil law and the Federal Law of the Russian Federation “On Operative-Investigative Activities”.

Keywords: electronic payment systems, operative-search activity, public prosecutor’s supervision, banking supervision, blocking of electronic accounts.

Forensic expert activity as a methodological basis for new kinds and types of forensic examinations

Rossinskaya E.R.

Mission. To investigate new types of forensic examination. Identify the emerging dependence of the emergence of new types of judicial expertise from the development of science and technology. Analyze the available forensic classification. Offer your own author’s classifications. To determine the place, role and importance of forensic expertise as a science and profession. Critically analyze the possible criteria, which are the basis for classifications of forensic examinations, both available and future. Answer the question of who should deal with classifications of forensic examinations, the development of criteria for their evaluation, and the definition of expert science as a new profession.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal methods, system method, comparative legal method.

Conclusions. The author comes to the conclusion that most modern classifications of forensic examinations are outdated. The work emphasizes the importance of an integrated approach in modern forensic work, and also says that different types of expertise are at different stages of development. Therefore, in modern conditions, one can not speak of a single basis and a single criterion that can be proposed for the subdivision of all examinations by birth, classes and types. Thus, it is necessary to develop a general theory of judicial expertise, of which scientific approaches to the classification of examinations and types of expert activity should form an integral part. In turn, forensic expertology will be the methodological basis for the classification of forensic examinations, in order to include further new types and types of forensic examinations in these classifications. The author considers the grounds for dividing forensic examinations into classes, births and types. In this case, the main unit of classification is the type of forensic examination. The genesis of forensic examinations is determined, which goes along two main lines: the process of enlargement: from sub-branch to branch; from branch – to class; the process of separation from the class to branch, from branch to sub-branch.

Scientific and practical significance. The study clarifies the classification of forensic examinations and its grounds, demonstrates the shortcomings and problems of outdated approaches to classifications. The author justifies the need to introduce a general classification of judicial examinations within the framework of the direction of forensic expertology and on concrete examples shows that it has already been done in this direction.

Key words: forensic examination, criminalistics, shipbuilding, forensic expertology, forensic expert activity, classification, regularities, expert technologies, methods of expert research, expert didactics.

Detection of forensic information in the investigation of riots

Milovanova M.M.

Mission. Mass riots have recently become widespread in modern society, and ensuring public order and security requires law enforcement agencies to take effective measures to prevent and suppress them, because such crimes pose a particular danger not only to the individual, but also to society and state. The investigation of the riots represents a complex and time-consuming process, as a result of which it is necessary to establish the circumstances to be proved and other criminalistic information. The establishment of forensic information in the investigation of mass disorders makes it possible to get answers to questions about where, when, under what circumstances, riots began, what was and how the process ended, identify those responsible for the riots and draw them to criminal responsibility.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, induction, formal-legal method.

Results. Criminally significant information is actual information directly related to the event and the circumstances of the crime, as well as other information used in the investigation. To establish the mechanism of mass riots, it is necessary to identify and analyze the available forensic information, its scope and nature. In this case, the content of forensic information will be information about the event, time, place and situation of the crime; on the method of committing mass riots; the mechanism of trace formation; the identity of the subjects of criminal activity, depending on the role assigned to them in this crime, the existence of criminal experience, etc. The number of participants in mass riots in each specific case depends on the degree of intensity of their actions and the goal pursued.

Scientific and practical significance. The conducted research allows supplementing the existing idea of the influence of forensic information on the effectiveness of investigating mass disorder. The findings of this study can be used in the work of law enforcement officials in order to improve the quality of disclosure and investigation of crimes committed in the context of riots, as well as apply to the development of training programs in forensic science, criminal procedure and operational search activities.

Key words: crime, investigation, riots, criminally significant information, the mechanism of crime.

Georges De La Tour and criminalists

Zyagintsev A.G.

Mission. To describe the importance and diversity of the criminalist's work on the example of establishing the authenticity of the picture "Payment" Georges de La Tour.

Methodology: biographical method.

Conclusions. The author comes to the conclusion about the complexity, but at the same time, the diversity and interest of the criminalist profession in the description of one of the most famous cases on establishing the authorship of the picture "The Usurer" candidate of legal sciences Gerasun A.A. and prosecutor-criminalist Sedov Yu.I.

Scientific and practical significance. The results of the bibliographic research can be applied in the educational process when studying the course of criminology in higher educational institutions.

Key words: criminalistics, authorship identification, handwriting expertise, biography of the criminalist, Georges de La Tour.

Interview of Nikolai Pavlovich Yablokov for the criminological room

Mission. Criminology room of O.E. Kutafin, to transfer the accumulated experience and knowledge, organized a series of meetings of students with famous scientists, each of them has made a serious contribution to the development of jurisprudence. One such meeting was held at the Moscow State Law University with an outstanding forensic scientist Nikolai Pavlovich Yablokov.

Methodology: the method of interview.

Conclusions. The interview with Nikolai Pavlovich Yablokov, conducted by students of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) under the leadership of the President of the Union of Criminalists and Criminologists and the head of the Criminological room, allowed to learn interesting facts from the scientist's biography, to hear conclusions and conclusions based on life experience, to plunge into the history of criminalistics, to raise questions that do not directly relate to any of the traditional sections of criminalistics, understand the social function and trends in the development of criminalistics.

Scientific and practical significance. The results of the interview can be applied in the educational process when studying the forensic science course at higher educational institutions.

Keywords: interviews, criminalistics, expert activity, forensic examination, the founders of criminalistics, outstanding criminalists, criminalistics biography, history of criminalistics, criminology abroad, criminological study.